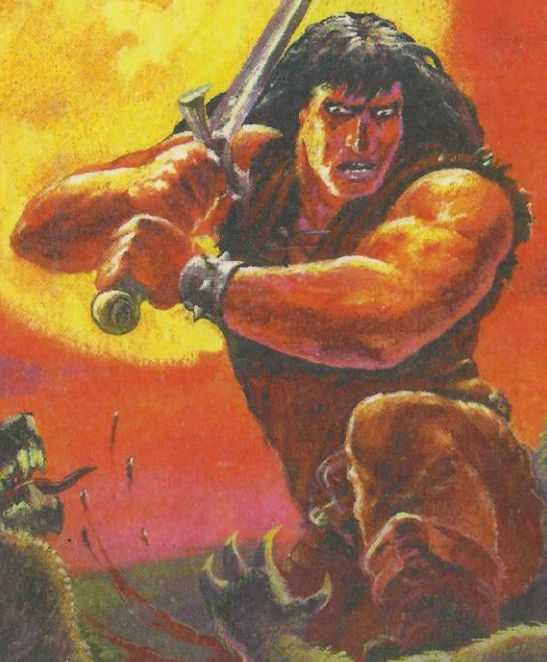

В НАЧАЛЕ КОНАНА™

КОНАН И ГОРОД ПЛЕНЕННЫХ ДУШ

Северо-Запад®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
р. Черная
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
р. Широкая
р. Грозовая
р. Агитмано
р. Хорос

КИММЕРИЯ

АКВИЛОНИЯ

ЗИНГАРА

АРГОС

ГАНДЕРЛАНД

ПУАНТЕН

ШЕМ

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

МЕДИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

СТИГИЯ

КУШ ДАРФАРИ КЕШАН

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

БРИТУНИЯ

ЗАМОРА

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ХАЙБОРИЙСКАЯ
ЭРА

ИРАНИСТАН

Барзские острова

Черный остров

Халого

Нумалия

Бельверус

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Кордева

Мессантия

Асгалун

Кеми

Луксур

Сушмет

Кеутол

Кеухотл

Птейон

Ааркменон

Кешла

Кассали

Кутхемес

Агит

Аграпур

Горы Ильбарс

Шангара

Хоарезм

Самарра

Рильбарс

Остров Ксапур

Остров Железных Идолов

Шадизар

Аренджун

Султанпур

КХИТАЙ

ВЕНДИЯ

МОРЕ ВИЛАЙЕТ

ГИРКАНИЯ

ТУНДРА

ВАНАХЕИМ

АСТАРД

ГИПЕРБОРЕЯ

КЕЗАНКИНСКИЕ ГОРЫ

ПУСТЫНИ

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ЗАМОРА

БРИТУНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

КОНАН
И
ГОРОД
ПЛЕНЕННЫХ ДУШ

Санкт - Петербург
"ТРОЛЬ"
1996

Конан и Город Пленных Душ. Роман. — СПб.: «Троль»,
1996. — 480 с.

ISBN 5—87365—028—4

- © Д. Мак-Грегор, 1996.
- © М. Мэнсон, 1996.
- © К. Уэйрайт, 1996.
- © А. Коломейцев, перевод, 1996.
- © В. Ким, перевод, 1996.
- © М. Николаев, перевод, 1996.
- © М. Сайнер, перевод, 1996.
- © Т. Старшинова, Ю. Лангсдорф, перевод, 1996.
- © А. Арискин, обложка, 1996.
- © А. Ширкин, графика, 1996.
- © «Троль», составление и подготовка текста, 1996.
- © «Северо-Запад», Серийное оформление обложки
и форзаца, 1996.

Дорога была пустынна. Первые лучи солнца озаряли ее и все вокруг мягким, ровным светом, отчего и на душе становилось мирно, спокойно; лес по краям дороги кончился еще до рассвета, лишь огромные дубы стояли кое-где, широко раскинув толстые кривые ветви. Изредка вдруг начинала щебетать птица, потом прерывала свою песню на высокой ноте, и опять наступала тишина.

По этой дороге из Кутхемеса в Замбулу, почему-то не прямой, а извивающейся подобно исполинской змее, Конан-киммериец уже шел однажды. Кажется, дубы тогда казались повыше... А может, просто сам Конан был ниже? Хотя чем-чем, а ростом он удался. Он и в юные годы был на голову выше взрослого мужчины. Конан улыбнулся, припоминая себя в юности, но тут же нахмурил брови. Этой ночью он видел плохой сон. Сначала мелькали какие-то обрывки прошлого — штурм Венариума, смешной сумеречный дух Шеймис, которого Конан освободил из заточения в стеклянном сосуде, гладиаторские казармы в Халоге, странное и несчастное существо, погибшее в башне Слона, — но потом прошлое пропало, затянулось густой дымовой завесой, и Конан увидел пожар. Горели дома, горели деревья, вспыхивали жарким пламенем прямо на бегу собаки — и выли. Люди тоже выли; то был жуткий, дикий, предсмертный вой сотенных толп, охваченных медленным непобедимым огнем...

Конан даже почувствовал запах горячей плоти, закашлялся и проснулся. Ночь, тишина... Но запах не исчез, и киммериец, хотя и очень хотел спать, встал и отправился дальше. С рассветом последние видения страшного кошмара рассеялись, забылись, и вот сейчас опять вспомнились, да так ясно, что Конану стало не по себе. Он пошел быстрее, стараясь не думать больше о снах, но неприятные мысли все равно лезли в голову. Хорошо, если то был просто сон! А если дурное предзнаменование?

Нет, хватит забивать себе мозги всякими глупостями! Лучше продумать как следует то, чем ему предстоит заняться в Замбуле. Старый знакомый, шемит из Асгалуна, рассказал Конану за кувшином красного вина об одном богатом замбульском купце. Сундуки его были

полны драгоценных камней и золота и хранились почти без присмотра — пара огромных собак, пара охранников и гаттерия, живущая во внутреннем дворике у двери в дом — вот и все. С гаттерией Конану не хотелось связываться. Он вообще не любил пресмыкающихся, а ящериц в особенности, к тому же шемит сказал, что эта — невероятных размеров и с ядовитыми зубами. Но что же делать, решил киммериец, одна ящерица все же лучше, чем двор, полный охранников... Он подробно выпросил шемита о расположении дома и, не теряя времени, двинулся в путь.

Вспомнив о кабачке, где шемит угощал его красным вином, варвар пожалел, что не прихватил со стола здоровенный кусок мяса. Сейчас он бы очень ему пригодился. В животе было пусто — как и в плаще, который Конан, свернув, использовал вместо мешка. Почти пусто... Кусок сухой лепешки, кремь и огниво — вот и все, чем был он сейчас богат.

Солнце стояло уже высоко, а путник едва ли прошел половину пути. Следовало поторопиться, тогда к ночи, может быть, он подойдет к воротам Замбулы. А уж в городе всегда найдется еда, вино и женщина.

Варвар пошел еще быстрее. Дорога стала уже, извилистей; теперь по обеим сторонам ее лежала ровная, будто в ней отражалось небо, степь. Только небо было синее, как глаза Конана, а степь, тянувшаяся до самого горизонта, отливала под солнцем желтизной. У края земли эти цвета соединялись, и казалось, что яркая желто-зеленая лента опоясывает весь мир. От раскаленной степи поднимался парок, в воздухе пахло прелой травой и пылью, и пыль клубилась под босыми ногами киммерийца. Ему давно хотелось пить, но нигде он не видел ни родника, ни колодца — только пустынный тракт, что петлял по степи и не было ему конца.

По краям дороги рос сухой жесткий кустарник. Но и заросли кустарника, сколько мог видеть Конан, потом обрывались, и дальше не было ничего. Странное дело! Он отлично помнил, что кустарник тянулся почти до самых ворот Замбулы! Один раз, перелезая через него, Конан зацепился за колючую ветку штанами и чуть не оконфузился перед некой прекрасной спутницей... Впрочем, киммерийцу было совершенно все равно, да и прекрасной

спутнице тоже. Скорее, она обрадовалась, так как явно предпочитала мужчин в их естественном виде. Но вот откуда она взялась? Конан выпятил нижнюю губу и нахмурился, припоминая. Подошла ночью к его костру? Или он вырвал ее из лап кутхемесских стражников? Кром! Как же он мог забыть! Она прицепилась к нему в том самом кабачке, где шемит угощал его красным вином день назад. Кажется, она тащилась за ним всю дорогу, пока почти у самых стен Замбулы он не согласился взять ее с собой. Впрочем, в Замбуле прекрасная спутница исчезла с каким-то развязным и пьяным погонщиком верблюдов, чему Конан был весьма рад. Да и не такая уж прекрасная она была! Белит куда лучше! И Карела, Рыжий Ястреб...

Кустарник кончился. За ним, в сторону от дороги, тянулась тропа. Прямая узкая тропа, такая убитая, словно по ней не один раз прошли целые караваны. Раньше ее здесь не было! Точно не было!

Конан остановился, поправил на лбу кожаную ленточку, перехватывающую его длинные густые черные волосы. Конечно, очень хочется есть и еще больше хочется пить. Замбула уже не так далеко, а там всего вдоволь. Город богатый, и с пустыми руками он оттуда не уйдет. Опять же купец... Киммериец вздохнул, посмотрел вдаль, словно надеясь увидеть стены Замбулы, и решительно ступил на тропу. Что бы там ни было, купец немного подождет. Ведь не даром же появилась эта тропа! Может, она приведет его к несметным богатствам... К таким, что и не снились замбульскому купцу...

* * *

Конан уже дважды прошел расстояние, равное полету стрелы. Но как он ни всматривался, впереди не видел ничего, кроме бескрайней равнины и холмов. Его мечта о несметных богатствах таяла с каждым шагом. И с каждым шагом сильнее хотелось есть. Путник достал из плаща ломоть сухой лепешки, раскусил его крепкими зубами и начал медленно жевать, не забывая смотреть по сторонам.

Равнина, которая расстилалась перед ним, на первый взгляд была пустынна и необитаема. Но только на первый

взгляд. Киммериец заметил, что холмы располагались довольно далеко от тропы и там образовывали нечто вроде небольших селений: в каждом холме то ли руками человека, то ли лапами зверя были вырыты норы. В норах, несомненно, кто-то жил. Правда, Конан не видел ни одного живого существа, зато слышал раздававшиеся время от времени вдалеке гортанные крики, подвывания, стоны. Любопытство у варвара было развито в меру, поэтому он не спешил проверять, кто издает подобные звуки.

Солнце уже клонилось к горизонту, а тропа все бежала вперед, словно вознамерилась привести путника на край света. Что ж, на край света — значит, на край света. Варвара, исходившего в своей жизни великое множество дорог и на земле и под землей, это не могло испугать. Сейчас его волновало лишь то, что нет еды и нет воды. Надо было позаботиться об этом, когда он еще шел по Кутхемесу. А впрочем, все равно. Конан может поймать змею и закусить ей. Если змеи здесь не водятся — он потерпит, не в первый раз. Ему уже приходилось ходить с пустым брюхом по несколько дней.

Сгущались сумерки. Небо потемнело, черные густые тучи медленно заполняли его. Наверное, к ночи пойдет дождь. А может, тучи проплывут стороной, и тогда ночь будет теплой и спокойной... Спокойной ли? Со стороны холмов все чаще и громче слышались стоны и подвывания неведомых пока существ. Конан не сомневался, что рано или поздно эти твари выползут из своих нор, но с какими намерениями? Захотят ли они подкрепиться чужестранцем или прогнать его — кто их разберет. Варвар не стал забивать себе голову пустым гаданьем. В первую очередь сейчас надо подумать о ночлеге.

Конан осмотрелся в надежде найти удобное место для костра, но все места вокруг были одинаковы. Тогда путник сошел с тропы, набрал откуда-то взявшихся здесь сухих ветвей и разложил костер. Пламя занялось сразу. Конан сел, скрестив ноги, и стал смотреть в самую середину костра. Искры плясали, словно крошечные человечки вели между собой жестокую битву. Под ними вились красные языки пламени — их грозные боги. Боги гневались или торжествовали, то прижимаясь к земле, то взвиваясь к небу... Если пойдет дождь — эти боги погибнут за не-

сколько мгновений. Бог воды всегда был могущественнее бога огня.

Засмотревшись в костер, Конан не сразу услышал шорох. Что-то шелестело, хотя ни кустов, ни деревьев в округе не было. Только на темных холмах, едва видных теперь в темноте, копошились какие-то странные тени... Варвар оглянулся. К костру подползало, высунув длинный мокрый язык, непонятное существо. С виду вроде бы человек, но весь заросший густой свалывшейся шерстью, с кривым носом, свисающим почти до груди и с огромными желтыми клыками. Уродец подобострастно смотрел на Конана маленькими горящими глазками и хрипло подвывал.

Конан отодвинулся с отвращением — от незваного гостя разило тухлятиной и еще чем-то кислым — и сказал:

— Пошел вон, ублюдок!

Монстр тяжело задышал, завилял задом, словно собака перед хозяином, и, неожиданно тонко всхлипнув, пробормотал:

— Откуда ты, чужестранец-ц?

— Пшел! — отрезал Конан и отвернулся, ничуть не заботясь тем, что тварь осталась за его спиной.

— Ты наш-ш... Ты должен быть наш-ш-ш...

— Кром! — Конан встал, вынул меч, но урод уже быстро полз в сторону от костра и вскоре исчез где-то за холмами. Варвар качнул головой и снова уселся, не оглядываясь больше.

Шло время. Глаза у Конана давно слипались, яркие языки пламени действовали на него усыпляюще. В голове еще проносились какие-то воспоминания, мысли... Наконец под тихий треск костра путник уснул. Ему снилась южная степь, где когда-то впервые встретил он Маленького Брата, и лицо... Чье это лицо? Кром! Конечно, самого Маленького Брата — Лайтлбро. Но почему он, всегда такой спокойный и веселый, сейчас смотрит на Конана с тревогой и даже сомнением? В его карих глазах Конан видит то ли вопрос, то ли предупреждение... Не разобрать. Киммериец открывает рот и силится спросить Лайтлбро: «Что с тобой? Ты не веришь мне? А может, с тобой что-то случилось? Клянусь Кромом, я помню добро! Я помогу тебе, Маленький Брат!» Но ни звука не вырыва-

ется из глотки варвара. Мышцы свело судорогой, и крик застрял в груди. И все же Маленький Брат как будто понял Конана. Он прищуривает глаза и едва заметно качает головой: «Нет...» Он не разжимает губ, но варвар словно слышит его тихую песню:

Простите меня, если я не успею
Быть может, успеет мой друг.

Лицо Маленького Брата светлеет, исчезая. Конан так и не смог с ним поговорить...

Дикий вой вдруг раздался совсем рядом. Киммериец вскинул голову, мгновенно проснувшись — вокруг костра суегились отвратительные твари. Одни были похожи на недавнего гостя, другие выглядели еще страшнее. Рогатые и длинноухие, одноногие и однорукие, хвостатые, клыкастые, они казались неудачными поделками Нергала. От монстров так мерзко воняло, что Конан сплюнул:

— Ублюдки! Что вам надо от меня, грязные поганцы?

— Ты наш-ш... — зашелестели твари, протягивая к варвару длинные безобразные руки. Они скалили слюнявые рты, словно желая улыбнуться, и Конана чуть не стошнило. Уроды подползали все ближе, некоторые уже царапали землю у самых ног варвара, но его самого не касались.

— Вон, вонючие огрызки! Вон, не то я выпущу из вас кишки! — Киммериец положил руку на эфес меча.

Воя, твари отодвинулись немного.

— Ты наш-ш-ш... наш-ш...

— Ваше только дерьмо! Убирайтесь!

Конан выхватил меч, поднял его. Он понимал: если монстры нападут — справиться с ними будет трудно. А скорее, даже невозможно. Слишком много их тут — сотня, а то и две. В темноте нельзя было определить точнее. Одно Конан знал твердо: прежде, чем погибнуть от их вонючих лап, он перебьет несколько десятков, не меньше.

Монстры отпрянули в разные стороны, в страхе глядя на клинок варвара, заурчали недовольно. Неожиданно из их плотной массы поднялась огромная, мохнатая тварь. Судя по тому, что уроды сразу притихли, с Конаном собирался говорить вожак. Покачиваясь на кривых, коротких ногах, он открыл крошечную пасть и зашипел:

— Иди к нам, чужеземец-ц. У нас хорош-шо, у нас много еды, много вина. Любая самка — твоя. И любой самец-ц... Ты наш-ш...

Длинный язык его не помещался в пасти, цеплялся за огромные желтые клыки, и поэтому вожак присвистывал, пришепetyвал и причмокивал. Выжидательно глядя Конану в глаза, он помолчал мгновение, потом протянул к варвару мохнатые лапы и опять затянул:

— Ты наш-ш-ш... Иди к нам... У нас хорош-шо-о-о...

— Ну, отродье Нергала, — с яростью процедил Конан сквозь зубы, — я вам сейчас покажу, ваш я или нет.

С этими словами киммериец еще раз поднял меч и сделал шаг к вожаку. Но грязная темная шерсть уroda сливалась с темнотой, и Конан промахнулся. Меч просвистел в воздухе, лишь поцарапав монстра. Тот отпрыгнул, взвизгнув, и огромными прыжками поскакал прочь. За ним и остальные проворно поползли, побежали, полетели к своим холмам, оглядываясь на варвара и с удивительным упрямством пришепetyвая: «Ты наш-ш... наш-ш... наш-ш-ш...»

Киммериец подождал, пока они скроются в норах, и снова сел у костра. Нескоро наступила тишина — из глубины равнины все еще слышались вой разочарованных уродов. Конан вспомнил слова вожака и раздраженно выругался. Кому нужны мерзкие вонючие самки? А уж тем более — тьфу! — самцы. Варвара передернуло от отвращения. Он подбросил в костер сухих веток и, не мигая, уставился в разгорающееся пламя. Ему казалось, что монстры отвлекли его от чего-то очень важного, может быть, даже главного... Сон! Конан попытался вспомнить лицо Маленького Брата и не смог. Неожиданная тоска вдруг овладела им. Непривычный к подобным чувствам, он заскрежетал зубами, сжал кулаки. К Нергалу все! И уроды, и Лайтлбро — что им всем надо? У него своя жизнь и своя дорога. И пусть сейчас перед ним лишь узкая тропа, он пойдет по этой тропе, потому что ему так хочется. Ему! Конану! Так! Хочется! Он помотал головой, прогоняя прочь ненужные мысли, глубоко вздохнул. К Нергалу все... Надо спать... К Нергалу...

Конан проснулся незадолго до рассвета. Небо светлело, словно в нем отражалось восходящее солнце. Поблескивала, покрытая росой, равнина, и так тихо, так пустынно было вокруг, что все ночные приключения показались ему сном. Он встал, поеживаясь от утренней сырости, подхватил с земли плащ и снова вышел на тропу.

Когда самые первые лучи солнца побежали по равнине, Конан заметил, что холмы, в которых обитали уроды, стали попадаться гораздо реже, чем раньше. Далеко впереди их уже не было совсем. Значит ли это, что путник ступил на другую территорию? Видимо, так оно и есть. Не могут же уроды жить везде.

На горизонте появились неясные очертания города. Замбула? Неужели Замбула? Может ли быть, что тропа, на которую он свернул, просто другой путь в Замбулу? Конан оживился, прибавил шаг.

Тропа явно вела прямо к городу. Только город был какой-то странный. Его неясные очертания, приближаясь, не становились четче. То ли туман обволакивал стены, то ли Конан увидел обычный мираж... Нет, это не Замбула. Но и не мираж. Подойдя к воротам, он дотронулся до них рукой — самое настоящее железо — ворота тихонько скрипнули, открываясь. За ними Конан не увидел стражников, но это еще ничего не значило. Стражники могли стоять за стеной, а могли сидеть на стене. Киммериец не стал долго раздумывать об этом. Он был голоден. Поэтому он распахнул ворота шире и вошел в город, намереваясь первым делом найти кабачок, где можно выпить хорошего вина, съесть баранью ногу и поиграть в кости.

Город оказался невероятно красивым. Даже Конану, который считал, что главное достоинство дома не красота, а прочность, понравились изящные, аккуратные строения, квадратные площади с величественными фонтанами, кабачки, украшенные изнутри картинами, изображающими ломящиеся от яств столы. Голодный варвар, уверенно войдя в первый попавшийся на пути кабачок, сразу уселся за круглый дубовый стол и потребовал себе для начала кувшин пива и баранью ногу. Глухо урча, Конан рвал

зубами мясо, обливаясь, глотал пиво и, наконец утолив немного голод, откинулся на спинку скамьи. Теперь он мог расслабиться и осмотреться. Но если расслабиться ему удалось без труда, то на осмотреться сил не хватило. Глаза слипались, мысли путались, и как Конан ни тряс головой, спать хотелось все больше. Тогда он позвал слугу и велел принести пару кувшинов вина.

К вечеру киммериец обошел не один такой кабачок в Вейпане и теперь, договариваясь с хозяином последнего о ночлеге, уже едва держался на ногах. Больше всего в этом городе путника удивило то, что здесь никто не требовал с него денег. И еда, и вода, и вино достались ему совершенно бесплатно. В конце концов такое отношение стало даже раздражать варвара. Все бесплатно! Ну какой же в этом интерес? Здесь и в кости играют на косточки от слив. Конан присел было за стол к таким горе-игрокам, но, выпив кувшин вина, ушел. Какого Нергала ему сдались косточки от слив? Деньги! Вот что нужно нормальному человеку. С другой стороны, денег у Конана не было совсем, а наелся и напился он на целый кошель, набитый серебром.

Неприятно поразили варвара женщины. Во-первых, их было мало. Конан встретил не больше дюжины. А во-вторых, они шарахались от него как от прокаженного. Киммериец вовсе не считал себя красавцем, но женщинам он всегда нравился. Видимо, вейшанки ничего не понимают в мужчинах. Так решил варвар и на этом успокоился. В конце концов, он же не собирается оставаться здесь на всю жизнь. А пока можно и потерпеть. Говорят, это даже полезно для здоровья.

Хозяин показал Конану его комнату — небольшую, но чистую и аккуратную — и ушел, кланяясь. Конан пожал плечами. Он не заплатил за ночлег даже маленькой монетки величиной с ноготь мизинца, зачем же кланяться? Решив про себя, что с этим городом придется как следует разобраться, варвар свалился на кровать и мгновенно уснул.

На следующее утро он пробудился с ясной головой. Первый раз за последние ночи ему удалось поспать без сновидений. Киммериец проверил свои ощущения: попытался представить лицо Маленького Брата и — представил. Правда, в глазах его Конан не заметил ничего.

Маленький Брат смотрел на него безмятежно, бездумно, как на незнакомца, но варвара это ничуть не встревожило. Видимо, у Лайтлбро все в порядке, и у Конана все в порядке, поэтому нечего ломать голову. Надо пойти, подкрепиться хорошенько и выпить вина. Здесь отличное вино, хоть за него и не надо платить.

В кабаке было тихо и спокойно. Посетители сидели за столами, не спеша ели, не спеша выпивали. Конан потребовал завтрак: жареного петуха, блюдо овощей и пару кувшинов красного вина. Разгрызая петушину ногу, киммериец присматривался к посетителям. Люди как люди, ничего особенного. Странно лишь, что все они богато одеты — ни одного оборванца, и... еще более странно — ни одной хитрой и неприятной морды. Хуже! Конан даже замер с набитым ртом. Все, все посетители, включая хозяина и слугу, были просто красавцами. Они тоже поглядывали на Конана, кто дружелюбно, кто спокойно. Ни малейшего признака враждебности или недовольства он не заметил.

— Мир тебе, путник, — услышал вдруг Конан чистый, глубокий голос и оглянулся. Возле него стоял невысокий крепкий мужчина средних лет, одетый в просторную хламиду. Весь облик его словно говорил о том, что этот человек — жрец Митры. Его карие глаза смотрели на варвара приветливо, но с какой-то непонятной грустью.

— Откуда ты, сын мой?

— Я Конан из Киммерии.

— А меня можешь называть Аксель.

Конану сразу понравился этот спокойный и, видимо, сильный человек. Во времена своих скитаний с пиратами варвару приходилось встречаться со святым отцом Даном — огромным, ростом не меньше Конана мужчиной, который очень напомнил ему сейчас нового знакомого. Не внешним обликом, но исходящей внутренней силой, заметной с первого взгляда. Святой отец Дан, бывший жрец Митры, изгнанный из храма за богохульство, с равным уважением разговаривал и с Конаном, и с мальчишкой-слугой, а в бою держался спокойно и уверенно, так что все пираты были не на шутку разъярены, когда стрела капитана-кхитайца пронзила его насквозь. Да, они отомстили, и отомстили жестоко, но отца Дана было уже не вернуть.

— Садись, Аксель, — сказал Конан как мог дружелюбнее. — Выпей вина и расскажи мне об этом городе.

— Наш город называется Вейшан, сын мой. Когда-то, очень давно, между Бритунией и Гипербореей была небольшая страна — Кенм. Так вот по-кенмски Вейшан — это «город навсегда». Навсегда, Конан... Что привело тебя сюда?

— Нет, подожди, — покачал головой варвар. — Что-то я не понял насчет «навсегда»?

— Я объясню тебе, но чуть позже. — Аксель нашел глазами слугу, улыбнулся ему, и слуга подбежал к их столу. — Сын мой, я думаю, господин будет пока жить в этом доме?

— Надеюсь, святой отец..

— Ты не возражаешь, Конан?

— Мне все равно, — буркнул киммериец.

— Тогда мы поднимемся сейчас в твою комнату. А ты, милый, принеси нам немного еды.

— И вина, — напомнил варвар.

— И вина, — улыбнувшись, повторил Аксель.

Они поднялись в комнату Конана, и Аксель начал свой рассказ.

— Вейшан, сын мой, счастливый город. Так думают все, кто приходит сюда по собственной воле. И в этом же убеждаются те, кто попал сюда случайно. Здесь нет ни в чем недостатка, здесь ни за что не надо платить и здесь всегда ясная погода. Но отсюда нельзя уйти, Конан. Тот, кто осмеливался сделать лишь несколько шагов за пределы городских стен, сразу попадал в лапы отвратительным чудикам, которых в округе великое множество...

— Ха! — презрительно хмыкнул Конан. — Я видел этих чудиц. Клянусь Кромом, они трусливы как...

— Не торопись, сын мой. Выслушай меня до конца. Да, я тоже встречал их по дороге сюда, и они не прикоснулись ко мне даже кончиком когтя. Я чувствовал их смрадное дыхание — и только. Но стоит выйти за городские ворота — они разорвут в клочки. Они охраняют этот город. Они не выпускают отсюда никого. Никого, Конан. Я не знаю, кому это нужно, и не знаю, зачем. Видимо, причина все-таки есть. Но какая? Я думал об этом, особенно в первое время. А сейчас я живу, надеясь лишь на то, что смерть освободит меня... если мы здесь имеем

право на смерть... Я бы назвал этот город Лойборт. По-кенмски Лойборт — город печали.

«Э-э, святой отец! А я еще сравнивал тебя с Даном! Дан никогда не стал бы думать о смерти. А если б и стал, то не сразу. Сначала он подумал бы о жизни», — Конан ухмыльнулся и заявил:

— Вейшан, Лойборт... Да наплевать мне, как называется этот городишко и кто его охраняет. Я выйду отсюда, когда захочу. Потому что я — Конан из Киммерии!

— Я понимаю тебя, Конан, — мягко сказал Аксель. — Но неужели ты думаешь, что я живу здесь восемнадцатую луну и ни разу не попробовал уйти? Наш кузнец Игалий не мне первому и не мне последнему ковал меч и кольчугу... Я прошел лишь две дюжины шагов. Они появились неожиданно, будто выскочили из-под земли. Я не успел вздохнуть, как они окружили меня. Меч и кольчуга помогли мне прорваться обратно, но... Посмотри на мои руки.

Аксель завернул рукава, и киммериец увидел длинные глубокие шрамы, рассекавшие жилистые руки Акселя и вдоль и поперек.

— Такие же следы они оставили и на моих ногах. Мне повезло, что я все-таки сумел вырваться. Остальных смельчаков разодрали и сожрали под стенами города. Среди них был мой друг...

— Надо было идти всем вместе, — пробурчал Конан. — Тогда хоть один, но вырвался бы.

— Пробовали... Каждый раз из десятка-двух сюда возвращался кто-то один, весь израненный.

— Все равно! Надо что-то придумать!

— Придумай, Конан. Придумай. А сейчас я должен идти.

— Куда? — хмыкнул Конан.

— Я пишу книгу. Когда-нибудь ты прочитаешь ее, сын мой.

Конан расхохотался.

* * *

К вечеру киммериец, просидевший весь день в кабачке, знал про Вейшан предостаточно. Во всяком случае, предостаточно для того, чтобы уяснить, насколько этот город

ему противен. Правда, здесь совсем не было ни белых, ни черных магов, что вполне устраивало Конана, но сама обстановка Вейшана, течение жизни в нем показались варвару просто угнетающими. Вот чего он терпеть не мог. Красивые люди печально ходили по красивым улицам, с тоской в глазах пили вино и, беспрестанно вздыхая, жили в уютных богатых домах. Конана особенно выводила из себя их покорность. Пусть Аксель говорит, что хочет, но одна попытка — мало. И две попытки — мало. И пять, и десять... Подумаешь, бродят по равнине вонючие твари! Всегда можно что-то придумать. И он придумает! Митра свидетель! Непременно придумает...

Вспомнив Митру, варвар невольно поежился. Пресветлый был суров к нему, но справедлив. Прошлое так ясно встало перед глазами Конана, что настоящее показалось сном. Митра одарил его частицей своей божественной Силы, Наставник же помог прочувствовать сей дар, пробудил его и научил Искусству убивать... Бойцы, подготовленные таким образом, способны были противостоять злобному могуществу Сета и порожденных им черных сил. Но Конан забыл, что Митра не любит убийств. Слуги Его, Подателя Жизни, Хранителя Равновесия, могли только защищаться. Киммериец нарушил клятву. Он совершил грех — в гневе убил того, кто молил: «Не убивай!» И Митра наказал его, отняв не только божественную Силу, но и разум. Немало пришлось испытать Конану, прежде чем Митра смилостивился над ним. А Рина... Эта девушка сопровождала варвара на его долгом пути по подземному царству в храм Митры, тем самым помогая ему искупить грех. Отважная, как предводительница черных корсаров Белит... Нет, не как Белит, по-другому. Отважная как... Да что бы он делал без нее? Конан вздохнул незаметно, посмотрел на посетителей кабачка, надеясь увидеть девушку, с которой можно бы было... И неожиданно встретился взглядом с красивым изящным юношей. В его бархатистых зеленых глазах киммериец увидел откровенное любопытство, но это почему-то не рассердило его. Напротив, Конан как умел улыбнулся парню, приглашающе махнул рукой. Тот с готовностью вскочил, легким шагом пересек зал и подсел за стол к Конану.

Вблизи он показался варвару еще красивей. Светлая кожа его была необыкновенно нежной и чистой, тонкие черты лица больше подошли бы девушке, а когда он заговорил, Конану показалось, что он слышит песню, такой звонкий, мелодичный голос был у этого юного красавца.

— Кто ты, воин? Откуда ты пришел?

— Из Киммерии, — гордо произнес варвар. — Меня зовут Конан.

— А я — Иену Фран Морт. По-аквилонски это значит «готовящийся к смерти».

— Аквилонский я знаю не хуже тебя, — усмехнулся Конан. — Ну и родители у тебя, парень. Надо же так назвать — «готовящийся к смерти»!

— У меня лучшие в мире родители, — вспыхнул юноша. — При рождении они дали мне другое имя. А это я придумал себе сам.

— Что ж так?

— Не задавай лишних вопросов, Конан из Киммерии.

— А ты придержи свой язык, когда говоришь со мной. Не то можешь нарваться вот на это, — варвар поднес к носу нового знакомого огромный кулак. — Клянусь Кромом, я никому не позволю мне указывать!

Юноша улыбнулся и перевел разговор в более безопасное русло.

— Не будем ссориться, Конан. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Скажи, понравился ли тебе наш город?

— Отвратительный, мерзкий, скучный городишко. Спроси лучше о чем-нибудь другом.

— Я не знаю, о чем тебя спросить... — неожиданно смутился Иену, опустил глаза, и Конан вдруг почувствовал, что и сам смутился и тоже готов опустить глаза. Он помотал головой, отгоняя непонятные ощущения и, неловко хмыкнув, сказал:

— Тогда я тебя спрошу: как ты попал сюда?

— Не знаю.

— Не знаю, не знаю, — проворчал Конан. — Ладно. Скажи-ка, ты пытался выбраться отсюда?

— Да, — оживился Иену. По всей видимости, его очень волновала эта тема. — Я несколько раз выходил за ворота, но тут же появлялись какие-то ужасные существа и мне приходилось бежать обратно.

— Они не трогали тебя?

— Нет.

— Странно. Акселью они оставили на память шрамы на руках и на ногах, а ты...

— О, Конан, ты уже познакомился с Акселем?

— Пока только с ним. Теперь еще и с тобой.

— Аксель хороший человек. Он настоящий жрец Митры. Правда, бывший... Мы не раз толковали с ним, как можно уйти отсюда, но так ничего и не придумали. А потом он стал каким-то... отстраненным.

— Мало ли... Послушай, у тебя нет плана этого города?

— Нет. Но у Акселя есть карта равнины. Он составил ее вместе с Италием, кузнецом. Италий — старожил. Он уже много лун живет здесь.

— Вот что. Приходите ко мне сегодня ночью. Предупреди Акселя и кузнеца, пусть захватят с собой карту равнины. Аксель знает, где я живу. Что ты так смотришь на меня?

Юноша и в самом деле смотрел, не отрываясь, прямо в глаза Конану.

— Я спрашиваю, что ты уставился на меня? — рассердился Конан, чувствуя, как в груди поднимается теплая волна. Почему? Да, ему сразу понравился этот юнец, но сейчас происходило что-то странное. Чувство, охватившее вдруг варвара, совсем не было похоже на обыкновенную симпатию к приятному человеку. Кром! Да это же... У него никогда не было таких наклонностей, которые часто встречаются у стигийцев и вендийцев. Никогда в жизни его не привлекали юноши, даже мысли подобной не возникало. Почему же сейчас... Несомненно, здесь водятся маги! Не может быть, чтоб их не было! Они есть, и они поступили с Конаном как грязные свиньи. Влечение к юноше! Кром! Конан готов был рычать от ярости. Ничего, он доберется до этих ублюдков, он покажет им... Но, поскольку ублюдки находились пока в неизвестном месте (и сейчас, наверняка, весело смеялись над ним), Конан всю свою ярость обратил на юношу.

— Что тебе надо от меня? Пошел вон отсюда, сопляк!

Иену в изумлении посмотрел на Конана, хотел что-то сказать, но варвар, издав невразумительный рык, стукнул кулаком по столу и крикнул на весь зал:

— Пошел вон, я сказал! Чтобы духу твоего здесь не было!

Юноша поднялся, зардевшись, постоял мгновение, в недоумении и гнев глядя бархатистыми глазами в глаза Конану, и быстро вышел из кабачка. Посетители тоже смотрели на варвара удивленно. Видно было, что к таким выходкам здешний люд непривычен. А Конан не обращал на посетителей никакого внимания. Отдышавшись и успокоившись немного, он решил выпить и забыть обо всем. Забыть хотя бы на ночь. Если не получится навсегда...

Глава 2

В крошечной темной каморке без окон, освещавшейся лишь тонкой свечкой, сидел на деревянной скамье человек. Возраст его трудно было определить — длинные темные волосы, чуть подернутые седой, чистое безбородое лицо без морщин, глубокие зеленые глаза — ему можно было дать и тридцать лет, и сорок, и пятьдесят. Но всякий, кто присмотрелся бы к нему внимательно, без колебаний сказал бы: этот человек прошел половину своего пути к Серым Равнинам. А сейчас он выглядел так, словно Серые Равнины уже отражались в его зрачках. Потухший взгляд, поникшие плечи — что-то угнетало его, что-то не позволяло смотреть с присущей ему в лучшие времена прямоотой и уверенностью.

Скрипнула дверь — и человек вздрогнул, вздохнул прерывисто, поднял глаза. Перед ним стоял огромный тощий старик с лицом ястреба, но ястреба не гордого, а хитрого и порочного. Седые жидковатые патлы его были заправлены за острые уши, углы тонких губ брюзгливо опущены, а в маленьких глазах явственно сквозила насмешка. Так он смотрел на сидящего человека. Спустя несколько мгновений старик приподнял руки — черные рукава длинного платья взметнулись — и фиглярски протянул их к сидящему:

— Ну, упрямый друг мой, ты подумал над моим предложением?

Голос его оказался неожиданно сильным, но не чистым, а словно простуженным. Сидящий покачал головой:

— Не знаю, что ответить тебе, Майорк. Кажется, ты не понимаешь, о чем просишь.

— Не прошу, непонятливый друг мой, не прошу. Требую! Все преимущества на моей стороне, не так ли?

— Так... Но ты не первый день живешь на свете, Майорк, ты должен понимать, что такие решения даются совсем не просто. Мне нужно подумать еще.

— О чем тут думать? — взвизгнул Майорк, который очень не любил, когда ему напоминали, что он не первый день живет на свете. — О чем тут думать? Ты пользуешься моей добротой, неблагодарный друг мой. Любой приличный маг на моем месте давно исполнил бы все свои угрозы. Я мягок, я дал тебе достаточно времени! За это время я, с моими способностями, овладел бы нужными мне знаниями, а ты бы сейчас уже обнимал свою дочь.

— Прошу тебя, Майорк, не говори о моей дочери...

— Как же ты утомил меня, Гром. Кстати, почему тебе дали такое громоподобное имя? И кто?

— Так решил Учитель. Я не выбирал себе имени.

— Но должно же оно что-то значить?

— Наверное.

— Ты просто не хочешь говорить, упрямый друг мой.

— Оставь, Майорк. До имени ли мне сейчас.

— И все-таки я хотел бы знать... Впрочем, оставим до следующего раза. Пока меня больше волнует другое. Когда мы приступим к занятиям?

— Подожди, не торопи меня. Может быть, черному магу ничего не стоит нарушить клятву, но простому человеку это сделать гораздо сложнее.

— Разве ты простой человек? Ну, об этом мы еще побеседуем. Я жду до следующей луны, скрытный друг мой. А затем... ты знаешь, что будет.

— Прошу тебя, Майорк...

— Ну, что еще?

— Не называй меня «друг мой».

* * *

Когда маг, в раздражении взмахнув рукавами как крыльями, выскочил из каморки, тот, кого он называл Громом опустил голову. До сих пор он еще как-то дер-

жался, но было ясно, что Майорк долго ждать не будет. Грома ничуть не обнадеживало шутовское поведение мага. Он знал — Майорк обладает страшной силой; и в этом он ничуть не уступает самым могущественным магам Черного Круга. Кроме того, он был невероятно тщеславен. Тщеславие его в последнее время особенно приобрело какую-то болезненную окраску. Как говорили Грому, маг всегда совершал удивительные по изобретательности гадости, но при этом кичился своим добродушием, своей мягкостью... Да чем он только не кичился! Вздорный старик, Майорк к четырехсотлетию стал совсем невыносим: вдруг решил овладеть знаниями и умениями, которыми обладают лишь слуги Митры. «Весь мир будет мой!» Эти слова черного мага и смешили и пугали Грома. Слишком хорошо он знал действительные способности Майорка. Притворщик и лицедей, что творил он в своем маленьком, на вид скромном, а внутри роскошном доме? Этого не знал никто. Чудовищная сила, умноженная за сотни лет упорством, хитростью и тщеславием, впитавшая в себя кровь и страдания, делала мага неуязвимым. Так считал Гром, не представляя себе пока, что можно сделать. Да, он — слуга Митры, взысканный светлым богом! Но сейчас он был так же слаб, как и обычный человек. Майорк подстроил ему потрясающую по своему коварству ловушку. И поэтому Гром тянул время, надеясь на чудо и боясь даже думать о дочери. «О, Митра, — бормотал он в полузабытьи, — не силы прошу у тебя, Пресветлый! Помоги устоять слуге своему... Пошли мне божественное озарение, чтобы я знал, что делать. Я не могу потерять дочь. Не могу... Не могу...»

* * *

Конан открыл глаза, широко зевнул, потянулся. Уже наступила ночь, а он только проснулся. Сколько кувшинов вина было выпито им вечером? Дюжина? Две? Но вино здесь отличное. И проясняет мозги и туманит одновременно. Надо кликнуть слугу... Пусть принесет еще пару кувшинов...

С этой мыслью, весьма оживившей варвара, он встал, пошел к двери. Но не успел взяться за ручку двери и повернуть ее, та повернулась сама — Конан в одно мгно-

вание очутился в дальнем углу комнаты, — дверь открылась, и на пороге появился Иену. Красивое лицо его кривилось то ли от раздражения, то ли от неприязни, Конан не стал особенно раздумывать. Он толкнул Иену в грудь и захлопнул дверь прямо перед его носом. Но только варвар сделал шаг в сторону, дверь с силой распахнулась, и разъяренный Иену влетел в комнату. За ним, смущенно улыбаясь, показался здоровенный детина с Конана ростом, но старше его лет на двадцать. Следом вопел Аксель.

— Скажите, скажите ему, святой отец! — возмущенно закричал Иену, указывая на варвара тонкой, изящной рукой. — Что я сделал ему плохого? Он опозорил меня! Он говорил со мной так, будто я соплик!

— Ты и есть соплик! — рявкнул Конан, сжимая кулаки. — Только поэтому я еще не раздавил тебя как муху. Убирайся отсюда!

Аксель встал между ними и, обращаясь к варвару, с улыбочкой сказал:

— Не горячись, Конан. Не знаю, чем тебя так рассердил этот молодой человек, но я могу отвечать за его честность и мужество. Уйми свой пыл хотя бы на время. Мы пришли к тебе с миром, сын мой, и... с картой.

Конан покосился на юношу, покрасневшего от негодования, усмехнулся, остывая. В конце концов он — воин, не к лицу ему спорить с юнцом. Хотя этот юнец заслуживает хорошей порки за свои выходки. Конан фыркнул, бросив на юношу презрительный взгляд, и повернулся к Акселю.

— Что же. Давайте посмотрим на вашу карту.

Аксель кивнул детине, тот достал из-за пазухи папирус, протянул варвару.

— Ты и есть кузнец Игалий?

Вместо ответа детина улыбнулся, суровое лицо его с крупными чертами сразу преобразилось — таким мягким, светлым стало оно, что Конан в очередной раз удивился. Станный город! Станные люди! Если бы у Вейшана был правитель, он мог бы показывать подданных за золото. Немалые денежки текли бы в казну!

— Я — Конан, — коротко представился варвар и взял папирус из рук кузнеца.

Карта оказалась очень проста: Вейшан был обозначен на ней кружком с крестиком посередине, от кружка тя-

нулась к краю карты прямая линия. Конан догадался, что таким образом Аксель с кузнецом изобразили ту самую тропу, по которой он пришел сюда и по которой, вероятно, пришли сюда все остальные. Несколько крестиков, беспорядочно разбросанных по карте, скорее всего, должны были обозначать холмы — вонючие норы уродов. Но почему-то Аксель и кузнец нацарапали их не больше десятка. Конан же заметил по крайней мере сотню, о чем и сказал сейчас новым друзьям.

— Мы рисовали по памяти, Конан, — с грустью ответил Аксель. — Конечно, сейчас на равнине гораздо больше нор. А значит, гораздо больше чудищ.

— Чудища? Ха! — поморщился варвар. — Всего лишь вонючие ублюдки. Не хочу вас обидеть, но я и без вашей карты знаю, где находится тропа.

— Не знаешь, Конан, — мягко улыбнулся Аксель. — Эту тропу ты видел лишь тогда, когда шел по ней сюда. Если ты вознамерись пойти обратно, никакой тропы не будет.

— Вот оно что, — киммериец нахмурился. — Хитро придумано. Но откуда же вы знаете, где тропа?

— Мы наблюдали, Конан, мы долго наблюдали. Но и теперь мы не уверены до конца, что тропа именно там, где ты ее видишь на карте. Хотя вероятность велика, будем надеяться, что мы все рассчитали правильно.

— Будем! — решительно сказал киммериец. — Выбирать не из чего. Если что — пойдем по солнцу. Вот мой план. Выходим на рассвете. Ублюдков бьем по дороге, идем быстро, ночью разводим круговой костер. Думаю, в огонь они не полезут. Утром идем дальше. К закату мы уже будем на пути к Замбуле, а там этих уродов нет. Наверняка нет, я бы знал.

Иену, Аксель и Игалий переглянулись. Иену, не сдержавшись, громко хмыкнул, за что Конан молниеносным тычком в бок свалил его на свою кровать. Парень вскочил, бросился на варвара с воинственным кличем, но тут же был схвачен за руки опомнившимися Акселем и кузнецом.

— Конан! — укоризненно сказал Аксель. Игалий удрученно покачал головой, с сомнением взглянул на Акселя, как бы спрашивая: можно ли отправляться в столь опасное путешествие с такими пегухами.

— Пусть он заткнется! — рыкнул киммериец, разъяренно глядя на юношу.

— Конан, прошу тебя, не будем отвлекаться на ссоры, — Аксель положил руку на плечо Иену, посмотрел ему в глаза. — Сын мой, оставь свой пыл на тот день, когда мы выйдем из города. Конан наш друг. Ты знаешь об этом не хуже меня.

— Да-а, — неохотно согласился Иену. — Иначе он не вошел бы в город, это ясно. Только пусть он не трогает меня, а то, клянусь Митрой, я насажу его на саблю как пегуха!

Только объединенными усилиями Акселя и кузнеца удалось удержать Конана. Он рычал, готовый растерзать мальчишку, самые ужасные оскорбления сыпались на Иену. Но, как ни странно, юношу это забавляло. Он даже повалился на кровать киммерийца и стал хохотать, держась за живот и дрыгая ногами. Никому Конан не спустил бы такого смеха. Он напрягся, взревел, и — Аксель и Игалий отлетели в разные стороны, а варвар бросился на юнца, желая сейчас только одного: задушить мальчишку, и немедленно. Иену, увидев, что враг его освободился, тут же перестал смеяться, взвизгнул и сжался в комок. Конан схватил его в охапку, собираясь швырнуть на пол и там уже развернуть и задушить, но кузнец вырвал Иену из его рук, передал Акселю, а сам стал против киммерийца. Лицо Игалия в этот момент не было мягким и добрым. Он набычился, исподлобья глядя на Конана, и Конан, тяжело дыша, выхватил из ножен кинжал.

— Именем Митры! — раздался вдруг непривычно суровый голос Акселя. — Остановитесь! Разве вы враги? Разве у вас не общая цель? — Аксель покачал головой, серые глаза его потемнели. — Неужели мы останемся здесь навсегда только потому, что вы не можете спокойно смотреть друг на друга?

Игалий опустил глаза, виновато пожимая плечами. Конан убрал меч. Аксель прав, сначала надо заняться делом. А с юнцом можно разобраться потом, время будет.

— Я так и понял, что вам не понравился мой план, — с ухмылкой прервал киммериец наступившее молчание и, как ни в чем не бывало, с размаху упал на свою кровать. — План и в самом деле так себе. У меня есть другой.

Аксель с облегчением рассмеялся; улыбка пробежала по губам кузнеца, а Иену, до этого в испуге хлопавший длинными ресницами, пододвинулся поближе к варвару и посмотрел на него с почтением. И Конан изложил свой план.

— Что мешает нам уйти отсюда? Вонючие ублюдки. Значит, прежде всего мы должны придумать, как отправить их на Серые Равнины.

— И не попасть туда самим, — добавил Аксель.

— Это ясно, — Конан усмехнулся. — Так вот. У меня есть кое-что в запасе. Правда, не так уж много, но на ублюдков хватит. Сдается мне, это придется им не по вкусу. — Киммериец свесился с кровати, пошарил под ней рукой и извлек плащ. Нащупав в потайном кармане какой-то твердый предмет, Конан словно фокусник подождал мгновение, торжествуя глядя на новых друзей, потом двумя пальцами вынул предмет и поднял его над головой. — Вот!

— Что это? — прерывающимся от волнения и любопытства голосом спросил Иену. Кузнец и Аксель тоже вопросительно смотрели на варвара.

— Порошок черного лотоса, — небрежно ответил Конан, снова пряча в потайной карман плаща маленькую железную коробочку. — Я видел здесь странные деревья — красные, как пасть обезьяны. Листья у них плотные и гибкие, их можно свернуть в трубки и дуть порошком прямо в грязные морды. Клянусь Кромом, твари подохнут, не успеем мы и трижды вздохнуть!

— Это хорошая идея, Конан, — серьезно произнес Аксель. — Листья агулита и в самом деле плотные и гибкие. Но порошок может остаться на губах, и тогда...

— Я придумал... — Иену робко посмотрел на варвара. — У меня есть небольшой кусок тонкой материи. Если разрезать его на четыре части, получатся отличные маски.

— А как мы будем выдувать порошок? — поинтересовался Конан.

— Очень просто. Я принесу материю, и ты сможешь в этом убедиться.

— Кром! Неплохо! Но без кольчуг и без оружия все равно не обойтись. Игалий! Твоя забота!

Кузнец улыбку, кивнул. Потом все вместе склонились над картой; киммериец отмечал ногтем необозначенные Акселем логова монстров, стараясь точнее припомнить их расположение. Это было нелегко, так как по дороге сюда он почти не обращал на них внимания. Аксель считал поэтому, что нельзя полагаться на память, собираясь на такое важное дело. Ведь речь идет не только о жизни и свободе их, четверых! Они должны уйти отсюда с тем, чтобы потом освободить и других! Но киммериец был твердо уверен, что не ошибся. Да, он мог не заметить какие-то холмы, но те, которые он изобразил сейчас на карте, находятся именно там. «И что толку обходить норы, если чудища все равно нападут на нас», — заметил Иену. В конце концов сошлись на том, что поскольку вообще вся карта довольно сомнительна, ориентироваться лишь на нее нельзя. «Пока мы живы, будем рассчитывать прежде всего на собственные силы», — сказал Аксель, и варвар был совершенно с ним согласен.

— Все! — Конан откинулся на кровать, облегченно вздохнул и только открыл рот, собираясь кликнуть слугу и потребовать вина, как Аксель покачал головой:

— Не все, сын мой. Не торопись. Для того, чтобы нам покинуть город плененных душ и уйти с равнины невредимыми, нужно продумать все. Все, до последней мелочи. Скажи, когда ты шел сюда, ты не видел габидонтов?

— Габй... Это еще что?

— Огромные летающие ящерицы. Я тоже не видел, но старожилы говорят, габидонты живут где-то недалеко. Время от времени они летают по равнине в поисках пищи.

— Вот еще забота, — проворчал Конан. — Ладно, разберемся как-нибудь.

— Подожди, сын мой. Ты все очень хорошо придумал. Мы продержимся день. А ночь? Ночью вряд ли нам поможет порошок черного лотоса.

— Разведем круговой костер, — беззаботно пожал плечами киммериец. — На равнине полно сухих веток.

— На равнине полно сухих веток, — повторил Аксель, — когда ты идешь сюда. На обратном пути ты не найдешь даже прутика.

— Как же быть? — растерянно спросил Иену.

— Думаю, выход есть. — Аксель помолчал немного, потом заговорил снова, медленно, взвешивая каждое слово. — Да, выход есть. В одной старинной книге я читал про горящие камни. Мне кажется, я помню, как их делать. Я попробую...

— У тебя обязательно получится! — горячо воскликнул Иену. — И тогда мы уйдем из города! Уйдем с равнины! Уйдем! — Юноша закружился по комнате, напевая, но вдруг звонкий голос его оборвался. Он встал, опустив голову, будто раздумывая о чем-то. Его лицо, казавшееся только что почти детским, омрачилось, побледнело. Тонкая фигура сгорбилась, и даже в длинных русых волосах, волнами лежавших на плечах, засеребрилась седина. Иену словно стал старше на двадцать лет. И, хотя это продолжалось всего несколько мгновений, все поняли, что им не почудилось и с юношей действительно что-то произошло. Кузнец протер глаза, Аксель с состраданием смотрел на Иену. Лишь Конан, который был поражен не меньше остальных, отвернулся, зевая. Про себя он сразу решил: пусть парень превратится хоть в лягушку. Все эти перемены от мальчишеской дури, только и всего. Небось, напустил в штаны от страха перед ублюдками... Сопляк! Что с него возьмешь!

Аксель подошел к Иену, обнял его за плечи и подтолкнул к выходу. Кузнец последовал за ними. На пороге Аксель обернулся:

— Конан, я зайду к тебе, как стемнеет.

Киммериец остался один. Он вытянулся на кровати во весь рост, подложил руки под голову. Небо за окном начинало светлеть. Скоро взойдет солнце и наступит следующий день. Еще один день в этом проклятом городе. Сейчас бы сюда Рину... Или хотя бы... хотя бы... Он вскочил, метнулся к двери и распахнув ее, гаркнул во всю глотку:

— Вина!

Конечно, как он мог забыть! За всю ночь он не выпил и глотка. Сейчас пропустить пару-другую бутылок — и спать. А что еще тут делать? Скрипнула дверь. Варвар оглянулся.

— Опять ты?

В комнату, смущаясь, вошел Иену. На лице его не было и следа недавнего раздражения. Напротив, зеленые бархатистые глаза смотрели на варвара то ли с мольбой, то ли с надеждой...

— Конан, — робко произнес он. — Я хочу сказать тебе... Я... Я женщина.

Глава 3

Черны ночи в Аките. В переулках, на узких улицах и на широких обычно пусто уже к сумеркам. Редкий человек отважится выйти из дому ночью: в последнее время в городе развелось множество диких котов. Они бродят целыми стаями; всегда голодные, злобные, готовые разорвать и собаку, и человека на куски и сожрать. Но днем они куда-то исчезают, и никто, никогда не видел еще котов при свете дня.

Эта акитская ночь была и черна, и безлунна. Лишь несколько звезд тускло мерцали в небе, то угасая совсем, то вспыхивая вдруг ярко, а то стремительно падая вниз. Воздух, который обыкновенно был здесь на удивление чистым и свежим, сейчас казался мутным, затхлым. Пахло мокрой собакой.

На одной из окраинных улиц стоял маленький неприметный дом серого цвета. Говорили, в нем жил когда-то богатый купец, рассылавший свои караваны во многие города. Потом купец исчез. Когда? Куда? Этого никто не знал. Но в городе его больше не видели, и дом стоял пустой. Но пустой ли?

Безлунной ночью во внутреннем дворике дома на каменной скамье сидел огромный старик. Возле его ног стоял искусной работы бронзовый светильник с пальмовым маслом, снизу освещаая костистое лицо, отчего оно казалось особенно старым и неприятным. Губы старика шевелились, но слов не было слышно. Внезапно с улицы донесся душераздирающий крик, заглушенный вскоре дикими воплями и отвратительным чавканьем и урчанием. Снова какой-то неосторожный человек попался в лапы бродячим котам — ночным хищникам. По лицу старика пробежала мрачная усмешка. Еще один! Неплохо... Но скучно. Все равно скучно. Для мага, обладающего неизмеримым могуществом, сотворенная банда котов-разбой-

ников всего лишь ученическая шалость, воспоминание о молодости, не более. Зато когда Гром обучит его своим премудростям!.. О, как он тогда развернется. Черный маг, в котором засияет Сила Митры! Такого еще не бывало. Он, Майорк, будет единственным. Что Тот-Амон! Разве могло бы прийти ему в голову такое? Омерру, отец Майорка, недаром говорил: «Знания и умения мало. Должно быть воображение». У Майорка воображение есть, поэтому ему редко бывает скучно. Чего только не натворил он за четыреста лет! Самой первой его проделкой, помнится, была война в Кенме. Веселая война! Люди как обезумели — разбивали друг другу головы дубинами, потом бросались на трупы и грызли их подобно нынешним диким котам, шатающимся по улицам Акита. Кончилось все пожаром. Когда Майорку наскучило смотреть эту грызню, он устроил пожар. Кенм горел с рассвета до полудня, всего лишь. Теперь о нем остались только легенды да досушие вымыслы. Особенно веселит Майорка слух о звезде, упавшей с неба и спалившей Кенм. Глупые люди...

А совсем недавняя его выдумка? Вокруг стен Аграпура поселились оборотни. Две луны подряд люди охотились за ними, погибая целыми десятками каждую ночь. Все было бесполезно, пока — маг хихикнул — ему не надоела эта история. Оборотни исчезли, как их и не бывало, правда, уничтожив уже несколько сотен глупых горожан. И никто так и не догадался, что оборотни жили вовсе не за городом, а в самом городе. Люди охотились сами на себя и если им удавалось-таки убить оборотня, они радовались, не подозревая, что на самом деле убивали соседа, который, в свою очередь, днем не знал о том, что ночью обращается в зверя. Неплохо? Еще бы! Да, Майорк был не просто могуществен. Он был талантлив. Все его выдумки отличались таким хитроумием, такой изобретательностью, что порой он завидовал сам себе, не говоря уже о том, что сам собой восхищался и сам себя очень любил...

Склонный к лицедейству, Майорк превратил свои длинные костлявые руки в вороньи крылья и сложил их за спиной. Так ему легче думалось. А подумать было о чем. Кажется, Гром что-то затевает. Подослал к Майорку мальчишку, уродливого кхитайца — зная, что мага так

просто не проведешь, все равно подослал. На что он рассчитывает? Что Майорк из любопытства сделает вид, будто поверил мальчишке и оставит его у себя? Тут он не ошибся. Майорку действительно интересно: зачем кхитаец прикинулся воришкой, которого прогнал Гром? Зачем пришел к магу, умоляя взять его в услужение? Пусть остается пока. Потом он дорого заплатит за обман. И Гром дорого заплатит. Потом... Что он будет делать, когда узнает, во что превратилась его дочь? Рвать на себе волосы? Или скорбно молчать? Но должен же он, хотя бы в душе, восхититься мастерством и изобретательностью мага. Кто еще смог бы придумать такую историю? Создать целый город, в котором люди внешне соответствуют тому, что у них внутри! Битком набить этот город хорошими людьми, кормить их, поить совершенно бесплатно... Разве после такого благодеяния можно сказать, что Майорк злой? Да, потом, когда он будет обучаться Силе Митры, он высосет из этих людей их энергию, но ведь они не погибнут. Пойдут себе своей дорогой куда захотят, а в город придут новые. В конце концов Майорк напится так, что весь мир будет в его руках. Правда, придется немного подождать. Ничего, он подождет. Зато весь мир... Весь мир!

Майорк встал, расправил крылья, озираясь победно.

— Весь мир будет мой! — каркнул он во весь голос. — Мой! Мой!

* * *

Конан развалился на кровати и зевал. Ему очень хотелось спать, он устал от болтовни и размяк от выпитого вина, но сон не приходил. В голове то и дело вертелся рассказ Иену.

Не то чтобы киммериец был особенно поражен, но удивлен и раздосадован несомненно. Да, интересные штуки происходят в этом городишке. Это кто же такое придумал — люди, входящие в Вейшан, меняют свой облик! И не просто меняют, а становятся точно такими, как их души. В ушах варвара и сейчас звенел голос Иену, его сбивчивый, взволнованный рассказ. «Я женщина...» Кром! Какой же убудодок это выдумал? Девчонка не успела войти в город, как стала парнем.

«Понимаешь, Конан, каждый, кто сюда попадает, начинает в точности соответствовать своей душе. Если ты отважная женщина — ты станешь здесь мужчиной. Если ты мужчина, но душа у тебя нежная и добрая, ты обратишься в женщину». «Так вот почему женщины шарахались от меня как от бешеного пса! Кром!» — захохотал варвар. Он и сейчас, вспомнив красавиц, отскакивающих от него с отвращением на лице, ухмыльнулся. Неплохое приключенье! Знала бы Карела, Рыжий Ястреб, как Конан приставал к мужчинам!

Глаза киммерийца слипались. Он широко зевнул и, не думая больше ни о чем, провалился в глубокий сон. Ему снился Иену. Вернее, не Иену, а юная девушка с зелеными бархатистыми глазами. Она протягивала к варвару тонкие руки и нежными пальчиками прикасалась к прамам на его лице, проводила по губам, по волосам... Конан даже застонал во сне от наслаждения. Но девушка вдруг отпрянула от него, фигура ее заколебалась в воздухе и растворилась. Перед киммерийцем вновь сидел изящный юноша Иену и, краснея и волнуясь, вновь рассказывал свою грустную историю.

— Меня зовут Иена Фран Вив. По-аквилонски это значит «рожденная для жизни»...

— Я не хуже тебя знаю аквилонский, — мрачно буркнул варвар.

— Когда мне было пять лет, мои родители отправились в Шадизар. Отец посадил меня на лошадь перед собой... Я помню его руки, его запах — мне было так хорошо... Потом отец куда-то исчез, оставив меня и мать с караваном недалеко от стен Шадизара. Ночью на нас напали. Я не знаю, кто. Помню только крики, звон клинков, и вдруг — рыдания моей бедной матери... В темноте я ничего не видела, только по звукам можно было догадаться, что происходит. Я плакала, потом кто-то схватил меня на руки. Этот отвратительный запах я слышу и сейчас — запах пота и крови... Что было дальше? Память моя сохранила лишь моего хозяина — тучного грязного купца — он купил меня на базаре... Где? Не знаю. Потом купец продал меня Амиру, меняле на городской площади Султанапура...

— Кром! — покачал головой Конан. — А твоя мать?

— Я не видела ее с тех пор... Когда мне было уже шестнадцать лет, мой отец нашел меня. Мы снова стали жить в Тарангии. Это было самое счастливое время в моей жизни! Но однажды — семь лун назад — на улице ко мне подошел человек. Я не могу вспомнить его лица... Порой мне кажется, что у него не было лица вовсе... Он сказал, что моему отцу грозит опасность, что я должна немедленно отправиться в Кутхемес и там найти Сердце Аримана. Только этот камень может спасти отца.

— Сердце Аримана? — Конан поперхнулся глотком вина. — Клянусь Кромом, сам Сет заметил тебя, малыш-ка! Сердце Аримана!

— И я пошла. Но по дороге из Замбулы в Кутхемес я увидела на равнине всадников. Они смеялись и кололи саблями какую-то бедную женщину. Я достала свой меч и поскакала туда. И вдруг всадники исчезли, и женщина тоже. Из холмов выскочили отвратительные твари... О, Митра, я испугалась... Их было так много! Они протягивали ко мне лапы, урчали, лязгали зубами... А запах! Я потеряла голову и прищипорила коня. Так я оказалась у стен Вейшана.

— Ты вошла в город и превратилась в парня?

— Да. Я вошла в город. Конь мой не смог пройти за ворота. Я оставила его и вскоре услышала, как монстры разрывали его на куски... А я... Здесь нигде нельзя увидеть свое отражение, даже в воде, но... по некоторым признакам я догадалась, что превратилась в мужчину. Даже одежда стала другая. Богаче моей, но... не моя... Потом я узнала от Аксея — он рассказал мне все не сразу, — что в Вейшан могут войти только честные, хорошие люди. Другие же еще на равнине превращаются в монстров и охраняют город, чтобы никто, ни один человек, не вышел отсюда.

— Значит, людей заманивают в Вейшан?

— Не всех. Некоторые идут сюда сами. Например, калеки. Они слышали, что в Вейшане их облик изменится, если они обладают чистой душой. И в самом деле — стоит им оказаться в городе, как у безногих появляются стройные сильные ноги, а у прокаженных кожа становится чистой и нежной, словно у младенца.

— Вряд ли они хотят отсюда уйти, — задумчиво произнес киммериец. — Ведь иначе они снова будут калеками.

— Хотят! — горячо воскликнула Иена. — Очень хотят, Конан! Я не раз слышала их разговоры. «Лучше мне бродить по свету без руки и с отрубленным языком, чем сидеть тут никому не нужным красавцем!» Так говорил один, и другие с ним соглашались.

— Что же, — лениво потянулся Конан. — Тогда мы их отпустим. Пусть идут. Только сначала мы сами уйдем.

— Конан, — тихо сказала Иена, опустив голову. — Я хочу, чтобы ты знал.

— Что еще? — недовольно проворчал варвар. — Выкладывай.

— Мне часто снился здесь сон. Какой-то огромный старик смеялся надо мной и шипел: «Ты хочешь уйти, девочка? Иди. Может быть, мои уроды не тронут тебя. Но не успеет взойти солнце, как ты пожалеешь, что вообще родилась на свет!»

— Всего лишь сон, — пожал плечами Конан, в глубине души не сомневаясь, что девушке действительно грозит опасность.

— Поверь мне, Конан, это не просто сон! Я чувствую, со мной случится что-то страшное, когда мы выйдем из города. Ты не оставишь меня?

— Если ты окажешься хорошенькой — не оставлю, — ухмыльнулся варвар.

— О, Конан! — Иена покраснела и положила тонкую легкую руку ему на грудь. И хотя она еще оставалась парнем, киммериец вновь ощутил, как по всему телу пробежала приятная дрожь. Он зарычал, обхватил хрупкую фигурку тяжелыми ручищами и с силой прижал к себе. «Ай!» — вскрикнул юноша. Конан вздрогнул — и проснулся.

Опять наступила ночь. В комнате было темно, только в дальний угол проникал лунный свет, мерцая там таинственно. Варвар заворочался, жалея, что так недолго спал, и понял вдруг ясно: надоело. Тихая, размеренная жизнь, бесплатное вино и бесплатная еда, добрые люди и красивый город. Как же это скучно! Нет, он решительно не понимал, почему горожане спокойно сидят в Вейшане. Боятся ублюдков? Ха! Лучше умереть, но не проводить

день за днем в кровати, лопая мясо, жирея и тоскуя по прежней жизни. Этим людям повезло, что в город попал Конан. Он уйдет отсюда сам и поможет остальным. Им придется лишь немного подождать. Невелика работа.

Киммериец сел на кровати, потянулся. Чем бы заняться? Может, спуститься вниз? Наверняка там еще играют в кости на косточки от слив. Конан порывился в плаще, нашел пару косточек, и вздыхая, пошел играть.

* * *

Прошло еще несколько дней. Варвар изнемогал от скуки. Иену все еще был парнем и не мог утешить Конана как подобает, Аксель и кузнец не появлялись. Иену говорило, что Аксель делает горящие камни, а кузнец днями и ночами кует мечи и кольчуги. Так что киммерийцу оставалось лишь убивать время в ожидании, когда все приготовления будут закончены. Он уже до тошноты обпился вина, объелся и наигрался в кости, только Иену как-то скрашивал нелепое существование, рассказывая Конану о своей прошлой жизни.

Варвару казалось, что он живет здесь целую вечность. Старый шемит, угощавший его в Кутхемесе красным вином, пожар, который он видел во сне, тревожные глаза Лайтлбро — все это было давно. Словно огромная клепсидра Митры, каплями отсчитывающая время, разбилась, и прервалось течение жизни. Словно вздохнул Первосотворенный — любимое дитя Хранителя Равновесия, и вздох этот разорвал нить времени. Словно вся земля превратилась вдруг в Серые Равнины и завершилась Жизнь. Конан спал, потом пробуждался, потом опять засыпал, но никакого различия между сном и явью он не чувствовал.

Наконец наступил день, когда и Аксель, и кузнец закончили свои дела. Разглядывая с удивлением горящие камни — черные пористые булыжники величиной с его кулак — варвар ощущал, как снова, едва заметно, начинается жизнь. Жизнь вливалась в его кровь, проникала в жилы и мышцы, туманила голову и торопила: скорее! скорее! И Конан повторял за ней: Скорее! Клянусь Кромом, я залью равнину черной вонючей кровью! Я выйду отсюда, клянусь Кромом!

С нетерпением варвар примеривал кольчугу, охватывающую не только его тело, но и ноги — легкую, почти невесомую, но частую и прочную. Рыва от удовольствия, рубил чудесным мечом воздух, сокрушаясь, что под рукой нет ни одного монстра.

Иену не разделял его нетерпения. Юноша хотел уйти из Вейшана не меньше Конана, но он отлично помнил угрозы старика. Что будет с ним, если он покинет город?

Игалий молча улыбался своей мягкой улыбкой, порой глубоко вздыхая, не в силах сдержать радость.

Аксель был спокоен и невозмутим как всегда. Слишком хорошо он понимал опасность предстоящего путешествия. Все ли они останутся живы? Может быть равнина — жалкая, но отвратительная копия Серых Равнин — оставит кого-то из них навсегда на своей проклятой земле? Или монстры разорвут всех четверых? Кто тогда освободит город?

Тем не менее приготовления были завершены. Пора собираться в путь. Решили выйти перед самым рассветом, чтобы к ночи миновать большую часть равнины.

В последнюю ночь Конан не мог уснуть. Обычно он спокойно спал в любых обстоятельствах — и перед боем, и перед схваткой с демоном, но сейчас было иное. Он так долго ждал этого дня! В действительности прошло совсем немного времени с тех пор, как варвар попал в Вейшан, но ему казалось, что добрая половина жизни прожита здесь, и прожита зря. Он ворочался с боку на бок на своей огромной кровати и вспоминал.

Вот он лежит нагой на просторном ложе в доме Саракки — придворного мага светлейшего дуона Дамаста. Саракка смотрит на него с опаской, хотя и пытается это скрыть. Постепенно Конан приходит в себя. Он совершил грех, он убил молящего о пощаде. Митра наказал его — отнял разум и свою божественную Силу. Но он не оставил варвара. Он дал ему возможность искупить грех. И Саракка, вразумленный и направленный Подателем Жизни, вернул Конану разум чудодейственным порошком арсайи. Время от времени нюхая порошок, киммериец смог вернуться к Учителю, а от него, уже вместе с Риной, отправился в далекое путешествие по подземному царству, к храму Митры. Если б не порошок, что стало бы сейчас с Конаном? Страшно подумать. Бессмысленное существо-

вание! Почти как здесь. Наверное, поэтому варвар и вспомнил опять свои последние приключения...

Медленно светлела ночь. Скоро в дверь постучатся. Иену с глазами испуганного оленя. Аксель с мешком горящих камней за плечами. Игалий, сжимающий в одной руке клинок, в другой — молот. Верные люди, ставшие на время неотъемлемой частью Конана... Варвар улыбнулся, закрыл глаза — и через мгновение он уже спал, чуть приоткрыв рот и похрапывая. Ему снилась юная девушка с зелеными бархатистыми глазами...

* * *

В то время, когда Конан с новыми друзьями готовился к походу, Гром принимал решение. Он, слуга Митры, по желанию Хранителя Равновесия готовящийся принять новый сан — сан Учителя, стоял теперь на распутье. Что делать? Следовать ли своему предназначению и потерять дочь? Нарушить ли клятву... Нет. Дальше мысль Грома прерывалась, он просто не мог ее продолжить. Но Митра не ответил на мольбы своего слуги, не дал совета, не обозначил даже намеком направление его действий. Поэтому Гром, полагаясь уже лишь на себя и немного на чудо, сам определял свой путь.

Первое, что он сделал, почти не надеясь на успех, — отправил к Майорку мальчика-слугу, кхитайца Вена. По желтоватому невозмутимому лицу мальчика никогда нельзя было понять, о чем он думает. Один Гром научился различать выражение его узких глаз, один Гром знал, сколько хитрости, смелости, благородства и преданности в этом маленьком кхитайце, которого он подобрал когда-то, полуголодного и оборванного, у городских ворот Шепина.

Но что может сделать мальчик против могущественного мага? Конечно, насколько Гром понимал, что такое Майорк, тот не прогонит Вена. Наоборот, он попытается выяснить, зачем и откуда появился маленький кхитаец. Он вряд ли будет осторожен — слишком самонадеян. И тогда, может быть — Гром не хотел даже думать об этом, в глубине души опасаясь, что Майорк сможет узнать его мысли, — но может быть, маг выдаст хотя бы часть сокровенного. Должно же быть что-то, чего он боится!

Надежда была ничтожно мала, но положение Грома оказалось теперь таково, что и эта призрачная надежда согревала его сердце, истомленное думами о дочери и поисками спасения ее и себя.

Он не раз уже в эти черные дни размышлял о прошлом. В юности, обучаясь великому Искусству убивать и готовясь стать слугой Митры, он давал сам себе клятву не заводить семью. Пятнадцать лет бродил он по свету, исполняя свой долг без ярости и гнева. Пятнадцать лет спутниками его были лишь два длинных острых меча за спиной. Но однажды в Коринфии он встретил юную бритунку Джайнит — она взглянула на него зелеными бархатистыми глазами, и Гром не устоял. С ней он и вернулся на свою родину, в Аквилонию. Родилась дочь — прелестное существо с глазами матери. И Гром понял: эти две женщины — его семья. Где бы он ни был, они всегда будут его ждать. Порой ему приходилось исчезать на несколько лун — он оставался слугой Митры и был верен своему предназначению — и каждый раз, когда он возвращался, Джайнит без слез и упреков встречала его с малышкой на руках, счастливая и прекрасная. Всегда прекрасная...

Он потерял ее вскоре. Дочери едва исполнилось пять лет, и он взял их с собой в Шадизар. Работа предстояла трудная, да и путь из Тарангии в Шадизар неблизок, вот и решил Гром не расставаться на такое долгое время с семьей. Он оставил их с караваном у стен города. Несколько дней продолжался его поединок с придворным магом Андаром, пауком, опутавшим своими сетями весь город. Андар был хитер, не раз Грому казалось, что он близок к поражению. И все же ему удалось справиться с магом. Но, вернувшись за женой и дочерью, он нашел на месте привала только гору трупов, и среди них — Джайнит. Впервые горе так близко коснулось его. Впервые он понял, как дорога ему была эта хрупкая, но сильная женщина... И сейчас, вспоминая о ней, Гром почувствовал, как к горлу подкатил комок и сердце сжалось... В происшедшем он до сих пор винил одного себя...

Он не нашел тогда своей маленькой дочери. Никто ничего не слышал и никто ничего не знал. Одиннадцать лет он искал ее. Он ездил по городам, бродил по пустыням и горам, плавал на корабле по морю Вилайет и на лодках

по рекам — и наконец нашел. И вот, когда им было так хорошо вместе, когда его девочка только-только оттаяла от пережитого, когда он уже начал обучать ее своему искусству, она вновь пропала. Как же Майорк сумел обмануть ее? Впрочем, дочь его была такая искренняя, такая порывистая (как и сам он в юности, как и ее мать), что обмануть ее не стоило никакого труда. Тем более хитрецу-Майорку...

Если бы Вен смог что-либо узнать! Гром не упустил бы любой возможности справиться с магом. Нечего даже надеяться на то, что Майорк каким-то образом выдаст мальчику местопребывание Иены, но хотя бы что-то... Хотя бы что-то! Гром встал, подошел к маленькому окну и посмотрел в ночь. Черны ночи в Аките. Звезды тускло мерцают, не освещая неба, маленькие и бледные. Они то вспыхивают вдруг ярко, то угасают, а то стремительно падают вниз. Обычная небесная жизнь. Но в здешнем небе жизни нет. Все мертво. «Все мертво», — подумал Гром и принял решение.

* * *

Еще одна черная акитская ночь подходила к концу. Скоро рассвет, и Майорк ждал его с содроганием. На рассвете он ляжет в свою гробницу, а уже к полудню проснется. Сон его будет беспокойным, страшным: яркие молнии со всех сторон, гром, в котором слышатся чьи-то голоса и смех... Молнии, несущие смерть, обжигают лицо, голоса становятся все ближе, ближе... В страхе маг прикрывает себя руками — огромными вороньими крыльями — и вдруг перья вспыхивают жарким пламенем! Миг — и вот уже Майорк весь охвачен огнем. Тело его плавится, растекается по каменному днищу гробницы...

О, если бы только маг знал, кому он обязан такими снами! Он превратил бы его в прах, в каменную статую, он подверг бы его самым мучительным пыткам, он... Несколько раз старик подходил к гробнице, но лечь не решался. Если бы он мог совсем не спать!

Вен, с удовольствием наблюдая каждый день за мучениями мага, усмехнулся в душе. Конечно, откуда Майорку знать, кто сотворил с ним такую шутку! Только и умеет — презрительно хмыкнул кхитаец — расхаживать по подзе-

мелью с вороньими крыльями за спиной, изображая из себя властелина мира. Дед Вена никогда не позволял себе такого, а ведь тоже был не простой старик! Немногому научил он внука, но и то сейчас пригодились... Вен присел на корточки, подперев голову тонкой рукой, вздохнул. Хороший был у него дед! Знаменитый на весь Шепин и шепинскую округу чародей Минь О. Когда-то в молодости он был изгнан из Алого Кольца — ордена злых колдунов. Его младший единоутробный брат Чинь Га удостоился ненависти самого могущественного мага Алого Кольца. Ученый, сочинитель, звездочет, он написал книгу, «порочащую» орден. Дед читал Вену эту книгу. Ничего особенного. Но маги Алого Кольца почему-то оскорбились и решили стереть с лица земли несчастного Чинь Га... Старший брат помог ему избежать этой участи. Но сам был вынужден оставить орден и вернуться в Шепин. Там он лечил людей, торговал травами, выращивал чудесный Апельсин — лекарство от всех хворей. Как-то Вен поранил ногу, да так сильно, что кровь было не остановить. Мальчик уже терял сознание, но тут дед отрезал крошечный кусочек Апельсиновой корки, и боль прошла. Остановилась кровь. Через несколько дней рана затянулась так, что не осталось даже маленького шрама...

Но несколько лет назад Алое Кольцо вдруг вспомнило опального мага (а может, никогда и не забывало о нем). Однажды ночью на дом Минь О напали птицы. Птицы, которых он так любил! Они заклевали деда и всех домашних, растащили и развеяли по ветру травы, разорвали чудесный Апельсин... Только Вен сумел спастись — он спал во дворе и, когда поднялся крик и гомон, от испуга выскочил на улицу. Пробежав немного, мальчик остановился, оглянулся и увидел, как вспыхнуло пламя над домом, в котором он прожил свою маленькую жизнь... Так Вен стал бродяжкой. Пол-Шепина преклонялось перед Минь О, на каждой улочке у него были друзья. Но Минь О погиб, и его внуку никто не захотел помочь.

Одно время Вен скитался по Шепину в поисках работы — все зря. Оказалось, в городе не меньше сотни мальчиков, желающих заработать. Они не раз жестоко били Вена, гнали его прочь, и он отступился. Гораздо легче было воровать. Но однажды его поймали и... Что случилось бы с ним потом, когда избитый, оборванный и

голодный лежал он на окраине города? Может быть, его разорвали бы такие же голодные крысы, а может...

Но, видно, душа Минь О не умерла. Однажды утром к Вену подошел благородный господин и взял его с собой. Гром, так он назвал себя. С тех пор мальчик всегда был сыт и одет, ни разу господин не попрекнул его куском, ни разу мальчик не слышал от него недоброго слова. «Солнцеподобный. Лотос, Согревающий Мое Сердце. Звезда Кхитая» — так поначалу называл Вен своего господина. Но Гром строго сказал ему: «Не надо, малыш». И Вен послушался. О, чего бы он только не сделал, лишь бы угодить Солнцеподобному! А уж испортить сон магу или кому-то еще... Это нетрудно. Дед научил его.

Майорк громко застонал от досады, и Вен вздрогнул в своем укрытии. Маг все-таки решился и полез в гробницу, стена и охая. «Будет тебе сейчас хороший сон, о Мрак Ночи и Кобылий Хвост!» — подумал Вен и закрыл глаза.

Глава 4

Конан проснулся от тихого, едва слышного стука в дверь.

— Ну! — буркнул варвар хриплым со сна голосом, таким образом приглашая друзей войти.

— О, Конан, — изумленно прошептал Иену. — Неужели ты спал?

— Ну, — ответил он, зевая. — Вы готовы?

Аксель улыбнулся, протянул Конану маску. Спиртные Иену маски действительно отлично пропускали воздух. Киммериец примерился, дунул с силой, и волосы Иену взметнулись как от порыва ветра. Конан одобрительно кивнул. Листья агулита, свернутые в трубки и перевязанные тончайшими нитями, понравились варвару не меньше масок. Он никогда еще не боролся с врагами таким оружием.

— Пора идти, — спокойно произнес Аксель, снова взваливая на плечи мешок. Он недолго собирался в эту ночь. Все приготовления были сделаны давно и накануне ему оставалось лишь запастись провизией.

Пленники сложили маски, положили в мешки по дюжине трубок из агулита, затем облачились в кольчуги. Все молчали. Почему-то сейчас каждое слово казалось лишним, будто с ним уйдет какая-то частичка силы. А сила была им просто необходима.

Некоторое время спустя все четверо подходили к воротам города. Небо стало совсем светлым, но солнце еще не поднялось. Вот-вот первый луч скользнет по равнине, озаряя все вокруг ровным белым сиянием. Тогда пленники откроют ворота и выйдут из Вейшана... Еще несколько мгновений... Конан почувствовал, как по спине пробежал холодок — предвестник опасности, схватки, а может быть, смерти. Вся жизнь его до сих пор была заполнена именно этим, но стоило ли роптать? Нет, варвар отлично знал, что Кром — его божество — обращал внимание на киммерийца только при его рождении. Дальше человек должен был жить сам, надеясь на одного себя. Бой — родная стихия для каждого киммерийца. В бою проходит жизнь, и в бою она кончается. И это правильно. Во всяком случае, Конан не представлял себе жизни иной. Конечно, он мечтал о богатстве, о славе, о красивых женщинах, но не в этом он видел истинный смысл своего существования. Мужчина — воин. Всегда. Даже в роскошном дворце, даже в пышных одеждах и даже в постели с любимой...

Конан приосанился, приятные воспоминания мелькнули в его голове, но вдруг раздался быстрый шепот Иену, прильнувшего к щели в воротах. Мгновенно киммериец подскочил к юноше, легонько отодвинул его в сторону и сам посмотрел в щель. Первый луч солнца пробежал по равнине. Стало светло. Пора! Варвар толкнул тяжелую створку ворот — со скрипом ворота открылись, неохотно выпуская пленников на волю. Конан вышел первым, за ним, немного замешкавшись, остальные. Иену, Игалий, Аксель. За городской стеной киммериец остановился, несколько мгновений вглядываясь вдаль, потом обернулся на спутников и...

Лицо его вытянулось, рот приоткрылся. Перед ним стояли, чуть смущенно оглядывая друг друга, незнакомые люди.

В мужском платье, невероятно красивая, варвару улыбалась юная девушка. В ее зеленых бархатистых глазах

Конан увидел свое отражение, спохватился и закрыл рот. Девушка лишь отдаленно напоминала того ершистого парня, с которым варвар познакомился в Вейшане. Тонкие, необычайно нежные черты лица, легкий румянец... Конан почувствовал, как по всему телу пробежали мурашки... Зная подлые штучки этого города, он никак не ожидал, что Иена окажется такой красавицей. Он протянул к ней руку, но тут взгляд его случайно упал на двух мужчин, стоявших поодаль.

Конан растерялся. Который из них был Аксель, а который Игалий — разобрать было совершенно невозможно. И не только потому, что, выйдя за пределы города, и тот и другой изменили внешность. Киммериец посмотрел на одного, перевел взгляд на второго. Оба были одинаковы! Как две капли воды, как... Оба исполинского роста, одинаково одетые, с одинаковыми русыми кудрявыми волосами и бородами, широкогрудые, голубоглазые, они показались Конану братьями-близнецами. Впрочем, они и были братьями-близнецами. Приглядевшись, варвар заметил, что у одного из них нет правой руки.

— Ты кто? — требовательно спросил он, указывая на однорукого.

— Игалий, — густым басом ответил тот.

Конан хмыкнул, с трудом осознавая происходящее, покачал головой. Он не заметил, что путники с таким же удивлением смотрели на него самого.

— Конан, — наконец решилась Иена. — Что с тобой?

— Что? — встревожился варвар, ощупывая свое лицо. — Ничего. Все со мной в порядке.

— Вот именно, — девушка подошла ближе, внимательно вглядываясь в киммерийца. — Ты совершенно не изменился! Ни одной чертой! Что это значит?

Она обернулась к Акселю. Тот пожал плечами, улыбнулся своей прежней улыбкой.

— Это значит, что душа Конана точно такая, как и его внешность. Признаться, я и сам удивлен. Не ожидал...

— Смотрите! — крикнул Игалий, протягивая свою единственную руку в сторону равнины.

К спутникам ползли монстры. Они еще были довольно далеко, но медлить не стоило. Аксель, Иена и Конан быстро наполнили трубки из листьев агулита смертоносным порошком. Кузнец, который одной рукой не мог

пользоваться этим оружием, вынул свой меч. Спутники двинулись вперед, навстречу тварям, и вскоре уже могли различить их уродливые морды, кривые когтистые лапы, проворно перебирающие по сухой земле, тяжелое смрадное дыхание... Впереди скакал вожак. Его омерзительная физиономия теперь выражала совсем не подобострастие, как прежде, при первой встрече. Маленькие глазки пылали яростью, пасть кривилась, из нее со свистом вылетали какие-то непонятные проклятья. Другие твари, приближаясь к спутникам огромными прыжками, визжали и гоготали, и в этих жутких звуках тоже не было и следа прежней угодливости. Ненависть! Звериная, опьяняющая ненависть подгоняла уродов, несла навстречу людям. Уже тянулись, дрожа от нетерпения, грязные лапы... Вот-вот вонзят когти, вот-вот раздерут на куски...

— Давай! — рявкнул Конан, и трое с силой дунули в трубки.

Порошок черного лотоса мгновенно смял первые ряды монстров. Оскалив вонючие пасти, твари всхлипывали, падали на землю и тут же подышали. Только вожак сумел заслониться широкой ладонью. Он отскочил в сторону и теперь уже не так спешил покончить с людьми.

Издав победный клич, Иена с торжеством посмотрела на варвара. Он ответил ей сумрачным взглядом. Конан прекрасно понимал, что первая атака — не последняя. Хорошо, что им удалось отбить ее, но монстров много. И сейчас они повторяют нападение. Так и получилось. Только спутники вновь двинулись вперед, переступив через десяток подошедших тварей, как остальные пошли на них плотной массой. Осторожно, прикрывая грязные морды лапами, злобно рыча, они стали окружать людей. Не сговариваясь, спутники повернулись друг к другу спинами и остановились. И опять порошок черного лотоса окутал монстров, и опять они повалились на землю с дикими воплями. На этот раз порошок попал им в глаза. Раздалось шипение — еще дюжину тварей с выжженными глазами переступили люди.

И тут произошло то, чего они никак не ожидали. Вместо того, чтобы отступить и приготовиться к новой атаке, монстры с яростным воем кинулись на людей.

— Мечи! — рыкнул киммериец, и первый бросился в бой. За ним и Аксель, подняв меч, врезался в самую гущу

уродов. Иена встала по правую сторону Игалия, как бы заменяя тому руку.

Конан рубил, продираясь вперед. Одна за другой слетали головы монстров, разваливались рассеченные пополам тела. Твари, обезумевшие, кидались на людей. Казалось, ничто не могло остановить их.

— Конан! — звонкий голос Иены, полный отчаяния, заставил варвара вздрогнуть. Не переставая орудовать мечом, он обернулся. На Игалии висела целая куча уродов. Аксель крутился, молча, ловко срезая мечом сразу по две-три головы. Они никак не могли сейчас помочь девушке. Вожак, одной лапой обхватив ее тонкие руки, другой поднял ее и потащил прочь, поскуливая. Эти звуки — «гы-гы-гы» — взбесили варвара особенно. Одним могучим ударом срубив целый ряд монстров, он двумя прыжками оказался за спиной вожака. Меч как в масло вошел в жирное тело уroda. Страшно взвизгнув, он повалился на землю, не выпуская девушку из лап. Конан еще раз поднял меч — и голова вожака откатилась от тела. Иена с отвращением оторвала от себя лапы мертвого монстра, улыбнулась варвару и снова бросилась в бой.

Ряд за рядом косили спутники, но тварей, казалось, не становилось меньше. Сотни их покрыли сухую землю равнины, полили ее черной вонючей кровью. На их место становились другие, бой продолжался. Шаг за шагом спутники все же продвигались вперед. Конан, рубивший врагов темерь около Иены, время от времени поглядывал на Акселя и Игалия. Братья молча сражались, их мечи летали в воздухе с удивительной быстротой.

Внезапно варвар увидел, как за спиной Акселя оказался длинный тощий урод с маленькой головой и огромной, от уха до уха пастью. Конан с досадой крикнул — как мог Аксель быть таким неосторожным! — и бросился на помощь. Но было уже поздно... С визгом монстр подпрыгнул и вцепился зубами в шею Акселя. Жрец Митры зашатался, в последнем усилии схватил уroda за голову. Голова треснула, черная жидкость брызнула во все стороны.

Подскочивший Конан одним ударом клинка откинул монстра. Подхватив Акселя, он оттащил его подальше, мечом отмахиваясь от тварей. На небольшом кусочке чистой земли Конан опустился на колени, осторожно положил Акселя. Могучая шея жреца Митры была пере-

кушена острыми зубами твари, кровь теплым потоком лилась на руки варвара. Вырутавшись в отчаянии, Конан наклонился к Акселью, в надежде услышать его последние слова. Но жрец Митры уже не видел друга. Он глубоко, судорожно вздохнул и умер. Тогда киммериец взял его мешок, перекинул за спину и поднялся.

Бой затихал. Еще сверкал легкий, словно воздушный, клинок Иены, еще рубил уродливые тела монстров тяжелый меч кузнеца, но усталость постепенно одолевала и людей, и их врагов. Все реже и реже атаковали твари. То и дело один за другим, свесив длинные языки, они отбегали в сторону и, воя, скрывались в холмах. Когда же в самую гущу боя врезался Конан и в несколько коротких мгновений скосил не менее десятка монстров, враги отступили. Тяжело дыша, бойцы опустили на мокрую от крови землю.

Солнце уже стояло в зените. С рассвета и до полудня продолжалась битва, и даже варвар, привыкший к любым, самым изнурительным схваткам, чувствовал невероятную усталость. Иена же и подавно не держалась на ногах. Едва напряжение боя отпустило ее, девушка упала на землю в изнеможении и так застыла, не в силах шевельнуться. Конан сочувственно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Игалия.

Кузнец, вытирая со лба пот и кровь, сидел на земле и тяжело дышал. Внезапно он поднял голову и хрипло произнес:

— Где Аксель?

* * *

Мрачные, не глядя друг на друга, спутники раскладывали из горящих камней круговой костер. Сегодня они потеряли Акселя. Каждый винил в происшедшем только себя. Надо было держаться рядом, а они в пылу битвы забыли обо всем, разделились, и вот Аксель погиб. Друзья вырыли для него на равнине глубокую яму. Твари не должны прикоснуться к телу жреца Митры.

Киммерийцу нравился Аксель. Пожалуй, он все-таки был похож на отца Дана. И погиб тоже в бою... И так же, как пираты отомстили за Дана, Конан отомстит за Акселя. Жаль, никто не прочитает его книгу...

До сумерков спутники без всяких происшествий прошли расстояние, равное двенадцати полетам стрелы. Скоро на равнину опустится ночь, и монстры вновь выползут из нор. Что же, пусть они попробуют жаркого огня! Плохо, порошка черного лотоса осталось совсем чуть. Не хватит даже на десяток уродов.

Небо постепенно меркло, несколько звезд уже заблестели в мутно-серой вышине. Слабый ветер легко касался обветренных за день лиц странников. Ничто не нарушало тишину равнины.

— Конан, пора? — тихо спросила девушка.

— Нет, — так же тихо ответил киммериец. — Не топись, Иена. Мы не знаем, как долго могут гореть камни. Нужно поберечь их.

Кузнец молчал. Он сидел на земле, опустив голову на свою единственную руку, изредка тихо вздыхал, и вздох этот был похож на всхлип. Он потерял сегодня единственного брата.

— Игалий, — обратился к нему Конан, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче. — Доставай из мешка жратву. Неплохо бы подкрепиться.

Кузнец раскрыл мешок и достал оттуда большую лепешку, кусок сыра и кувшин вина. Несмотря на усталость, голод все же давал о себе знать. Конан впился зубами в лепешку, оторвал от нее порядочный ломоть и проглотил. Иена, следуя его примеру, тоже вонзила зубки в лепешку. Только Игалий не прикасался к еде. Он закинул голову и стал смотреть в небо, словно пытаясь отыскать там след погибшего брата. До сих пор они почти не расставались, и в Вейшан Аксель пришел именно за ним, за Игалием. Сейчас кузнецу казалось, что он потерял все, что время остановилось для него, что никогда не наступит завтра...

Спутники смотрели на огромную фигуру кузнеца — в сумерках были видны лишь очертания — и не знали, чем ему можно помочь. Иена со своим женским чутьем понимала, что подходить к Игалию сейчас нельзя. Он должен сам справиться с горем. Варвар, немало повидавший в жизни, морщился, стараясь изобразить на лице сострадание. Конан и в самом деле искренне страдал Игалию, но он никогда не умел выражать чувства внешне. Его

суровые черты могли лишь искажаться в гневе или крикнуться в улыбке женщине.

— Конан! — встревоженно позвала его девушка.

Ночь спустилась на землю, и тут же из холмов стали вылезать уроды. На этот раз они не торопились. Ночь — их стихия. На пустом пространстве равнины людям некуда бежать.

Киммериец не спеша достал из плаща камень и огниво и зажег камень. Ярко вспыхнуло пламя, перекинулось на камни рядом, и вскоре разгорелся костер. Монстры завывали, остановившись.

— Что! — торжествующе захохотал варвар. — Что, отродье Нергала, не нравится?

В ночной тишине его голос разнесся по всей равнине. Твари завизжали в ярости, кинулись к костру. Но первые, окалив шкуру, отпрянули, затоптались на месте, не решаясь подходить ближе. Конан запил лепешку и сыр вином, затем протянул кувшин девушке. Иена с удовольствием сделала несколько глотков, ощущая, как тепло разливается по всему телу, и передала кувшин Игалию. Но тот отрицательно покачал головой.

Твари снова подошли к костру, удобно расположились вокруг него, видимо, собираясь ждать всю ночь. Языки пламени поднялись уже высоко, сквозь них морды уродов казались особенно омерзительными. Красные блики посверкивали в маленьких злобных глазках, из оскаленных пастей свешивались длинные мокрые языки. Даже на расстоянии, через костер до спутников доносилось смрадное дыхание монстров. Иена отвернулась, стараясь не смотреть на них. Игалий не обращал ни на что внимания, занятый своими мыслями. Лишь Конан, лениво развалившись на земле, посматривал на врагов с легким удивлением и любопытством. Ну и ублюдки! У одного вместо пасти присоска, зато когти длинные, острые, как сабли. У другого рог во лбу, тоже оружие хоть куда. Третий безносый, четвертый наоборот с двумя носами, пятый...

Варвару надоело рассматривать монстров, он отвернулся, заворочался, устраиваясь поудобней. Надо спать. Впереди еще долгая дорога.

Под скулеж и причмокивание тварей Конан уснул. Но, может быть, это ему только показалось, потому что он вдруг открыл глаза, осмотрелся. Ничего не изменилось.

Все так же сидели монстры вокруг костра; Иена, скрестив ноги и покачиваясь, бормотала что-то себе под нос. Игалий... Игалия не было. Конан протер глаза. Наверное, это сон. Где же может быть кузнец? Не взлетел же он на небо. Киммериец посмотрел вверх. Какая-то тень мелькнула на горизонте в черной вышине, но тут же и исчезла. Поблескивали звезды...

— Иена! — Варвар потряс девушку за плечо, но та, видимо, дремала и не откликнулась.

— Кром... — пробурчал варвар. — Или мне все это снится или это штучки какого-то ублюдка. Без черных магов тут точно не обошлось. Игалий!

Киммериец рывком во всю глотку. «Игалий-ый-ый!..» прокатилось по равнине. Монстры вздрогнули, зашевелились, засуетились. Конан не обращал на них ровно никакого внимания. Он вглядывался в тьму, надеясь увидеть Игалия живого или мертвого, но все было напрасно. Тогда варвар снова лег — твари сразу успокоились, застыли у костра — и попытался уснуть. Он ворочался с боку на бок, зевал, вздыхал... И вот, когда веки наконец начали слипаться, легкая рука коснулась вдруг его щеки.

— Иена? — тихо спросил Конан.

— Да, любимый... — Девушка погладила его по заросшей щетиной щеке, но киммериец отодвинул ее руку.

— Ты не знаешь, где Игалий?

— Я не знаю... Конан... Иди ко мне...

И варвар не выдержал. Он привлек Иену к себе, впился губами в ее рот... Он целовал ее виски, нежный изгиб ее шеи, жадно вдыхал аромат ее волос. Девушка, сначала нежно ласкавшая его густую шевелюру, застонала, обняла обеими руками горячее, крепкое тело Конана, с силой прижалась к нему. От едва сдерживаемой страсти Иена выгнулась, судорожно вздохнула. Невыразимое наслаждение охватило варвара.

— Мы должны быть вместе... — шептала Иена. — Мы должны...

Конан согласно кивнул головой, вновь приныкая к ее рту, но вдруг замер. «Мы должны... должны...» Где он уже слышал подобное? В Вейшане? Или... Ну конечно! Когда он шел в город, эти слова все время повторяли ублюдки, призывая его присоединиться к их теплой компании. Варвар оттолкнул девушку, вскочил на ноги. Иена, не

спуская с Конана глаз, в которых мелькали красные блики костра, вновь протянула руки.

— Конан?.. — вопросительно шепнула девушка.

— Ты... суккуб... — выдохнул варвар, с неприязнью и жалостью глядя на нее. Только сейчас он заметил чуть выступающие клыки, кроваво-алые губы...

Иена легко поднялась и пошла к Конану, вытянув руки и усмехаясь. С яростным рыком киммериец отшвырнул ее. Она упала, но тут же встала и снова направилась к нему. Тогда Конан схватил ее в охапку, повалил на землю. Иена вырывалась, извивалась, но руки варвара сжимали ее как тисками. Ногой он подтянул к себе плащ и обвернул им суккуба как мог крепко. Затем достал из мешка Акселя веревку, замотал ею получившийся сверток и только тогда, отдуваясь и вытирая пот со лба, сел.

Бедная девочка! Вот о чем предупреждал ее во сне старик. Что будет с ней, когда утром Конан расскажет о ночных событиях? Но рассказать надо. Они вместе подумают, как быть дальше. С этой мыслью киммериец лег на землю, положил руку на завернутую в плащ девушку и уснул. На рассвете его разбудил тихий, торжествующий вой уродов. Конан открыл глаза. Костер догорал, языки пламени стали ниже, и монстры подпрыгивали, вытягивали шеи, стараясь разглядеть путников, плотоядно урчали. Варвар осторожно развернул Иену. Девушка крепко спала, приоткрыв пухлые губки. Дыхание ее было легким, почти неслышным. Конан наклонился и поцеловал ее.

— Конан? — Иена открыла глаза, улыбнулась.

— Вставай скорей, сейчас догорит костер, — киммериец уже был на ногах и, сурово сдвинув брови, запикивал в плащ мешок Игалия. — Где кузнец, не знаешь?

— Габидонт, — медленно произнесла девушка.

Конан остановился.

— Его утащил габидонт? Ты сама видела?

Иена кивнула.

— Со мной происходило что-то странное. Голова затуманилась... Я смотрела, как над нами кружится габидонт, как он опускается, хватается Игалия... Ты спал, а у меня не было сил разбудить тебя. Я не могла даже крикнуть. Это чудовище вцепилось в Игалия огромными когтями и понесло, как цыпленка... О, Конан, ужасно... Я так виновата...

— Клянусь Кромом, ты тут ни при чем. Над тобой тоже кто-то позабавился. Ночью ты чуть было не отправила меня на Серые Равнины.

— Я? — Девушка изумленно посмотрела на варвара.

— Ты... — Конан хмыкнул. — Обратилась в суккуба... Что мы только не вытворяли, пока я не догадался, в чем тут дело. Прости уж, но пришлось замотать тебя в мой плащ, не то сейчас я валялся бы здесь с прокушенным горлом... Иена...

Девушка обхватила голову руками и плакала.

— Ну, — растерянно пробормотал варвар. — Чего ревешь-то. Вот выйдем с равнины, отыщем того ублюдка, кто все это придумал, и я заставлю его снять заклятье. Иена...

Конан топтался на месте, не зная, что еще сказать. Он не умел утешать. Он умел действовать. Но и Иена не умела долго плакать. Вытерев слезы, она встала, не глядя на спутника, взяла свой мешок и прыгнула через затухающий костер.

Монстры взвыли, бросились на нее. И снова засверкал в воздухе легкий меч. Мгновение спустя рядом с девушкой встал киммериец. Теперь их было двое, а тварей, казалось, целое море. Свежий утренний воздух наполнился запахом черной вонючей крови. Уроды клацали зубами, кидаясь на людей, падали, разрубленные мечами, а за ними, суча ногами от нетерпения, ждали своей очереди остальные. Клинки со свистом презались в безобразные тела уродов, расчищая дорогу спутникам. Вскоре вокруг Конана и Иены уже лежали десятки мертвых монстров, но на их место тут же вставали другие. Казалось, бою не будет конца. Варвар почувствовал, что хладнокровие начинает изменять ему. Назойливые ублюдки лезли под мечи и подышали, словно об этом только и мечтали всю свою поганую жизнь. Ни один из них не собирался убегать. Но — Конан видел — не храбрость, а упрямство и ненависть заставляли тварей кидаться на людей. И именно это разъярило варвара особенно.

— Доставай порошок! — крикнул он девушке, прыгая вперед и прикрывая ее собой.

Иена быстро вынула из мешка остатки порошка черного лотоса. Конан закрыл лицо рукой, зажмурился — не было времени надевать маску. Девушка с силой дунула в

трубку, и страшный вой раздался сразу из толпы уродов. Кто мертвый, кто ослепленный, они падали на землю, визжали, лаяли... От шума у Конана заложило уши.

— Еще! — рывкнул он, размахивая мечом.

— Порошка больше нет! — задыхаясь, крикнула Иена.

— Кром!

Клинок варвара разил обезумевших ублюдков. Сотни уже лежали вокруг, и опять на место мертвых вставали новые...

Каким-то внутренним чутьем Конан понимал, что девушка устала. Она все так же поднимала меч, с такой же силой опускала его на головы ублюдков, но во всех ее движениях ощущалась невероятная усталость. Еще немного — и она упадет замертво под ноги грязным тварям... Так решил Конан, с удвоенной яростью кидаясь вперед.

Его воинственный клич, казалось, подбодрил девушку. Словно очнувшись, она бросилась за варваром. И монстры не выдержали их натиска. Они пустились бежать, воя, скрежеща зубами и оглядываясь на людей с такой дикой ненавистью, что Иена отвернулась. Она стояла, чуть покачиваясь от усталости. Конан подошел к ней, хлопнул по плечу.

— Неплохо. Клянусь Кромом, совсем неплохо.

Девушка покачала головой и опустилась на землю.

— Вставай!

Киммериец схватил ее за руку и дернул.

— Вставай! Нам надо идти.

— Я не могу...

— Можешь!

— Прости, Конан, я не могу...

— Можешь! Нам надо уйти с равнины! Отдохнешь потом. А сейчас вставай!

Он рывком поднял Иену, встряхнул ее и потащил за собой.

Конан и сам не прочь был прилечь на землю и под теплыми солнечными лучами как следует поспать, но он понимал: медлить нельзя. Кто знает, долго ли им еще идти. Горящих камней больше нет, Иена устала так, что вряд ли выдержит еще одну схватку. Единственный шанс спастись — выбраться с равнины как можно скорее. А для этого надо идти. И Конан пойдет, а если понадобится —

ся — девочку понесет на себе. Но лучше все-таки, чтобы она шла сама...

— Иди!

Варвар тащил девушку за руку, она спотыкалась, падала, но он поднимал ее безжалостно — и они снова шли вперед.

Солнце уже клонилось к горизонту. Его жаркие лучи стали мягче, прохладный ветер подул с востока. Холмы на равнине попадались уже реже, но Конан не заметил этого. От жары в голове его помутилось, искры плясали в глазах, и он вдыхал свежий ветер с наслаждением, будто жаждущий глоток воды.

Иена давно уже потеряла сознание и висела на плече варвара. Ее волосы, шевелящиеся от ветра, щекотали его лицо.

Изнуренные жарой, путники не сразу ощутили прохладу наступающего вечера. Но вот Иена тихо застонала, и киммериец опустил ее на землю.

— Иена... — губы его, потрескавшиеся от жары, с трудом шевелились. — Попробуй встать. Надо идти.

Девушка сделала попытку подняться. Ноги не повиновались ей. Тогда варвар достал из мешка кувшин с остатком вина, влил ей в рот несколько глотков, остальное допил сам. Бросив кувшин на землю, он встал, снова взвалил девушку на плечо и пошел дальше.

Вскоре*вдали появилась темная полоска. Конан прищурился, стараясь разглядеть, что там, но уставшие за день глаза ничего не могли различить. Пройдя еще немного, киммериец остановился. Заходящее солнце освещало равнину неяркими лучами, и путник ясно увидел наконец темно-зеленую, обрывающуюся внезапно полосу. Кустарник! Конан прибавил шаг.

Спустя некоторое время он уже различал ветки и листья кустов. Чувствуя радостное возбуждение, киммериец не понимал еще, что в глубине души он уже не верил в спасение. Он был готов к смерти, как был готов к ней всегда. Но погибнуть здесь! От лап ублюдков! Для воина такая смерть нелепа. И сейчас, всего лишь за один полет копья от спасительной дороги, Конан сожалел лишь, что не всех тварей они оставили лежать дохлыми на равнине.

А неплохо было бы перебить всю эту свору! Тогда вряд ли пришлось им возвращаться сюда. Люди смогли бы сами спокойно уйти из города. Вот разве что габидонты помешают... Занятый такими мыслями, варвар не сразу услышал странные звуки за спиной. Гортанные крики, топот... Он оглянулся. Темное пятно приближалось с каждым вздохом, и, хотя еще нельзя было различить очертаний, Конану стало совершенно ясно, что в погоню пустились монстры. Он выругался и пошел быстрее. До кустарника оставалось совсем немного пройти, но твари неслись с невероятной быстротой. Варвару казалось, что он слышит уже их тяжелое смрадное дыхание.

Внезапно со стороны кустарника послышались странные звуки. Тягучие, жалобные, словно кто-то плакал. «Кром... Это еще что такое», — с раздражением подумал Конан, не сбавляя шаг. Ловушка? Или неведомая тварь притаилась в кустах? Об этом некогда было думать. Что бы там ни оказалось — с равнины надо уйти. Киммериец оглянулся. «О, Митра...» Путник с благодарностью произнес про себя это имя. А кто же еще, как не Хранитель Равновесия и Податель Жизни смог остановить грязных ублюдков!

Воя, монстры стояли на равнине, протягивали к Конану лапы и что-то выкрикивали.

— Ты должен быть наш-ш...

Различил варвар знакомые слова, усмехнулся, поправил висящую на его плече без сознания девушку и пошел дальше. «Идите к своему Нергалу. Он уж наверняка ваш!» Конан поднял ногу и переступил через кусты.

Глава 5

Огромное, обычно мрачное подземелье сейчас было освещено тысячами свечей. Свечи горели и вдоль подземных коридоров, и в зале. Посреди зала стоял трон, а перед ним круглый стол, весь уставленный дорожными яствами и бутылками редкого розового вина. Майорк пировал. Сегодня Гром наконец объявил ему о своем решении. Он согласен помочь магу овладеть Силой Митры! «Еще день-два, — сказал он, — и я займусь тобой. А пока потерпи. Я должен отдохнуть». Майорк потерпит. Почему бы не потерпеть. Его отец, Омерру, говорил:

«Умей ждать». Пусть себе Гром отдыхает (хотя с чего это он устал?). Магу всегда найдется, что делать.

Старик поднял бокал, наполненный прозрачным розовым вином, еще раз поздравил себя с победой и выпил. Сегодня можно. Праздник. И богатый стол, и свечи... Все это с самого начала входило в его план. А вообще маг видел в темноте, как кошка, и свечи ему были нужны лишь для торжественности. Щелкнув пальцами, он подошел к себе кхитайца. Мальчишка подбежал, согнувшись, прошепел: «Сто уютно, господин?»

— Пойди-ка, погляди, как поживает наш гость.

— Слушаю, господин.

Словно тень, кхитаец исчез в глубине коридора. Старик посмотрел ему вслед. Притворяется дурачком! Фу! Неужели он всерьез надеется, что Майорка можно провести? Интересно все же, что ему надо? Узнать, где спрятана дочь Грома? Невозможно. Гром должен это понимать. Или... Он хочет убить мага? Тоже невозможно. Как тогда они найдут девчонку? И вообще, убить Майорка не удастся никому. Никому!

Когда-то по древним папирусам и с помощью звезд маг увидел свою смерть. Женщина с ребенком на руках, мальчиком или девочкой — Майорк не понял. Понял только одно, самое важное: этот ребенок и принесет ему смерть. Его ребенок! С тех пор маг сторонился женщин. Мужчины его тоже не интересовали, разве только мальчишки... Да и те не особенно. Майорк бросил забавляться с ними, когда уяснил наконец: его не волнует никто, кроме единственного существа — самого Майорка.

Не так давно, лет двадцать, кажется, назад, маг совершил глупость. И как он ни любил себя, признал — это была глупость. Но уж больно хороша была женщина. Юная, нежная, хрупкая... цветок... Он хотел уничтожить ее сразу после этого, но не успел. Она скрылась так неожиданно, словно предчувствовала, что должно с ней произойти. Майорк искал ее, долго искал. А когда нашел — она была уже с младенцем. Пришлось поджечь их дом... Магия магией, а пожары Майорк всегда любил. Пожары — его слабость, его стихия. В огне есть что-то такое гордое, величественное...

Поэтому смерти маг уже не боялся. Зачем бояться того, чего нет? Но думать о настоящем следовало непре-

менно. Стоило ненадолго лишь отвлечься от Вейшана — и оттуда уже сбежал человек. Хорошо, Майорк на всякий случай послал габидонта прогуляться над равниной, посмотреть сверху, что там происходит. Габидонт — тупое животное. Ничего рассказать не может. И не потому, что не умеет говорить. Майорк любого заставит даже петь. Дело в том, что башка у габидонта пустая, как гнилой орех. Совсем не соображает. Все, на что его хватило, — зацепить когтями человека и принести сюда. Второй день кузнец — только это и сумел узнать маг — висит на цепях в дальней комнате подземелья. Пытка не развязала ему язык. Пока не развязала. И сегодня ему повезло — у Майорка хорошее настроение. Но завтра... Кузнец пожалеет о том, что родился на свет. Майорк добрый, но не надо наступать ему на мозоль! Ну, чем было плохо в Вейшане? Жрал, пил в три горла и ни за что не платил! Из калеки однорукого стал нормальным, здоровым... Таковы все люди. Неблагодарные ишаки, которых распустил Митра. Собрать бы их всех в кучу, в стадо, да обложить со всех сторон надсмотрщиками с кнутами! Чтобы работали, работали и работали. Больше они ни на что не годны.

Пожалуй, так Майорк и поступит с ними, когда станет властелином мира. А с Митрой можно договориться. Впрочем, вполне вероятно, и не придется договариваться. Митра поймет, кто теперь хозяин, и уйдет под землю, к своим Первосотворенным. Потом его можно будет выкурить и оттуда...

...Старик сладко вздохнул. Отлично придумано! Весь план достоин восхищения. Если бы отец был жив, он сказал бы: «Великолепно! Я горжусь тобой!»

— Господин...

— Ну, что тебе надо, змееныш? — Майорк уже забыл, зачем и куда он посылал Вена.

— Нас гость чувствует себя холосо. Плюсил пеледать тебе: «Стоб ты сдох, отлodge Нелгала».

— Что? — завизжал старик, подпрыгнув на стуле. — Как ты смел передавать мне это, маленькая тварь!

— О, мой господин, я не знаю, сто такое «отлodge Нелгала»...

— Тупица... — Майорк заерзал на троне, едва сдерживая гнев. — Пшел вон!

От хорошего настроения не осталось и следа. Все испортил проклятый кузнец! Придется заняться им как следует. И не завтра, а сейчас. Немедленно!

Майорк тяжело поднялся, дунул вверх, и все свечи мгновенно погасли. Подземелье погрузилось в тьму.

* * *

За кустами Конан опустил на землю свою ношу, сел рядом и засмеялся. Все-таки они выбрались из города и выбрались с равнины! Спать. Сейчас только спать. Но Иена... Надо связать ее, пока она без сознания... Варвар осторожно завернул девушку в плащ и лег рядом.

Ночь прошла спокойно. Раз только, когда стал вдруг накрапывать мелкий теплый дождик, Иена шевельнулась, застонала, но скоро затихла. Свежий запах ночи Конан чувствовал даже сквозь сон, с удовольствием вдыхал его, как узник вдыхает глоток свободы после затхлого стоячего воздуха подземелья.

Утром, едва первый луч солнца коснулся его лица, он проснулся. Приподняв край плаща, посмотрел на Иену. Девушка ровно дышала, но еще спала. Тогда киммериец снова лег, подложив руки под голову, и, улыбаясь, стал смотреть в светлое утреннее небо. Да, теперь они свободны. Они ушли из Вейшана, ушли навсегда. Теперь остается совсем немного: найти того ублюдка, кто все это придумал. Киммериец зашевелил губами, бормоча ругательства в адрес ублюдка, которого он хорошо себе представлял по сну Иены. Что бы с ним сделать такого? Просто убить? Нет, он заслуживает кары пострашнее. Это из-за него погибли Аксель и Игалий, из-за него томятся в Вейшане хорошие люди, превращенные Нергал знает во что. Из-за него Иена обращается ночью в суккуба... Из-за него Конан потерял столько дней, валяясь на кровати или играя в кости. За это время он давно бы уже обчистил сундуки купца из Замбулы и сейчас наверняка наслаждался бы ласками какой-нибудь юной красавицы.

Подумав о красавице, варвар тяжело вздохнул. И словно эхом откликнулся чей-то такой-же глубокий вздох. Конан завертел головой: кто здесь может быть? И вспомнил. Тягучие жалобные звуки, доносившиеся отсюда, когда он еще шел по равнине! Но вокруг никого не было.

Киммериец пожал плечами. Нергал с ними со всеми. Кто бы там ни был, захочет — вылезет, не захочет — пусть убирается на все четыре стороны. И словно в ответ на такие рассуждения из кустов, вздыхая, отряхивая с одежды песок и траву, вышел человек.

Совсем молодой, моложе Конана лет на десять, не меньше. Светлые, чуть рыжеватые волосы, голубые глаза; ростом, может, лишь на два пальца выше Иены и сложением не плотнее ее. Черты лица его, тонкие и приятные, портил длинный кривоватый нос. Казалось, Создатель задумался о своем, о великом, и перепутал носы: этому приставил крючок какого-то стигийца, а того, наоборот, одарил изящным благородным носом. Но, красивый или не очень был встречный, улыбка его ясно говорила о вполне доброжелательном отношении к новым знакомым. Он сделал еще несколько шагов вперед, предусмотрительно не подходя совсем близко, и вежливо поклонился. На огромного могучего варвара он смотрел без тени опаски, зато тот уставился на незнакомца с подозрением, помня о доносившихся отсюда звуках. Учтивый молодой человек прокашлялся и, указывая на Иену, чистым приятным голосом спросил:

— Что-нибудь случилось?

— А тебе что? — буркнул варвар. Его подозрения при виде такой необъяснимой вежливости только усилились.

— Я могу помочь? — незнакомец, не обращая внимания на тон киммерийца, так же учтиво поклонился еще раз.

Конан фыркнул и отвернулся.

— Конан... — позвал тихий голос Иены. — Кто с тобой?

— Не знаю. Прицепился какой-то... Ты в порядке?

— Да. Только горло пересохло.

— У меня есть вода, — улыбнулся незнакомец Иене. — Не хотите?

Иена улыбнулась в ответ.

Молодой человек исчез в кустах и спустя несколько мгновений появился вновь. В руках он держал небольшой, круглый бурдюк. Конан расслышал, как плещется в бурдюке вода, и слюнул. Девушка с благодарностью посмотрела на незнакомца, прикинула к горлышку бурдюка и с еле сдерживаемой жадностью выпила дюжину глотков.

Потом она протянула кувшин Конану, но тот, покачав головой, отвернулся.

— Кто ты? — спросила Иена незнакомца.

— Я Хольд, врачеватель.

Варвар хмыкнул.

— А я — Иена, — девушка покосилась на киммерийца, но ничего ему не сказала. — Он — Конан из Киммерии.

— Вы пришли с равнины. — Хольд произнес эти слова скорее утверждающе, чем вопросительно.

Конан насторожился.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел вас, — улыбнулся новый знакомый.

— Так это ты тут визжал? — Я так и понял.

— Я не визжал, — Хольд засмеялся. — Вот...

Он достал из-за пазухи маленькую, тонкую, невзрачного вида трубочку.

— Что это? — Иена подалась вперед, стараясь разглядеть трубочку поближе.

— Это дуда. На самом деле название ее более длинное — Дуда Бахир Аэ, но я называю ее просто, по-приятельски — дуда.

— Ты еще и музыкант? — с любопытством и немного с иронией спросила девушка.

Хольд почувствовал ее иронию, снова улыбнулся:

— Нет. Я совсем не владею музыкальными инструментами. А моя дуда, скорее, инструмент врачевателя.

— И что ты ей лечишь? — презрительно усмехнулся Конан. — Может...

— Нет-нет, — сразу понял врачеватель ход мыслей варвара. — Совсем не это. Вы заметили, что ваши преследователи остановились и больше не пытались вас догнать?

— Ну? — насторожился Конан.

— Их остановила моя дуда.

— Постой, ты хочешь сказать, что твари услышали дуду и не смогли бежать дальше? — Иена с изумлением смотрела на Хольда. Она была уже уверена, что именно это он и хотел сказать.

Хольд кивнул, усаживаясь рядом с девушкой.

— Врешь! — отрезал варвар, сердито глядя на нового знакомого, и тут же продолжил: — Дай воды.

Врачеватель с готовностью протянул ему бурдюк, и Конан припал к горлышку, с жадностью глотая воду. Напившись, он подобрел.

— А что еще может твоя дуда?

Хольд пожал плечами.

— Пожалуй, больше ничего. Но ведь и этого достаточно, правда?

Киммериец пожал плечами. Новый знакомый начинал ему нравиться. В его чистых голубых глазах, в открытой улыбке не было ничего тайного. Ровный и спокойный характер — этого даже варвар не мог отрицать — отличал врачевателя сразу. При первом же взгляде на него можно было понять, что он за человек. И Конан с первого взгляда это понял, но от усталости и раздражения не хотел признать. Теперь же, когда он немного отдохнул и напился, киммериец вполне был готов к приятной неторопливой беседе.

— А почему ты решил нам помочь?

— Увидел, что вам нужна помощь.

Ответ понравился Конану. Коротко и ясно, как и подobaет мужчине.

— Могу я узнать, куда ты направляешься? — вступила в разговор Иена.

— Конечно. В Аakit.

— А откуда?

— Из Луксура.

— Я никогда не была в Луксуре.

— О, это прекрасный город. Впрочем, я жил там долгое время и считаю Луксур своей родиной. Может быть, тебе он покажется совсем другим.

— А твоя настоящая родина?..

— Не знаю. В Луксуре я оказался пятилетним ребенком, а где жил до этого... надо спрашивать моих родителей.

— Ты сирота?

— Да. Меня воспитал чужой человек. Но чужой лишь по крови. Я всегда называл его отцом. Он врачеватель. Добрее и мудрее его людей я не встречал. Он умер около года назад. Я хотел продолжить его дело, но...

— Но?

— Трудно объяснить. Просто мне показалось, что я буду нужнее в другом месте. Где? Не знаю. Что-то по-

влекло меня и влечет до сих пор. Я иду туда, куда, как мне кажется, надо идти.

— А сейчас тебе кажется, что ты должен идти в Аakit?

— Да.

Иена посмотрела на Конана, который с неудовольствием прислушивался к их беседе. Девушке явно понравился новый знакомый, и это совсем не нравилось варвару. Он почувствовал, как раздражение снова начинает подниматься в нем.

— Конан, — робко произнесла Иена. — Может быть, мы проводим Хольда в Аakit? А потом пойдем в Тарантию, к моему отцу.

— Сначала мы пойдем в Тарантию, — проворчал киммериец, впрочем, лишь из чувства противоречия. Сейчас ему было все равно, куда идти. А в Замбулу почему-то не хотелось.

— Пожалуйста, Конан.

Варвар вздохнул. До Акита гораздо ближе, чем до Тарантии.

— До Акита гораздо ближе, чем до Тарантии, — повторила вслух Иена мысли Конана. — Мы проводим Хольда, отдохнем немного и пойдем дальше. Так хочется попасть наконец в обычный город...

Этот аргумент подействовал на киммерийца.

— Ладно, — буркнул он. — Пойдем в Аakit. Только я поем сначала.

Не обращая больше внимания на спутников, Конан разложил на плаще остатки припасов и набросился на еду. Только сейчас он почувствовал, как голоден. Куски исчезали с невероятной быстротой. Иена и Хольд, переглянувшись с улыбкой, подсади поближе к варвару и тоже начали есть.

Когда на плаще остались только крошки, спутники поднялись.

— Пойдем вдоль реки Ильбарс или?.. — Хольд вопросительно посмотрел на киммерийца.

— А или — это что? — буркнул тот, не глядя на врачевателя.

Он закинул за спину уже пустой плащ и пошел. Иена с новым знакомым торопливо двинулись следом.

Темные тяжелые воды Ильбарса издавали резкий запах. Запах этот, пронзительный, сырой, спутники почувствовали издали. Они прошли небольшую рощу, где стояли печально редкие чахлые деревца, без особого труда переправились через мелкое, но вязкое болото и вскоре вышли к реке.

Над водой стоял туман. Плотный, как предгрозовая туча, и такой же тяжелый и серый. Сквозь муть тумана нельзя было разглядеть даже друг друга на расстоянии нескольких шагов, и спутники старались держаться рядом: местность для всех троих незнакомая, мало ли что или кто обитает на этих странных берегах.

Врачеватель рассказывал что-то о Луксуре, но Конан не слушал его. Он был сердит на Иену. Нельзя терять время! Еще Аксель говорил, что надо спасать людей, оставшихся в Вейшане, а они как ни в чем не бывало сопровождают врачевателя. Ему приспичило в Акит! Но ведь это ему приспичило, а не Конану! Пусть бы шел себе, так нет. Иена потащила за ним, и киммериец, конечно, тоже. Не может же он бросить девушку на сомнительного нового знакомого.

Раздраженный Конан шел, не оглядываясь. Он слышал за спиной шаги спутников и тихий голос Хольда и был спокоен за них. В глубине души он и сам понимал, что раздражается без толку. Все равно они не знали, как освобождать вейшанцев, и где искать того, кто все это придумал, и в Тарантии ли сейчас отец Иены... Он мог ухать отсюда в поисках дочери... В Акит так в Акит. Лично он, Конан, не видел пока никакой причины туда не ходить.

Так, противореча сам себе и сам с собой обо всем рассуждая, варвар прошел довольно большое расстояние, когда заметил вдруг, что спутников его не слышно. Он остановился, осмотрелся. Тишина. И — никого. Выругавшись, Конан пошел назад.

Туман начал рассеиваться, клочья его висели в воздухе, словно приклеенные. Утро, день, вечер — различить было грудно. После жаркого солнца равнины такая перемена показалась варвару странной, но приятной. Он с удовольствием вдыхал сырой промозглый воздух и уверенно шел в тумане, как будто прекрасно видел все вокруг. На самом

деле Конан почти ничего не видел, зато отлично слышал. Ни шороха, ни звука не раздавалось, только тихий плеск вод Ильбарса да редкий плюх какой-нибудь выскочившей наверх рыбины.

Наконец киммериец различил в стороне от реки шуршание, совсем не похожее на обычное шевеление листьев деревьев. Оханье, кряхтенье... Что за возня? Конан осторожно пошел на этот звук, и внезапно нога его провалилась в какую-то яму. Он едва успел отскочить, как увидел скользнувший по его лодыжке корень, по виду очень напоминавший руку. Или это рука, напоминавшая корень... Рука! Пальцы, кривые, черные, судорожно сжались, и земля осыпалась с них с сухим треском.

— Ну! — грозно сказал киммериец, предусмотрительно делая несколько шагов назад. — Выползай-ка, дерьмо мула. Я хочу видеть тебя.

Тяжелый, унылый вздох был ему ответом. Дерьмо мула явно не желало показываться.

Конан постоял немного, не двигаясь и ожидая, что тварь все-таки потеряет бдительность и выползет на поверхность, но ничего подобного не произошло. Тем не менее киммериец был уверен, что Иена и Хольд здесь. Что с ними сделал криворукий ублюдок? Если они живы... Нет, Конан и думать не хотел, что с ними могло что-то случиться. В конце концов Иена — боец, и отличный боец, он видел это сам. А Хольд... У него есть дуда. И если он не врал, что именно его дуда остановила монстров, то беспокоиться не о чем. Но он мог не успеть ею воспользоваться... Больше размышлять было не о чем, да и некогда. Конан выругался, сплюнул и прыгнул в яму.

И сразу ноги его, тело и шею обвили руки-корни, которых оказалось не две, а великое множество. Послышалось довольно урчание, треск, и — тут же опять треск, но совсем другой, больше похожий на стон. В намерения варвара не входило быть раздавленным неведомым монстром, поэтому он напрягся, обхватил руками корни и медленно стал отрывать их от себя. И через несколько мгновений был уже свободен, удивляясь про себя слабости лесной твари. Глаза его уже привыкли к темноте, и он различил изломанные руки-корни, голову, похожую на пень, сучок носа... Несмотря на пропажу спутников и раздражение, варвару стало смешно. Суще-

ство, сложившееся пополам, горестно смотрело на него, тебя кривыми пальцами тину, обмотанную вокруг туловища и, видимо, заменяющую ему одежду. Нападать оно больше не решалось.

— Ты кто, недоносок? — брезгливо кривясь, спросил Конан. Раздражение вновь вернулось к нему. Терять время на такого ублюдка казалось ему непозволительной роскошью. Тем не менее Иена и Хольд пропали. Приходилось стоять в сырой грязной яме и вести беседу с непонятным пока существом.

— Демон, — скромно ответил тот.

— Ха! — Конан постарался, чтобы смех его прозвучал как можно более оскорбительно, но тварь не обиделась. Наоборот, смутилась.

— Я дух болот, — скрипучим голосом произнесла она. — Ты можешь смеяться, сколько тебе угодно, но когда-то я был страшен и ужасен. Люди боялись меня, как самого Сета...

Вымолвив последнее слово, дух болот сжался, словно ожидая, что сейчас же последует кара за богохульство. Но Сет, как стало ясно через несколько мгновений, вряд ли обращал внимание на такое жалкое существо. Так что ничего не случилось, дух болот ободрился и гордо взглянул на варвара тускло блестящими глазками.

— Где люди, корявый? — решил не тратить больше время Конан.

— Какие люди? — с изумлением уставился на него дух болот.

Киммериец сразу понял, что тот не притворяется и действительно не знает ничего про Иену и Хольда. Оставалась только надежда, что от старости он потерял память и уже забыл, что затащил в свою яму двух человек.

— Люди! — рявкнул варвар. — Девушка и парень! Девушка и парень!

Но даже сказанные отдельно и грозно слова не оживили память духа болот.

— Я не знаю, — для пущей убедительности он затряс всеми своими корнями. — Клянусь пиявками, я не видел людей уже двадцать лет! Ты первый...

Сплюнув, Конан полез наверх, не обращая уже внимания на это жалкое существо. Сколько времени он потерял зря! Кром...

Туман рассеялся. Шел дождь. Холодные капли падали на голову, на плечи, на лицо варвара, что он воспринимал с большим удовольствием. Вот и помылся! Не надо теперь идти к реке. Грязная вонючая вода Ильбарса годится только для изможденных рыб и лягушек... Но где же Иена и Хольд? Конан набрал полную грудь воздуха и рыкнул на весь лес.

— Иена-а!

«А-а-а...» — пронеслось по реке. И тут же киммериец услышал в ответ чей-то далекий крик. «...ан-н-н...» Он пошел на голос и вскоре увидел маленькие фигурки, вертящиеся на месте. Хольд растерянно наклонился, заглядывая под кусты, как будто Конан и впрямь мог спрятаться там. Иена, напротив, осматривала верхушки чахлых деревьев, словно надеясь найти Конана на ветвях. Когда рядом с ними оказалась огромная фигура киммерийца, едва сдерживающего проклятья, они обрадовались.

— Конан! — воскликнула Иена. — Куда ты пропал? Мы ищем тебя по всему лесу.

— Вижу, — буркнул киммериец и, не желая больше говорить об этом, пошел вперед. Настроение его резко упало. Оно и так-то не было особенно хорошим, но сейчас он чувствовал, как далеки от него эти двое. Заболтались — и потеряли его. И впервые, пожалуй, Конан ощутил их молодость. Рядом с ними, легкими, изящными, он казался сам себе неповоротливым верблюдом, и очень удивился бы, если б смог прочесть мысли Иены и Хольда. Девушка, идя следом, смотрела на него с восхищением. Он понравился ей сразу, еще в кабачке Вейшана. Тогда она следила, как варвар поглощал пищу, и жалела о том, что она в мужском обличье. А потом они вышли из города и изменились. А он — нет. И в битве с монстрами они не проиграли только благодаря ему. И... Она вздохнула. Юный врачеватель притягивал ее не меньше, но совсем по-другому. Как? Она могла дать отпор врагу, она прочитала немало книг, но разобраться в своих чувствах еще не умела. Иена снова вздохнула, ругая себя за легкомысленность, и начала думать об отце. Он ищет ее. Опять ищет. Неужели так они будут искать друг друга всю жизнь?

А Хольд в это время тоже думал о Конане и тоже с восхищением. Когда-то он мечтал быть таким же — силь-

ным, отважным, невозмутимым. Но гораздо больше, чем сражения, его привлекали книги, звезды и рассказы приемного отца о прошлом. Как и Иена, Хольд не умел пока оценивать верно свои мысли, свои поступки, себя самого. Он поступал всегда так, как считал нужным, но всегда потом сомневался: правильно ли он поступил. Уверенность Конана восхищала его даже больше, чем его же сила и мощь. Он шел за Иеной и ее глазами смотрел на себя и на киммерийца. Сравнение было не в его пользу. Так ему, по крайней мере, казалось. Но такие мысли Хольд считал недостойными, отбросил их и начал думать о приемном отце.

* * *

Погода в этих местах менялась несколько раз за день, так что спутники успели уже дважды вымокнуть под дождем и дважды высохнуть под палящим солнцем. Но не погода, а голод подгонял их. Когда кончились припасы Хольда, они решили отойти от реки и поискать какую-нибудь деревню. Теперь впереди маленького отряда шел юный врачеватель. Чутье, которое влекло его в Аkit, безошибочно вело спутников по лесу, где, казалось, еще не ступала нога человека, через поляну, опушку, поле, усеянное колокольчиками, мутный ручей. Наконец Хольд остановился.

— Здесь живут люди, — с сомнением произнес он, покачивая головой.

— Так живут или нет? — Конан смотрел на врачевателя с подозрением. Куда завело их его «чутье»?

— Живут, — заверил его Хольд. — Только как-то странно...

— Не говори загадками!

— Да я и сам пока не понимаю, в чем дело. Оставайтесь здесь, а я пойду и все узнаю.

— Нет. Я пойду, а вы оставайтесь.

И Конан решительно зашагал вперед. Через некоторое время он заметил, что спутники идут следом.

— Я же сказал, ждите меня здесь!

Иена и Хольд остановились, молча глядя на варвара. Но, когда он снова пошел, не сговариваясь, двинулись за ним.

— Ну что, вы так и будете таскаться за мной? — обернувшись к молодым людям и сдвинув брови, сурово произнес Конан. Те остановились, но не ответили, невозмутимо глядя на варвара чистыми глазами. Конан махнул рукой, пригнулся и вошел через низенькие ворота в деревню. Спутники присоединились к нему.

Деревня казалась вымершей. Не то что человека — собаки или кошки не было видно нигде. Чахлые, редкие, как в роще на берегу Ильбарса деревья с пожелтевшими листьями; прошлогодняя трава, источавшая и колючая; высохшие колодцы, из которых несло гнилью, — все это создавало впечатление, что из деревни давным-давно ушли люди, спасаясь от какого-то неведомого мора.

Спутники заглянули в первый попавшийся полуразвалившийся домишко, похожий на все остальные здешние жилища, как похожи между собой изделия одного неумелого мастера. Конечно, в доме никто не жил. Вся обстановка внутри красноречиво говорила о бедности, почти нищете прежнего хозяина. Шатающийся стол, табуреты с обломанными ножками, две деревянные узкие кровати, по виду прослужившие не один век, и — в центре большой, но единственной в доме комнаты великолепная ваза с цветком орхидеи.

Как ни странно, орхидея выглядела совсем свежей, словно только что сорванной. Иена бросилась к цветку, как изможденный путник к ручью чистой воды. Но едва рука ее коснулась стебля, девушка вскрикнула и упала на пол без чувств.

— Кром! — одним прыжком варвар подскочил к Иене одновременно с Хольдом. Отодвинув локтем юного врачевателя, Конан легко поднял девушку и осторожно положил ее на кровать. Казалось, она не дышала. Киммериец громко выругался. Выйти из Вейшана, пересечь всю равнину, не погибнуть в схватке с монстрами и умереть в этой жалкой деревне? Не может быть! Он наклонился к Иене, затаив дыхание, прислушался. Ничего.

— Ну, врачеватель, — обернулся Конан к Хольду. — Покажи теперь, на что ты способен.

Хольд кивнул, отстранил варвара и сам присел на кровать рядом с Иеной. Сначала он проделал какие-то манипуляции над ее головой, затем руки его двинулись ниже, не прикасаясь к телу, но повторяя все его очертания.

Конан следил за действиями Хольда, готовый помочь ему или защитить ее — в зависимости от результата. Но врачеватель, лоб которого отчего-то взмок, оглянулся вдруг на варвара и тихо, но твердо сказал:

— Прошу тебя, Конан, сейчас уйди.

— Ты знаешь, что с ней?

— Да. А теперь уйди.

Несколько мгновений киммериец стоял в нерешительности. С одной стороны, распоряжение Хольда возмутило его. Мальчишка приказывает ему, Конану, выйти! Но с другой стороны, голос юного врачевателя был так спокоен, да и сам он вдруг так преобразился в этот момент — стал подтянутым, собранным, уверенным, — что все сомнения Конана улетучились. Он пожал плечами, отвернулся и вышел на улицу.

Небо опять потемнело. Не только дождь, но и гроза должна была начаться еще затемно. А до ночи оставалось совсем немного. Если Хольд не сумеет пробудить Иену, станет ли она суккубом? А если сумеет, то, конечно, станет. Нельзя упустить это время. Врачеватель ничего не знает и может угодить в объятия суккуба, не подозревая, что обнимает не Иену. Конан вздохнул и подошел к скамье у дома. Но едва он своей тяжестью опустился на сиденье, как тут же с грохотом и треском повалился на землю. С проклятиями вскочив на ноги, варвар осмотрел скамью. Так и есть — основание прогнило, вряд ли кто-нибудь сидел здесь последний десяток лет.

Конан присел на бревно, валявшееся во дворе, предварительно покачав его рукой на предмет прочности. С бревном было все в порядке. А вот что с орхидеей? Эта мысль пришла в голову киммерийцу вдруг, до этого его больше занимало состояние Иены и скамьи у дома. Откуда здесь ваза и свежий цветок? Очевидно, что деревня безлюдна и даже домашних животных тут нет. Кто мог принести сюда, в это заброшенное место орхидею? Пока Конан не мог разгадать загадку. А поскольку думать о чем попало он не привык, лучше было думать о том, где достать еды. В доме пусто, в других домах, конечно, тоже. Может, в подвалах? Киммериец вскочил. В подвалах хоть что-то, но должно было остаться, если не пожрали мыши и крысы. Конан обогнул дом.

Задняя стена без окон и дверей оказалась вся затянутой паутиной. Огромный паук смотрел на варвара черными, круглыми, злыми глазами. Он перебирал мохнатыми лапами; на конце каждой было по несколько маленьких присосок, из которых сочилась темная слизь. Конан вынул меч и одним быстрым коротким движением отсек первые четыре лапы монстра. Вторым удар разрубил паука пополам. Теперь приходилось быть осторожнее. Если здесь жила одна такая тварь, вполне могут попасться и другие.

Откидывая кончиком клинка в сторону паутины останки, киммериец заметил торчащую из земли железную дугу. Подо мхом ее почти не было видно; Конан нагнулся, провел пальцами по мокрому моху. В самом деле, кольцо. Просунув в отверстие огромную ладонь, варвар поднатужился и дернул. Но не в земле — в стене дома медленно, со скрипом приоткрылась дверь. До Конана донесся запах сырости и гнилых овощей. Разорванная паутина клочьями повисла на притолоке, раскачиваясь от ветра, мазнула варвара по лицу. Он сорвал ее, бросил, потом обтер пальцы об траву. Входить или не входить? Съестного внутри явно не было, но проверить, чье это логово или хранилище, не мешало.

Подойдя к двери вплотную, Конан просунул внутрь меч. Ничего не произошло. Тогда он вошел, все-таки держа меч перед собой.

С улицы казалось, что внутри крошечная темнота, на самом деле в небольшой и чистой комнатке царил полумрак. Киммериец сразу разглядел деревянные полки от земли до потолка, горки сушеных грибов на них; на стенах висели связки трав; в два ряда на земляном полу лежали большие черные камни неизвестной Конану породы; на одной из полок, прямо напротив двери, громоздился тоже черный камень, посверкивающий бликами разных цветов и оттенков. Но не этот камень поразил варвара. В центре комнатки стояли на деревянной подставке сразу три великолепных вазы, и в каждой благоухала чудесная орхидея, свежая, будто только сорванная.

— Кром... — пробормотал киммериец, не отрывая глаз от цветов. — Что-то тут не так...

Он вышел на улицу, плотно прикрыв за собой дверь. Сумерки сгущались, так что надо было идти в дом. Позже можно будет сюда вернуться и посмотреть на орхидеи

еще раз. Наверняка их кто-то навещает, и этот кто-то очень интересуется Конаном...

В доме он застал Хольда, весело рассказывающего Иене очередную историю. Щеки девушки уже немного порозовели, но на шутки врачевателя она лишь вяло улыбалась, почти не поднимая глаз. Киммериец посмотрел на нее внимательно, потом кивком головы вызвал Хольда из дома.

Вдалеке уже гремела гроза. Воздух стал влажным, тяжелым; по небу стаями бежали черные тучи; молнии посверкивали за рекой, озаряя на мгновение небо, вспыхивали и гасли.

Поеживаясь от холода, Конан сидел на бревне и рассказывал юному врачевателю историю Иены. Хольд слушал молча, сосредоточенно — так, словно думал о чем-то своем. Казалось, его ничуть не взволновала судьба девушки. Но когда киммериец закончил, он встал, посвистывая, прошелся по двору, затем вернулся и спокойно сказал:

— Я найду этого ублюдка. Запомни, Конан, он — мой.

— Еще чего! Не много ли на себя берешь, парень?

— Прошу тебя...

— Нет.

Конан, еле сдерживая ярость, поднялся и прошел в дом. Вот и поговорили. Мальчишка обнаглел! Если бы не Иена... Дать ему рукояткой меча между глаз, забрать дуду и оставить в этой глухой деревне! Пусть лечит крыс и пауков. А то изображает из себя невесту кого! Нашелся тоже великий боец. Сам, верно, и оружия-то в руках не держал ни разу. Зато гонору! «Запомни, Конан!» Конан бы ему запомнил, так запомнил...

Глухо рыча от ярости и голода, варвар вошел в комнату и сразу поймал взгляд Иены — сладострастный, томный. Верхняя пухлая губка приподнялась, обнажив острые клыки, язычок, едва касаясь, проводил по зубам. Конан передернулся, схватил плащ и привычными движениями замотал девушку крепко-накрепко. Она почти не сопротивлялась, только стонала негромко, горько и жалобно. Киммериец присел рядом, лишь сейчас почувствовав, как устал за день. Глаза его слипались, мысли путались, а в животе уныло бурчало. Он зевнул широко и лег на кровать, растянувшись во весь рост. Засыпая, успел подумать, что Хольд еще не вернулся с улицы, но на этом мысль

его оборвалась. В то же мгновение он провалился в глубокий, тяжелый сон.

С неба сыпались орхидеи. Огромные, почти в человеческий рост, с лепестками-крыльями вокруг жутких глумливых физиономий. Конан отбрасывал их от себя мечом, расчищая дорогу, но цветы падали и падали. Вот уже варвар засыпан ими до колен, до пояса, до груди... Они обвивают его ноги, его тело, сковывая движения... И со всех сторон — горы беззвучно разевающих рты орхидей тоже жаждут добычи, протягивают к человеку мохнатые листья, извиваются, ползут... Конан делает последнюю попытку вырваться и...

Разбудили его осторожные шаги. Шаркая, по комнате ходил кто-то очень грузный: слышалось прерывистое дыхание человека, страдающего одышкой, тоскливый скрип половиц. Сон как рукой сняло. Мелькнувшая было мысль о Хольде киммериец отбросил сразу: в комнате явно находился посторонний. Конан приоткрыл глаза. Сверкнувшая в этот момент молния осветила фигуру незнамого гостя, и киммериец увидел коротенького, удивительного толстого, круглого как шар человечка с одутловатым лицом и темными мешками под глазами. Конан усмехнулся, осторожно протянул руку и крепко ухватил толстяка за полу кожаной куртки. Тот завизжал, попытался вырваться, но железные пальцы варвара цепко держали его.

— Отпусти! — пискнул незнакомец. — Не то убью...

Конан расхохотался.

— Сначала я отрежу тебе уши, приятель. А потом ты убьешь меня. Если у тебя получится.

Он вскочил и, взяв толстяка за шиворот, поволок его к выходу.

Косые струи дождя, холодные, колющие, обрушились на Конана и его пленника сразу за порогом. Черное небо то и дело прорезали яркие изломанные стрелы молний. В их свете все вокруг казалось чем-то нереальным — и лес, и череда скалистых гор, и покосившиеся домишки деревни — словно другой мир, сотворенный Сетом для вдохновения демонов на черные дела.

Не обращая внимания на дождь, киммериец прислонил пленника к стене дома и, приставив к его горлу клинок, грозно спросил:

— Кто такой?

— Нэго.

— Кто такой? — Конан встряхнул толстяка так, что тот чуть не испустил дух от страха.

— Колдун. Обычный колдун. Отпусти меня.

— Это ты разводишь тут вонючие цветы?

— Я! Прекраснейшие, великолепнейшие орхидеи!

— Ну-ка, пойдем в твою нору. Там поговорим.

И киммериец потащил пленника к обнаруженному им сегодня убежищу колдуна.

— О! — горько воскликнул Нэго, увидев, как уверенно варвар нащупал на земле кольцо и дернул.

Дверь открылась. Втолкнув толстяка внутрь, Конан вошел следом и замер: на полке рядом с черным блестящим камнем лежал Хольд. Глаза его были закрыты, голова свесилась набок как у мертвеца, руки плетями бессильно лежали вдоль тела.

Зарывав, киммериец схватил колдуна за горло и сдавил. Нэго булькнул, лицо его налилось кровью, маленькие глазки вылезли из орбит — толстяк затрепыхался из последних сил, но Конан держал крепко. Когда колдун одной ногой уже стоял на Серых Равнинах, варвар отшвырнул его к стене.

— Что ты сделал с парнем, подонок?

Нэго замотал головой, толстым коротким пальцем указывая на свое горло.

— Не можешь говорить? — зарычал Конан, делая шаг к колдуну.

В страхе толстяк засучил ногами, отодвигаясь подальше от невоспитанного гостя, но тот протянул к нему длинную руку и через мгновение Нэго уже болтался в воздухе, жалобно пищал.

— Пищать ты можешь, — процедил варвар сквозь зубы. — Значит, сейчас и заговоришь...

Он легонько щелкнул колдуна по лбу и отпустил его. Толстый Нэго с грохотом свалился на пол и закатил глаза, намереваясь изобразить труп, но вовремя передумал.

— Ничего с твоим другом не случилось, — спокойно сказал он, косясь на Конана. — Жив и здоров.

— Сядь и расскажи все толком, — приказал киммериец, усаживаясь на табурет.

— Он сидел на бревне у дома, я подошел, он упал.

— Я сказал «толком». Лучше не пытайся морочить меня, толстый, а то я распорю тебе брюхо.

— Он сидел на бревне у дома. Я подкрался к нему незаметно, как пантера во время охоты, и коснулся руки твоего друга кончиком моей чудеснейшей, прекраснейшей, великолепнейшей...

— Вонючей орхидеи. Дальше.

— Он упал. И я понес его сюда. Это было совсем нелегко. Хотя он и худенький мальчик, а весу в нем не меньше, чем в жирном трехлетнем баране. Я почти надорвался.

— Никто не просил тебя его трогать.

— Мне скучно! Ты не понимаешь, чужеземец. Ты груб и неотесан. Ты дикарь. А я воспитывался в богатом и знатном доме, я...

— Почему деревня пустая?

— А, умерли все от чумы, — небрежно махнул рукой толстяк. — Так вот, я с ранних лет учился...

— Заткнись! Мне наплевать, где ты учился и чему. Мне вообще наплевать на тебя. Я хочу, чтобы мой друг открыл глаза и встал. Ты понял, старый кабан?

Нэго поморщился.

— Какой ты нетерпеливый. Пойми наконец, уморить кого-то легко, а вот вернуть к жизни трудно. Мне нужно время.

— Много?

— До утра управлюсь. А ты пока посиди, отдохни — я ведь разбудил тебя? — выпей пива, хлеба поешь.

Нэго достал из потайного шкафчика под полкой огромную краюху хлеба и кувшин, поставил на стол. Конан слотнул слюну. Хлеб был свежий, и от него исходил такой аппетитный запах, что варвар, забыв об осторожности, схватил его и оторвал зубами порядочный ломоть. Даваясь, он съел хлеб под ласковым взглядом колдуна, затем взял кувшин. После первого же глотка Конан почувствовал, как веки его слипаются, голова тяжелеет и писклявый голос Нэго звучит все дальше, тише... Он открыл было рот, желая сказать: «Ну, дерьмо мула, сейчас я отрежу тебе уши за такие штуки!» Но тут же и забыл об этом. Голова его упала на стол, а рот так и остался открытым. Мгновение спустя киммериец уже спал.

Усмехаясь, колдун смотрел на спящего Конана. Еще один наивный глупец. Неужели он поверил, что Нэго подкрался к его другу? Толстый, неповоротливый Нэго! В отношении своей фигуры колдун никогда не заблуждался. Да и какое значение имеет строение тела? Ум! Вот что главное. А фигура — тьфу, пустяки. Так что ему, Нэго, пришлось не красться в темноте как последнему идиоту, а всего лишь притвориться смертельно раненым. Конечно, мальчишка клюнул на это. «Что с тобой?» «Со мной-то все в порядке, — хихикал про себя колдун, вслух стеная и скрипя зубами. — А вот ты, мальиш, дурак дураком!» А когда соплик упал на колени прямо в грязь и склонился над Нэго — тогда коснуться его руки красавицей-орхидеей уже не составляло труда. Гораздо сложнее было дотащить его сюда, в тайное убежище. Интересно, как этот огромный дикарь нашел кольцо? Наверное, случайно наткнулся, как же иначе. Надо бы и его одарить нежным прикосновением волшебного цветка, да ладно. Пока пусть спит. А проснется — все равно не сможет сразу прийти в себя. Вот тогда-то Нэго задаст ему один вопрос: что привело эту парочку именно сюда? А потом и одарит нежным прикосновением...

Колдун удовлетворенно вздохнул, вынул из-под стола горшок с землей и болотной тиной и, достав из кармана куртки маленькое зернышко, пихнул его туда. Теперь надо произнести заклинание — длинное, как река Ильбарс, — и новая великолепнейшая орхидея встанет в вазу рядом с другими, и так же, как они, будет дожидаться своего часа. И этот час обязательно наступит. Нэго не сомневался в этом, так, как не сомневался он в своих способностях — скромных на первый взгляд способностях деревенского колдуна, а на деле целой системой выработанных годами умений и заклинаний. Нет, не зря он столько лет провел в этом убогом месте, в комнатке, которую дикарь так верно назвал «норой». Для неотесанного деревенского народишки у Нэго всегда были наготове «чудодейственные камни», за время двух вздохов вылечивающие хоть понос, хоть солнечный удар, хоть золотуху. И никто так и не догадался, что лучше было бы поправлять свое здоровье без помощи колдуна — спустя луну-другую те, кто грели руки у камня, тихо и спокойно уходили на Серые Равнины... Такова жизнь. Умные и осторожные

доживают до седых волос, а легковверные уходят... Утром еще двоих Нэго отправит туда же, на Серые Равнины. А там, глядишь, повезет — появятся новые...

Колдун мечтательно улыбнулся, представляя вереницу своих жертв, бывших и будущих, потом вздохнул, уставился в горшок с зернышком орхидеи и забормотал заклинание.

Глава 6

Только один день оставался у Грома. Вен прибежал к нему прошлым утром и сказал, что ничего не нашел. В доме Майорка было пусто, как будто там никто не жил. Спал маг в какой-то гробнице, которую притащил невесть откуда, предварительно вытряхнув из нее прежнего владельца. Теперь эта мумия бродила по дому, отчаянно вздыхая, вопя и плача. По доброте душевной Вен принес для нее с базара деревянный ящик, но мумию ящик не устроил. Гораздо больше ей понравился мраморный стол в зале, там-то она и примасивалась время от времени, приводя Майорка в ярость. Сам Вен спал на полу, подстелив циновку, потому что кровати для прислуги маг тоже не предусмотрел.

Конечно, Гром и не надеялся особенно на удачу. Старик не так прост. Где уж Вену, хоть он и внук самого Минь О, провести мага. Даже преданным слугам не всегда доверяют все тайны, не говоря о слугах временных и заведомо неверных.

Итак, все же приходилось рассчитывать только на себя. Теперь Грома уже не пугала так эта мысль. Прошло то время, когда он, в растерянности и отчаянии от неожиданного удара, помчался в Акит и сразу попал в сети Майорка. Потом, в маленькой комнате нежилого дома, куда поместил его старик, бесполезно уплывали дни, а с ними и бывшая сила, уверенность и решительность. Гром не узнавал сам себя, но ничего не мог сделать. Потеря единственной дочери — самого дорогого и близкого человека — сломила его, казалось, навсегда. Но так только казалось. Загнанный в угол, растерянный, враз постаревший, на самом пике своего отчаяния Гром вдруг обрел вновь все прежние качества. И опять, с радостью, с едва сдерживаемым ликованием он ощутил в руках и в душе

божественную Силу — Силу Митры. Вот в этом и была ошибка Майорка: слугу Подателя Жизни невозможно превратить в слугу Приносящего Смерть никакими угрозами, никакими пытками и никаким колдовством.

Майорк ошибся, и его ошибка будет означать его конец. Он потешился достаточно. Он хотел нанести слуге Митры тяжелый удар — надо признать, это ему удалось. Когда в Тарангии он пришел к Грому и сказал, что дочь находится у него, в Аките, тот, не медля ни вдоха, вскочил на коня и поскакал в Аkit. Здесь он узнал, что старик прячет Иену. Мало того, хитроумный маг придумал какую-то каверзу и с девочкой могло случиться нечто страшное, если он, ее отец, не покорится желанию Майорка стать хозяином мира, если не научит старика божественной Силе Митры... Маг проиграл уже тогда, хотя не знал об этом сам, как не знал об этом и Гром. Теперь, даже потеряв навсегда дочь, даже погибнув сам, слуга Митры победит. Первый шаг к победе — осознание того, что победа будет твоя. Гром сделал первый шаг.

Не раз в минуты отчаяния Гром представлял лицо Учителя, не раз ведал ему свою боль. Ничего не отвечал ему наставник, лишь вглядывался внимательно в зеленые глаза ученика, словно в них пытаясь найти и вопрос, и ответ. Так же и ученик жадно смотрел прямо в янтарные зрачки Учителя, видя в них каждый раз свое отражение, и только. Но и этого было достаточно, чтобы ободрить, поддержать и направить Грома. В мысленных беседах с наставником он все яснее представлял себе, что с ним происходит; представлял — и ужасался. За несколько лун он, всегда такой спокойный и уверенный, превратился в жалкое свое же подобие. Отражение этого подобия в глазах Учителя лучше всяких раздумий подсказало ему, что надо делать. Все оказалось намного проще, чем выглядело вначале. Оставаться слугой Митры в любых обстоятельствах — так ответил Гром на все свои вопросы и теперь корил себя за прежние колебания и сомнения. Оставаться самим собой — что может быть проще? Но что может быть труднее? И опять Гром отбросил прочь ненужные размышления. Есть клятва, а значит, есть долг, и долг надо выполнять. Эта простая цепочка слов и будет основанием всего, каждого слова, каждого поступка, каждого поворота мыслей. Поняв это, оставалось только действовать.

Нэго бормотал уже последние слова заклинания, с любовью глядя на поднимающуюся из горшка орхидею, когда дверь его конуры вдруг медленно начала открываться. Колдун вытаращил глаза, оборвав заклинание, и цветок тут же стал чахнуть. «О!» — в отчаянии толстяк отвернулся от двери, быстро шепча последние, самые главные слова. Орхидея вновь подняла головку. Поднял голову и колдун. Торжество, мелькнувшее было в его глазах, тотчас угасло — перед ним стояла девушка. В руках она держала длинный узкий меч, и это совсем не понравилось коротышке. Тем не менее он не собирался показывать свою тревогу юной особе. Сладко улыбнувшись, Нэго указал девушке на табурет и ласково произнес:

— Давно не видел такой красавицы. Откуда ты в наших краях?

Гостья молчала. Презрение и гнев в ее глазах сместили колдуна, он откашлялся и, улыбнувшись еще умильнее, продолжил:

— Когда я встречаю подобную красоту, я вспоминаю дни моей молодости. О, как давно это было! Тогда я выглядел довольно мило. Не верите? Я и сам теперь не верю. Да-а... — с опаской покосившись на меч, Нэго почувствовал, как покрывается липким потом его спина. Юная гостья явно не собиралась вступать с ним в беседу. Судя по всему, намерения ее были куда более серьезные. — В то время я дарил девушкам прекрасные цветы. Мои любимые, орхидеи. Кстати, я садовник. Так что и вам могу подарить свой лучший цветок. Видите, в вазе стоит? Возьмите! Вы такая нежная, вы должны обожать цве...

Закончить он не успел. Огромный дикарь, спокойно спавший до этого, вдруг засопел, приподнял голову — и девушка словно очнулась. Молча и решительно она подняла меч — Нэго взвизгнул — и ударила его точно в темя. В этот момент киммериец открыл глаза.

— Иена?.. — непослушными губами произнес он.

— Конан! — Девушка кинулась к варвару, обняла его за шею. — Что с тобой?

— Не знаю, — он помотал головой, пытаясь прийти в себя. — Я что-то выпил... Не помню...

— А что с Хольдом? — Иена теребила варвара за рукав, но он смотрел на нее мутными глазами и явно не понимал, о чем она говорит.

— О, Митра! — девушка всхлипнула, подошла к юному врачу, лежащему без движения на полке. — Как ужасно... Очнись же, Конан! Что мне делать?

Конан постепенно оживал. Синие глаза его светлели, в них появлялось осмысленное выражение и хорошо знакомый Иене блеск.

— Конан... — прошептала она. — Ну, еще немного... Очнись...

Варвар потряс головой, стряхивая остатки сна, и начал вставать. Его огромная фигура еле помещалась в маленькой конуре колдуна. Он осмотрелся. Увядавшие орхидеи, потускневшие черные камни, Нэго с разрушенной до бровей головой — да, здесь многое изменилось. Киммериец пожал плечами, затем подошел к Хольду, вытащил его с полки и на руках вынес на улицу. Иена, сквозь слезы улыбаясь, последовала за ним.

Уже наступило утро. Конан с наслаждением вдохнул влажный после дождя воздух. Слабый свежий ветер приятно обдувал лицо и тело, затекшее от долгого неподвижного сиденья. Чахлые деревья слегка покачивались, шуршали листьями, сбрасывая тяжелые крупные капли, и такая спокойная тишина царила вокруг, что, казалось, в природе наступил мир после ночного сражения. А впрочем, это было обычное течение жизни, где буря сменяется безветрием, а шторм штилем, где после ночи обязательно приходит день, а после дня ночь, где умирают одни люди и сразу рождаются другие — словом, где все идет своим чередом.

Конан отнес Хольда в дом. Щеки юного врача уже порозовели, будто с гибелью колдуна потеряло силу и его заклятье, но дыхания еще слышно не было. Киммериец выдернул из оконного проема остатки бычьего пузыря, и в комнату легко ворвался поток свежего воздуха. Подтянув тело юноши поближе к окну, варвар вышел на улицу.

— Ты вовремя появилась, Иена.

— О, — рассмеялась девушка. — Если бы ты знал, Конан, с каким трудом я выбралась из твоего плаща. Ты заматал меня так крепко!

— На всякий случай. Сама понимаешь, Хольду несладко пришлось бы... Да ладно. Лучше скажи мне, как ты управилась с этим жирным ублюдком?

— Это Нэго, — помолчав, ответила Иена. — Мне рассказывал о нем отец. Деревенская жизнь, страсть к орхидеям... Я сразу поняла, кто он, только вошла в его комнату.

— А как ты догадалась, что нужно дернуть за кольцо?

— Какое кольцо? — удивилась девушка. — Я просто искала вас и увидела приоткрытую дверь.

— Значит, нам повезло. А что, твой отец знаком с колдунами?

— Он... как объяснить тебе, Конан. Он — слуга Митры. Такие как Нэго вмешиваются в жизнь, нарушают ее течение, пытаются подчинить своей воле то, что задумано и сотворено не ими. Мой отец один из тех, кого Великий Митра посылает на борьбу с ними. Надо же сохранить Равновесие...

— Я кое-что знаю об этом, — киммериец присел на бревно, кивком приглашая девушку сесть рядом. — Теперь я точно пойду с тобой. Мне хочется познакомиться с твоим отцом.

— Он чудесный! — с жаром воскликнула Иена. — Он добрый, справедливый человек. Он самый лучший...

— Ладно, посмотрим. Это он научил тебя так владеть оружием?

— Да. Он начал учить меня еще тогда, когда я была совсем малышкой. И потом... Мы прожили с ним в Тарантии не больше года, но каждый день он занимался со мной, рассказывал... Хорошее было время...

— Не грусти, Иена, — раздался вдруг тихий, но вполне бодрый голос юного врача. — Ты вернешься к отцу, обязательно вернешься.

— Хольд! — Иена вскочила, бросилась к юноше, но тут же спохватилась. Смущенно улыбаясь, она потянула его за рукав и усадила на бревно рядом с Конаном.

— Ну, парень, выжил? — ухмыльнулся киммериец. — Жирный рассказал мне, как тащил тебя на себе. Жаловался, что ты тяжелый.

— Какой жирный? — удивился Хольд. — Умиращий?

— Вообще-то он уже умер. Но тогда еще был вполне живой.

— Я помню только, что сидел на бревне и думал о... — юный врачеватель вдруг покраснел. — Ну, а потом кто-то застонал. Я подбежал и... И все. Больше ничего не помню. — А! — догадался Конан. — Обманул-таки жирный! «Подкрался как пантера...» Ха!

— Какая пантера? О чем ты, Конан? — Иена смотрела на обоих друзей, ничего не понимая.

— Хватит болтать, — варвару совсем не хотелось объяснять, как он сам попался на удочку колдуна. — Надо идти. Мне надоела эта деревня.

Они зашли в дом, взяли свои вещи. Увядавшая, почти рассыпающаяся орхидея выглядела так жалко в великолепной вазе, что киммериец подошел и вытряхнул ее на пол. Подумав мгновение, вазу он затолкал в плащ.

Спутники с нескрываемым облегчением покидали деревню. Пустые глазницы окон мертво смотрели им вслед. Выйдя за ворота, Конан повернулся к Хольду.

— Ну, и куда теперь нас поведет твое чутье?

— В Акиг, — пожал плечами юный врачеватель.

* * *

Погода снова поменялась. Чистое серое небо стало голубым. Выглянуло солнце — белое, жаркое, оно сразу разогрело и высушило воздух. Птицы ожили, затрепещали на своем языке в зеленой листве тощих деревьев.

Тоненькая тропинка становилась все шире, постепенно превращаясь в дорогу, но Хольд, не раздумывая, свернул с нее. Сначала они шли по высохшему болотцу, затем по огромному полю, заросшему сухой колючей травой. За полем оказалась еще одна дорога — узкая, но утоптанная, со следами колес и лошадиных копыт. Людей не было видно, хотя в этой местности уже ощущалась жизнь. Срубленные деревья, рванный бапмак на дороге, треснувший обод колеса — спутники явно приближались к поселению.

Конан, внимательно вглядывающийся вдаль, первый заметил мелькнувшую за деревьями крышу дома. Подойдя ближе, спутники увидели небольшое строение, очень напоминавшее дорожный трактир. А когда вдруг распахнулись двери и на улицу вылетел какой-то маленький человечек, грохнувшись на землю, подняв целый столб пыли

и гнусавым голосом затянул песню, стало ясно, что перед ними действительно трактир.

Спутники оживились. В кармане у Хольда валялось несколько монет, так что хороший стол был им обеспечен. Варвар, подходя к двери, уже видел барашка на вертеле, огромное блюдо с бобами, кусок солонины величиной с его кулак и глиняный кувшин с ароматным пивом. Все это он представил себе так ясно, что в животе его громко булькнуло и заурчало. Он перескочил три ступеньки и ногой толкнул дверь.

В трактире было почти пусто. Только за одним столиком в углу сидела парочка солдат, а за другим — грузный мужчина, по виду похожий на торговца. Перед солдатами в несколько рядов стояли порожние винные бутылки. Отчаянно зевая, парни еще бормотали что-то, но головы их падали, а языки заплетались, и в тот момент, когда путешественники вошли в трактир, один из солдат упал с табурета, а другой, пытаясь поддержать его, свалился тоже. Больше они не поднялись и через несколько мгновений из их угла доносился могучий храп в две глотки.

Мужчина неторопливо грыз сочную мозговую кость, не глядя ни в сторону солдат, ни на вновь прибывших. Его безмятежный вид говорил о том, что этот человек уверен в себе, в своей силе и, судя по уставленному всяческой едой столу, в своих деньгах.

Конан прошел вглубь и занял левый угловой стол, прямо напротив солдат. Иена и Хольд уселись рядом и тут же к ним подбежал мальчишка-слуга. Киммериец, сурово глядя на него, перечислил все, что он и его друзья хотели бы сейчас съесть. Он не забыл ни солонину, ни барашка, ни бобы, ни пиво, а кроме этого потребовал еще два каравая хлеба и жареных перепелов. Мальчишка круглыми немигающими глазами с восхищением смотрел на могучего гостя и кивал.

Немного спустя друзья уже поглощали первое принесенное блюдо — солонину и хлеб. Конан глотал огромные куски, почти не жуя. Он был так голоден, что через несколько мгновений на блюде не осталось и крошки. Но проворный мальчишка, следивший за посетителями из дальнего угла, сразу принес следующие заказанные яства.

Когда путешественники наконец насытились и набили едой свои мешки, Хольд бросил на стол три монеты, которые тут же исчезли в худенькой, покрытой цыпками руке слуги. Теперь можно было идти дальше. Но, размоленные теплом и сытостью, друзья не торопились. Лениво переговариваясь, позевывая, они все сидели за столом, и не сразу обратили внимание на шум на улице, на мальчишку-слугу, изменившегося в лице, на грузного мужчину, замершего с набитым ртом.

Вдруг с треском разлетелись двери и в трактир вошли новые посетители. Две дюжины здоровых, большей частью молодых людей, с ног до головы обвешанных оружием, живо расселись и потребовали хозяина. Грузный мужчина повернулся к ним.

— Я хозяин...

— Жирного барана каждому! — хрипло приказал жилистый парень. По тому, как уверенно он вел себя и как почтительно, даже подобострастно смотрели на него другие, можно было понять, что среди этих людей он считается за вожака.

— У меня нет столько баранов... — Хозяин развел руками, словно желая показать, что у него и в самом деле нет столько баранов.

— Я сказал, каждому! — повысил голос жилистый и отвернулся. Заботы хозяина его не волновали.

Конана тоже не волновали заботы хозяина. Он наблюдал за происходящим с холодным любопытством. Он сразу понял, кто эти люди. В своей жизни он немало встречал таких, да и сам не всегда от них отличался. И сейчас ему было ясно: так просто он и его друзья отсюда не выйдут. Но Иена и Хольд, настороженно разглядывающие бандитов, пока ни о чем не догадывались. Киммериец, спокойно взвешивающий шансы уйти невредимыми, покосился на юного врачевателя. Если в Иене он был уверен, то Хольд не производил впечатления хорошего бойца. Что же, сегодня у него будет возможность показать, на что он годен. В это время один из солдат начал подниматься с пола. Он протер глаза и недоуменно осмотрелся. Всклоченные рыжие волосы, красный нос, пухлые мальчишеские губы и бессмысленный взгляд — весь вид его был настолько комичен, что Иена и Хольд переглянулись с улыбкой. Парень поканулся, зевнул не-

сколько раз, повизгивая, потом увидел Иену, и лицо его растянулось в глуповатой улыбке. Он махнул рукой, приветствуя ее; это оказалось для него нелегким испытанием — он опять поканулся и чуть было не грохнулся на пол. Чудом удержавшись на ногах, солдат, тем не менее, повторил свой подвиг — махнул Иене еще раз. Но теперь уже устоять ему не удалось. Мешком он свалился под стол, громко и обиженно при этом хрюкнув.

Бандиты расхохотались. Маневры солдата не прошли для них незамеченными, а поскольку они тоже обратили внимание на девушку, сегодняшний день обещал быть весьма веселым.

Низкорослый, кривой на один глаз и кривоногий бандит, ухмыляясь, подмигнул Иене и вразвалочку направился к солдату, который безуспешно пытался встать. Подойдя так близко, что носки его сапог почти касались пальцев парня, коротышка прокричал фальцетом:

— А не поджарить ли нам этого барашка? — и расхохотался. Смех его был отвратителен: ухая, он плевался, судорожно всхлипывал и ко всему прочему стонал. По этой ли причине, или им очень понравилась шутка приятеля, но бандиты оглушительно загоготали, хлопая ладонями по столам; кто-то гаркнул непристойность, за ним и остальные, стараясь перекричать друг друга, выпаливали скабрзные шутки или даже просто слова, звуки...

Иена с отвращением наблюдала за бандитами. Конан, которого все это скорее забавляло, поймав ее взгляд, поморщился. Но в то же мгновение скривился уже не притворно: один из бандитов, желая перещеголять других, громко выпустил воздух. Трактир сразу наполнился ужасающей вонью десятка козлов и еще пары мокрых собак. Киммериец сплюнул на пол и начал вставать. «Подожди, Конан...» — шепнула Иена, положив тонкую руку ему на рукав. И вдруг кривоногий коротышка, все еще стоящий рядом с солдатом, вынул огромный кинжал и, продолжая смеяться, воткнул его в шею парня по рукоять.

— Ах ты ублюдок... — сквозь зубы процедил Конан, снова поднимаясь. — Ну и ублюдок! — уже громко повторил он.

Бандиты резко оборвали гогот. Тот, что испортил воздух, повернулся к жилистому и развязно произнес:

— Это кто тут воняет, Хельме?

Не ответив, жилистый встал. В руке его вдруг оказался короткий широкий меч. Поигрывая им, Хельме сделал несколько шагов навстречу киммерийцу. Он был на голову ниже Конана и уже его вдвое, но за его спиной сидела целая банда, а рядом с варваром, бледные и напряженные, встали только юные девушка и парень. Внезапно худое лицо жилистого исказила раздраженная гримаса — к троице подошел сначала хозяин, в толстом кулаке которого была зажата рукоятка большого кухонного ножа, а затем и мальчишка-слуга, дрожащий от страха, но тоже вооруженный ножом и молотком.

Прошипев что-то невразумительное, Хельме поднял меч — вся банда тотчас зазвенела оружием — и кинулся на Конана, целя клинок ему в шею. Но киммериец не дожидался удара. Он прыгнул навстречу жилистому и первым же взмахом меча срубил тому половину головы. Бандиты взревели. В самом начале боя потерять вожака оказалось для них непростым испытанием. Они засуетились, то кидаясь к выходу, то пытаясь перевернуть столы, а то хватаясь за табуреты. В эти мгновения Конан и его спутники отправились вслед за жилистым еще полдюжины бандитов; хозяин, отгеснив в сторону мальчишку, распорол живот коротышке и теперь вытирал нож о штаны, брезгливо морщась. В замешательстве бандиты кинулись было к дверям, но тот, что испортил воздух, остановил их:

— Назад! Их всего четверо! Назад!

— Вот сейчас начнется настоящий бой... — пробормотала Иена Хольду, вновь поднимая меч. Девушка была права. Опомнившись, бандиты развернулись. Они не были умелыми воинами, но это оказалось единственным преимуществом путешественников. Конан, с трудом поворачиваясь в небольшом пространстве зала и боясь случайно задеть клинком друзей, бросил меч и, схватив со стола нож, принялся орудовать им. Так же поступила и Иена. Бандиты же, в отличие от них, ничуть не опасались друг за друга и отчаянно размахивали мечами и саблями.

Громко вскрикнул хозяин. Его рука с зажатым в кулаке кухонным ножом отлетела в самую гущу боя. Хлынула кровь. Побелев, хозяин покачнулся, сделал шаг назад и упал. Следующий удар отсек ему голову.

Иена, ловко уворачиваясь от клинков, уверенно орудовала ножом. Ее гибкая рука мелькала в воздухе, и то один, то другой бандит, вскрикивая, с ругательствами отскакивали в сторону, зажимая раны. Двое уже лежали мертвыми.

Хольд тоже оказался неплохим воином, хотя действовал не столько оружием, сколько руками и ногами. Его маленький, но крепкий кулак уложил уже троих бандитов, а тонкое длинное лезвие, напомилавшее иглу, прикончило их. Этой иглой юный врачеватель управлялся отлично. Всаживая ее в горло поверженных противников и мгновенно выдергивая обратно, Хольд вновь поворачивался к бандитам, уклоняясь от их ударов, и вновь пускал в ход кулаки.

Варвар, в огромной руке которого терялась и только мешала рукоять ножа, бросил и его вслед за мечом. Кулаки его летали словно два тяжелых молота, и каждый такой удар оказывался для противника смертельным. Но не все его удары попадали в цель — то и дело в руки киммерийца вцеплялись бандиты; он сбрасывал их и снова разил. Когда же на нем повисла целая гроздь, Конан вытянул руки, схватил за горло бандита, уже поднявшего свой меч, и — только хруст позвонков, заглушенный шумом боя, да вопли ужаса раздались в этот момент. Варвар тряхнул плечами — бандиты отлетели в разные стороны — и вновь обрушил страшный удар на голову ближайшего. Тот без звука повалился на пол, и в это же самое мгновение один из бандитов, ухнув, метнул в киммерийца тяжелый табурет. Угол табурета пришелся Конану прямо в висок. Сознание его помутилось, сердце остановилось на вздох и — огромная фигура варвара пошатнулась и рухнула.

Теперь исход боя был предрешен. Хотя Иена и Хольд все еще отчаянно бились, хотя мальчишка-слуга из укрытия швырял в бандитов кувшины, бутылки, блюда и прочую кухонную утварь, тем не менее противники начали одолевать друзей. Постепенно круг сужался; девушка и юный врачеватель едва успевали уворачиваться от мечей; вскрикнув, упал с кинжалом в груди мальчишка; наконец клинок бандита плащмя ударил Хольда по голове, и в тот же момент Иена, вскрикнув, упала на колени, зажимая глубокую рану в плече. Бой кончился.

На этот раз маг выпался отлично. Он не связал свой хороший сон с отсутствием Вена — кхитаец был слишком мал и глуп, чтобы великий Майорк обращал на него внимание. Тем более, что мага занимали теперь почти целиком приятные мысли о том, как Гром начнет учить его и что будет дальше. Остальное время Майорк предавался воспоминаниям. Он оставил пока свои дела, готовясь к предстоящей работе. Гром несомненно будет восхищен четырехсотлетним магом, который без особых усилий обучится его искусству. Майорк всегда считал себя не просто способным, но талантливым, так пусть и Гром убедится в этом. Почему-то магу было очень важно, чтобы именно слуга Митры признал его талант. Сейчас, вылезая из своей гробницы, он кричал и охал, но после обучения все должно изменится. Сила Митры лучше любого снадобья излечит все хворобы и старческие — Майорк вынужден был это признать — недомогания.

Приближался вечер. Солнце палило так, словно решило успеть до захода отдать все свое тепло; поэтому в городе стояла одуряющая жара. От духоты люди спрятались в домах, и на улицах Акита было сейчас почти пусто. Редкий прохожий, прижимаясь к стенам зданий — будто это могло спасти от палящих лучей — бежал по своим делам. Стреноженные лошади даже под навесом тяжело вздыхали; время от времени поднимали к солнцу морды и ржали, как бы умоляя его уходить скорее за горизонт. Но солнце распалось все сильнее. Под его лучами, казалось, плавилась крыша домов и сохли листья деревьев и кустов, жухла трава; от раскаленной земли шел пар.

Во внутреннем дворике дома Майорка тоже было жарко, но не так, как за стеной, в городе. Словно туман, повисла над двориком прохладная тень. Маг вышел, сел на свою любимую скамью и сладостно зажмурился. Скоро, скоро придет его час. Он долго ждал, но теперь наконец это свершится... Разморенный от жары маг скинул длинное черное платье и оказался в тонкой полотняной рубаше чуть ниже колен. Мягкая ткань облегла тело, отчего старик казался особенно костлявым и тощим.

Отпив из кувшина глоток холодной воды, Майорк вздохнул и прикрыл глаза. Все хорошо. Можно наслаж-

даться жизнью и не думать пока ни о чем. Главное сделано, а остальное — мелочи, не стоящие и пол-мысли... Но куда же подевался маленький поганец? Вчера Майорк послал его на базар, велел украсть что попадется, и противный кхитаец так и не вернулся. Наверное, стража заметила мальчишку... Ну и хорошо. Все равно от него не было никакого толка. Пусть теперь о нем позаботится Гром, если он действительно подсылал кхитайца к Майорку...

Посидев еще немного, маг решил все же заняться кое-какими делами. Прежде всего надо было заглянуть в Вейшан. Раз уж так случилось, что оттуда сумел сбежать этот глупый однорукий кузнец, значит, что-то тут неладно. Значит, недостаточной силы дал Майорк уродам. Или всего лишь надо было наложить заклятье на ворота? Тогда в город беспрепятственно мог бы войти каждый, а выйти... А выйти не удалось бы никому. Да, жаль, что раньше магу не пришла в голову такая удачная мысль... Впрочем, сейчас старик несколько кривил душой. Из всех заклятий, которые он знал, не было ни одного, способного открыть вход, но запереть выход. Запереть и вход и выход — пожалуйста. Подобные заклятья знал не только Майорк, но и любой другой, мало-мальски смыслящий маг. Но запереть только выход... «Нет совершенства в этом мире, — со вздохом признал Майорк очевидное. — А жаль...»

Овальное, с неровными краями зеркальце лежало на сухой ладони старика. Сначала ровная матовая поверхность была пуста, потом затуманилась; желто-грязные всполохи пробежали по зеркальцу, затем что-то мигнуло несколько раз, и вдруг поверхность стала чистой, почти прозрачной. Майорк, полуприкрыв глаза, равномерно, как змея, покачивая головой, шептал какие-то слова. Когда же наконец он посмотрел в зеркальце — там была ясная четкая картина: ворота Вейшана; оглядываясь назад, к ним подходит человек. Маг усмехнулся. Чем больше, тем лучше. И, как будто что-то почувствовав, человек круто развернулся и пошел обратно. «К-куда...» — заскрежетала зубами старик, но тут же на тонких губах его заиграла злая усмешка: монстры, огромными прыжками подскочив к человеку, целой толпой накинута на него и в одно мгновение разорвали на куски. Майорк не услышал, но почувствовал предсмертный крик несчастного, и от этого

блаженное удовлетворение затуманило его голову. Отлично придумано! Теперь надо заглянуть в город.

На улицах Вейшана почти не было людей. Лишь двое сидели у фонтана на площади, да еще трое переходили из одного кабачка в другой. Тогда Майорк последовательно просмотрел каждый дом и каждый кабачок. С неудовольствием он увидел, что в основном люди расположились в уютных общественных заведениях и бессовестно пьют за его счет. Их печальные лица ничуть не волновали мага. Что ему до чьей-то печали! Плохо то, что они пьют. Не вина жалко и не пива — Майорк никогда не скупился, если средств требовало дело, да и не стоило ему ничего это зелье. Но какую энергию он возьмет от пьяных? Нет, надо прекращать с бесплатной выпивкой. Пусть лучше едят. Чем здоровее будут — тем лучше.

Старик бросил зеркальце на стол и, в раздражении от увиденного, прошел в подземелье. Там, в самой дальней комнате, на цепях висел его пленник, нагло сбежавший из Вейшана. Пока он еще живой, но сил в нем остается все меньше и меньше. Вчера Майорк выдумал для него отличную пытку, но испробовать поленился. А сейчас у него было подходящее настроение...

...Когда маг, удовлетворенный, выходил из дальней комнаты, над Акимом уже висела луна. Старик не видел ее, но знал, что сегодня луна обязательно будет в небе. Полная, желтая как кошачий глаз, окруженная словно слугами тысячью звезд. Ночь! Самое лучшее время. Глупо устроен мир! День — ночь — день... Зачем? Не проще ли, не приятнее ли вечная ночь? Нужно будет непременно заняться этим, когда весь мир окажется в одних руках — в руках великого Майорка.

Внезапно старик насторожился. В подземелье ясно слышались посторонние звуки. Шорох, шелест, шепот... Что это? И вдруг, словно упала наконец заговоренная капля из клепсидры, все подземелье наполнилось белыми призрачными фигурами. Маг различил даже лица — красивые, чистые, с печальными глазами. Его передернуло. Одно дело видеть подобное в зеркале, и совсем другое — наяву. Тем более что все эти глаза уставились именно на него, Майорка! В растерянности старик забормотал какие-то заклятья, но вместо того, чтобы исчезнуть, призрачные фигуры вдруг обрели плоть. Великий маг ошиб-

ся! Холодный пот прошиб его. Хорошо, что он не успел дочитать это заклинание до конца. Плоть, но бессильная, почти мертвая была перед ним.

Фигуры зашевелились, начали приближаться к магу. Лихорадочно озираясь, старик обратил руки в вороньи крылья и взлетел к потолку. Но фигуры, нисколько не озадачившись, без усилий также поднялись вверх. И тогда Майорк понял. Это не люди, а их души заполнили его подземелье! Он забыл сдуть из зеркальца картину и перевернуть его, и теперь сюда смогли проникнуть души тех, кто был пленен им в Вейшане... Словно тени, плыли под потолком белые фигуры. Они не касались мага, но и не выпускали его из круга. Майорк попытался прорваться, но обретшие плоть души кольцом окружили его. Все ближе и ближе подплывали они к магу. Старик задыхался, хрипкое дыхание с трудом вырывалось из горла... Словно железным обручем сжало вдруг голову и в висках глухо застучали тяжелые молоточки. Вот уже души протянули к его крыльям тонкие нежные руки, вот уже чьи-то пальцы выдернули несколько перьев...

И тут Майорк вспомнил заклятье. Первые слова он проговорил, запинаясь, но вскоре голос обрел силу, и маг прокаркал спасительные слова. На мгновение лишь движение замерло, затем фигуры вновь стали призрачными. Они опустились и быстро, тихо исчезли, оставив на каменном холодном полу толчее тело перепуганного старого Майорка.

Глава 7

С ырой, с гнильцой воздух подвала, казалось, проникал во все поры. Еще не открывая глаз, Конан попробовал повернуться, но тут же голова его будто треснула и раскололась на две части. Одну часть он чувствовал отлично — страшная боль иглой засела в виске и вкручивалась все дальше, разрывая мозг. Другой части словно не было вовсе. Киммериец сделал еще одну попытку повернуться, но застонал и снова упал на влажный земляной пол.

— Конан... — в гнетущей тишине шепот Хольда звучал растерянно. Юный врачеватель осторожно положил теп-

лую ладонь на лоб варвара, затем подвинул ее ниже, к виску. — Не двигайся. Сейчас я попробую помочь тебе.

Он зашуршал в темноте, явно перебирая в своем мешке какие-то бумажки, потом замер на миг и вдруг плотно приложил к виску Конана мягкую пушистую тряпочку. Боль вспыхнула с новой силой. Киммериец дернулся, но Хольд сжал его мощную руку своей тонкой рукой и тихо заворковал что-то утешительное. Никогда и никто еще не разговаривал с Конаном так: ласково, нежно, и в то же время твердо и настойчиво. Варвар усмехнулся про себя и подчинился. Сжав зубы, он терпел довольно долго, пока не почувствовал вдруг с удивлением, что боль уходит, и не просто уходит. Вместо нее голову обволакивает приятная истома, проясняются мысли... и очень хочется есть. Будто и не было барашка, бобов, солонины, жареных перепелов... Конан сглотнул слюну и начал вставать, слегка опираясь рукой на Хольда, тот же, напротив, попытался уложить варвара обратно.

— Эй! Чего это вы там обнимаетесь? — грубый, немного встревоженный незнакомый голос заставил Конана вздрогнуть и вновь ощутить прилив ярости. Он вспомнил! Драка в трактире, потом их окружают бандиты, потом он давит одного из них и... И теперь он в плену, лежит в этом подвале с разбитой головой, рядом Хольд, где Иена — неизвестно... Словно отвечая на его мысли, юный врачеватель наклонился и зашептал ему в ухо:

— Иена здесь. Но с ней, по-моему, что-то неладно. Я пробовал с ней заговорить, а она только бормочет...

— Эй! — Бандит привстал и швырнул в их сторону камень. — Заткнитесь!

Конан не ответил. Опершись на локоть, он внимательно смотрел на Иену. Девушка покачивалась из стороны в сторону, взгляд ее был затуманен, руки бессильно повисли вдоль тела. Но вот она подняла голову... Смутная догадка поразила Конана. Наступила ночь! Значит, Иена уже — суккуб! Ни он сам, ни Хольд не подумали об этом заранее... Что же теперь будет? Конечно, Конан сумеет справиться с ней, как и раньше, но ведь шум обязательно услышит охраняющий их бандит, позовет других и тогда... Тем временем Иена осмотрелась, пухлые губы ее зашевелились, узкий язычок высунулся и несколько раз быстро провел по зубкам. Потом девушка встала, сделала несколь-

ко неуверенных шагов, будто слепая, и направилась... к охраннику! Тот, сначала грозным окриком пытавшийся остановить ее, заметил наконец в глазах пленницы что-то влекущее, томное; он гыкнул, оскалился и, сбрасывая оружие, притянул Иену к себе.

Киммериец отвернулся.

* * *

Конан лежал на животе, одной рукой крепко держа вырывающегося Хольда, а другой зажимая ему рот. Юный врачеватель мычал, извивался, но вырваться из железных объятий варвара не мог. Тот и сам, слыша за спиной тяжелое дыхание и стоны девушки и бандита, скрипел зубами от ярости и обиды, и все же он понимал: иного выхода у них нет. Конечно, они не расскажут потом Иене, как все произошло. Девочка никогда не узнает, каким образом им удалось избавиться от охранника. Ведь он сидел на самой верхней ступени подвала, с ног до головы обвешанный оружием, и явно не собирался спать. Ему ничего не стоило открыть дверь и в случае опасности кликнуть остальных, гуляющих наверху бандитов. И тогда они, разгоряченные вином и ненавистью, за несколько мгновений изрубили бы пленников на куски.

А Иена... Что ж, хоть какая-то польза от ее мерзкого превращения... Хотя и глупо и смешно утешать себя такими мыслями... Конан с содроганием вспомнил Инилли. Он встретил ее на пути к Учителю. Даже теперь словно горький комок желчи подкатывал к горлу, стоило лишь на миг представить этого суккуба. Она просила согреть ее, и киммериец чуть было не поддался чарам страстной красавицы. Впрочем, если смотреть правде в глаза, то он, конечно, поддался. Но ему повезло, действительно, повезло. Каким-то чудом зазвенели его клинки, пробуждая, приводя в чувство, отрезвляя...

Внезапно наступила тишина. Затем послышались чмокающие и сосущие звуки, от которых у Конана помутилось в голове и в желудке. Замер и Хольд. Перестав извиваться, он обмяк в руках варвара, словно обессилев вдруг совершенно. На миг горечь и сожаление сжали сердце киммерийца; но он, сжав зубы до онемения, отогнал от себя ненужные чувства. Он не привык сожалеть.

В моменты опасности его всегда занимала только одна мысль: надо спастись. Спастись любой ценой, потому что попасть на Серые Равнины никогда не поздно, но лучше все-таки позже, чем раньше... Путанные мысли роились в голове киммерийца. На самом деле он, не осознавая того, лишь пытался отвлечься от того, что происходит сейчас за его спиной.

Жуткие звуки затихли. Варвар оглянулся, встал. Иена, со сладким вздохом оторвавшись от бандита, отошла, покачиваясь, в свой угол и без сил упала на пол. Когда Конан наклонился над ней, девушка уже спала, блаженно улыбаясь и подложив под раскрасневшуюся щеку маленькие кулачки.

— Конан... — глухо произнес Хольд. — Оставь ее.

— Она ничего не услышит... А ты забудь обо всем.

— Да... — безжизненный голос юного врачевателя опять вернул в сердце варвара сожаление.

Поднявшись по лестнице, Конан посмотрел на бандита. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы понять: он мертв. Киммериец поморщился и вернулся к Хольду.

— А теперь давай выбираться отсюда.

Парень пожал плечами.

— Я сказал, давай выбираться отсюда! — шепотом прикрикнул на него Конан. — Смотри, здесь есть еще одна дверь.

— Там замок, — вяло пробормотал юный врачеватель.

— Замок я сейчас сорву.

Варвар подошел к маленькой дверце, сжал толстые дужки обеими руками, повернул, дернул... Дверца на удивление легко открылась. Тогда он осторожно положил замок на пол, кивнул Хольду и, мягкими шагами приблизившись к девушке, взял ее на руки.

... Спустя некоторое время спутники шли по ночному лесу. Черные деревья, во тьме казавшиеся сторукими великанами, зловеще шевелили ветками, шуршали, заунывно поскрипывали под порывами ветра. А западный прохладный, но сухой ветер словно сошел с ума: он то тихонько, крадучись, скользил меж ветвями, то со свистом взмывал вверх, а то вдруг бешено метался в разные стороны, выл, ревел, стонал... Время от времени лес становился неожиданно редким, так что можно было видеть яркие звезды на небе и тусклую, будто полумертвую луну;

затем спутники снова заходили в самую чащу и там уже царил мрак — сплошная чернота, угрюмая, тупая, холодная, как сердце демона.

Конан продирался сквозь тьму и колочие цепкие ветки, придерживая их, чтобы за ним прошел Хольд с девушкой на руках. Он отдал Иену юному врачевателю почти в самом начале пути: тот остановил его и так умоляюще, так выразительно смотрел, что варвар все ионял и нехотя, но передал девушку в руки парня. И теперь он поражался невероятной выносливости Хольда: они прошли, пожалуй, не меньше десяти полетов стрелы, а этот хрупкий юнец со своей ношей дышит все так же ровно, как и в начале, так же размеренно и спокойно идет вслед за Конаном, так же угрюмо, но без нервов молчит... Киммериец искренне удивлялся, отдавая должное юному врачевателю. Да, тот неплохо показал себя за время их путешествия. Варвар сам убедился, что парень умеет не только играть на дуде, не только лечить, но и отлично драться, и по-мужски переносить всякие неизбежные в дороге трудности, неприятности и опасности, и брать на себя ответственность в нужный момент...

Так, рассуждая о достоинствах Хольда, Конан не сразу заметил, как лес кончился. За ним тянулось бескрайнее широкое поле, хорошо обозримое при свете луны. В плотной короткой траве тут и там ныряли мыши; за ними охотился филин, но без успеха. Может, он был стар, а может, мыши очень осторожны, только напрасно кружила огромная птица над полем — добыча легко ускользала от нее. Наконец филин громко, сердито ухнул несколько раз и, широко, неспешно взмахивая крыльями, полетел к лесу. Конан усмехнулся. Всю дорогу молчавший Хольд вдруг сказал:

— Обычно бывает наоборот.

— Что наоборот? — спросил варвар, хотя отлично понимал мысль парня. Ему хотелось, чтобы тот разговорился, вышел наконец из своего безжизненного, можно сказать, болезненного состояния.

— Сильный побеждает слабого...

— Так и должно быть, — убежденно сказал Конан.

— Нет, не так.

— А как же, по-твоему?

— Не по-моему, а по правде не должно быть так. Сильный — опора слабого. Иначе нарушается равновесие. Отсюда и войны, и болезни, и смерть...

— Равновесие? Что ты знаешь об этом? — насторожился киммериец.

— Только одно — без него нельзя. Я не раз думал об этом. Я задавал себе вопросы и сам же отвечал на них. Беседы с собой — отличная штука, Конан. Много можно понять, почувствовать, даже услышать. Мой приемный отец часто говорил мне: «Услышишь себя — услышишь другого, а услышишь другого — и он услышит тебя».

— Бред! — недовольно проворчал Конан, шагая по полю. — Мир — это сплошное зло, уж я-то знаю. Твой отец был хороший человек, ясно. Но таких мало. А если они не понимают, что вокруг одно зло, то их станет еще меньше.

— Ты столько дорог исходил, Конан, столько повидал... Неужели ты не заметил, что хорошие люди тем и сильны, что в них несмотря на зло живет вера в лучшее, любовь...

— Хватит болтать! — Варвар не на шутку рассердился. Разговор получался странным, непривычным и не слишком понятным для него. О чем толкует этот юнец? Ведь на самом-то деле все так просто: жизнь состоит из борьбы — за женщин, за золото, за власть, за саму жизнь, в конце концов. «Вера, любовь...» Верь себе, люби себя, и все дела.

Удовлетворенный собственными рассуждениями, Конан успокоился. Тем не менее что-то свербило в душе, что-то тревожило... Пусть неясно, едва заметно, но тревожило. Сам того не понимая, киммериец немного лукавил, мысленно продолжая разговор с Хольдом. Его теория не слишком устраивала его в последнее время. После встречи с Учителем и он иногда ловил себя то на мимолетном чувстве жалости, то на попытке обдумать чьи-то слова, поступки... Правда, все это было лишь мельком, так, что варвар не успевал и удивиться сам себе, но — было. За прежним Конаном подобного никогда не водилось.

— Конан! — чуть взволнованный голос Хольда вывел его из задумчивости. — Скоро Аки!

— Ты уверен?

— Конечно! Сейчас мы выйдем с поля прямо на дорогу. А по ней мы уже за половину дня доберемся до города. Я чувствую.

— Ну, — усмехнулся киммериец, — если ты чувствуешь, тогда идем скорее.

* * *

Майорк заболел. За всю его четырехсотлетнюю жизнь с ним не случалось такого ни разу. Теперь же он лежал в гробнице, ворочаясь и беспрерывно стонал. После вторжения вейпанских душ в его подземелье словно что-то оборвалось в тощей костлявой груди старого мага. То ли это был испуг — чувство, практически незнакомое Майорку, — то ли исходила от душ какая-то странная сила, но за одну ночь из крепкого и сильного старика превратился он в жалкую развалину.

Для того, чтобы поправить положение, нужно было вспомнить одну магическую формулу, которую когда-то, очень давно, ему показал отец. Никогда еще в ней не возникало необходимости, и вот сейчас, больной и ослабевший, старик безуспешно вспоминал. Конечно, смерть ему не грозила, но он мог стать калеккой — ничтожным, вонючим, мерзким калеккой. А этого Майорк бы не вынес. Наверное, не вынес... Поэтому он изо всех сил напрягал свой мозг, пытаясь вспомнить формулу, но в голове крутились невесты из каких глубин памяти вдруг всплывшие жабы глаза и рука мертвеца, обрывки часто используемых им заклинаний, и совсем уж глупо — песня гирканского кочевника. Словно старый маг впал в слабоумие и вот-вот уже начнет ходить под себя... Майорк сплонул при этой мысли, скрипя зубами полез через высокий борт гробницы, но тут же все тело его как будто пронзило стрелой — старик пискнул и пустым мешком свалился обратно.

Утром он уже пробовал подняться — нужно было идти к Грому. Как и сейчас — ничего не получилось. Гром, наверное, удивился и порадовался... О, Сет... Майорк потерпел серьезное поражение. Конечно, еще не все кончено, и он припомнит эту спасительную формулу, но когда?..

Маг лихорадочно ворошил в памяти все, что знал прежде. Но снова, как наваждение, перед глазами маячила

рука мертвеца, а в мозгу заунывно звенел мотив песни гирканского кочевника. Ругаясь, Майорк попытался отвлечься — напрасно. В голову назойливо лезли эти глупости, будто ничего более важного сейчас для него не существовало. И вдруг... застрявший на одной ноте мотив напомнил ему... третье слово... восьмое... пятое... Вот так же заунывно звучала необходимая ему магическая формула в изложении отца. Он почти пел ее, раскачиваясь и полуприкрыв глаза. Постепенно Майорк вспомнил все. Он сосредоточился, подражая отцу вытянул губы трубочкой и — запел. Хрипло, порой срываясь на фальцет, то произнося слова раздельно, а то скороговоркой...

Боль уходила. Старик, с виду полностью поглощенный магической формулой, внимательно следил за своим состоянием. Вот отпустило суставы, вот мышцы расслабились и налились приятной силой, вот в голове прояснилось... Майорк с некоторое время полежал тихо, прислушиваясь к себе, и, не заметив особенных болей, осторожно поднялся.

Тело стало гибким, как молодое, — маг выпрыгнул из гробницы, широким летящим шагом прошелся по залу и удовлетворенно засмеялся-закаркал. Четыреста лет! И кто бы поверил, посмотрев на него в этот момент, что ему уже четыреста с лишком. Гром удивится и позавидует, конечно...

Сейчас Майорк был полностью готов к обучению. Но сначала нужно решить один не столь важный, но весьма приятный вопрос: в дальней комнате подземелья висит на цепях грязный упрямый кузнец, вот с ним-то и развлечется Майорк перед тем, как идти к Грому. Правда, много крови — фи, маг не выносил кровь, — но на что только не пойдешь ради удовольствия.

Потирая руки в предвкушении забавы, старик взял длинный узкий меч-иглу и направился в подземелье.

* * *

- Вен, почему бы тебе не сбежать к Майорку?
- Испортить ему сон, Гром? Приклеить к нему мумию?
- Приклеить мумию? — от неожиданности Гром расхохотался.

— Я тебе рассказывал про нее, помнишь? Я знаю одно смешное заклинание, дедушка научил меня. Старик не успеет оглянуться, как мумия прилипнет к нему, словно муха к забродившей вишне!

— Нет, Вен, — улыбаясь, покачал головой Гром. — Ничего такого я тебя не попрошу. Всего лишь вернись в дом и погляди, что делает Майорк. Он давно должен быть у меня.

— Ты думаешь, он хитрит?

— Не знаю.

— Хорошо, Гром. Я быстро.

Вен влюбленно посмотрел на друга и выбежал из комнаты. «Смышленный малыш», — подумал Гром, чувствуя, как поднимается в груди теплая волна. Маленький кхитаец незаметно стал ему близким, почти родным. Пройдет еще три-четыре года, и он ответит Вена к Учителю. Честное преданное сердце и ясный ум — вот залог успеха обучения Искусству убивать. А у мальчика есть и то и другое. Из него непременно получится слуга Митры... Так, совсем недавно Гром мечтал отвести к Учителю свою дочь, Иену... Яркое воспоминание внезапно нахлынуло и обожгло душу. Иена... Где она теперь? Что с ней?

Гром нахмурил брови, стараясь не думать больше о дочери. Он не хотел ни на миг усомниться в своей силе и выдержке. Достаточно того, что он был так слаб вначале, сраженный исчезновением девочки. Сейчас все иначе. Он вновь собран, сдержан и независим. Да, независим. Что бы ни думал Майорк, как бы ни надеялся, но его каверза на этот раз не сработала...

Подняв руки ладонь к ладони, Гром расслабился, чуть задержал дыхание и ощутил легкую вибрацию в висках. Начало верное. Несколько мгновений промелькнули словно один вздох, ладони стали горячими и — между ними вдруг вспыхнул крошечный светящийся шарик. Сначала он горел ровно и спокойно, затем что-то будто треснуло и из него вырвалось яркое пламя, которое тут же превратилось в длинную, горячую, ослепительную молнию. Гром вздрогнул, опустил руки и дунул. Молния, зашипев, растаяла на глазах, оставив после себя лишь тоненькую струйку дыма... Все получилось. При этом без особых усилий, просто, почти небрежно... Сила Митры по про-

шествии многих лет стала его частью, даже его сутью, а может, и им самим.

— Гром... — выдохнул за его спиной запыхавшийся Вен. — Я был там.

— Что-то случилось? — спокойно осведомился Гром, явственно ощущая, как взволнован и растерян мальчик.

— Да. Этот старик... этот старик... — Вен всхлипнул и вдруг горько, во весь голос разрыдался.

— Вен...

— Он убил человека! — выкрикнул маленький ххитаец, с отчаянием глядя на друга. — Я спрятался в подземелье, в углу. Он меня не заметил, потому что был так доволен... Я подумал — чем? И проскользнул в дальнюю комнату... Там... на цепях висел человек... Тот самый... Весь изрезанный и в груди... меч-игла. Старик часто хвастался этим мечом, пугал меня... А теперь... — Вен закрыл лицо руками и заплакал — на этот раз почти беззвучно, но так отчаянно, так горько, что сердце Грома защемило. Он положил ладонь на голову мальчика и крепко прижал его к себе.

— Не надо плакать. Поверь мне, Майорк заплатит за все. И страшно заплатит. Поверь мне...

— Гром... Он идет сюда...

— Как это ни странно, но я действительно иду сюда! — каркающий голос старого мага заставил обоих вздрогнуть. — Ты хорошо притворяешься, маленькая дрянь, — вежливо обратился Майорк к Вену. — А ты, Гром, ты решил провести меня? Напрасно. Наверное, ты мало любишь свою дочь... Не правда ли?

— Скажи мне, где она, Майорк, и я сразу начну учить тебя.

— Наоборот. Сначала ты научишь меня Искусству Убивать, а потом и поговорим о твоей дочери.

— Хорошо. Смотри, — Гром поднял руки, и крошечный светящийся шарик тут же возник меж его ладоней.

Майорк облизнул враз пересохшие губы, замороженно глядя на шарик, но в тот же миг опомнился, усмехнулся.

— Отлично, — пробормотал он, переводя взгляд на слугу Митры, — а что дальше?

Губы Грома дрогнули в улыбке. Он чуть раздвинул ладони, шарик вылетел и — прямо перед лицом мага вспыхнула молния, ударила в пол и словно разбилась —

искры разлетелись в разные стороны, камень под ногами в миг раскалился и мутный парок поднялся вверх. Майорк отпрянул. Карие, тусклые, с едва заметным красноватым отливом глаза его заслезились; он достал откуда-то из складок своего черного балахона чистый платок, вытер лицо и вспотевшие руки. Когда он вновь заговорил, голос его заметно дрожал.

— И это все? Негусто.

— Нет, это еще не все.

Слуга Митры повел плечами, приподнял их, и тело его медленно поплыло вверх. Старик, беспрестанно вытирая руки платком, с ужасом и восторгом следил, как отрываются от пола ноги Грома, как без всяких усилий он делает шаг вперед по воздуху, затем следующий шаг, следующий...

— Постой! — нервно выкрикнул Майорк. — Хватит. Ты должен научить меня этому и остальному, что ты там еще умеешь. И давай не терять времени, — последние слова маг произнес властно. Он уже пришел в себя и действительно не хотел терять время. Ему не терпелось испробовать самому все эти чудеса; в тусклых глазах его появился лихорадочный блеск, а руки затряслись и сами собой обратились в вороньи крылья. Майорк с досадой дернул ими, снова обретая свои костлявые длинные руки, и поторопил Грома.

— Ну, чего ты ждешь?

— Где моя дочь?

— Потом! — завизжал старик. — Я же сказал, потом! — Сейчас.

— Нет!

— Что же, — медленно произнес Гром. — Тогда заканчиваем игру.

Он вновь поднял руки ладонь к ладони. Крошечный шарик вспыхнул, в одно мгновение разросся, и из него вылетело сразу несколько молний. Но маг опомнился прежде, чем первая же молния разорвалась у его ног. Он злобно каркнул, шмякнулся об пол, и его огромная тощая фигура вдруг стала полупрозрачной, мутно-голубоватой, словно скисшее молоко. Поднявшись над Громом во весь рост, старый лицедей оглушительно захохотал — на людей этот прием действовал всегда безотказно. Но слуга Митры лишь улыбнулся. Молнии, направленные в мага,

вновь вылетели из его рук. Майорк метнулся в сторону, едва избежав прямого попадания.

Вен, забившись в углу, с восхищением наблюдал за битвой. Вспыхивая и с треском разрываясь, молнии сверкали по всей комнате, и скоро она наполнилась таким горячим воздухом, что стало трудно дышать.

Старик ловко уворачивался от огненных стрел, но даже если они задевали край его платья, ничего не происходило. Платье вспыхивало и сразу потухало, тлея и не разгораясь снова. Гром понимал, что должен сосредоточиться и собрать целый пучок молний, чтобы направить их прямо в сердце Майорка — только в этом случае ему придет конец. Но в глубине души он хотел сначала лишь измотать, утомить старика. Может быть, тогда удастся вызнать у него, где Иена. Ведь с гибелью мага Гром потеряет и свою дочь...

Внезапно Майорк, только что увернувшийся от очередной молнии, перешел в нападение. Его душила злоба, и именно она придавала сил. Страшное заклятье вылетело из узкой щели его рта, заставило Грома пошатнуться и на миг опустить руки. Тело слуги Митры словно окаменело. И в самом деле: холодея, стопы его на глазах превращались в камень, приковывали к полу... Гром стиснул зубы от резкой жестокой боли, взмахнул руками и — вновь ударили молнии. Майорк взвизгнул: огненная стрела коснулась его волос, и они вспыхнули, как сухая солома. По комнате пронесся отвратительный запах, от которого Вена едва не вывернуло. Оставшийся без волос маг рассвирепел. Он бросился к Грому, но его остановил и отбросил назад новый снаряд молний. Две из них вонзились в ноги слуги Митры и — камень осыпался на пол с глухим стуком. Гром облегченно вздохнул. Не обращая внимания на визги и метания мага он обернулся к Вену, знаком велел ему выйти из комнаты — пришло время настоящей битвы. Мальчик кивнул, поднялся с колен и юркнул к дверям. Но старик, до этого не обращавший никакого внимания на кхитайца, вдруг с поразительной ловкостью кинулся к нему, ухватил огромной рукой за воротник и с силой дернул вниз. Вен упал. Голова его глухо ударилась об пол, глаза закатились... Поблудневший Гром одним прыжком подскочил к маленькому хрупкому телу, и в тот же момент что-то тяжелое обрушилось на него сверху.

Путники приближались к Акиту. Уже видны были на горизонте высокие городские стены и выглядывающие из-за них шпили башен, освещенные ярким полуденным солнцем. В чистом голубом небе солнечный диск казался особенно огромным и ослепительным. Щуря воспаленные веки путешественники молча шагали по прямой широкой дороге, то поднимающейся вверх, а то плавно идущей вниз. И перед ними, и сзади шли и ехали люди. Одни направлялись в Аkit, другие покидали его. Здесь были и купцы с караванами всякого добра, и простые ремесленники, и бродяги, и воины, и странствующие певцы...

Чем ближе друзья подходили к городу, тем быстрее шел голодный уставший Конан. Иена и Хольд едва поспевали за ним, но, поскольку они не меньше варвара устали и хотели есть, не останавливали его, а сами старались идти как можно скорее.

Городские стены, видневшиеся вдали, выросли перед спутниками неожиданно, стоило им в очередной раз подняться на верх дороги. Стоявший в низине Аkit казался отсюда сказочно красивым. Желтые и белые строения, башни, дворцы — все освещалось сейчас солнцем, озарялось ясной голубизной неба, и только тревожные, еле заметные красные всполохи из центра города несколько нарушали впечатление от этой великолепной картины.

Путешественники еще ускорили шаг. Солнце палило им уже в спину, когда у городских ворот они остановились.

— Хольд, у тебя остались деньги? — небрежно поинтересовался Конан, в глубине души боясь услышать отрицательный ответ.

— Хватит, чтобы нам войти сюда, и еще кое-что останется, — ответил юный врачеватель.

— Отлично, — повеселел киммериец. «Значит, не придется обходить стену и лезть по ней. Кажется, я немного устал...» — даже себе самому Конан неохотно признавался в усталости.

Спутники вошли в город, заплатив положенную пошлину, и направились прямо в первую попавшуюся харчевню.

Здесь было шумно. Народ то и дело входил, выходил; слуги сновали между столами туда-сюда, взмокшие от суety; трубным голосом распоряжался хозяин с лоснившимся от пота лицом; звенели кружки, бутылки и кувшины, а пленительный запах жареного мяса словно туман стоял в спертом воздухе зала.

Друзья уселись за длинный дубовый стол, где уже обедали трое ремесленников, и потребовали для начала пива и тушеной говядины. Огромная мощная фигура киммерийца привлекла к путешественникам внимание всех посетителей. Восхищенные возгласы сопровождали трапезу Конана: его волчий аппетит и крепкие зубы, легко разгрызающие кости, уважительно приветствовались здешним открытым людом. Впрочем, бездельники вскоре отвлеклись, вновь занятые картами, едой и пустыми беседами, а друзья заказали обед по второму кругу.

Иена, маленькими глотками попивающая пиво из огромной кружки, молча оглядывалась по сторонам. Девушку давно уже что-то тревожило. Конан заметил это еще утром и теперь опасался, не помнит ли она, что случилось этой ночью. Когда она очнулась на руках у Хольда, затем встала и прошла несколько шагов, ее жестоко вывернуло, и еще раз, и еще... Потребовалось немало времени, чтобы девушка пришла в себя и смогла идти самостоятельно, а сначала киммериец нес ее на руках, не обращая больше внимания на умоляющие взгляды Хольда.

О чем же Иена думала сейчас? Этот вопрос беспокоил Конана, хотя он и не хотел себе в этом признаваться. Что будет с ней, если она узнает, какой ценой они сумели спастись от бандитов? А может, она уже знает? Судя по ее виду, что-то тревожит ее, и сильно тревожит. Варвар вздохнул глубоко и, уставившись на девушку, спросил:

— Что случилось, Иена? У тебя болит живот?

Она покачала головой.

— Нет, Конан. У меня ничего не болит.

— А почему ты все время молчишь? — вступил в разговор Хольд.

— Но ты тоже молчишь, — слабо улыбнулась Иена. — Не волнуйтесь, со мной все в порядке. Я только...

— Что? — в один голос встревоженно спросили мужчины.

— Мне что-то действительно не по себе. Словно я обидела кого-то невзначай...

Конан и юный врачеватель переглянулись.

— Ты никого не обижала, Иена, — мягко произнес Хольд. — Все хорошо. Просто ты устала.

— Да-да, я понимаю... — Девушка хотела сказать что-то еще, но в этот момент с треском распахнулась входная дверь.

— Пожар!!! — с порога визгливо крикнул толстый, бряцающий всевозможным оружием стражник с городской стены, неловко повернулся и выбежал вон.

Возбужденные известием посетители харчевни повскакивали с мест, ринулись к выходу, где мгновенно образовалась пробка. Люди ругались, пинались и толкали друг друга, сзади топтались остальные, и лишь несколько человек остались сидеть на своих местах. Кто-то выпрыгнул в окно, его примеру последовали, и вскоре в харчевне остались только Конан с друзьями и лениво продолжавшие беседу их соседи по столу.

— Я хочу видеть этот пожар, — внезапно сказал Хольд, до этого молча наблюдавший за людской суетой.

— Зачем? — искренне удивился Конан.

— Не знаю. Но мне надо.

В голосе парня звучала такая убежденность, что киммериец пожал плечами и не стал спорить.

— Надо так надо. Пойдем.

Они встали, не заплатив за обед, и прошли к выходу.

Люди бежали по направлению к центру города. Не спеша, спутники направились туда же. Пройдя несколько извилистых переулков, они увидели возле большого желтого дома толпу народа. Люди вытягивали шеи, возбужденно кричали, показывали пальцами вверх. В одном окне и в самом деле что-то горело, хотя не было видно ни дыма, ни огня. Конан нахмурился. Такого пожара он еще не видел. Скорее всего, в доме происходит нечто совсем другое... Взгляд киммерийца случайно упал на Хольда — юный врачеватель, бледный, с посиневшими губами, не мигая смотрел на окно. Яркие красные всполохи внутри притягивали его словно магнитом... Внезапно все погасло, и только блики солнца скользили по стеклу, ослепляя любопытных.

Хольд дернулся и, врезаясь в толпу, как в море врежется узкий нос лодки, пошел к дому. Вырутавшись, Конан схватил Иену за руку и бросился следом.

Внутри было прохладно, темно, тихо... Но тишина была такая тягучая, странная, что варвар встревожился не на шутку. Он попытался догнать Хольда, который поднимался по лестнице прыжками, как будто кто-то звал его. Но у парня словно появились крылья — он летел вперед так стремительно, что Конан не смог бы его настичь, если бы из кармана юного врачевателя не выпала его дуда. Хольд остановился, тяжело дыша, невидящими глазами посмотрел на киммерийца и Иену, поднял дуду и снова ринулся наверх. Но на следующем марше Конан уже догнал его.

— Стой! — железная рука ухватила парня за куртку. — Пойдем вместе. Только вместе, понял?

Хольд машинально кивнул и опять устремился вперед. Он остановился, только когда увидел узкую деревянную дверь. Оглянувшись на друзей, юный врачеватель толкнул ее — клубы дыма вырвались на лестницу — и вошел внутрь.

* * *

Развалившись на скамье, Майорк отдыхал. Перед ним на полу лежали его поверженные противники — маленький кхитаец, потерявший сознание, но, тем не менее, связанный, и так же связанный по рукам и ногам Гром. Слуга Митры не открывал глаз, но уже очнулся, и теперь ругал себя за неосторожность и непоследовательность. Главное — за непоследовательность. Ведь он же решил уничтожить мага, и надо было делать это сразу, а не пугать его демонстрацией своего искусства. «Грех, — стучало в висках Грома. — Грех... грех...» Он не позволял себе таких бездумно опасных игр даже тогда, когда был юн и доверчив. Что же случилось с ним сейчас? Как можно было понадеяться на свою Силу и не учесть изворотливость противника?

«О, Митра... — мысленно молил человек, — я искуплю этот грех... только дай мне время... Совсем немного, совсем чуть...» Конечно, и сейчас еще не поздно: Майорк не убил его в надежде все-таки вынудить слугу Митры обучить его. Что ж, придется снова притворяться. Это нетрудно, хотя Гром очень не любил притворщиков и сам старался избегать неправды, но жизнь не всегда идет ровно и спокойно даже у очень хороших и честных людей...

Размышляя, Гром не забывал напрягать руки, пытаясь ослабить веревку. Старик связал его крепко, но у слуги Митры силы было вполне достаточно, чтобы разорвать десяток таких веревок... если, конечно, ими не связаны руки...

А Майорк, морщась от дыма, в это время тоже размышлял — как все же заставить Грома обучить его Искусству убивать. То, что этот человек сейчас опасен, не вызывало у него никаких сомнений, поэтому развязывать его было нельзя. Но что делать? Уничтожить Грома, обратить его в камень, а потом снова искать неведомо где другого слугу Митры? Нет. Майорк даже застонал вслух от бессилия. Власть над всем миром была так близко! Проклятый Гром нарушил великолепный план и за это... за это он должен умереть. Такое решение неожиданно успокоило старика. Весь мир еще будет в его руках, обязательно будет, а вот слуга Митры едва ли... Пожалуй, ни одному магу пока не удавалось справиться с таким человеком. Он, Майорк, станет первым! Тщеславного старика эта мысль не только утешила окончательно, но и развеселила. Он захихикал, потирая огромные ладони, и торжествуя посмотрел на лежащего противника, хотя тот и не мог его видеть.

Теперь, когда он принял решение, оставалось придумать только, каким способом уничтожить Грома. Оставить его здесь и поджечь дом? Это был излюбленный прием старого мага, но для Грома, полагал он, такая смерть будет слишком легкой и быстрой. Может, обратить его в камень и поставить во внутреннем дворике? Скучно. Или... Но на этом размышления старика прервались. Он смотрел, как медленно, с едва слышным скрипом открывается дверь в комнату, и явственно ощущал, что внутри отчего-то все холодеет. Майорк никогда не был пуглив, поэтому собственное состояние сейчас беспокоило его не на шутку. Словно предчувствие сдавило ему грудь; так уже было однажды — когда по древним папирусам и с помощью звезд он увидел свою смерть. Вот так же похолодело все внутри в тот момент и будто мутной пленкой затянуло глаза. Он очнулся с великим трудом и дал себе слово не заглядывать в будущее ни при каких обстоятельствах.

Эти воспоминания промелькнули в голове старика и погасли одновременно с его страшным криком: в комнату ступил человек, лицо которого Майорк узнал сразу, хотя и не видел никогда.

Хольд ступил в комнату и остановился на пороге. Картина, представшая перед ним, была весьма странна и неприятна: клубы дыма, мерно покачиваясь, плавали в небольшом помещении и издавали отвратительный едкий запах, смешанный с еще более отвратительным запахом горелых волос; на полу лежали связанные люди, оба то ли мертвые, то ли без сознания — сквозь дым невозможно было разглядеть; на скамье сидел очень странный, словно больной, лысый огромный старик; парню показалось, что дюжина гримас сменилась за один лишь вздох на длинном костистом лице, стоило ему выйти сюда.

Пожав плечами, юный врачеватель отвернулся было, но старик вдруг широко открыл глаза и рот и завизжал так пронзительно, так дико, что Хольд на миг растерялся. Подобные крики он слышал с равнины, когда остановил своей дудой ревущую толпу монстров, уже догоняющих Иену и Конана. А сейчас этот старик... Причем он смотрит именно на него, на Хольда, и совсем не обращает внимания на гораздо более могучего варвара. Уж если кто и представляет опасность, так только он, но уж никак не Хольд. Странно...

Словно почувствовав его смятение, друзья подошли ближе, а киммериец выступил немного вперед, огромной фигурой заслонив девушку и парня. Он деловито осмотрел комнату, хмыкнул и прошел на середину, туда, где лежали связанные Гром и маленький кхитаец. Впрочем, Гром уже не был связан. Веревки упали с его запястий как раз в тот момент, когда спутники вошли сюда.

— Ладно уже орать-то, — спокойный, но глубокий и ясный голос Конана оказал неожиданное действие: старик будто споткнулся. Оборвав визг на высокой ноте, он злобно уставился на незнакомца и зашипел что-то невразумительное, но очевидно грязное. В ответ варвар только сплюнул на пол, но в один плевок он умудрился вложить столько презрения и равнодушия, что Иена и Хольд не смогли сдержать улыбки.

— Да провались ты... — все так же безмятежно произнес он, присел на корточки перед мальчиком и потрогал пальцем веревку на его ногах.

— Уйди! — фальцетом выкрикнул старик. — Уйди от них!

— Заткнись, ты, ублюдок, — Конан говорил пока спокойно, но на самом деле едва сдерживал нарастающую с каждым вздохом ярость. Ударить мальчишку так, что тот потерял сознание, да еще связать его! На это был способен только ублюдок. Тихо рыкнув, киммериец взялся за веревку обеими руками, поднатужился и — плотный жгут лопнул, словно нитка в пальцах швеи.

Старик трясся, не в силах сдвинуться с места, хотя одна лишь мысль обуревала его сейчас: бежать. Бежать не от этого неотесанного дикаря, который развязывает кхитайца, но от хрупкого парнишки, с недоумением и гневом смотрящего то на него, то на его поверженных противников. И даже поднявший вдруг голову Гром произвел на него теперь впечатление ничуть не большее, чем капля дождя в пасмурный день. Бежать! Тяжело дыша, он напрягся и стал сползать со скамьи.

— Отец!

Это слово повергло Майорка в шок. Он окаменел, вытаращив глаза, будто справляющий большую нужду кот, и, забыв вздохнуть, начал мешком валиться на пол.

* * *

— Отец! — с отчаянным криком девушка бросилась к Грому, который только что развязал на ногах веревку и теперь вставал, отряхиваясь.

— Иена! — легкий укол в сердце заставил его пошатнуться. Он обнял дочь, нежно прижал ее к себе, вдыхая свежий запах ее волос. — Иена... девочка моя...

Хольд, взиравший на все происходящее с возрастающим недоумением, начал, наконец, приходить в себя. Приняв из рук Конана маленького кхитайца, он положил его осторожно на скамью, затем пошарил в мешке, извлек оттуда какие-то сухие корни и растер их в ладонях; получившийся порошок приложил к вискам мальчика, выждал несколько мгновений... Вен вздохнул, открыл глаза и улыбнулся.

Юный врачеватель улыбнулся в ответ. В следующее мгновение улыбка сбежала с его лица: он взглянул на лежащего у его ног старика и вздохнул. Долг повелевал ему заняться и этим мерзким старикашкой, а поскольку

долг Хольд ценил превыше всего, он наклонился и пальцем приоткрыл веко Майорка.

— Ну? — спросил Конан, возвышаясь над парнем.

Тот пожал плечами.

— Умер.

— С чего бы это? — удивился варвар. — Никто его не трогал.

— От страха, — юный врачеватель задумчиво смотрел в мутный зрачок старика и видел там свое отражение.

— Я все равно бы его прибил, — зевнул Конан. — Не иначе — колдун. Всегда их не выносил...

— Наклонись, Конан, — попросил вдруг Хольд странным голосом.

— Ну, — варвар пригнулся. — И что?

— Ты ничего не замечаешь?

Киммериец покачал головой.

— Посмотри внимательно.

— Вроде, на тебя похож...

— Я видел его во сне, — взволнованно произнес Хольд. — Это... это мой отец.

— Брось, парень, — Конан сморщил нос и смачно сплюнул. — Мало ли кто на кого похож...

— Я говорю тебе, это мой отец! Вот так же во сне я открывал его веко и видел в зрачке свое отражение... И я знал, кто он. Знал! О, Митра! За что? Родиться от такого козла... — Хольд горестно вздохнул и обхватил голову руками.

— А может, он вовсе не козел... — неуверенно сказала Иена, подойдя к друзьям. — Просто... ну, старый и больной... сумасшедший...

Конан презрительно фыркнул, но промолчал.

— Он прав, девочка, — Гром положил руку ей на плечо и продолжил. — На счету этого старика столько бед и столько смертей, сколько приносит лишь самая страшная война. Ты вряд ли помнишь, но я рассказывал тебе о нем. Его зовут...

— Майорк, — глухо пробормотал Хольд. — Его зовут Майорк.

— Да, — Гром сочувственно посмотрел на парня. — Не думай больше о нем. Все позади...

— Он и умер-то... не как человек! — воскликнул Хольд, отрывая руки от бледного лица. — Вы слышите? Слышите запах? От страха он... фу! Я не могу...

— Обделался, — подсказал Конан.

— Ну да, — юный врачеватель вновь спрятал лицо и всхлипнул.

— Отец, — медленно проговорила Иена, которая во время их разговора пристально вглядывалась в старика. — Мне кажется, именно его я видела во сне...

— Как? Ты тоже видела его во сне? — ухмыльнулся варвар. — Значит, только мне не повезло.

— Не смейся, Конан, я же рассказывала тебе о нем.

— А-а, — протянул киммериец, сразу посерьезнев. — Вот оно что... Кром...

Иена обернулась к отцу.

— Он... он превратил меня...

— Подожди! — решительно произнес Гром, беря за руку прижавшегося к нему Вена. — Сначала мы уйдем отсюда. Нам с вами о многом надо потолковать. У меня в Аките есть друг, он владеец маленького трактира. По-моему, нам сейчас самое время хорошенько подкрепиться...

— Лучше выпить, — мрачно буркнул Конан.

* * *

В трактире у старого Кона было тихо. Только один посетитель примостился в углу и почти спал над кувшином вина.

Друзья заняли маленький уютный столик в противоположной стороне, попросили хозяина принести им немного еды и много вина и надолго замолчали. Каждый думал о своем, но все их мысли были одинаково унылы и безнадежны. Конан, насупившись, вспоминал Вейшан, его жителей, скорее всего, оставшихся там навсегда, и ругал себя за... Он и сам толком не смог бы сказать, за что. Одно было ясно: страшную игру с городом плененных душ затеял именно этот старик, валявшийся сейчас мертвым в собственном дерьме. О том, что это он, киммериец понял лишь после слов Иены, признавшей в ублюдке того, кто являлся к ней во сне и превратил ее в суккуба. Да, еще и Иена... После смерти старика и на ней осталось заклятье...

Девушка размышляла о том же. И как сказать об этом отцу?

Гром мрачнел с каждым вздохом, хотя по лицу его ничего невозможно было заметить. Грех мальчишеской

беспабашности, непозволительный для слуги Митры, так и остался на нем. Не он уничтожил мага. И дочь свою спас не он... Он вообще не сделал ничего. Ничего! Такое случилось с ним действительно впервые... Что же, он искупит грех, если Митра благоволит его простить, если даст ему возможность искупления. Но вряд ли теперь он сам сможет стать Учителем... Завтра же, завтра он пойдет к Наставнику, а тот уже подскажет ему, что делать. «Сегодня!» — вдруг словно ударило Грома. Он в одно мгновение взмок, но и тяжелые мысли сразу ушли как не бывали. Да, только сегодня...

Вен с состраданием смотрел на своего большого друга. Он не видел, но чувствовал, что творится у того на душе. И когда вдруг глаза Грома просветлели, маленький кхитаец облегченно вздохнул и улыбнулся.

У Хольда в голове вертелось одно: каким поворотом судьбы он оказался сыном этого ужасного старика?..

Наконец Иена решилась прервать всеобщее молчание и рассказать отцу все, что произошло с ней и с ее друзьями.

Гром, нахмурясь, внимательно выслушал ее. Киммериец смотрел на него с надеждой — он хорошо знал возможности и знания слуг Митры; и Фарал, с которым он познакомился на берегу Вилайета, и Лайтлбро — маленький бритунец, и Рагар по прозвищу Утес — все они были людьми какого-то особого сорта. Сам Конан однажды чуть было не стал таким же... Воспоминания вновь нахлынули на него, и варвар с трудом отогнал их прочь — сейчас не до воспоминаний. Надо думать только о том, как спасти вейшанцев и Иену...

— Что же, — задумчиво произнес Гром, выслушав рассказ дочери. — Придется мне все же отложить на некоторое время мои дела...

— Не надо ничего откладывать, — мрачно пробурчал Хольд, все еще занятый мыслями о своем несчастье. — Я могу снять заклятье...

— Ты? — в один голос спросили изумленные Иена и Конан.

— Я, а что? — пожал плечами юный врачеватель. — Собственно, именно этому меня и учил мой приемный отец...

— О, Хольд... — прошептала Иена. — Что же ты не сказал раньше?

— Прости... — он вдруг густо покраснел. — Я собирался, но не успел...

— Что не успел?

Хольд открыл было рот, но киммериец в этот момент так пнул его под столом ногой, что парень поперхнулся и закашлялся.

— Слушай, — нарочито громко сказал Конан, отвлекая внимание Иены. — А ты не мог бы тогда сказать нам, где Игалий?

— Это кузнец? — уточнил Хольд.

— Кузнец? — встрепенулся маленький кхитаец. — Какого-то кузнеца убил Майорк...

— О-о-о... — простонал юный врачеватель. На его лице было написано такое неподдельное страдание, что даже Конан на миг почувствовал нечто вроде жалости к парню, чей отец оказался отродьем Нергала. Но досада о погибшем Игалии пересилила.

— Ну и папаша у тебя, — сквозь зубы вымолвил варвар. — Не позавидуешь...

Иена молча положила руку на плечо Хольда. Конан бросил на нее взгляд и отвернулся. «Они подходят друг другу, — подумал он с каким-то удовлетворением. — Точно подходят. Как две половинки одной задницы...»

* * *

Когда солнце уже садилось за горизонт, друзья вышли за городские ворота. В кармане у Хольда лежало овальное, с неровными краями зеркальце — только его он взял в доме Майорка. Но теперь зеркальце не показывало Вейшан. Голая равнина, пустая, необитаемая — вот и все, что осталось на месте города плененных душ. Юный врачеватель неплохо потрудился. «Это самая твоя большая победа, сынок!» — так сказал ему Гром, и Хольд, внутренне по-мальчишески ликуя от похвалы слуги Митры, небрежно кивнул головой и ничего не ответил.

Последние лучи скользили по дороге, по городским стенам, по желтым песчаным холмам, а со всех сторон уже надвигалась ночь. Эту ночь никто из друзей не захотел провести в Аките. Грому предстоял неблизкий путь к Учителю, и он не желал терять время — чувство вины подгоняло его. А Иена и Хольд решили идти с ним. Слуга Митры

не сразу согласился взять молодых людей в столь далекое и небезопасное путешествие, но в конце концов уступил и был уверен, что жалеть об этом ему не придется. А может быть, Учитель захочет принять новых учеников? Жаль, Вен еще мал. Поэтому Гром оставил его пока у своего друга Кона — акитского трактирщика. Но придет и его время, слуга Митры из него непременно получится...

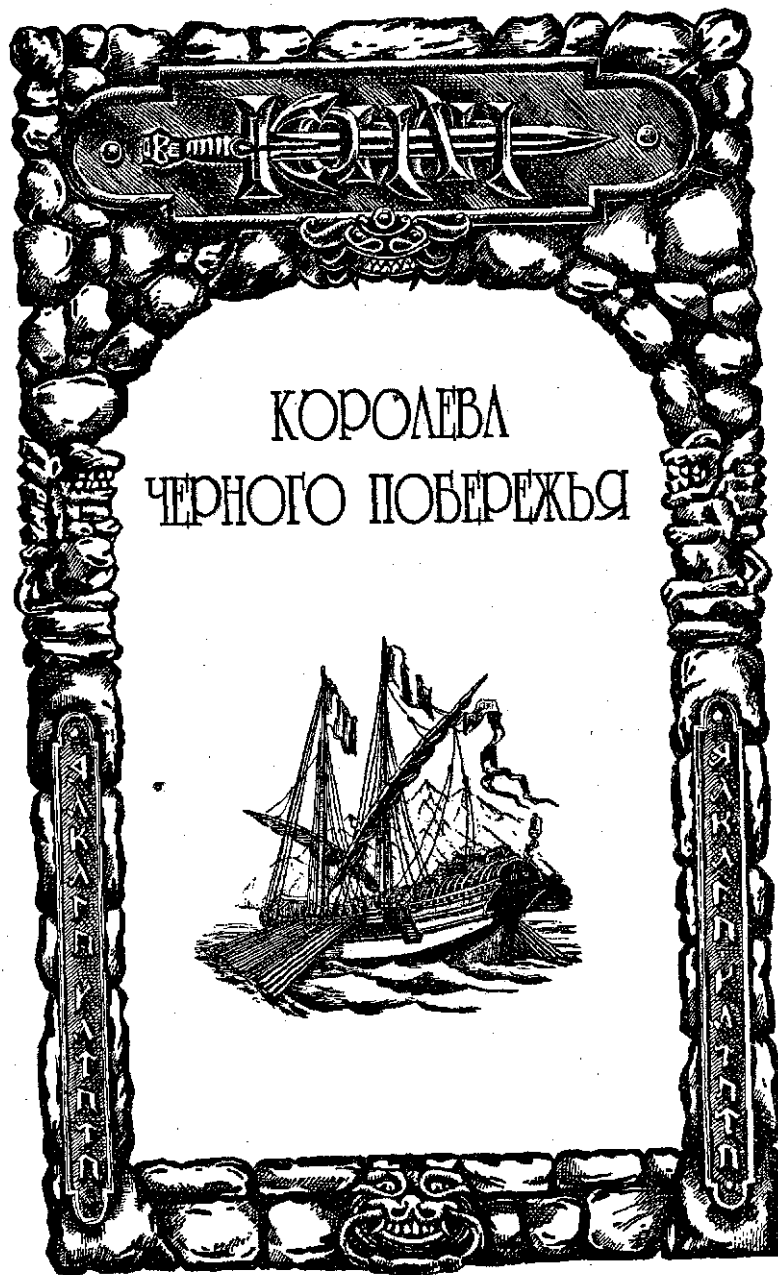
...На развилке друзья остановились — пора прощаться. Маленький кхитаец со слезами на глазах повис на шее Грома, приговаривая что-то по-своему, потом сунул ему в руку амулет — сухой кусочек корки чудесного Апельсина на шнурке, и, не оглядываясь, побежал назад, в Акит.

Иена смотрела на киммерийца, закусив губу. Она с трудом удерживалась от слез, и только крепкая рука Хольда, сжавшая ее руку, придала ей сил. Девушка улыбнулась, подошла к варвару и поцеловала его в изрезанную прамами твердую щеку.

Конан, хмурия брови, похлопал по плечу Хольда, кивнул Иене и Грому и тоже двинулся в путь. Куда? Он и сам пока не знал. Впрочем, еще в трактире у Кона ему пришла в голову интересная мысль: а как там поживает в своей Замбуле купец? И не сдохла ли еще его гаттерия? Надо проверить... Он шагал по темной дороге, на которую уже опускалась мгла, и ухмылялся чему-то, то ли вспоминая, то ли думая о будущем... Но — что будет, то будет. Киммериец прибавил шаг и вскоре исчез в темной полосе густого леса...

* * *

В Акит пришла ночь. Редкий прохожий отваживался выйти на улицу в такое время — бродячие коты давно уже навели страх на весь город. Но в эту ночь было тихо. И в следующую — тоже. И потом... И люди вздохнули, успокоившись, не зная, что в центре Акита, в старом заброшенном доме, неторопливо, но четко и мерно бьется сердце старого мага.

С тих грохот мечей и секир, боевые крики и стоны не тревожили больше обледенелую холодную равнину под хмурым зимним небом. На окровавленный снег снизошла тишина. Белесое негреющее солнце, еще недавно искрившееся в прозрачных глыбах льда, отражалось теперь в разбитых панцирях и щитах, в лезвиях боевых топоров, в изломанных клинках, что сжимали холодеющие руки погибших. Мертвые воины крепко держали оружие, словно не веря, что последний их бой завершен. Их головы в рогатых шлемах запрокинулись к небесам; бороды, рыжие и золотистые, торчали вверх, погасшие глаза были обращены к горам — туда, где властвовал Имир, Ледяной Исполин, бог и владыка воинственного племени северян.

Среди залитых кровью сугробов и тел в изрубленных доспехах стояли двое. В мертвом мире, холодном и безмолвном, лишь эти два бойца еще хранили жизнь; лишь они могли еще двигаться, дышать, сражаться. Над ними круглился серый купол небес, вокруг простиралась бесконечная белая равнина, морозный воздух стыл в ледяной тишине, заставляя лица мертвецов покрываться инеем. Двое живых, словно бестелесные призраки, скользили меж трупов, не спуская друг с друга настороженных глаз.

Оба они были рослыми, с широкими плечами, на которых мог улечься снежный барс — и повадками они напоминали барса. Щиты воинов были разбиты и отброшены, доспехи помяты и обагрены кровью, шлемы с медными рогами носили отметины ударов, следы смертоносной ласки секир. Один, черноволосый, синеглазый и безбородый, нес на плече окровавленный меч; клинок другого, тоже залитый кровью, был угрожающе направлен вперед. Борода и волосы этого воина отсвечивали рыжим огнем на фоне белого снега.

Рыжий, встретив взгляд темноволосого, усмехнулся.

— Хотел бы я услышать твое имя, приятель. Да, хотел бы — чтоб в Ванахейме знали, чью голову снес меч Хеймдала. Последнюю голову из всех дружины Вулфера, павшей от клинков ваниров!

— Об этом ты поведаешь не в Ванахейме, а на Серых Равнинах, — буркнул синеглазый. — Там ты будешь про-
клонять день и миг, когда встретил Конана из Киммерии!

Взревев, Хеймдал прыгнул, и его клинок, яростно сверкая в солнечных лучах, разрезал холодный воздух. Смертоносная сталь обрушилась на щелем Конана; он пошатнулся, но устоял на ногах. Перед глазами его расплылся радужный ореол, снег подернулся алым, рукоять клинка дрогнула в окостеневших пальцах. Однако он был жив! И его ответный удар был страшен.

Меч киммерийца рассек доспехи рыжего вана, пробил ребра, проник сквозь жесткую плоть и дотянулся до сердца. Захрипев, Хеймдал откинулся назад и рухнул мертвым к ногам Конана. Остекленевшие его зрачки смотрели на север, рот раскрылся — будто для проклятия врагу или хвалы Имиру.

Победитель выпрямился и дернул к себе меч. Удар вана ошеломил его; в голове гудело, отблески солнечного света на снегу слепили глаза, колени подгибались. Он оглядел поле битвы — скошенный смертью луг, где златовласые асиры Вулфера покоились рядом с рыжебородыми ванами Браги. Хеймдал был последним из них; значит, Вулфер победил! Или не Вулфер — Конан?

Подняв лицо к далекому тусклому небу, киммериец испустил вопль торжества, потом сделал несколько шагов, опираясь на меч. Внезапно серебристый блеск равнины потемнел, глаза Конана застлала мутная пелена; вскрикнув, он повалился в снег, ударившись закованным в броню локтем. Встать уже он не сумел — только тряс головой, словно разъяренный лев, потрясающий гривой. Потом взгляд его застыл, губы замерли; холод и тишина сомкнули крылья над киммерийцем.

* * *

Светлый луч коснулся век Конана; завеса тьмы начала рассеиваться, зрение возвращалось к нему. Киммериец раскрыл глаза.

Что-то странное, необъяснимое и непонятное происходило с миром. Ему казалось, что небо и земля слились, замерцали чистым серебром; внизу искрились льды и снега, сверху — сияющий над бескрайней равниной об-

лачный покров. Но Конан не искал объяснений свершившемуся преображению; он глядел на иное чудо.

В нескольких шагах от него стояла девушка. Юная и тонкая, как молодая осинка, она чуть покачивалась на ветру. Ноги ее были босы, но изящные маленькие ступни, будто бы выточенные из слоновой кости, не ощущали холода. Голову и тело ее окутывала полупрозрачная фата, не скрывавшая очертаний маленьких крепких грудей и округлых бедер. Девушка смеялась — смеялась прямо в лицо поверженному воину. Смех ее был бы подобен нежному журчанью горного ручья, если б в нем не слышались презрение и насмешка.

— Кто ты? — хрипло пробормотал климмериец, приподнимаясь на локте. — Кто ты? Откуда ты здесь? И что тебе нужно?

Девушка-осинка вновь рассмеялась.

— К чему тебе это знать? — Ее чистый хрустальный голос был безжалостным, как лезвие ножа. Конан вздрогнул.

— Ты из племени проклятых ванов! — сказал он, протягивая руку к мечу. — Выследили меня, да? Ну, так зови своих людей! Мы славно повеселимся! Клянусь Кромом, десять ванирских голов будут платой за мою жизнь! Вы, ваны, рыжие псы и потомки псов!

Девушка прервала его, взметнув края своей воздушной вуали.

— Ты это сказал, не я! Причем здесь ваны?

Перед глазами Конана окончательно прояснилось. Теперь он видел, что волосы девушки, показавшиеся ему сперва пламенными, словно огонь, на самом деле не были ни рыжими, ни белокурыми; они сверкали на солнце ярким золотом, сияли так, что золотистые отблески на мгновение ослепили киммерийца. Зрачки ее казались глубокими, точно два бездонных колодца, и в них Конан не различал знакомых красок севера — ни цветов голубого блеклого неба, ни оттенков серых скал. Лишь губы девушки, алые пухлые губы, сложенные в насмешливую улыбку, выглядели так, как у прочих людей.

Он посмотрел на нее внимательнее. Эта златовласая красавица была подобна мечте! Вся, от маленьких ступней

до сверкающего ореола прядей, разметавшихся по точеным плечам!

Кровь набатом ударила Конану в виски.

— Не знаю, откуда ты, — буркнул он. — Может, враг, может, друг... то ли из Ванахейма, то ли из Асгарда... Но, странствуя по свету, я не встречал такой красоты. Я ослеплен золотом твоих кудрей... Клянусь Имиром! — Он вытянул руку к далеким горам, синевшим на горизонте. — Прекраснейшие дочери Асгарда — жалкие рабыни рядом с тобой!

— Клянусь Имиром! — повторила девушка, и губы ее презрительно изогнулись. — Тебе ли поминать его? Что ведаешь ты о владыке снега и льдов, повелителе воинов севера? Ты, безродный чужак, пришедший с юга?

— Кром! — взревел Конан. — Вот мой бог, и он грозней и сильнее Имира! И он дал мне силу — такую силу, что нет равного мне ни среди золотобородых асов, ни среди рыжих ваниров! Восемь десятков бойцов ушли сегодня на Серые Равнины... Восемь десятков! Все они пали — и люди Вулфера, и хищные волки Браги, и последний из них, Хеймдал... Лишь я остался в живых! Я, Конан из Киммерии! — Он нахмурился и устремил на девушку горящий взгляд. — Или ты не веришь мне? Тогда скажи, высмотрела ли ты кого живого? Видела ли блеск доспехов на снежной равнине или воинов, бредущих с поля боя? Слышала ли их голоса и крики?

— Видела я блеск льда на солнце, слышала голос ветра, что летит над вечными снегами, — отвечала девушка.

Конан сел и, стащив изрубленный шлем, покачал головой.

— Никого не осталось... никого, кроме меня! Но Ньорд и Хорса обещали, что присоединятся к нам со своими людьми... Видно, дружина их попала в засаду... Они мертвы, и Вулфер мертв, и все его бойцы... — Он огляделся, озирая безжизненную белую равнину, чувствуя, как когти холода заползают под броню. — Далеко же забрались мы в поисках добычи и врага! Ни дыма, ни хижин на много переходов окрест... Но ты, — взгляд киммерийца спустился к ногам девушки, — ты пришла босиком. Значит, близко есть жилье... И если ты — дочь Асгарда и друг,

проводи меня в свое селенье, ибо мне нужно тепло очага и пища. Я изнемог от ран, златовласая.

— Селенье мое дальше, чем ты думаешь, киммериец! — звонкий смех девушки всколыхнул морозный воздух. — Много дальше! — Она протянула руки к далекому горному хребту, а потом раскинула их и закружилась, затанцевала перед киммерийцем. Маленькие ступни ее не приминали снега; зрачки, не голубые, не синие и не серые, сверкали огнем под завесой длинных ресниц.

— Скажи, Конан из Киммерии, разве я не хороша? Разве не прекрасна? Разве не желаешь ты согреться в моих объятиях?

— Ты — утренняя заря, что серебрит снег на восходе... — прошептал очарованный Конан, и глаза вспыхнули, как у голодного волка.

— Тогда встань и иди ко мне! Иди, Конан! Немного стоит боец, умирающий среди груды трупов! Меньше, чем залитый кровью осколок льда!

Безумие слышалось в ее речах; безумие и опасность. Она танцевала меж мертвых тел словно плясунья на пиру; вились края невесомой фаты, дразнили алые губы.

— Не можешь подняться, Конан? Тогда ложись и умирай, как остальные! Стань пищей для воронов и волков! Слабый не доберется до моего селенья! Слабый — добыча смерти!

С проклятьем киммериец вскочил; ноги его дрожали, гнев туманил голову, лицо побагровело. Но сильнее гнева было разгоравшееся в нем желание; кровь стучала в висках, бешено пульсировала в жилах, алым туманом застила глаза. Он был изранен, он изнемогал от усталости, но боль и телесные муки отступали перед страстью. Он жаждал эту девушку! Жаждал так, как ни одну из женщин мира! Быть может, она была безумна; но теперь им тоже овладело безумие.

Конан молча поднял свой окровавленный клинок, сунул его в ножны и ринулся к желанной добыче. Руки его были распростерты как крылья орла.

Девушка засмеялась. Прервав стремительную пляску, она отскочила и бросилась бежать — на север, к далеким горам, что нависали над ледяной пустыней. На бегу она оглядывалась, временами маня рукой; смех ее звенел,

словно серебряные колокольцы. Конан мчался следом. Ноги его приминали снег, на губах стыли проклятья.

Он позабыл обо всем. Забыл о недавнем сражении, о погибших соратниках, чьи тела холодели среди льдов; забыл о Ньорде, то ли спешившем на помощь, то ли изрубленном вместе со своими людьми; забыл о Хейм-дале, последней жертве его меча. Он несся по белым безжизненным полям, и мысли его летели вслед хрупкой фигурке, что, дразня, парила перед ним, недостижимая и желанная.

Груды тел и залитый кровью снег остались позади. Панцирь давил на плечи, меч бился о бедро; ноги, в тяжелых сапогах и стальных набедренниках, крушили хрупкий наст. Он бежал; он мчался вперед с несокрушимым упорством, рыча, будто дикий зверь. Киммерийцы были упрямы — но Конан был самым упрямым из всех. Зябкие морозные пальцы проникли под его доспехи и меховую куртку, но он, разгоряченный бегом, не замечал их; он должен был догнать и схватить добычу — или умереть.

Странно, но эта ледяная мертвая равнина не страшила беглянку. Казалось, она танцует не по обжигающему холоду насту, а по теплым доскам пола, перед натопленным очагом; она летела вперед словно легкое перышко, и Конан, с каждым шагом глубоко проваливавшийся в снег, не видел ее следов. Он вспотел, но упорство и желание превозмогли усталость; рыча и воя, он мчался за ней подобно голодному волку.

— Тебе не уйти! — ревел он. — Не уйги! И не заманить меня в ловушку! Попробуй — и люди твои лишатся голов! Ты не спрячешься от меня — ни тут, ни в горах! Я сверну камни, разобью скалы и настигну тебя даже на Серых Равнинах!

Хохот, насмешливый и презрительный, служил ему ответом.

Златовласое порождение льда манило его, увлекая в снежную пустыню. Солнце миновало зенит, начало клониться к горизонту, к далекому Западному океану, лежавшему за равнинами Ванахейма. Двое затерянных среди льдов и снегов по-прежнему мчались вперед — обуянные безумием, не знающие усталости.

Постепенно местность стала меняться. Бескрайняя плоская равнина теперь вспучилась холмами, ошетичилась зубцами скал; на севере, озаренные лучами вечернего солнца, вырастали горы — голубовато-льדיстые, в отблесках алого, в отсветах багряной зари. Над головой Конана сверкающим кхитайским шелком развернулись полотнища северного сияния, многоцветные, как радуга жарких стран. Снег блестел и переливался то серебряным, то синим; мир вокруг исполнился магии и волшебства. И столь же колдовской была тонкая фигурка, манившая Конана вперед; он видел лишь ее и бежал, бежал, бежал...

Ничто уже не могло вызвать его удивления — ни танцующая перед ним недостижимая красавица, ни два гиганта, внезапно загородивших ему дорогу. Доспехи их покрывал сверкающий иней, шлемы и лезвия секир отсвечивали синим льдом. Иней серебрился на их волосах, бороды смерзшимися прядями стекали на грудь, а в глазах был лед — ледяной холод, подобный отблеску зимних звезд.

Девушка метнулась к исполинам.

— О, братья мои! Взгляните — вот человек с теплой плотью, жертва нашему отцу! Я привела его к вам! Разрубите ему грудь, вырвите сердце, обагрите снег кровью! И, пока тело бьется и трепещет, возложите его на алтарь!

Раздался громopodobный рев — словно две ледяные горы, столкнувшись в океане, мерялись силой. Конан, вздымая меч, ринулся к гигантам; одетые инеем топоры взметнулись над ним. На долю мгновения их серебряный блеск ослепил киммерийца, но рука его была тверда: описав полукруг, стальное лезвие впилося в бедро великана. С хриплым рыком тот свалился в снег, но секира второго врага настигла Конана. Он тоже упал, сбитый с ног, но невредимый: плечо онемело, однако панцирь отразил удар.

Над ним, подобно башне, уходившей в сумрачное небо, высился гигант с поднятым топором. Лицо его казалось высеченным из гранита, пластины панциря отсвечивали сиянием льдов. Огромный топор рухнул вниз; Конан, спасаясь от удара, откатился. В следующий миг он уже был на ногах, и длинный его клинок просвистел погребальную песню. Брызнула кровь, голова гиганта запроки-

нулась, огромная рана на шее казалась разверстым ртом. Подогнув колени, он медленно осел на землю — такой же каменно-недвижимый, как скалы, темневшие вокруг.

Девушка не отводила взгляда от бойцов, взирая на стремительную схватку; торжество в ее глазах быстро сменил ужас. Заметив это, Конан поднял окровавленный клинок и расхохотался — грозно, ликующе.

— Ну, где твои братья, красавица? Может, есть еще? Так позови их! И я разрублю им грудь, вырву сердца и обагрю снег их кровью! Но возлагать на алтарь не стану — брошу в снег, на поживу волкам!

Он шагнул к ней, и златовласая девушка в страхе бросилась к скалам — уже не смеясь, не издеваясь над Конаном, а желая лишь скрыться и спастись. Тщетно! Киммериец мчался за ней, чувствуя, как с каждым шагом, с каждым прыжком прибывают силы. Снег и осколки льда летели из-под его сапог.

Но расстояние не сокращалось — беглянка была быстрой. Скрипнув зубами, Конан рванулся вперед. Теперь между ними было шагов сто, не больше. Он видел, как вьется по ветру полупрозрачная вуаль и, казалось, уже чувствовал упоительный запах девичьей кожи. Прошло немного времени, и она начала спотыкаться; дыхание со свистом вырывалось из ее груди.

Конан ускорил бег и усмехнулся. Он побеждал!

Страсть, желание и гнев мешались в дикой его душе. С яростным воплем он сделал несколько гигантских прыжков, отшвырнул меч, вытянул руки и сжал беглянку в объятиях. Она билась, словно птица, попавшая в силки, но варвар держал крепко; его железные пальцы впились в нежную плоть. Тело девушки изогнулось, прикосновение к ее коже, холодной и белой, как снег, обожгло Конана. Золотые волосы метались перед ним, слепили глаза. Но коршун закогтил куропатку и не собирался выпускать добычи.

— Ты холоднее льда, — пробормотал он. — Ну, ничего! Я согрею тебя, красавица! Моего жара хватит на двоих!

Она вырвалась отчаянным усилием и отскочила, оставив в его кулаке клочок своей невесомой фаты. Золотистые локоны рассыпались по плечам, растрепались, губы поблекли, судорожное дыхание волновало грудь. Конан

замер. Ее красота — воистину, нечеловеческая! — вновь поразила киммерийца.

Руки девушки взметнулись в мольбе, взгляд обратился к горам, что мрачными громадами темнели на горизонте. Теперь голос ее уже не казался перезвоном хрустальных колокольчиков; он был полон тревоги и страха.

— Имир! Имир, великий отец мой! Спаси! Защити меня!

Конан вновь попытался схватить ее, поймал край полупрозрачной вуали, потянул к себе... Но тут раздался грохот — такой, словно над ним заработали гигантские жернова, перетирая в пыль ледяную гору. В небесах холодным пламенем полыхнула зарница, затмив переливы северного сияния; гроыхнул гром, и ослепительная вспышка заставила киммерийца зажмуриться. Фигурка девушки тоже казалась охваченной пламенем; какой-то миг оно сияло и жгло руки Конана, потом беглянка исчезла. Он был один; только ветер метался по равнине да утрюмые скалы торчали вокруг, темные и мрачные, подобные клыкам исполинского подземного чудища.

В небесах вновь гроыхнуло, раскатистый рокот титанического барабана накатился с гор. Высоко вверху, над головой Конана, звезды пустились в стремительный хоровод, и в такт их круженью все бил и бил барабан. Потом звуки его сделались еще мощней, еще громче; теперь они напоминали грохот колес боевой колесницы и стук подков. Чудовищные кони влекли повозку все ближе и ближе, молнии летели из-под копыт, огромная фигура в ледяном панцире встряхивала возжами, торопила скакунов...

Снежные сугробы, горы и скалы покачнулись, взлетела снежная пыль, застав глаза Конану. Мириады огненных всплесков соединили землю и небеса, закружились, подобно гигантской карусели, рассыпались звездным ливнем. Равнина дрогнула и ушла из-под ног киммерийца.

Ослепший и оглохший, он рухнул в снег.

* * *

Чьи-то руки перевернули его, чьи-то пальцы коснулись заиндевшей щеки.

Он оживал, медленно и словно бы нехотя всплывая к свету из мрачного и холодного мира Серых Равнин,

царства мертвых, где не сияло солнце, не искрились звезды, не пел песен ветер. Кто-то тряс его, кто-то растирал ладони и ступни — так, словно пытался содрать с них кожу. От этой пытки Конан совсем очнулся, зарычал и, в поисках оружия, принялся шарить по мерзлой земле.

— Парень очнулся, Хорса! — прозвучал над ним громкий возглас. — Очнулся, клянусь медвежьими кишками! Горм, три посильней, может, спасешь ему руки да ноги... Такой боец нам еще пригодится!

— Кулак у него железный, — пробормотал другой голос. — Пальцы на левой руке никак не разжать... Что-то он держит... Крепко, как клещами!

Конан раскрыл глаза. Рослые бородатые люди склонились над ним. Волосы их сверкали золотом, панцири светились серебром; на плечах топорщился волчий мех, и волчьими шкурами были подбиты просторные плащи. Асиры, — подумал он, — Ньорд, Хорса... Губы его шевельнулись, морозный воздух обжег горло.

— Конан! Конан, брат мой, ты жив? — один из воинов встал рядом с ним на колени.

— Кром! — хрипло выдохнул киммериец. — Или мы оба живы, Ньорд, или все мы уже на Серых Равнинах.

— Думаю, там теплее, — ответил вождь асов, касаясь щеки Конана. Люди его, два или три человека, копошились вокруг, растирая киммерийцу ступни и ладони.

— Прости, брат, что мы задержались, — продолжал асир. — Попали в засаду! Ну, тем, кто в ней сидел, растирания уже не помогут... — он ухмыльнулся, блеснув зубами. — Мы нашли груды изрубленных тел, еще не успевших остыть, но тебя среди них не было. Тогда мы пошли по следам... Но куда ты бежал, безумец? К горам, в ледяную пустыню! Клянусь Имиром, мы шли за тобой всю ночь, уже не надеясь найти — выюга заметала твой след. Куда тебя понесло?

— Имир, — прохрипел Конан, — Имир...

— Не поминай о нем слишком часто, — буркнул седовласый воин, растиравший ступни киммерийца. — Все земли окрест — под его властью! А сам он обитает в тех горах, — асир кивнул на север. — Там — его владения!

— Имир, — воздух хлопотал к горле Конана, — Имир... Девушка... белая, как снег... золотая...

Потом речь его сделалась внятной.

— Мы встретили людей Браги утром, — отрывисто произнес он. — Утром, на равнине! Дрались, долго дрались... Времени я не считал... Мой меч сразил Хеймдала — последнего. Я остался жив, один... ослабел от ран... было холодно... так холодно! — Внезапно голос киммерийца окреп. — Потом появилась девушка. Возникла из ничего! Златовласая, прекрасная и холодная, как воздух Серых Равнин. Я смотрел, как она танцует в снегу, и душу мою охватило безумие. Я желал ее! Так, как не желал ни одну женщину на свете! Она побежала... побежала, и я помчался за ней... — Конан привстал на локте, шаря взглядом по сумрачным лицам воинов. — Вы нашли ее след? Видели великанов? Гигантов в доспехах из льда? Я сразил их... Одному перерубил ногу, другому — шею...

Ньорд, предводитель асов, покачал головой.

— В снегу были только твои следы, Конан. И великанов в доспехах из льда мы не нашли.

Киммериец сел, разминая ладонью шею.

— Кром! Рехнулся я, что ли? — Насупившись, он поглядел на равнину, где ветер играл серебристой снежной пылью. — Но эта девушка, босая и нагая, плясавшая в снегу, мне не приснилась! Я видел ее — так же ясно, Ньорд, как вижу тебя. И я почти поймал ее! Она была в моих руках, но тут вспыхнуло пламя... холодное пламя...

— Бред, — губы Ньорда скривились. — Бред! Он и в самом деле сошел с ума! Как ты думаешь? — Он взглянул на Хорсу, своего помощника.

Но Горм, седой воин с пронзительными серыми глазами, растиравший ступни Конана, покачал головой.

— Ты ошибаешься, вождь. Атали приходила к нему — златовласая Атали, дочь Имира. Она навещает умирающих на поле битвы... — Глаза старика затуманились. — Я тоже видел ее... видел в юности, истекая кровью после битвы у Вольравена... Она танцевала среди мертвецов, при полной луне, и тело ее казалось белей снежных северных равнин, а кудри отливали золотом. Я был трупом... почти трупом... но я видел ее и хрипел, как издыхающий волк, потому что не мог поползти за ней. Не мог — к счастью! Ибо дева эта сводит раненых с ума и увлекает в ледяную пустыню, к грозным братьям своим. А те, разрубив че-

ловека и вырвав сердце его, справляют кровавую жертву... — Хорса кивнул и убежденно произнес: — Нет, Конан не лишился разума и говорит правду! Атали приходила к нему! Атали, дочь Исполина Льдов!

Хорса стукнул кулаком в кольчужной рукавице по щиту и рассмеялся.

— Хо! Все знают, что старый Горм рехнулся после Вольравенской битвы, где ему проломили шлем, а заодно и башку! Что за Атали? Сказки! Я согласен с тобой, Ньорд — он просто бредит! — Хорса похлопал киммерийца по плечу. — Взгляните на его панцирь и кровь, что сочится из трещин... Бой был жесток, и любой из этих ран достаточно, чтоб подхватить горячку! Он бежал в пустыню, но гнался за призраком, разве не так?

— За призраком? — повторил Конан, поглядывая на стиснутую в кулак левую руку. — Может, и за призраком. Но я притронулся к ней... притронулся...

Он смолк, разжал пальцы, застывшим взглядом уставившись в свою ладонь. Потом протянул руку Ньорду и Хорсе, и усмешки сползли с лиц асиров. В полной тишине они смотрели на клочок полупрозрачной газовой фаты, на сиявший лунным блеском обрывок вуали, не знавшей прикосновения смертных ткачей.

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

*Как лист, весной разбуженный,
Сгорит в осенней кроне,
Так сердце отнял суженный
У грозной девы моря...*

«Песнь о Белит»

1. Пираты

Был полдень — время, когда сонное знойное море заливало город. Улицы, ведущие к порту, в этот час выглядели пустынными; даже собаки укрылись в тени домов и заборов. Торговец сидел у своей лавчонки, лениво отмахиваясь от жирных мух, рядом копошился в отбросах нищий старик. За углом, у порога таверны,

прикрыв голову рваной мешковиной, дремал какой-то гуляка в разорванной на спине тунике.

На высокобортовой галере, стоявшей возле пирса, разомлевшие от жары моряки неторопливо ставили большой полосатый парус. Крепкий бородатый мужчина — видимо, шкипер — бранясь, подгонял их.

Царившие вокруг тишина и покой внезапно были нарушены гулким стуком копыт и шумом погони. Вдали, в самом начале улицы, ведущей к морю, показался всадник на черном коне и, ураганом промчавшись мимо по пыльному тракту, вылетел на пристань. Там он осадил жеребца — так, что скакун присел на задние ноги; затем всадник спрыгнул на землю и помчался к пирсу и готовой отплыть галере. На бегу он обнажил меч — огромный, длиной в четыре локтя. Впрочем, это внушительное оружие не мешало ему с легкостью перепрыгнуть на палубу судна.

— Отчаливай! — заорал незнакомец и одним взмахом клинка перерубил швартовый канат.

— Ты кто такой, бандит? Нечего тут распоряжаться! — вскипел шкипер. — Кто тебе дал право взойти на мой корабль?

Обнаженный меч уперся в грудь моряка.

— Отчаливай! — рявкнул незнакомец. — Отчаливай, во имя Крома! Или твоя лоханка утонет в крови команды!

Затем непрощенный гость бросил тревожный взгляд на берег — там, в самом конце улицы, уже показался мчавшийся галопом отряд гвардейцев. Бородатый шкипер, несмотря на свою вспыльчивость, хорошо разбирался в людях; не было сомнений, что воин осуществит свою угрозу. А потому бородач отдал приказ и, отстранив острие меча, взялся за багор и оттолкнул судно от причала. Моряки быстро и сноровисто выполнили команду, потом взяли за весла; паруса наполнились ветром, и галера заскользила прочь от берега.

Гвардейцы на взмыленных лошадях вылетели на пирс. Вслед судну неслись проклятия, угрозы и приказы вернуться.

— Эх их разобрало! Пусть побесятся, — усмешка скривила губы незнакомца. Он обернулся к шкиперу.

— Не гневайся, приятель. Видит Кром, я заплачу тебе сколько скажешь, когда ты высадишь меня на берег. Кстати, куда мы направляемся?

Воин вложил клинок в ножны и выразительно тронул зазвеневший кожаный мешочек, притороченный к широкому поясу. Очень высокий, мощный, черноволосый, с мускулистыми руками, беглец был облачен в тускло поблескивающие доспехи; голову его прикрывал стальной рогатый шлем. Пурпурный плащ, брошенный на плечи, скрепляла золотая бляха в виде головы оскалившегося неведомого зверя. Суровое лицо пестрили шрамы, а взгляд синих глаз был настороженным и внимательным.

Шкипер посмотрел на берег, где все еще суетились фигурки воинов, пытавшихся раздобыть какую-нибудь лодку и продолжить погоню.

— Ну, я-то плыву в Куш! Товар у меня — украшения, шелка да сахар. Обратно пойду с рудой, слоновой костью и жемчугом. В накладе не останусь! — пробурчал моряк. Потом широко улыбнулся: — Я Титус, аргосец. А ты кто? И чем ты так насолил этим олухам? Понятно, дело не мое, но все же...

— Мне нечего скрывать, — рослый воин усмехнулся. — Я — Конан, киммериец! Приехал в Аргос поискать подходящее занятие. Крепкие руки и добрый меч всегда могут кому-нибудь понадобиться, верно? Прошлой ночью сидел я в кабаке, а тут сотник королевской гвардии пристал к подружке молодого воина. Тот распалился, ввязался в драку да и прибил старого блудодея! Потом сбежал вместе с девкой. Ну, законы ты знаешь: гвардия неприкосновенна и всегда права! Кто-то донес, что я там был; утром меня схватили да отвели к судье. Задница Нергала! Старый пенъ стал твердить мне о долге перед страной, королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Он, похоже, думал, что я знаю, где спрятались беглецы. Ну да, знаю! Но почему надо их выдавать? Судья зудел и зудел, а сам знаешь, что бывает, когда голова трепит с похмелья... Я и уснул, прямо у его стола, а он решил, что я издеваюсь, заорал, запричитал, пообещал сгноить в тюрьме... Мне это не понравилось. Пришлось достать меч, прорубить дорогу на улицу да и дать деру! Тут на счастье подвернулся конь

начальника стражи... Быстрый жеребец! Жаль, что пришлось его оставить!

Закончив свою историю, Конан с сожалением развел руками.

— Да, этих крючкотворов я тоже не жалую, — ухмыльнулся бородатый шкипер. — Много они мне крови попортили! Сам знаешь, у нас кто богат, тот и прав! А дело-то у меня торговое... прицепиться всегда можно. Думаю, по возвращенью мне все припомнят! Но я-то действовал под угрозой меча... — Он снова ухмыльнулся и перевел разговор на другое. — Путешествие у нас будет долгим, и я против тебя, Конан, ничего не имею. Тем паче, что на море беспокойно, и всегда может понадобится такой воин, как ты. Да и от платы я тоже не откажусь... Может, вспрыснем сделку? Что-то в глотке пересохло... Пойдем! От моего вина у тебя в голове трещать не будет!

Они расположились на палубе, неподалеку от рулевых. «Аргуз» был небольшим судном, похожим на многие другие купеческие корабли. Его полукруглая корма плавно опускалась в воду, нос был высоко загнут и украшен незамысловатой резьбой, большой парус из крепкого шелка укреплен кожаными полосами. В море, как правило, пользовались парусом, а не веслами; те шли в ход, когда случалось отчаливать от пристани и в безветренную погоду. Всего на галере имелось десять пар весел, одна мачта да палуба, под которой хранился груз. Команда состояла из двадцати матросов-гребцов, трех рулевых и шкипера Титуса. Все эти парни и мужчины были крепкими, бородатыми, дочерна загорелыми; их облачение выдавало людей небогатых. Короткие штаны да рубахи без ворота — вот и все! Многие были босы, другие обуты в кожаные ременные сандалии; кинжалы, висевшие на поясах матросов, чаще служили для трапез, чем для боя. Спала команда «Аргуза» прямо на палубе, между скамьями гребцов.

В ближайшие дни ветер дул в попутном направлении, и галера уверенно продвигалась к югу, вдоль берегов Шема и Стигии. Жара день ото дня усиливалась, и над палубой растянули сшитое из кусков ткани полотнище, чтобы хоть как-то укрыться от палящего солнца.

Конану путешествие по морю было в новинку. Он, однако, с легкостью обучался премудростям морского дела, удивляя моряков своей силой и сметкой. Киммерийский варвар играючи управлялся с огромным рулевым веслом, у которого обычно стояли трое дюжих мужчин. Быстро сделавшись своим среди команды, он часто смешивал новых товарищей рассказами о воровских проделках в Арэнджуне и Шадизаре и живо интересовался всем, что могли поведать моряки о странах, в коих случалось им побывать. Помимо того, киммериец ел за троих и пил за шестерых; крепкие напитки были его главной утехой и слабостью.

Прошло несколько дней; судно приближалось к берегам Куша. Как всегда, шкипер направил «Аргуз» в хорошо знакомую бухту, но на сей раз вместо деревни чернокожих моряки увидели лишь развалины жилищ да трупы.

— Такое место было! — шкипер вцепился всей пятерней в бороду. — Такое место! Здесь торговали лучшим жемчугом на всем побережье! А теперь... Проклятые пираты! О Митра, пусть души их поскорее уберутся на Серые Равнины, а тела поглотит океан! — И бородач крепко выругался.

— Что, если и мы на них нарвемся? — спросил Конан, потянувшись к перевязи с мечом.

— Война — не мое ремесло, но несколько раз нам удавалось отбиться да еще и презрительно пощипать морских разбойников. Надо будет, так повторим! Будем драться! Если только не повстречаем «Тигрицу» Белит...

— Белит? Кто такая Белит? — привычным жестом варвар коснулся рукояти меча.

Шкипер пожал плечами.

— Никто не знает, откуда взялась эта ведьма! И она сама, и ее «Тигрица», битком набитая чернокожими! И как только женщина может командовать целой оравой черных головорезов? Говорят, они поклоняются ей как богине... зовут ее Королевой Черного Побережья...

Затем шкипер показал на сложенное у мостика оружие: копьа, короткие мечи, луки, колчаны со стрелами.

— Слабовато против ее банды... — с задумчивостью протянул он. — Но отдавать жизнь за медяк тоже обидно!

«Аргуз» вновь повернул в открытое море. Солнце только встало из-за горизонта, когда дозорный закричал, подзывая шкипера: по правому борту показалась стремительно приближающаяся галера под пурпурным флагом. Вскоре на палубе ее стали видны полуобнаженные черные тела; потом донесся дикий вой — боевой клич чернокожих пиратов.

— Белит!

Лицо шкипера, несмотря на загар, сделалось почти белым.

— Левый борт — табань! Лево руля, круче! Еще круче! Гребите к берегу! Навались на весла!

Бородач с проклятиями бросился подгонять гребцов.

— Ну, давайте, проклятые недоумки! Гребите, не то все мы окажемся в заднице Нергала, коль не успеем добраться до берега! Шевелитесь!

Стоя на корме, Конин наблюдал, как быстро сокращается расстояние между кораблями. Даже ему, не слишком искушенному в морских делах человеку, было ясно, что пираты настигнут «Аргуз» гораздо раньше, чем нос торговой галеры уткнется в прибрежный песок.

Дождем посыпались стрелы. Пока они еще не достигали купеческого судна, с плеском исчезая в волнах.

— Послушай-ка, борода, прикажи людям вооружаться, — произнес Конан. — Лучше встретить этот сброд мечом и кбпьем, чем бесславно погибнуть под их стрелами.

Но Титус не слушал, подгоняя гребцов бранью и тяжелыми кулаками. Те молча гребли, гребли изо всех сил; по их мускулистым телам струился пот.

— Быстрее, собаки! — рычал шкипер. — Пасть Нергала за нашими спинами!

Они были уже недалеко от берега, когда ветер резко стих, и парус опал. Суда неумолимо сближались. Один из рулевых рухнул за борт: пиратская стрела пробила ему горло. Титус бросился к рулевому веслу.

Широко расставив ноги на качающейся палубе, Конан поднял лук. Теперь он хорошо видел белокожую женщину, что стояла на небольшой надстройке, венчавшей нос разбойничьей галеры. Рослые воины окружали ее, прикрывая щитами; по правому борту за лучниками сгрудились

пираты с абордажными крючьями и обнаженными саблями.

Киммериец принялся посылать стрелу за стрелой. Большой частью они достигали цели: чернокожие с воплем валились на палубу. Но и на «Аргузе» все громче раздавались предсмертные хрипы и стоны раненых гребцов. Рулевые погибли первыми, и теперь Титус в одиночку пытался справиться с огромным рулевым веслом, выкрикивая ругательства и поминая всех богов разом.

На пиратском корабле лучников сменили копейщики, и Титус упал, пригвожденный к палубе тяжелым копьем. Моряки в ужасе смотрели на Конана; он был их последней надеждой.

Киммериец, отшвырнув лук, обнажил свой длинный меч.

— Что ж, парни, беритесь за оружие! Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать! Бросайте весла! И так ясно, что мы попались!

Через несколько мгновений пиратская галера нависла над бортом «Аргуза», полетели абордажные крючья, затем на палубу с ревом и визгом посыпались чернокожие разбойники. «Белит! Белит!» — разносился над волнами их боевой клич.

Кровавой и короткой была эта битва. Словно черная волна затопила палубу «Аргуза», а когда она схлынула, остались лишь мертвые тела моряков да Конан, подобно мощному утесу возвышавшийся над поверженными. Стоя на корме, которая была сейчас на одном уровне с палубой пиратского корабля, киммериец рубил направо и налево: летели головы и отрубленные конечности, брызгала кровь, покрывая доски багровым месивом.

Однако натиск пиратов становился все ожесточеннее. Киммерийца охватила бешеная ярость, присущая в бою его соплеменникам; с горящими глазами он перепрыгнул на палубу пиратского судна. Меч его поднимался и опускался, сея смерть, и гряда порубленных тел росла перед варваром с каждым взмахом клинка.

Внезапно кольцо пиратов раздалось, и чернокожие отступили, повинаясь громкому окрику. Конан увидел копья, направленные ему в грудь, и самих копейщиков, застывших перед броском, словно изваяния из эбенового

дерева. Властно подняв руку, перед строем их замерла белокожая женщина. Конан взглянул ей в глаза, и даже близость смерти не помешала его сердцу исполниться восхищением. И было от чего! Стройные длинные ноги плавно переходили в округлые бедра, прикрытые узорным шелком; тонкая талия и плоский живот были охвачены перевязью, украшенной драгоценностями; ножны кинжала сияли золотом. По обнаженным грудям и сильным загорелым плечам девушки струились смоляные пряди, темные глаза пылали. Большой, красиво очерченный рот и гордый профиль выдавали ее шемитское происхождение.

Белит, прекрасная Белит!

Да, то была Белит, в которой соединились грация пантеры и сила степного ветра. Она порождала волну страсти, желания обладать ее сильным, гибким, позолоченным солнцем телом.

Словно не замечая огромного окровавленного меча в руках варвара, Белит подошла к нему так близко, что острое клинка почти коснулось ее бедра.

— Кто ты? — прозвучал низкий голос девушки. — От Зингара до Атлаи мне знакомы все побережья и народы, но нет там подобных тебе. Где твой край? Где твоя родина? Откуда ты, воин?

— Из Аргоса.

Конан был настороже, опасаясь ловушки. Малейшее движение руки Белит к кинжалу стоило бы ей жизни.

— О нет, ты не аргосец, — сказала она, окинув взглядом черноволосого гиганта. — Мышцы твои как сталь, они не размякли от жизни среди мраморных стен и пышных ковров, и глаза твои ясны — в них нет скуки пресыщенных горожан. Откуда же ты явился?

В позе и низком звучном голосе Белит не было угрозы.

— Я Конан, киммериец, — сурово произнес воин.

Киммерия для людей юга была почти мифической страной, далекой и неизвестной; краем земли, где среди сумрачных снегов обитали непобедимые великаны, не покидавшие своих гор и долин.

«Этот витязь достоин меня», — подсказал Белит безошибочный женский инстинкт. Девушка склонила голову.

— Меня зовут Белит, — словно царский титул произнесла она свое имя. — Белит, Королева Черного Побе-

режья! А ты — северный тигр, холодный и недоступный, как снежные хребты твоей родины... Огонь в душах моих людей и сталь в их сильных руках сделали меня королевой. Будь же моим королем, и вместе мы не узнаем пределов своей силы и бесстрашия!

За спиной Белит копья поднялись вверх: сабли, мечи, кинжалы грохнули о щиты, и воздух наполнился приветственными криками. Конан, ошеломленный, замер; он ждал взрыва ненависти, и реакция пиратов поразила его. Похоже, Белит и в самом деле была для них богиней; ее воле никто не смел противиться, ее решения принимались беспрекословно.

Киммериец окинул взглядом берег, потом — бесконечную гладь моря. Жизнь вновь улыбалась ему: плавать с этой молодой тигрицей, любить ее, участвовать в схватках, грабить...

— Хорошо, я останусь с тобой, — он усмехнулся и опустил меч.

— О! — радостный вскрик Белит был ему ответом.

Затем она обернулась к воинам и твердым голосом приказала:

— Добычу — в трюмы, трупы — на дно! Мы отплываем!

Несчастный «Аргуз» уже кренился на левый борт, и палубу лизали соленые волны. Привычно и быстро пираты перетаскивали груз, отцепили крючья. Освобожденная «Тигрица» спокойно покачивалась, пока ее палубу очищали от тел погибших, а раненых перетаскивали на корму, для осмотра и лечения. Конан бесстрастно наблюдал за этой суетой. Старый колдун, рослый и мускулистый, обработал его раны, присыпал порошком, похожим на пепел, к самым глубоким порезам приложил травы. Поплевал, жуя кору, на ушицы и ссадины. И Конан поразился, заметив, что уже не чувствует боли.

Он осмотрел корабль. Корму и нос длинной узкой пиратской галеры соединяли широкие балки; головы гребцов, сидевших по трое в ряд, были на уровне верхней палубы. Ритм ударам весел задавали барабанистики, стоявшие на корме у больших, обтянутых буйволиной кожей барабанов, и «Тигрица» плавно скользила по волнам.

Народ на корабле подобрался рослый да крепкий. Высокие поджарые пираты носили кто набедренную повязку, кто широкие, не доходящие до колен шаровары. На кожаных поясах висело самое разнообразное оружие, на шеях болтались амулеты. Плечи и торсы большинства чернокожих покрывала замысловатая вязь белесых шрамов. Эти узоры показались Конану необычными.

— Что это? — спросил он у чернокожего целителя.

Колдун Н'Гона рассмеялся и пояснил:

— Мы — народ маронг-туа, Дети Крокодила. У нас, когда юноша становится мужем, он уходит на время в Дом Предков. А там колдуны жертвенными ножами кромсают его тело, зато делают неуязвимой душу. Затем раны врачуют, и те, кто выжил, уже не боятся ни огня, ни меча.

Багряный диск солнца медленно опускался к черте, где волны сливались с небом. Величавой походкой Белит взойшла на корму, приблизилась к Конану и царственным жестом освободилась от украшений, оружия, шелковой набедренной повязки и сандалий. Все это она сложила у ног киммерийца; потом выпрямилась и подняла руки — взволнованная, нагая, с глазами, блестящими, словно два агата. И крикнула своим людям:

— Волки южных морей! Смотрите на танец, брачный танец Белит, дочери королей Асгалуны!

Маленькие ступни стали отбивать мерный ритм на окровавленных досках, руки змеились над головой, тело же ее оставалось неподвижным. Но вот она изогнула свой гибкий стан и закружилась в бешеной пляске. О, что это был за танец! В нем слились отточенная грация одалисок шемитских сералей и буйная страстность черных женщин Куша. Рокотали барабаны, и в такт двигались ступни Белит. Распаленные зрелищем пираты били в ладоши, гремели рукоятями клинков о щиты.

— Кхей-яя! Кхей-яя! — неся гортанный крик из множества глоток.

Движения прекрасной танцовщицы были то резкими и чувственными, то нежными и плавными. Не в силах отвести зачарованных взглядов, раненые забыли о боли и смерти, здоровые — обо всем на свете, кроме божественной Белит. Ее золотистое тело мелькало, кружилось,

подобно видению, и, казалось, взлетало в воздух в сгущающихся над морем сумерках.

Когда небесный купол покрылся звездными россыпями, Белит с торжествующим криком упала на широкую грудь Конана. Охваченный желанием, он подхватил нагую женщину и жарким поцелуем припал к ее губам...

2. Лотос забвения

*Драгоценностей блеск у алтаря
Жадно она поглощала глазами...
Ревность впервые пронзила меня,
Словно третий встал между нами.
«Песнь о Белит»*

По всему южному побережью, от богатой и обильной Зингары до далекой жаркой Атлаи, ни купец, ни моряк, ни просто житель прибрежного поселения не знали покоя. Всех взбудоражила весть: Белит, эта жестокосердная ведьма, кровожадная тигрица, обзавелась любовником, свирепым варваром с севера. Их погромы, грабежи и разбои на море и на суше заставляли трепетать всех. Неуловимые и, казалось, неуязвимые пираты появлялись тут и там, исчезали вместе с награбленным добром, вырезали команды, топили корабли, поджигали города. Черные бестии Белит не миловали никого, сея ужас и ненависть. Проклятия неслись вслед «Тигрице», и каждый молил своих богов избавить его от встречи с шемитской ведьмой и ее грозным спутником.

А те беспечно наслаждались жизнью и друг другом. Так шло время, пока в один прекрасный день «Тигрица» не пришвартовалась в устье большой мрачной реки. По ее берегам сплошной зеленой стеной тянулись непроходимые джунгли.

— Это Зархеба, река смерти, — молвила Белит. — Как-то мы преследовали стигийскую галеру, и она, удирая, поплыла вверх по течению... Прошло несколько дней, и река вынесла к нашей стоянке стигийский корабль. Он не был поврежден, и груз никто не тронул, но на борту из всей команды остался единственный человек, лишившийся рассудка. Он умер в бреду, так и не сказав, что случилось с экипажем. Черные избегают этих мест, Конан! Они говорят, что вверх по реке есть город, полный

невиданных сокровищ... Стены его высоки, улицы вымощены камнем, здания прекрасны... Он безлюден — но то ли древний бог, то ли демоны хранят его... Впрочем, то рассказы трусливых людишек! Вдвоем нам ничего не страшно, любимый, ведь так? Давай поднимемся по реке и посмотрим на этот Мертвый Город!

Конан долго не размышлял; поход сулил новые приключения, и он одобрительно кивнул своей прекрасной возлюбленной. Варвар привык соглашаться с Белит, зная, что она всегда с трезвым расчетом продумывает свои планы, кои его меч и отвага воплощали в жизнь. И хотя команда «Тигрицы» совсем поредела в бесчисленных стычках, на борту оставалось еще достаточно отчаянных головорезов. И никого из них не интересовало, куда плыть, с кем сражаться — главное, они были рядом с Белит, дрались за нее и во имя ее.

«Тигрица» медленно вошла в устье. Течение было слабым, и гребцы вполсилы налегали на весла. За первым же поворотом корабль очутился в тени огромных деревьев. Ни пения птиц, ни плеска обитателей вод, ни привычного звериного крика; берега были пустынные, и за все время путникам не попало ни единой живой твари. Странную тишину нарушали только леденящие душу стоны, загадочные скрипы и шорохи в джунглях, глухой далекий вой. Неожиданно раздался и тут же смолк дикий нечеловеческий крик.

— Это обезьяна, — задумчиво молвила Белит и после паузы добавила: — Души грешников в наказание за неправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Конан обнял ее за плечи и усмехнулся; он не верил в подобные байки. Застыв в молчании, варвар прислушивался к загадочным звукам.

Поднялась луна; ее восход джунгли встретили шумом, доносившимся издали. Над речными водами показался низко стелющийся, странно мерцающий туман. Казалось, звери, как и люди, избегают приближаться к темному потоку Зархебы.

Луна поднялась еще выше, осветив своим слабым сиянием людей, корабль и гладь реки. Весла в руках гребцов словно опускались в жидкое серебро; мертвенным

блеском отсвечивали драгоценные камни на рукоятях мечей, в волосах Белит, на доспехах Конана.

Пестрая шкура леопарда, брошенная на доски палубы, служила в этот час ложем шемитке. Она облокотилась на руку, ее глаза внимательно и неотрывно следили за киммерийцем.

— Я чувствую, что мы плывем в страну духов, видений и смерти, — тихо произнесла женщина. — Тайна окружает нас... Тайна и смерть... Ты не боишься, Конан?

Киммериец лишь пожал плечами.

— Я тоже не боюсь. Никогда и ничего не боюсь! Я часто смотрела в глаза смерти... Но...

Она задумчиво помолчала, а затем спросила:

— Конан, ты страшишься гнева богов?

— У нас, киммерийцев, суровые боги. И мрачен мир, куда попадает душа человека после смерти... Он — серый и туманный, в нем только холодный ветер, да острые скалы, да черные тучи... И бесконечно странствие душ людских, и безысходно оно в вечности. Но я не боюсь! Ни смерти, ни богов!

Белит тихо засмеялась.

— Да, жизнь земная, хоть она полна лишений и тягот, все же лучше такого существования! Но во что ты веришь, Конан? В каких богов?

Киммериец опустил на палубу.

— В своих странствиях я узнал о многих божествах. Кто не верит в них — слеп, как летучая мышь! Но слеп и тот, кто верит слишком глубоко. Что будет после смерти? Кому о том ведомо? Может, ждут человека Серые Равнины и тучи со снегом и льдом, как верят в Киммерии, или душу поглотит темнота, вечный мрак, как утверждают немедийцы... А может, душа угнездится в деревянном идоле в Доме Предков Н'Гоны... Слышал я еще, что кхитайцы чтят дракона Ху, Творца Мира. Лукав их бог! Его жрецы смотрят на мир так, будто он — зло и ловушка для душ людских. А души кхитайцев после смерти вечно возрождаются, попадая в тела всяких существ... Хорош бы я был, сделавшись бабочкой или птичкой!..

И Конан расхохотался, поводя могучими плечами. Он не любил отвлеченных рассуждений, считая их пустой

тратой времени. Но Белит не приняла шуток и продолжала серьезно смотреть на возлюбленного. Тот положил широкую ладонь на ее обнаженное бедро и, лаская шелковистую кожу, сказал:

— Младенцев питают молоком, но сильных людей кормят мясом. Оставим пустую болтовню мудрецам и философам, моя красавица. О Кром! Пока я жив, я хочу жить полной мерой! Добрый меч и честная схватка, кровь и битвы — вот мой удел! Я хочу познать объятья женских рук и теплую податливость их тел, изведать вкус мяса и крепкого вина... Я счастлив, когда обладаю всем этим! Живу, люблю, убиваю — радуюсь жизни!

— Но есть боги, и есть жизнь после смерти, — сказала Белит. — Я знаю, знаю!

Быстрым движением она прильнула к Конану.

— Но моя любовь сильнее смерти! Душа моя — часть твоей души, а мое сердце неразрывно слито с твоим. Если я погибну, а ты будешь в смертельной опасности, я приду к тебе на помощь. Из бездны, из пекла, с Серых Равнин... Я принадлежу тебе, и никакая сила — ни смерть, ни боги, ни демоны — не разлучат нас!

Конан обнял ее в странном предчувствии, склонился к губам Белит, но внезапно громкий вопль дозорного прервал их объятия. Поднявшись, киммериец обнажил меч и ринулся на нос корабля. Там над палубой висел, корчась, один из пиратов, удерживаемый чем-то огромным, подобным дуге гигантского лука. У Конана перехватило дыхание; он понял, что чудовищная змея поднялась из речных вод и, изогнувшись, схватила ужасной пастью черного воина. Тот бился в конвульсиях, крича от боли и страха. Скользящая чешуя чудища блестела и переливалась в лунном свете.

Киммериец размахнулся и сильным ударом клинка почти перерубил тварь напополам. Во все стороны брызнула кровь, и огромный змей медленно погрузился в реку, так и не выпустив свою добычу. Воды сомкнулась над ними.

Теперь Конан решил сам нести вахту и остался на носу галеры, однако за ночь ничего больше не случилось.

Едва солнце позолотило верхушки деревьев, киммериец увидел в рассветной мгле очертания города. Он разбудил

Белит; девушка спала прямо на палубе, закутавшись в пурпурный плащ Конана. Шемитка подошла к борту и застыла, внимательно разглядывая открывшуюся картину; глаза ее расширились от любопытства и возбуждения. Да, перед ними был город — вернее, руины некогда прекрасного города! Покосившиеся, потрескавшиеся здания, сквозь изломы которых пробивались деревья, рухнувшие колонны, опутанные лианами, обломки башен и стен... Кустарник и сорная трава проросли в трещинах брусчатки. Джунгли наступали на город со всех сторон.

За спиной Белит сгрудились чернокожие воины, жадно разглядывая руины некогда пышных дворцов и главную площадь, посреди которой высилась мраморная пирамида. Что-то огромное темнело на ее вершине. Поначалу Конан решил, что это статуя, но его зоркий взгляд уловил едва заметное движение.

— Глядите! Там гигантская птица! — закричал один из пиратов, указывая на вершину сооружения.

— Лопни мои глаза! Это чудовищная летучая мышь! — заспорил другой.

— Это обезьяна, — отрезала Белит.

И вдруг неведомая тварь расправила мощные крылья, выпрямилась и полетела в сторону джунглей.

— Крылатая обезьяна! — воскликнул колдун Н'Го-на. — Это злое чудище, о котором говорили наши предки, и это заколдованное место, где творятся ужасные дела!

— Замолчи! Держись за свои амулеты и молись богам! Мы причаливаем, — на губах Белит заиграла усмешка.

Как только сбросили сходни, шемитка поспешила первой сойти на берег; за ней шел Конан, а вслед спустились остальные. Вокруг царил тишина. Безлюдье и разруха окружали людей. Здесь, в этом царстве запустения и смерти, прекрасная Белит была подобна чудному цветку, раскрывшемуся посреди могильных камней; радость жизни, отгадка и жажда новых приключений придавали ей силы — так свежие соки земли питают возросший на кладбище розовый куст.

Солнце медленно поднималось над джунглями, заливая ярким светом обвалившиеся крепостные стены и башни. Белит указала на круглое строение, пред которым высился массивный алтарь. Дорога из потрескавшихся мраморных

плит вела к нему, и пираты без колебаний направились к древнему святилищу.

— Смотрите, это храм неведомых богов! — воскликнула Белит. — Даже тысячи дождей не смыли крови жертв... Я вижу темные потеки в желобках по бокам алтаря... Стены рассыпались, а этот камень цел... О, здешние боги сильнее жизни, смерти и самого времени!

— Кто же они? — спросил Конан.

— Предания о том молчат. Да и какое нам дело! — Белит отбросила со лба прядь черных волос. — Но в обычаях всех жрецов прятать свои богатства под алтарями. Глядите, там, в камне, есть выступы! Пусть четверо из вас попытаются сдвинуть эту плиту.

Она отошла в сторону, рассматривая из-под руки накренившуюся башню.

Конан и трое пиратов ухватились за каменный монолит и напрягли мышцы, пытаясь приподнять плиту. В тот же миг Белит пронзительно закричала. С проклятием отскочив от алтаря, киммериец бросился к ней. Все замерли.

— Что случилось? — выхватив меч, спросил киммериец.

— Змея! Змея в траве! — выдохнула Белит. — Найди и убей ее! — Она повернулась к пиратам. — Что встали? Отодвигайте плиту!

Пока вафвар осторожно осматривал траву в поисках гадины, его место у плиты занял чернокожий воин. Пираты напряглись и слегка приподняли ее, как вдруг алтарь начал поворачиваться, а в башне раздался гул и страшный скрежет. Внезапно стены ее зашатались и рухнули вниз, похоронив четверых людей под обломками. Раздался крик ужаса. Тонкие пальцы Белит впились в плечо Конана.

— Никакой змеи не было, — едва слышно прошептала она. — Боги всегда охраняют то, что им принадлежит... А я не хочу тебя потерять.

Алтарь завалило. Пираты с трудом растащили каменные глыбы и, наконец, добрались до изуродованных тел своих соратников. Четверо мертвецов лежали у открывшегося входа в склеп, обгравив камни алтаря своей кровью. Плита, алтарное навершие, была искусно укреплена на гранитных блоках, служила дверью в подземелье — и

оттуда, казалось, ударило пламя. Лучи утреннего солнца отражались от множества граней самоцветов: бриллианты, рубины, изумруды, аметисты, сапфиры, опалы, лунные камни — несметные сокровища доверху заполняли склеп.

Белит с восторженным криком опустилась на колени среди окровавленных обломков у края склепа и по локоть запустила руки в груды драгоценностей. Перебирая и лаская камни, она забыла обо всем на свете. Глаза ее зажглись безумным огнем: души шемитов в богатстве всегда находят радостное упоение. Да и то сказать: вид этих сокровищ потряс бы даже утопающего в роскоши вендийского владыку. Наконец Белит поднялась, держа в руках чудное ожерелье — пурпурные камни, нанизанные на золотую струну. Надев его, шемитка хриплым от возбуждения голосом приказала:

— Грузите драгоценности! И поторапливайтесь — вы, отродья Сета!

— Погляди, владычица, — черная мускулистая рука вытянулась, указывая на «Тигрицу».

— Проклятье! — бросила Белит, обернувшись к своей галере. Она ожидала увидеть другой корабль, прибывший, чтобы отобрать ее добычу.

Однако река была пустынна, а с палубы поднялась крылатая обезьяна и полетела в джунгли.

— Что он там делал, это демон? — со страхом произнес черный воин.

— Какая разница! — Белит гневно топнула ногой. — Вам что сказано! Сложите носилки из плащей и копий, грузите их и тащите на корабль! А ты куда?

Последний вопрос относился к Конану.

— Осмотрю галеру, — буркнул варвар. — Эта летучая тварь могла напасть там, пробить дыру в днище или порвать парус.

Он побежал к берегу и взобрался на корабль. Осмотрел его и с хмурым выражением направился к тому месту, где недавно хозяйничал демон.

Вскоре он вернулся к Белит. Красные камни искрились на ее обнаженной груди, отбрасывая кровавые блики. Шемитка наблюдала за погрузкой, нетерпеливо поигрывая кинжалом. Громадный черный пират стоял в склепе, по пояс утонув в озере сияющих самоцветов, и щитом,

словно лопатой, черпал переливающиеся камни, пересыпая их в подставленные носилки.

— Этот убудок пробил бочки с водой, — сказал Конан. — Мы сделали глупость, не оставив стражи, ведь из реки пить нельзя. Придется поискать источник... Пожалуй, я возьму двадцать парней и Н'Тону. Он чует воду, как верблюд в пустыне.

— Хорошо, — отмахнулась Белит, — иди! Мы остаемся здесь и закончим с погрузкой.

Небольшой отряд углубился в джунгли. Свет сменился полумраком; яркие солнечные лучи не могли пробиться сквозь сплетающиеся кроны деревьев. Мечами прорубая путь сквозь густые заросли, люди медленно двигались вперед, пока не вышли на открытое место. Но и здесь им не удалось обнаружить ни ручейка, ни озера. Конан и его воины застыли, прислушиваясь к лесным звукам, но вокруг стояла гнетущая тишина. Ни пения птиц, ни шороха зверья... Киммериец тревожно огляделся.

— Н'Гона, vedi людей дальше, — приказал он. — Остановитесь на том краю прогалины. Стойте там и ждите. Мне кажется, что кто-то следит за нами.

Чернокожие пираты беспокойно переглянулись, но послушаться не посмели. Конан, спрятавшись за стволом огромного дерева, стал напряженно вглядываться в ту сторону, откуда пришел их отряд. Но все скрывала густая зелень, и покой джунглей, казалось, был нерушим — лишь вдаль затихали голоса пиратов. Настороженный, словно зверь в засаде, киммериец уловил какой-то густой пряный аромат, потом что-то ласково коснулось его головы. Он мгновенно обернулся.

— О Кром! Черный лотос!

Из сплетения лиан склонялись к нему большие черные цветы, раскрывшие лепестки; они раскачивались и шелестели, хотя не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. И вот уже один из них прикоснулся к щеке Конана... Тот отскочил, зная, что укус черного лотоса несет смерть, а аромат — кошмарные виденья. Но было поздно! Киммериец вдруг почувствовал, как туманится сознание; непослушными руками он попытался поднять меч, обрубить стебли, но сил не было. Он попробовал позвать своих воинов — губы онемели... Через мгновение джунгли вок-

руг него качнулись, подернулись маревом, и все поплыло перед глазами; ноги обмякли, и Конан, как подкошенный, рухнул в высокую траву. Он напряг мышцы в бесплодной попытке отползти подальше от чародейных цветов... И уже не слышал жуткого воя, криков и стонов, раздавшихся невдалеке.

3. Ужас джунглей

*Будь проклят этот сон, что жизнью завладел!
Бессильный, словно смерть познавший,
Мой нож убится кровью не сумел,
А меч остался в ножнах не однажды...
Но только ль спать мне лотос повелед?*
«Песнь о Белит»

Сознание Конана было окутано тьмой — тьмой беспросветной и безоглядной. Затем пустота взорвалась вихрем; закружились, замелькали призрачные силуэты, нечеткие, страшные, безобразные. Мрак рассеивался, и перед внутренним взором киммерийца словно бы открылась панорама бескрайней равнины. Ее пересекала полноводная река, на берегах которой лежал город из зеленого камня, подобного кхитайскому нефриту. Город был прекрасен: грозно высились его крепостные стены, золотом отливали купола башен и крыши домов, облицованных мрамором, широкие улицы заполняли жители. Но они не были человеческими существами: крылатые и огромные, они лишь отдаленно напоминали людей очертаниями тела, но больше походили на обезьян — разумных и мыслящих обезьян, достигших в своем развитии невиданных вершин. Знания их были обширны, а вкусы изысканны; и хотя жизнь их не длилась вечно, но, по человеческим меркам, она казалась долгой, очень долгой. Как все существа из плоти и крови, отлюбив и отстрадав, оставив потомство, они в конце концов умирали. Время процветания их расы длилось миллионолетия, но вот наступила Великая Перемена. Сместились магнитные полюса, ледники напозли на новые земли; русла рек изменились, равнины стали болотами, поля поглотили непроходимые джунгли. Жители города упорно пытались приспособиться к новым условиям. Ни землетрясения, ни извержения вулканов не могли заставить их покинуть родные места.

Но однажды солнце перестало улыбаться с небес, и луна сделалась как кровь, и земля вздрогнула так, что рухнули крепостные стены и самые высокие башни. Река же почернела от какого-то ядовитого вещества, поднимавшегося из самых земных глубин, и те, кто пил эту воду, либо умирали, либо сильно изменялись, и каждое поколение приобретало все новые и новые ужасные черты. Многовековая мудрость была позабита, черное колдовство заняло место божественной магии. Знания уходили, а те, что еще помнились, использовались страшным и странным образом. Волшебство и чародейство пришло им в замену; милостивые боги превращались в демонов, злобных, коварных, безжалостных. Междоусобицы и каннибализм погубили некогда могучее племя крылатых.

И вот, сотни лет назад, в окрестностях города впервые появились люди. К тому времени в городских руинах остался лишь один обитатель — отвратительный каприз природы, монстр с красными глазами. Таясь и вынашивая лишь ему ведомые планы, он следил за пришельцами. То были стигийцы; поражение в битве заставило их бежать в этот неведомый край. Враги шли за ними по пятам, пока небольшому отряду не удалось затеряться в джунглях. Смуглые, с орлиными лицами, вооруженные бронзовыми секирами и клинками, в кожаных дослехах, стигийцы канули в безбрежный лес и, спустя несколько дней, добрались до мертвого города. Их оставалось всего полсотни — израненных, измученных, грязных и голодных беглецов. Они повалились на мраморные плиты, в щелях которых алели распускавшиеся лишь раз в столетие цветы, и уснули, сморенные пережитыми лишениями.

Полная луна озарила приближающееся к ним чудовище, и в ее призрачном свете лепестки цветов заблестели, как алые пятна крови. Над каждым из спящих монстр свершил таинственный колдовской обряд и скрылся во мраке. Затем началась жуткая трансформация, и вскоре на месте людей лежали пятьдесят отвратительных гиен. Очнувшись, звери задрали морды вверх, и к небу полетел тоскливый и скорбный вой, выворачивающий душу стон погубленных. Но лишь только вновь появился владыка мертвого города, они вскочили и помчались к нему, как стая покорных псов...

И снова сознание Конана окутала тьма. Когда она рассеялась, новые картины начали сменять друг друга перед его глазами. Он видел длинные лодки, плывущие по мутной реке к зеленому городу; но, как только они пристали к земле и чернокожая команда высадилась на берег, гиены и красноглазая летучая обезьяна набросились на них. Крики ужаса и стоны умирающих наполнили джунгли. Желтые клыки хищников рвали плоть, хрустели кости, лилась кровь, а над всей этой бойней безумным огнем полыхали глаза крылатого вампира. Стремительно бросался он вниз, настигал жертву и, ломая ей шею, с глумливым хохотом выпивал горячую кровь.

Конан видел галеры, торговые парусники, боевые галеоны... И, раз за разом, снова и снова гибли люди; смерть царил в этом проклятом месте, опять и опять чудовище и его кошмарные слуги торжествовали победу.

Неожиданно в глубине сознания варвара возникло отчетливое видение: галера с черными гребцами, на носу которой стоял синеглазый черноволосый гигант в матово поблескивающих темных доспехах. Конан узнал самого себя на палубе «Тигрицы»; в этот миг он понял, что все привидевшееся ему лишь сон. Отчаянным усилием воли киммериец заставил себя пробудиться и раскрыл глаза. Затем он попытался подняться, но не смог — и, чувствуя странную тяжесть во всем теле, пополз прочь от склонившихся над ним черных цветов. Однако голова его упала, и вновь наступило забытие.

Теперь он видел стоявшего на прогалине Н'Гону, чернокожего колдуна, окруженного воинами; казалось, они кого-то ждали. И в тот момент, когда Конан осознал, что ждут его, наступил хаос. Люди закричали и, бросая оружие, в ужасе ринулись в джунгли.

Желание спасти своих товарищей помогло киммерийцу разорвать невидимые путы, что держали его во власти сна. Он встал и, шатаясь, побрел к прогалине. Лишь здесь он окончательно проснулся, увидев на влажной земле след огромной гиены.

Солнце садилось, наступали сумерки. Напрягая голос, Конан звал и звал Н'Гону. Он понимал, что находился у зарослей черного лотоса долго, слишком долго; он пред-

чувствовал и то, какая опасность грозит его отряду: он верил в реальность привидевшегося.

Никто не откликнулся, и киммериец быстро зашагал по следам чернокожих воинов. Вскоре он узнал место, которое видел во сне. Тут не было людей; только щиты, копья да топоры в беспорядке валялись на земле. С одной стороны прогалина кончалась обрывом, на самом краю которого темнел чей-то силуэт. Обнажив меч, Конан поспешил туда.

Человек... Высокий чернокожий старец, сидевший с безвольно опущенными руками... В глазах его застыло безумие, на губах выступила пена.

И только когда он вскочил и с отчаянным воем бросился на Конана, тот узнал Н'Гону. Он явно лишился рассудка, и киммерийцу ничего не оставалось, как, спасая свою жизнь, заколоть чернокожего колдуна.

Опустив меч и проклиная вынужденную жестокость, Конан подошел к краю обрыва. Багровые лучи заходящего солнца освещали недвижные тела воинов, раскиданные внизу по острым камням. Падая с такой высоты, никто не смог бы остаться в живых... Тучи черных мух уже вились над трупами, на ветвях ближних деревьев сидели невесть откуда взявшиеся стервятники.

Снедаемый тревогой, киммериец двинулся в обратный путь. Крепко стиснув обнаженный меч, он все время ускорял шаги, и вскоре уже несясь через джунгли упругой поступью степного волка. Солнце скрылось, в зарослях было почти темно, ветви хлестали по лицу, лианы путались под ногами, но никто и ничто не смогло бы сейчас остановить Конана. Тишину леса нарушало лишь его прерывистое дыхание да лязг брони.

Наконец джунгли расступились, и он выскочил на покрытый тенью деревьев речной берег. Перед ним темнели руины мертвого города; дальше, на темной глади Зархебы, застыла галера. Смерть царил вокруг: развалины усевали трупы пиратов, их изуродованные останки лежали на мраморных плитах, на обвалившихся колоннах, на камнях зданий и рухнувших башен. Всюду виднелись пятна свежей крови, оторванные конечности, полуобглоданные человеческие кости.

Варвар осторожно приблизился к «Тигрице». В вечерних сумерках что-то светлело на ее мачте, словно неведомый скульптор вырезал там изящную статую из слоновой кости или белого нефрита. Прекрасным было тело Белит — прекрасным даже в смерти! Прекрасным, но мертвым, как камни проклятого города... Онемевший от горя киммериец стоял и смотрел на свою возлюбленную, на королеву Черного Побережья, повешенную на рее собственного корабля.

Она висела на ожерелье из пурпурных камней, и в меркнувшем зареве заката самоцветы на смуглой шее Белит блеснули и переливались, словно капли алой крови.

4. Удар

*Черные тени его окружали,
Зубы оскалились в призрачной мгле,
Крови потоки из ран вытекали...
Но все я прошла и вернулась к тебе.
Любовь, над тобою не властвует зло:
Из бездны восстала, явившись на зов.
«Песнь о Белит»*

В свете факелов, на ступенях мраморной, увенчанной колонной пирамиды, неподвижно сидел Конан. В руках его сверкало проклятое ожерелье, обнаженный меч лежал на коленях, а у ног — колчан со стрелами и лук. Луна еще не взошла; на небесах тускло блеснули звезды. В темноте, за кругом света слышались крадущиеся шаги. Красными отблесками отсвечивали драгоценные камни ожерелья, и красными отблесками вспыхивали глаза гиен...

На палубе «Тигрицы» спала своим последним сном Белит. Укутанная в пурпурный плащ, она лежала на прокаленных солнцем досках как живая. Смерть не искажила лица шемитки, не обезобразила его; только чуть заострился нос, четче обозначился профиль, поблекли щеки и губы.

До поздней ночи Конан в мрачном ожесточении таскал из трюма и швырял на палубу яркие шелка, златоузорные ткани, туранские ковры и пушистые меха из пиктских лесов. Он валил в кучу бесценный кхитайский фарфор, вендийские благовония, аквилонское оружие; пригоршня-

ми ссыпал драгоценности, украшения, золотые монеты и слитки. Теперь груды сказочных богатств высилась на корме: невиданный курган над телом погибшей королевы.

Закончив свой скорбный труд, варвар методично проверил, хорошо ли закреплены его доспехи, мягко ли выходит меч из ножен, не загупился ли кинжал. Потом он перебрал за спину колчан, полный стрел, и поднял тяжелый мощный лук. Взял факелы и сошел на берег.

Дойдя до пирамиды, он закрепил факелы в трещинах среди камней и принялся ждать. Сейчас киммериец не испытывал ни страха, ни ярости; ум его работал с трезвой четкостью. Он понял, что все случившееся было запланировано нечеловеческим разумом: бочки с водой разбиты специально, чтоб разделить людей. И уже без всякого черного лотоса виделась ему ясно пропадина в джунглях и воины, что ждали его там. Внезапно появившееся жуткое чудовище гнало обезумевших от страха людей к пропасти, к обрыву, ставшему их могилой...

Еще он видел берег, своих беспечно хохочущих товарищей; видел, как из джунглей выскочили огромные серые твари и бросили на людей, не ожидавших нападения. Никто из них не успел взяться за оружие, и началась кровавая бойня; лишь Белит выхватила кинжал, готовая дорого продать жизнь. Но подкравшийся сзади монстр сломал ей шею и с отвратительным чмоканьем припал к яремной вене. Выпил всю кровь, поднялся, не выпуская из лап добычу, и полетел к кораблю...

Конана передернуло. Он не понимал, почему до сих пор жив. Возможно, владыка мертвого города хотел измучить его тоской, страхом и неведением? Но он ошибался! В сердце варвара лишь сильнее и сильнее разгоралась жажда мести.

Взошла луна, бросив бледный свет на ступени пирамиды, обращенные к лесу. Кто-то зашевелился там во тьме, и в круг света скользнули два десятка огромных гиен. Конан видел, как блестят их влажные острые клыки, сверкают глаза... Сомнений не было: этих жутких существ сотворила не природа.

Он вскочил, поднял тяжелый лук. Запела спущенная тетива, с воем покатились одна из гиен, потом другая, третья... Дождем смерти сыпались стрелы; киммериец

пускал их сильно и точно. Он ни разу не промахнулся в боевом угаре, и вот уже десяток мохнатых бестий корчились у подножия пирамиды. Но звери, словно замороженные, продолжали атаковать. Тогда, отбросив лук, Конан выхватил меч, а левой рукой сжал факел.

Одна из гиен прыгнула к нему и, перерубленная пополам, рухнула на мраморные плиты; остальные кружили, выжидая. Глядя в их пылающие глаза, Конан все больше и больше убеждался в том, что имеет дело не с обычными хищниками. Что за неведомое чародейство, какая злобная волшебба вдохнула жизнь в этих тварей? Черная магия или извращенные знания? Конана сие не интересовало; главное — они были смертны.

Вдруг, будто по команде, оставшиеся в живых гиены разом бросились на киммерийца. Подняв повыше факел, он принялся орудовать мечом.

— Отродья Нергала! Проклятые ублюдки! — шипел он, круша и кромсая тела, перерубая кости, разбивая черепа. Запах паленой шерсти и мяса ударил ему в ноздри, дикий вой и хохот гиен бил в уши... Под натиском множества тварей он не устоял и рухнул на ступени пирамиды. Отбросив бесполезное оружие, он руками разорвал пасть одному зверю, кулаком размозжил череп другого, плечом, закованным в доспехи, раздавил третьего. Едва он успел вскочить на ноги, как последняя тварь прыгнула к нему, метя в живот, и даже прокусила кольчугу. Конан успел схватить ее, поднял обеими руками и с силой швырнул на ступени... Раздался предсмертный вой, и с хищной стаей было покончено.

Широко расставив ноги, киммериец стоял над поверженными врагами, утирая с лица пот и кровь; потом нагнулся, поднял меч. Вдруг он услышал хлопанье огромных крыльев — то приближался новый, куда более страшный противник. Конан задрал голову, ожидая удара сверху, но его не последовало. Пирамида внезапно содрогнулась, ступени под ногами киммерийца затряслись, за спиной заскрежетало; обернувшись, Конан увидел, что гигантская мраморная колонна раскачивается, словно тростинка на ветру.

Он не стал долго раздумывать: сильно оттолкнувшись, прыгнул вниз. Второй прыжок перенес его с колеблющихся

ступеней на землю, и в тот же миг пирамида рухнула, а колонна разлетелась на множество обломков, сбивших Конана с ног.

Он безуспешно пытался освободиться от кусков мрамора, один из которых придавил ему колени. Ремень шлема лопнул, и тот слетел с головы; волосы слиплись от крови и пота, алые струйки сочились из многочисленных ран. Опираясь на руки, киммериец из всех сил старался сбросить камень и подняться. Внезапно черная тень зловещим силуэтом мелькнула на звездном небе, и варвар краем глаза увидел крылатого демона. Тот приземлился и начал быстро приближаться. Казалось, что, вытянув вперед мохнатые руки, прямо к Конану мчится огромный кривоногий человек с шишковатой головой и плоским лицом. Красным злобным огнем горели его глаза, топорщилась шерсть, блестели клыки... Но это создание не было ни человеком, ни зверем, ни демоном! Жуткий вампир, последний из племени крылатых вампиров...

Конан никак не мог дотянуться до меча, отлетевшего в сторону во время падения. Обдирая руки, напрягая могучие мускулы, он пытался сдвинуть камень. Ему это почти удалось, но монстр уже был в двух шагах.

И в это мгновение над поверженным воином молнией мелькнул силуэт женщины. Она стояла, раскинув руки, закрывая собой лежащего; ее кожа серебрилась в свете луны как слоновая кость, глаза горели, черные волосы развевались по ветру. Из груди ее вырвался боевой клич и, подобно камню, выпущенному из пращи, она кинулась на крылатое чудовище.

— Белит! — захрипел Конан, и камень, давивший его ноги, вдруг рассыпался в прах.

Он вскочил, словно безумный, готовый к схватке.

— Белит!

Женщина оглянулась. Темные ее глаза сияли любовью: чистой, горячей, всепобеждающей любовью. Она протянула руки к Конану, улыбнулась ему — и тут же видение исчезло. Крылатый враг киммерийца в страхе присел на задние лапы, закрывая передними уродливую голову. В ушах Конана прозвучали слова: «Если я умру, а тебе

придется сражаться в смертельной битве, я вернусь из бездн Серых Равнин, приду к тебе на помощь!»

Киммериец завыл, точно волк, потерявший свою подругу, схватил меч и прыгнул к чудовищу. Он размахнулся во всю силу своих стальных мышц... Удар! Огромное тело монстра развалилось надвое; страшная рана рассекла его от плеча до паха. Затем последний из древнего рода рухнул навзничь, ломая крылья. Огромные лапы судорожно дрогнули, глаза подернула мутная пелена; спустя мгновение они закрылись.

Варвар стоял, глядя на поверженного врага, а когда поднял голову, то увидел, что трупы гиен, рабов крылатого демона, исчезли. Вместо них на мраморных плитах лежали нагие смуглые воины с орлиными лицами. Прямо на глазах Конана они рассыпались в прах.

Он устало побрел к берегу, поднялся на палубу «Тигрицы», прошел на корму и выкатил из-под настила бочонок с вином. Выбив пробку, Конан пил и пил, пил не хмелея и не чувствуя вкуса отборного вина. Наконец, отшвырнув пустой бочонок, он ударом меча перерубил швартовый канат, оттолкнул галеру веслом от берега и встал у руля. «Тигрица» плавно закачалась в водах Зархебы и медленно выплыла к середине реки. Там ее подхватило течение и несло до самого устья.

Выйдя на морской простор, Конан поставил парус. Боги были милостивы к нему: ветер гнал галеру к обжитым берегам. На закате второго дня варвар увидел дымки какого-то селения. Направив судно поближе к скалистому берегу, он спустился в трюм, достал бочонок со смолой и начал обливать ею палубу. Закончив дело, прикрепил за спиной меч, проверил кинжал и, направив нос корабля в открытое море, заклинил руль. Зажег факелы, разбросал по палубе, один засунул в смоляной бочонок и бросил его в трюм. Потом прыгнул за борт и поплыл к берегу.

Там, поднявшись на высокую скалу, он долго глядел, как полыхает уходящая в даль «Тигрица». Погребальный костер Белит, королевы Черного Побережья, был яростен и ярок, и дым его достигал берега. Быть может потому из глаз Конана катились слезы.

СТРАЖ ПРОКЛЯТОГО МОНОЛИТА

Конан зябко передернул плечами. Мрачные пики отвесных бурых скал, окружавших долину, в которой разбил лагерь его небольшой отряд, вдруг показались ему створками готового захлопнуться капкана. Их остроконечные вершины утрюмо темнели в ночном небе, усеянном тусклыми искорками звезд; снизу, из глубокого ущелья, эти звезды были похожи на глаза пауков, хищно следивших за всем, что происходит на дне долины. Глухое, опасное место! — размышлял киммериец. Камень, холод да еще пронизывающий знобкий ветер, свистевший среди разбросанных тут и там огромных валунов, прижимавший к земле дым лагерного костра...

Над стоянкой небольшого отряда Конана возвышались гигантские секвайны — наверно, они торчали здесь и в те времена, когда восемь тысяч лет назад благословенную Атлантиду поглотили океанские волны. Крохотный извилистый ручеек, тихо журча, терялся в глубине зарослей бамбука и кустов рододендрона. Постепенно небо затягивал серый саван облаков, цеплявшихся за пики самых высоких скал.

Конан не мог избавиться от навязчивой мысли, что здесь в воздухе будто бы витает ощущение смертельной опасности и некой обреченности. Вероятно, это чувствовали и кони: они тревожно ржали, прядали ушами, били копытами, пытаясь подальше отодвинуться от непроницаемой темной стены, что сгущалась за световым кругом, который отбрасывали пламенные и жаркие языки костра. Но подсознательную тревогу испытывали только животные и молодой варвар-киммериец; сопровождавшие Конана туранские воины казались совершенно спокойными. Наемники сгрудились вокруг костра; по рукам ходил вместительный кожаный бурдюк с вином. Воины отдыхали; одни с ухмылками делились подробностями своих походов в борделях Аграпура, другие, утомленные долгим, проведенным в седле днем, молча сидели, глядя в огонь, трети беззаботно растянулись на земле. Вскоре все они уgomонятся и улягутся вокруг костра, завернувшись в плащи и подложив под голову седла; затем уснут, оставив двух стрелков с тяжелыми гирканскими луками

охранять их покой. Никто из воинов не чувствовал ничего необычного.

Конан оперся спиной о шершавый древесный ствол и плотнее запахнул плащ, пытаясь спастись от пронизывающего до костей ветра. В свой отряд он специально отбирал самых высоких и крепких парней, но ни один из них не мог сравниться с ним ростом и мощностью. Великан-варвар высился среди них как секвайн среди сосен; черная грива волос киммерийца тяжелой волной спадала на плечи из-под остроконечного, окутанного тюрбаном шлема, отблески костра играли в его глубоко посаженных синих глазах.

Тяжелая атмосфера ущелья нагоняла столь же тяжелые мысли. Конан пробормотал проклятие, недобрым словом помянув туранского владыку Илдиза. С самого начала не лежала душа киммерийца к этому походу! Он поступил на службу к добродушному, но слабовольному властелину Турана больше года назад; шестью месяцами после этого оказал Илдизу значительную услугу — вместе со своим товарищем, чернокожим Джумой-кушитом, спас дочь шаха, прекрасную Зосару, из лап безумного короля-бога, повелителя Меру. После того, как красавица была возвращена уже потерявшему последнюю надежду жениху, предводителю кочевого гирканского племени куйгаров, друзья отправились напрямик в туранскую столицу за обещанной наградой. Благодарный отец не обманул их: оба приятеля получили звание капитанов туранской армии. Но капитан капитану рознь; и если Джума командовал теперь личной охраной шаха Илдиза, то Конана отправили в далекий и опасный путь. При мысли об этом губы варвара снова скривились в недовольной гримасе.

Илдиз поручил ему нелегкую миссию: передать послание властелину Кусана, небольшой страны, лежавшей на западных рубежах Кхитая. Конан набрал в свой отряд сорок надежных парней, конных туранских лучников, и направился в долгий путь через равнины и степи Гиркании, огибая подножия величественных гор Талакма, преодолевая пустыни и болотистые джунгли. Таинственная страна Кхитай, восточная окраина доступных хайборийцам земель, располагалась недалеко, и все эти естественные преграды надежно охраняли ее.

Свое поручение Конан выполнил. Великий Шу, властелин Кусана, оказался достойным и мудрым правителем. Предоставив киммерийцу и его спутникам наслаждаться обильными пирами и жгучими ласками юных гурий из своего гарема, владыка обсуждал послание могущественного Илдиза со своими советниками. Наконец, после долгих и нелегких споров, кусанские вельможи решили принять предложение Турана о дружбе и взаимном обмене торговыми посланниками. Конану был вручен шелковый свиток, на котором золотом были вышиты замысловатые кхитайские иероглифы и изящные гирканские буквы — ответ туранскому властелину.

Не забыл мудрый правитель и самого гонца, вознаградив труды его небольшим, но увесистым мешочком золота. К тому же проводить отряд Конана к западной границе Кусана он повелел не кому-нибудь, а одному из своих высших сановников. Этот вельможа, удельный князь Фенг, был небольшого роста элегантным человеком с мягким вкрадчивым голосом. Носил он роскошные развевающиеся шелковые одежды, совершенно не подходившие для конных переходов, и, кроме того, пользовался благовониями с тяжелым мускусным ароматом. Холеные пальцы князя украшали длинные ухоженные ногти и, разумеется, какой-либо работой утруждать себя ему не приходилось — двое сопровождавших Фенга слуг день и ночь трудились, чтобы их господин и в походе не был обойден всеми возможными и невозможными удобствами. Конан кусанского вельможу всерьез не воспринимал; своими повадками, раскосыми глазами и мяукающей речью тот напоминал киммерийцу хитрого кота. Хотя нет-нет, а в голове варвара и мелькала мысль, что неплохо бы присмотреться к этому котяре повнимательнее; что-то подсказывало ему, что от сего косоглазого недомерка можно ожидать любой пакости. Конан объяснял это тем, что в глубине души он, очевидно, завидовал утонченному, обладающему изысканными манерами князю — завидовал, и в то же время презирал, потому что, несмотря на определенный лоск, который придавала ему служба в туранской армии, он оставался тем же суровым, грубым и прямолинейным варваром-киммерийцем.

— Не помешал ли я сокровенным размышлениям достойнейшего капитана? — неожиданно промурлыкал над ухом Конана бархатный голос.

Вздрогнув, киммериец непроизвольно схватился за рукоять меча и едва сдержал крепкое ругательство — рядом с собой он увидел закутанного по самые глаза в роскошный светло-зеленый халат кусанского вельможу.

— Может быть, достойнейшему капитану никак не удастся заснуть? — нисколько не обращая внимания на недружелюбный прием, продолжал князь Фенг.

Разговор шел на гирканском языке; князь свободно владел гирканским, что послужило одной из причин, по которой его послали сопровождать отряд Конана. Сам варвар так и не выучил по-кхитайски и кусански больше десятка расхожих слов.

— У меня как раз имеется великолепное средство от бессонницы, — не унимался Фенг. — Это один из старинных кхитайских рецептов — вытяжка из лепестков лилии с цинамоном заправляется особым способом вымоченными маковыми зернышками...

— Ну уж нет! — поспешно воскликнул Конан. — Премного благодарен светлейшему князю, но я уж как-нибудь обойдусь! По-моему, на меня так действует это проклятое Кромом место. После целого дня скачки я должен был бы спать как убитый, но что-то странное не дает мне уснуть.

Тонкие губы князя искривились в усмешке — или это пробежал по его лицу неверный блик от костра?

— Достойнейший капитан совершенно прав: эта долина — не совсем обычное место. Многие испытывают здесь тревогу, беспокойство и страх. Когда-то здесь погибло много людей... очень много...

— В сражении? — вежливо поинтересовался Конан.

— Нет, о достойнейший. В этой долине находится склеп, в котором покоятся останки легендарного владыки Сю. Он повелел, чтобы рядом с его телом положили головы его верных гвардейцев — затем, чтоб души воинов служили ему и за пределами реального мира. Но, по

преданиям, души несчастных до сих пор скитаются здесь, в этой ужасной долине...

Голос князя понизился до свистящего шепота.

— Предания гласят также и о том, что вместе с плотью властелина и головами гвардейцев в склепе были захоронены несметные сокровища — золото, серебро, драгоценные камни. Я уверен, что так оно и есть.

— Золото, серебро и камни? — на этот раз интерес варвара был совершенно неподдельным.

Кусанский сановник испытывающе посмотрел на киммерийца, потом, как бы решившись на что-то, продолжил:

— Вот именно, благородный Конан. Но самое интересное в том, что никто до сих пор не нашел эти богатства, потому что никому доподлинно не известно, где находится этот склеп. Никому во вселенной, кроме одного человека...

— И кто же этот человек? — спросил варвар внезапно севшим голосом.

— Я, разумеется, — с тонкой улыбкой ответил князь.

— Клянусь чреслами Крома! Но если тебе известно, где лежат сокровища, почему они еще там?

— Это очень просто объяснить, о достойнейший! Очень просто! Легенды гласят, что склеп охраняется проклятием древнего владыки и зачарованной колонной из черного камня, что стоит рядом со склепом. Никто из моих соплеменников не отважится даже близко подойти к этому месту.

— Но ты-то сейчас здесь! Почему бы тебе самому не отыскать сокровища?

Маленький человечек с сожалением развел руками.

— Мне никак нельзя обойтись без помощника. Ведь если б я отправился туда в одиночку, на меня могли бы напасть дикие звери. А, кроме того, мне было бы не под силу выкопать, поднять на поверхность земли и вывезти сокровища. Вот почему я обращаюсь к тебе, о могучий Конан! Мы не случайно остановились на ночлег в этой долине. Когда мой властелин, Сын Небес, искал человека, который взялся бы сопровождать твой отряд, я воспринял этот случай как дар providения. Ведь ты, мой юный друг, не только достаточно умен и могуч, чтобы помочь мне в этом деле, но и, не будучи моим соплеменником, не

подвержен глупым предрассудкам. Не так ли, о достойнейший?

Конан медленно кивнул.

— Да, так, клянусь Кромом, Владыкой Могильных Курганов! Мне не страшны ни боги, ни демоны, ни люди — тем более мертвые, даже если они и были некогда великими властителями. Ну, и что же дальше, благородный Фенг?

Князь склонился к самому лицу варвара и прошептал:

— У меня есть план, мой юный друг. Мы находимся совсем близко от склепа. Необходимые инструменты я прихватил с собой. Для такого могучего великана, как ты, не составит большого труда откопать и вынести сокровища. Так что, если мы отправимся к склепу немедленно, то еще до зари мы с тобой станем самыми богатыми людьми в мире!

На редкость привлекательная идея! Но неожиданно в душу варвара закралось неясное сомнение.

— А почему мы должны идти к склепу вдвоем? Мы могли бы прихватить с собой пару моих ребят, или, если тебе так больше нравится, твоих слуг. Так было бы значительно легче.

Фенг с усмешкой покачал напыщенной головой.

— Зачем, о достойнейший? Я знаю, что сокровища находятся в двух небольших сундучках — они сделаны из золота, украшены серебряной чеканкой и доверху заполнены драгоценными камнями. Они, конечно, тяжелы, но вдвоем нам будет под силу дотащить их до лагеря. Когда мы разделим сокровища поровну, то каждому из нас достанется сказочное богатство! К чему благодетельствовать других? Впрочем, если тебе все равно, то своей половиной ты можешь поделиться с воинами...

Конан вздохнул. Шах Илдиз не отличался особой щедростью, да к тому же вечно задерживал выплату жалованья наемникам. Почему-то получалось так, что до сих пор киммерийцу за верную службу доставалось от туранского владыки больше обещаний, чем звонкой монеты.

— Я принесу инструменты, — шептал между тем Фенг. — Чтобы не вызывать подозрений, мы должны выйти из лагеря незаметно и порознь. Но только непременно надень кольчугу и не забудь прихватить меч.

— Я не расстаюсь с мечом, — усмехнулся варвар, — но зачем мне нужна кольчуга? Тащить сундуки она не поможет, а сражаться с мертвыми гвардейцами этого Сю, я надеюсь, нам не придется.

— О, мой юный друг! Мертвые спят непробудным сном, но ведь в этих горах полным-полно диких зверей — тигры, леопарды, медведи... К тому же в окрестностях долины бродят шайки разбойников. Ты видишь, я не очень-то сведущ в боевых искусствах, и тебе придется защищать нас обоих. Так что поверь, о достойнейший, полный доспех просто необходим!

Киммериец нехотя кивнул головой.

— Вот и прекрасно! Я знал, что светлый разум достойнейшего капитана поймет, почему я настаиваю на этом. Ну, а теперь нам надо расстаться, друг мой. Мы встретимся в глубине долины, когда взойдет луна.

* * *

В непроницаемой ночной тьме ветер казался еще более холодным. То ощущение непонятной тревоги, которое охватило Конана, когда отряд остановился на ночлег в этом проклятом богами ущелье, снова пробудилось в его душе. Бесшумно ступая вслед за невысоким кхитайцем, варвар бросал подозрительные взгляды по сторонам. Отвесные скалистые стены сближались здесь до такой степени, что между каждой из них и ручейком, струившимся под ногами, мог пройти лишь один человек. Вверху, над едва различимыми в темноте пиками, появился слабый, едва заметный жемчужный свет, предвещавший восход луны; звезды мерцали отгоревшими угольками.

Внезапно стены ущелья снова раздвинулись, и путники вышли на широкую, покрытую зеленой травой равнину. Ручей свернул в сторону и исчез среди зарослей папоротника.

В просвете облаков показался бледный серп луны. Его тусклое опалесцирующее мерцание едва освещало возвышавшийся перед компаньонами высокий курган, удивительно правильной формы.

При виде открывшегося перед ним завораживающего зрелища киммериец моментально забыл о своих тревогах и предчувствиях. На вершине холма торчал памятник, о

котором говорил князь — гладкая, тускло поблескивавшая колонна из черного камня; вершина ее возносилась вертикально вверх и терялась в нависавшей над ущельем тьме. Если верить словам Фенга, если могила древнего владыки находится здесь, — размышлял Конан, — то сокровища могут быть запрятаны или под основанием монолита, или где-то рядом. Ну, это легко проверить...

Придерживая лежавшие на плече лопату и лом, Конан начал подниматься к вершине холма, продираясь сквозь заросли цепких кустов рододендрона. В Киммерии тоже насыпают курганы над могилами вождей и великих воинов, — промелькнуло к нему в голове, — но останки их покоятся глубоко под землей. Но этот холм столь огромен, что если сокровища не под черным камнем, а в самом низу, за ночь нам не справиться...

Неожиданно какая-то невидимая сила подхватила и рванула вперед инструменты, лежавшие на плече варвара. Конан выругался и, откинувшись, вцепился в лом и лопату так, что мышцы его готовы были разорваться от напряжения. Однако неведомую силу он преодолеть не смог; пришлось разжать руки, и инструменты, мелькнув в воздухе, со звоном ударились о камень колонны и остались висеть там, будто прилипнув к черной полированной поверхности. Но на этом неприятности не закончились — таинственная сила действовала и на кольчугу киммерийца. Мгновение спустя варвар тоже прилип к монолиту, оказавшись в положении мухи, попавшей в густой мед — спина и плечи прижаты к колонне, короткие рукава кольчуги лишили свободы предплечья, шлем не дает возможности повернуть голову. Висевший на поясе меч тоже прилип к монолиту. Киммериец выругался, отчаянно рванулся, но невидимые узы не поддались.

— Это что еще за фокусы? — яростно зарычал варвар. — Отвечай — ты, недоносок!

Фенг, невозмутимо наблюдавший на происходящим, усмехнулся и приблизился к киммерийцу; на него таинственная сила, как видно, не действовала. Вытащив из широкого рукава своего одеяния шелковый платок, он дождался, когда Конан снова откроет рот, и сноровисто запихнул в него заранее приготовленную тряпку; затем, не без труда пропихнув платок под его затылком, затянул

ткань на губах киммерийца. Теперь Конан был лишен возможности не только двигаться, но и издавать какие-либо звуки. Он лишь яростно хрипел, бросая на довольно улыбавшегося сановника бешеные взгляды.

— Я думаю, ты не в обиде за мою маленькую хитрость, о достойнейший из варваров, — промурлыкал князь. — Иначе как бы я смог заманить тебя в это место?

Конан снова отчаянно рванулся, но невидимые путы держали крепко. Крупные капли пота стекали по его лицу и шее.

— Похоже, твоя жизнь, благородный капитан, подошла к завершающей черте, — продолжал Фенг, — а значит, у меня не осталось более причин таиться от тебя. Пусть твоя варварская душа отлетит в царство Нергала успокоенной! Видишь ли, двор нашего добрейшего, но чрезвычайно неразумного владыки разделен враждой. Одни сановники, богомерзкие почитатели Белого Павиана, с готовностью идут на союз с варварами Запада, что абсолютно неприемлемо для других, поклоняющихся Золотой Ящерице. Я, как ты уже, разумеется, понял, принадлежу к последнему клану и с радостью готов отдать жизнь, лишь бы не был заключен тот глупый и опасный договор о дружбе, который ты привез от повелителя Турана. Ведь сближение с варварами неизбежно разрушит тот божественный порядок, что создавался в Кусане и Поднебесном Кхитае в течение многих веков. Ну, к счастью, выяснилось, что свою жизнь мне отдавать не придется — достаточно будет твоей. Ты в ловушке, предводитель жалкой шайки чужеземцев! И тебя заманил в нее я, князь Фенг! Что же касается договора, то теперь с этим делом не будет никаких проблем.

С этими словами вельможа вытащил из-под кольчуги варвара тонкий футляр из слоновой кости, в котором хранился шелковый свиток с письменами. Аккуратно развязав ремешок, Фенг спрятал футляр в рукаве халата и прибавил со злобным оскалом:

— Может, твой жалкий умишко в последние минуты заинтересуется, что же именно держит тебя тут? Боюсь, в сущность этого вопроса проникнуть ты не успеешь, поэтому скажу только то, что колонна сия обладает не-

постижимым свойством с невероятной силой притягивать к себе железо и сталь. Так что здесь обошлось безо всякого колдовства.

Последнее упоминание ничуть не успокоило варвара. Когда-то в Аграпуре он, правда, видел, как бродячий фокусник развлекает толпу, поднимая с земли гвозди куском камня темно-красного цвета. Но, так как Конан не имел ни малейшего понятия о сущности этой силы, то аграпурские фокусы — и то, что произошло сейчас с ним — представлялись варвару проявлением колдовских чар.

— Кстати, не надейся, что тебя освободят твои люди, — с издевательской улыбкой продолжал кусанский вельможа. — Я, видишь ли, подумал и об этом. Я уже говорил, что неподалеку в горах обитает племя разбойников-ягов, охотников за головами. Безо всякого сомнения, они уже заметили лагерный костер и нападут, по своему обычаю, как раз на рассвете. Меня к тому времени здесь, разумеется, не будет. Не думаю, что за одиноким всадником выплут погоню, ну, а если даже и так... умирать все равно когда-нибудь придется! Так что прощай, о достойнейший из варваров! Тебя я также предоставляю твоей судьбе. Надеюсь, ты извинишь меня за то, что я оставляю тебя в одиночестве — видишь ли, муки испускающего дух страдальца, пусть это даже и неотесанный варвар, всегда приводили меня в большое волнение. Поверь, мне даже жаль тебя... получи ты должное воспитание, ты мог бы стать мне превосходным телохранителем. Однако богами тебе предначертана другая судьба.

Маленький человечек отвесил изящный поклон, повернулся и стал спускаться по склону холма. Значит, ему суждена смерть от голода и жажды, подумал Конан. Конечно, если б его парни заметили, что капитана нет в лагере, они начали бы поиски еще до рассвета, и тогда... Но ведь он выскользнул из лагеря тайком, никого не предупредив! Если даже туранцы поднимут тревогу, то где они будут его искать?

Конан снова отчаянно рванулся из пут — и с тем же результатом. Ничего не изменилось; по-прежнему относительно свободой обладали руки — да и то лишь до

локтей. Он мог пошевелить ногами до колен и слегка повернуть голову в шлеме; кольчуга намертво приковывала к монолиту все остальное.

В разрыве облаков показалась луна. Чуть посветлело. Конан огляделся вокруг и заметил, что около черной полированной колонны валяются на земле кости и черепа, жалкие останки человеческих скелетов. Всмотревшись внимательнее, киммериец вдруг понял, что они выглядят как-то странно — словно кости вымачивали в какой-то кислоте. С усилием повернув голову, он заметил, что на колонне рядом с ним висят несколько металлических предметов, удерживаемые той же непостижимой силой, что держала в заточении и его — лопата и лом, которые принес с собой он, полурассыпавшийся шлем и, справа, ржавый кинжал. Конан захрипел в бессильной ярости и снова напряг мускулы...

Неожиданно откуда-то снизу послышалась странная тонкая трель. Киммериец пригляделся и понял, что Фенг, вопреки своим уверениям, не спешил покинуть долину — он сидел у подножия холма и наигрывал на флейте. И тут раздался еще один странный звук — на этот раз он шел сверху. Едва не вывернув шею, Конан попытался взглянуть вверх, и когда ему это удалось, варвар оцепенел. Мгла, скрывавшая верхушку колонны, рассеялась, и бледный свет луны высветил что-то отвратительное и бесформенное. Полупрозрачное стекловидное тело, напоминающее огромный кусок студня, медленно ползло вниз, шевеля многочисленными щупальцами.

* * *

И так почти лишенный возможности двигаться, Конан застыл от леденящего ужаса. Скользкие щупальца монстра медленно, но неуклонно приближались к нему, вытягиваясь по поверхности колонны. Сменивший направление ветер ударил в лицо варвара нестерпимым смрадом. Неожиданно киммерийца обожгла острая боль в предплечье. Так вот почему валявшиеся вокруг кости выглядели так странно! — подумал он. Жуткая тварь выделяла едкое вещество, разъедающее живую плоть! Конан с содрогани-

ем представил муки тех, кто стоял у этой колонны, ожидая жгучих объятий смертоносных щупалец.

Киммериец снова яростно напрягся, пытаясь разорвать смертельные путы. На сей раз его усилия, как ни удивительно, увенчались успехом — возможно, отчаяние придало ему сил. Очередной рывок немного сдвинул его тело, и Конан заметил, что прилипший к колонне кинжал оказался в непосредственной близости от его кисти. И тут киммерийцу пришла в голову спасительная мысль. Еще несколько рывков — и кинжал может оказаться в его ладони!

С огромным напряжением варвар выворачивал руку — кольчуга царапала о поверхность колонны, от страшных усилий пот заливал глаза. Кисть медленно приближалась к рукояти кинжала. Непрекращающиеся звуки флейты, на которой продолжал играть Фенг, приводили его в исступление, а тошнотворная вонь, испускаемая чудовищем, вызывала спазмы в желудке.

Наконец вожделенная рукоять оказалась в ладони киммерийца. Он резко рванул ее к себе, но источенное ржавчиной лезвие, не выдержав рывка, сломалось. Скосив глаза, Конан увидел, что в его руке оказался лишь короткий обломок; большая часть клинка осталась прилипшей к камню. Напрягая последние силы, варвар подтягивал сломанное лезвие к ремням, скрепляющим кольчугу, естественно выворачивая кисть, которая уже начала неметь. Наконец его усилия увенчались успехом, и Конан — очень осторожно, понимая, что хрупкое лезвие не выдержит сильного нажима — принялся резать неподатливую кожу, стараясь не обращать внимания на усиливающийся смрад, предвещавший приближение монстра. Ржавая сталь выдержала; ремешок лопнул, и кольчуга варвара раскрылась на боку. Киммерийцу почти удалось освободиться, когда он ощутил едва заметное прикосновение к своему племю — неведомый хищник все-таки успел дотянуться до жертвы. В любой момент его мог настигнуть водопад едкой жидкости...

Выдернув руку из рукава кольчуги, Конан вырвался из плена собственных доспехов. В глазах у него потемнело, он едва не упал от нахлынувшей слабости, но огромным

усилием воли удержался на ногах. Оглянувшись, варвар увидел, что чудом успел ускользнуть — страшные щупальца монстра уже шарили по его доспехам в поисках исчезнувшей добычи.

От подножия холма все еще доносились протяжные звуки флейты. Фенг, не обращая внимания на происходящее, наигрывал мелодию, погрузившись в глубокий транс. Выплюнув кляп, Конан вихрем обрушился на князя. Маленький человечек не успел оказать великану ни малейшего сопротивления — резкий удар бросил его на землю. Первым делом киммериец вытащил спрятанный в рукаве халата футляр из слоновой кости и повесил его себе на шею; затем потащил бесчувственное тело сановника на холм. У подножия колонны, придя в себя и увидев, что его ожидает, Фенг дико закричал, но крик оборвался вместе с дыханием, когда его тело ударилось о черную поверхность монолита. Предатель уже не почувствовал, как скользкие щупальцы твари принялись за свое привычное дело.

Конан заставил себя не отводить глаз. Когда лицо Фенга затопила желеобразная масса чудовища, его черты превратились в сплошное пятно; потом кожа, исчезая, начала размываться, и вскоре обнажились голые кости черепа с ощеренными в страшном оскале зубами. Насытившись человеческой плотью, монстр приобрел кроваво-красный оттенок. Страж монолита отдыхал и не торопился двинуться в обратный путь в свое убежище.

* * *

Шагая к лагерю, Конан едва передвигал ноги от изнеможения. Черная колонна, едва не послужившая причиной его страшной смерти, гигантским факелом пылала за спиной варвара.

Всего несколько минут понадобилось ему, чтобы разжечь огонь у основания монолита. Горите рядом, твари! — подумал киммериец, плюнул и направился к стоянке своего отряда. Еще некоторое время, оглядываясь назад, он видел, как корчилося в агонии жуткое тело чудища, но вскоре все скрылось за огромными огненными языками.

Добравшись до лагеря, Конан увидел, что его парни с тревогой наблюдают за сполохами огня, взметнувшимися в светлеющее небо.

— Где тебя носило, капитан? И куда подевался князь Фенг? Что там за огонь, во имя Митры? — раздались взволнованные возгласы.

— Чего вы ждете, бараны? — раздраженно рявкнул киммериец. — Немедленно седлать коней! Яги, охотники за головами, уже близко! Они схватили князя, а мне едва удалось уйти от них. Касро! Моллар! Пошвеливайтесь, ослиные задницы, если вам дорога жизнь и вы не хотите, чтобы ваши головы украшали их жилища!

Он перевел дух, потом с новой силой проревел:

— И неужели ни один болван не догадается налить своему капитану глоток вина? Я хочу пить! Клянусь копытами Нергала, я хочу пить!

СИНИЕ МАКИ

С илы почти оставили его. Уперев ноги в землю и напрягая мышцы, Конан снова и снова пытался оторваться от предательского монолита, от этой пленившей его железной колонны. Тщетно! Чудилось, еще немного, и вздувшиеся, словно корабельные канаты, мускулы варвара преодолеют силу чар, и тяжелеющее тело оторвется от темной полированной поверхности; однако странное колдовство, которое держало его здесь, всякий раз оказывалось сильнее.

Со всхлипом протолкнув воздух в горящие легкие, Конан вывернул шею и уставился вверх — на медленно сползающий по гладкому боку монолита полупрозрачный студень.

— Сэт заberi проклятого этого Фенга! — выругался он сквозь зубы. Широкий лоб киммерийца покрыла испари-на; доспех, словно живой, медвежьими объятьями давил на грудь, а руки и ноги будто бы обратились в тяжеленные бревна.

Конец! — промелькнула в голове Конана мысль. За-рычав от ярости, он погнал ее прочь. Если б у него было хоть несколько мгновений, чтоб дать отдых уставшим

мышцам! Если б проклятый панцирь не сжимал сталь-ным обручем его ребра! Тогда бы он, пожалуй...

Нож! — вдруг всплыло у него в памяти. Где-то тут должен быть нож!

С трудом ворочая головой под тяжелым шлемом, Ко-нан вновь принялся озиаться и вскоре обнаружил ржа-вый клинок, прилипший к колонне неподалеку от его правого локтя.

Так! Теперь осталось лишь протянуть руку... Медленно, точно продавливая каменную стену, варвар ухитрился сдвинуться чуть в сторону, пока наконец непослушные пальцы не сомкнулись на шершавой рукояти ножа. Заку-сив губу до крови и стараясь не обращать внимания на зловонный запах надвигавшейся сверху твари, Конан ос-торожно потянул нож к себе.

С сухим треском острый кончик отломился, однако большая часть лезвия вместе с рукоятью осталась в руке у киммерийца. Сердце его возликовало! Заставив себя не глядеть вверх и не думать о том, что скользкие щупальца стерегущей монолит твари уже жадно ощупывают навер-шие его шлема, Конан начал яростно кромсать ремень, скреплявший нагрудник с остальной частью доспеха.

Но крепкий кожаный ремень упорно сопротивлялся его попыткам. Он был прочен, как якорная цепь! Не веря собственным глазам, Конан вновь и вновь царапал его ржавым лезвием, но на темной, покрытой сеткой морщин поверхности кожи всякий раз оставался лишь какой-то рыжий порошок: пыль — не пыль, труха — не труха...

— Кром! Да что же это? — заорал он, терзая непокор-ный ремень, и немедленно в голове сложился ответ — как будто кто-то, с ехидной ухмылкой наблюдавший за его усилиями, решил подсказать, в чем дело. Несомненно затем, чтобы гнев его, отчаянье и муки усилились еще больше!

— Это стирается твой нож, твой ржавый нож, — ус-лышал ошеломленный киммериец. И правда: только сей-час он заметил, что проржавевшее стальное лезвие посте-пенно истончается, тает, как утренний туман, превращаясь в неровную дорожку бурого порошка...

Заревев, словно смертельно раненный буйвол, Конан отбросил в сторону бесполезное орудие и титаническим

рывком едва не выворотил столб из земли. Но было поздно: ядовитая тварь мутным водопадом стекла ему прямо на лицо, залепляя глаза, рот, уши, ноздри белесой слизью, жгучей, словно кипящая смола. Захлебываясь собственным криком, Конан вонзил внезапно освободившиеся руки прямо в облепившую его мутную жижу и... проснулся.

* * *

— Господин, эй, господин! — кто-то тряс его за плечо. — Что случилось? Что с тобой, во имя Митры?

— Ничего, — буркнул Конан, чуть приоткрыв глаза и, убедившись, что перед ним всего лишь десятник Джалай-Арт.

— Плохой сон, — добавил он, переворачиваясь на спину и зевая во весь рот. — Чего только не приснится в этих поганных горах! Уже рассвело?

— Да, господин. Рассвет, как задница Нергала — серый и холодный... — Осунувшееся и потемневшее от усталости лицо Джалай-Арта болезненно сморщилось, но Конан, не дав ему открыть рот, тут же приказал:

— Поднимай людей, ослиный хвост! Нам уже давно пора в седла. Шатры и мешки бросить, на коней, и деру! Иначе все будем у Нергала в заднице!

— Но, господин, люди измотаны... — Из всего отряда наемников, подчиненных Конану, один лишь Джалай-Арт, правая рука и верный помощник, осмеливался иногда спорить с ним. Обычно киммериец относился к этому с философским спокойствием — на то он и помощник, чтобы изредка шевелить собственными мозгами, однако ночной кошмар не располагал к спорам. Пожалуй, для сегодняшнего утра это был бы явный перебор.

С трудом подавив разгорающийся гнев, Конан уперся в лицо десятника синими льдинками глаз и процедил сквозь зубы:

— Делай, как велено! В седла! Всем! И пусть эти потомки псов поторапливаются — если не желают, чтоб яги украсили свои норы их головами!

— Я поднимаю людей, — покорно сказал Джалай-Арт и исчез. Какое-то время до слуха Конана долетал лишь

мягкий топот его сапог да отдаленное ржание встревоженных скакунов.

— Вот и отлично, — прорычал киммериец, поднимаясь на ноги.

По счастью, Джалай-Арт не был упрямцем — иначе он и не задержался бы в отряде Конана надолго. Десятник всегда выполнял приказы своего капитана, убедившись пару раз, что тот всегда стоит на своем — не словом, так кулаком.

Однако за исключением преданного помощника да послания к туранскому властелину, спасенного из паучьих лап предателя Фенга, похвастать Конану было нечем: третий день он уводил свой отряд от преследовавших их ягов, и только благодаря счастливой судьбе ему удавалось пока что избегать открытого сражения. Яги, о коих рассказывал ему Фенг, были страшным народом, племенем дикарей и охотников за головами, и горы свои они знали как пять пальцев.

К сожалению, привыкшие к степным просторам туранские скакуны не могли быстро двигаться по извилистым и крутым горным тропам, в то время как яги, и в глаза не видевшие зверя крупнее горных коз, шли одним им известными проходами да ущельями, ухитряясь не только не отставать от всадников, но даже нагонять их. Быть может, уставшие и вконец измотанные солдаты Конана не ощущали тревожного напряжения, но сам он с каждым утром чувствовал, что враг подходит все ближе и ближе. И становится все нетерпеливей и опасней.

Вот и сейчас, глотнув вина из фляги и опоясавшись мечом, Конан подозрительно зыркнул вдоль нависавших с обеих сторон угрюмых зубцов скал, как будто там, за каждым из камней, затаилось по дюжине кровожадных разбойников. Убедившись, что его самые худшие опасения пока не оправдались, он потянулся и подставил грудь налетевшему в долину холодному горному ветру. Свежий, пахнущий снегом воздух моментально взбудрил его; киммериец с наслаждением почувствовал, как последние остатки ночного кошмара выветриваются из головы, а мышцы, онемевшие от бесконечной скачки, наливаются силой. Однако нечто неуловимое, повявшее над ущельем, опять

заставило его наморщить лоб. Конан вновь принялся втягивать в себя утренний морозный воздух, но на этот раз уже совсем по-другому — не смакуя, а приплюхиваясь, словно огромный охотничий пес. Постепенно лицо его становилось мрачнее грозовой тучи.

Да! Определенно так! Сегодня воздух пах не только снегом и жухлой травой; вместе с этими безобидными ароматами горный ветер принес еще три явственно различимых запаха — вонь овечьих шкур, смрад давно немытого человеческого тела и запах стали.

— Пошевеливайтесь, ублюдки! — взревел Конан, взмахом фляги подгоняя своих солдат. — Яги у нас на хвосте! Трубить сбор, сворачивать лагерь, и в седла!

— А пожрать, капитан? — проорали в ответ десять сильных глоток.

— На Серых Равнинах пожрете, — хмуро пообещал Конан и вскочил на подведенного ему угольно-черного жеребца.

Над лагерьм туранцев повисла тревожная трель боевого рожка.

* * *

Яги атаковали отряд на закате. Когда вереница шатавшихся от усталости людей и лошадей втянулась в узкое, словно игольное ушко, ущелье, воздух над ними вдруг огласился оглушительным и леденящим кровь боем, который тут же подхватило гулкое горное эхо. Ошеломленным туранским всадникам, еле справлявшимся с испуганными лошадьми, показалось, что это вопит само ущелье — каждая скала, каждый камень, каждый чахлый куст. Однако тут же, перекрывая этот страшный вой, в уши туранцев ворвался яростный рык их командира.

— Спешиться и стать в две шеренги! — орал черно-волосый великан, потрясая огромным мечом. — Спешиться, дерьмоеды, или они передавят нас здесь как тараканов!

Мускулы превосходно вымуштрованных туранских лучников повиновались приказу раньше, чем головы. Слетевшие с седел солдаты еще не осознали, что делают, а руки их уже тянулись к набитым в колчаны стрелам,

глаза обшаривали стены ущелья в поисках возможных мишеней.

И мишени не заставили себя долго ждать. Облепившие верхушки скал яги лавиной устремились навстречу туранцам, перепрыгивая с камня на камень, будто горные бараны. Грязные одеяния из скверно выделанных овечьих шкур, надетых мехом наружу, еще больше увеличивали это сходство.

— Приготовиться! — вновь раздался над ущельем рев Конана. Оттягивая до уха тетивы тяжелых гирканских луков, наемники проворно разобрали цели. Только Джалай-Арт пантерой метался с фланга на фланг выстроившегося в две линии отряда, выкрикивая нерасторопным свои указания — не столь громкие, но подкрепленные ударами плети. Бегал он шустро; перед боем всю усталость у десятника как рукой сняло.

— Стрелять по моей команде! — проорал Конан и ненадолго смолк, поджидая, пока спускающиеся по скалам горцы не приблизятся на самое убойное расстояние — шагов на сто, когда стрелы туранцев будут разить насмерть. Наконец он рыкнул: — Ну, покажем этим грязным ублюдкам! Бей!

Вздох от десятков одновременно спущенных тетив пронесся над ущельем и канул в вечернее небо. Затем пошел дождь — а, точнее, град из завернутых в бараньи шкуры трупов. Изуродованные после ударов об острые камни тела ягов сыпались вниз, наваливая перед лучниками что-то вроде бруствера; а те, опьянев от запаха крови, продолжали стрелять, будто очарованные магическим заклятьем. Они были отличными бойцами, эти туранцы, особенно когда дело доходило до стрельбы. Любой мальчишка из долины Ильбарса умел выпускать из лука вторую стрелу, когда первая еще находится в полете, а в свой отряд Конан набирал не мальчишек, только самых опытных воинов. За те короткие мгновенья, пока яги спускались вниз со своих каменных насестов, каждый лучник умудрился расстрелять половину колчана, уложив, как минимум, троих-четверых дикарей. Раненых в этой бойне почти не было; карабкаться по скалам, получив стрелу длиной в три локтя в руку или ногу, не сумели бы даже привычные к горам яги, и потому они достигали дна ущелья в самом

плачевном виде. Эти, помеченные туранскими стрелами, если с кем и могли сражаться, так только с теньями на Серых Равнинах, в царстве Нергала.

Однако неоспоримым преимуществом горцев в этом сражении оставалось их численное превосходство. Невзирая на страшное опустошение, производимое лучниками, они все прибывали и прибывали, хладнокровно скатываясь вниз, словно огромные мохнатые муравьи.

Вскоре туранцам пришлось отложить луки и взяться за мечи. Но и теперь, когда смертоносный ливень стрел прекратился, воспрянувших духом дикарей ждало разочарование. Оказавшись в западне, туранские наемники вознамерились дорого отдать свои жизни. Конечно, силы их постепенно таяли, но и бруствер из мертвых ягов заметно подрос в высоте. Предводитель же наемников, черноволосый гигант, словно тростинкой вращавший огромным мечом, нагромоздил целую гору трупов. Однако желающие схватиться с ним — один на один или всем скопом — еще не перевелись, ибо его голова стала бы ценнейшим трофеем для любого из воинов гор. Но пока что всякий, подобравшийся к великану на расстояние удара клинка, расставался с собственной головой.

Зашло солнце, но в наступивших вечерних сумерках бой продолжался с неутихающей силой. Ягов, не ожидавших такого упорного сопротивления со стороны изнеженных жителей равнин, постепенно охватывало уныние, а отчаявшиеся было туранцы уверились, что Мигра с ними и до победы уже недалеко. Теперь они медленно, но верно прижимали ягов к стенам ущелья, а те, увидев, что в битве случился перелом, дрались все менее охотно. Их леденящий душу боевой клич, похожий сперва на завывание вырвавшейся с Серых Равнин стаи демонов, звучал сейчас скорее как вой побитой собаки.

И когда черноволосый вождь туранцев, рубившийся с яростью берсерка, описал мечом стремительную дугу и снес головы троим противникам разом, яги оцепенели. Несколько мгновений они в ужасе следили за тем, как, орошая камни фонтанами крови, корчатся в агонии обезглавленные, как подгибаются их колени и гаснет взор; затем молча бросились бежать. Они мчались кто куда; одни — вдоль ущелья, другие искали укрытия в скалах.

Немногие из туранцев, схватив луки, посылали им вслед стрелу за стрелой, но большинство, обессилев, повалились на землю. И только их капитан, залитый кровью с головы до ног, продолжал размахивать огромным мечом и изрыгать жуткие проклятья вслед убегающим дикарям.

* * *

— Джалай-Арт! — ревел Конан. — Где тебя демоны носят, вислозадая черепаха?

— Я здесь, господин; распоряжался насчет раненых, — словно бесшумная тень, десятник мгновенно возник у его левого плеча. Однако даже в запарке после отгремевшего сражения помощник Конана не забывал о субординации. Он встал так, как положено: сбоку и чуть позади своего капитана, чтобы не закрывать ему вид на заваленное трупами ущелье.

— Потери? — с хмурым видом поинтересовался Конан.

— Пятнадцать пошли к Нергалу, двое вот-вот отправятся туда же, а семеро, коль будет милость Митры, выживут, — сообщил Джалай-Арт, будто зачитывая невидимый список. — Лошади разбежались.

Заслушав этот короткий доклад, киммериец только хмыкнул и в задумчивости потер переносицу.

— Что ж, неплохо, — промолвил он наконец. — Я думал, нас сметут начисто... Ну, вели трубить сбор, Джалай! Раненых пусть перевяжут. И соберите стрелы...

— Уже собираем, — вставил Джалай-Арт, но Конан, сердито зыркнув на него, заставил помощника смолкнуть.

— ...соберите стрелы да отправьте кого-нибудь поискать лошадей. Как только их пригонят, мы немедленно уходим отсюда. Клянусь печенью Крома, мы бились всего лишь с передовым отрядом! А яги — мстительные твари! Когда остальные увидят, какую бойню мы учинили, то станут преследовать нас до самого Аграпура... — Киммериец потянулся, словно огромный кот, и с лязгом бросил меч в ножны.

— Да, и еще... Бурдюк вина и... — Наконец он заметил, во что превратились его меховая куртка и штаны, залитые кровью. Тут Конан снова взревел как разъяренный бык: —

Ради Крома! Еще найди мне какую-нибудь другую одежду, Джалай!

— Слушаюсь, господин! Что-нибудь еще, мой господин?

Киммериец обернулся и с подозрением глянул на Джалай-Арта, но не заметил и тени насмешки на его посеревшем от усталости лице.

— Нет, это все, — буркнул он.

Отрывисто отдав воинский салют, Джалай-Арт исчез, как всегда бесшумно, и Конан тут же забыл о нем. Вниманием его овладело более любопытное зрелище, чем заваленное трупами ущелье, — медленно кружившее над горами черное пятно.

Хмм! Конан прищурился, стараясь в неярком свете восходящей луны разглядеть парящую в вышине птицу. Орел? Но почему черный? Может, гриф? Нет, для грифа все же маловат... Неужели ворон?

Киммериец удивленно присвистнул. Если это и в самом деле был ворон, то совершенно гигантских размеров...

Но тут огромная птица, словно заметив, что человек, задрав голову, пристально смотрит на нее, с хриплым карканьем скрылась за вершиной ближайшего утеса.

* * *

— Странно, — заметил покачивающийся в седле Джалай-Арт, — почему эти недоумки не сбросили на нас десяток-другой хороших валунов? Сделай они так, и передавили бы нас, будто слизняков.

— Ослиная башка, — беззлобно ругнулся Конан, — им же нужны наши головы! Ну, и еще кони, само собой. Выходит, коли б эта мразь скатила на нас камни, то и кони, и головы здорово бы испортились... — прервав свои размышления, киммериец жадно впился зубами в сухую лепешку, которую он держал в руке.

Немедленного ответа со стороны Джалай-Арта не последовало, потому что в этот момент он был занят тем же самым, с удивительной быстротой поглощая свою порцию хлеба.

— Ну, хорошо, — согласился он наконец, перестав жевать, — насчет наших голов я спорить не стану. Но зачем этим вонючим вырождакам наши кони? По горам с ними

не ползаешь... Конечно, можно их продать, но я никогда не слышал, чтоб яги с кем-либо торговали.

— Угм! — Конан сыто рыгнул и ткнул в сторону собеседника кулаком. — Зачем продавать то, что можно потребить на месте?

— Потребить? Это как — потребить? — удивленно переспросил десятник.

— А очень просто, — ответил варвар, откинувшись на высокую луку седла, — разрубить, поджарить и сожрать. Я сам не раз так делал.

— Сожрать? Коней? — Джалай-Арт смотрел на Конана с явным ужасом, но того это лишь забавляло. — Как? Такой грех перед ликом Митры! И что же... — десятник наклонился и ласково похлопал по боку своего тонконового чалого скакуна, — и моего Аккаля тоже... съесть? — последние слова он произнес с явной дрожью в голосе.

— Конечно. И твоего, и моего, и всех остальных! Приличной дичи в этих горах нет, здесь и трава-то толком не растет, а потому что ж еще делать голодным ягам? Что, если уж очень хочется отведать мяса? — ухмыльнулся Конан. Он-то прекрасно знал, что любой туранец в голодных краях скорее съест собственную руку, чем дотронется до своего коня. Впрочем, и до чужого тоже.

— Ах вот как! — гневно воскликнул Джалай-Арт. — Теперь я все понял! Значит, этим пожирателям грязи мало козлов да баранов? Теперь им еще коней подавай? Или всех баранов они перевели на вонючие шкуры?

— Туранцы почитают своих коней, — рассудительно произнес Конан, — а яги — своих баранов. Так что эти вонючие шкуры для них — огромное богатство! Ведь их содрали с самых сильных, самых мудрых, самых удачливых баранов — тех, кто доживает до старости...

— Тогда надо вернуться и сжечь эти шкуры, пока яги не вошли в ущелье и не обрели опять свои сокровища! — злобно выкрикнул Джалай-Арт.

— Не трудись, — покачал головой Конан. — Сегодня удача от них отвернулась, и надеюсь, что надолго. Ни один яг больше не оденет несчастливую шкуру, пробитую нашей стрелой. — Он помолчал и добавил: — Ну, теперь ты понял, почему яги не стали сбрасывать на нас камни?

— Все равно не понял, господин, — угрюмо отозвался Джалай-Арт. — Что за разница, в каком виде они получают наших коней — живыми или дохлыми?

— О, Кром! — вздохнул Конан. — Никогда не стать тебе хорошим командиром, Джалай, ибо видишь ты не дальше собственного носа. Что ж они, по-твоему, должны на спинах волочь эти конские туши до своих деревень?

Джалай-Арт замолчал и насунился; видно, представлял себе плотоядно ухмыляющихся ягов, волокущих по скалам разрубленную на куски тушу его жеребца.

— Что в самом деле скверно, — сказал он наконец, — так то, что нам пришлось бросить снаряжение и большую часть припасов. Я понимаю, с таким грузом мы б далеко не ушли, но в этих проклятых горах в самом деле не водится никакой дичи. Так что, — Джалай-Арт показал взглядом на остаток лепешки, которую киммериец все еще сжимал в кулаке, — придется нам обойтись без мяса...

Конан в ответ только печально вздохнул.

— Кром! Что ж, перебьемся, — заметил он. — Надеюсь, завтра нам удастся проскользнуть за перевал, а там рукой подать до туранских границ, — стянув шлем, Конан рассеянно пригладил свою всклокоченную черную гриву. — А коль мы не успеем удрать, то смерть от голода нам не грозит — яги нас догонят и прикончат. Вместе с лошадьми!

— Но стоит ли из-за этого отказываться от куска мяса на ужин? — Джалай-Арт внезапно перешел на заговорщицкий тон. — Скажи, ты готов попробовать запеченную на углях ворону? Только я и ты, мой господин — никто из наших голодных дерьмоедов ничего не узнает...

Десятник неспешно вытянул из колчана стрелу, и только сейчас Конан разглядел, куда он собирается стрелять.

— Знаешь, капитан, — продолжал откровенничать Джалай-Арт, натягивая тетиву, — когда я совсем мальчишкой служил у старого князя в Хауране, в голодные годы я этих ворон едал сотнями...

Однако Конан молча положил тяжелую ладонь на плечо Джалай-Арта, заставив туранца опустить лук.

— Ты что же, господин, — переспросил удивленный десятник, — не хочешь, чтобы я подстрелил эту ворону?

— Ворона, а не ворону. И ты не будешь стрелять в него, — Конан внимательно посмотрел на огромную птицу, облюбовавшую валун чуть в стороне от тропы.

— Мой народ, — сказал он серьезно, — верит, что вороны — птицы Крома, и потому мы никогда не обижаем их. Для тебя, туранца, священны кони, а для меня — вороны, и пусть этот летит с миром. Вороны — мудрые птицы, Джалай-Арт!

Словно подтверждая слова киммерийца, огромный ворон пронзительно каркнул, расправил крылья и, спрыгнув с валуна, полетел вдоль ущелья, медленно набирая высоту.

Джалай-Арт оторопело наблюдал за ним, потом рассмеялся и спрятал лук.

— Ну и шутник же ты, господин мой! — произнес он. — Выходит, мы, туранцы, молимся на своих лошадей, яги — на баранов, а твой народ, безжалостные воины севера — на ворон? — Десятник вновь захохотал и похлопал своего скакуна по шее.

На этот раз Конан не нашелся, что сказать ему в ответ.

* * *

Перевал давался туранцам тяжело. Хотя к ночи число раненых поуменьшилось — двое из них умерли, не выдержав изматывающего перехода — нести остальных по заваленной каменными обломками извилистой горной тропе, да еще тянуть упиравшихся лошадей, было выше сил человеческих. Только черноволосый предводитель, казалось, не чувствовал ни голода, ни усталости. Словно на крыльях носился он вдоль растянувшегося цепью отряда, подбадривая тех, кто еще мог выдерживать заданный ритм, и подгоняя бранью отстающих. Однако с наступлением темноты, когда измотанные солдаты уже не ползли в гору, а скорей топтались на месте, Конану стало ясно, что без ночлега и ужина этот затяжной подъем окончательно доконает его людей. Сердито сдвинув брови, он приказал остановиться и разбить лагерь.

Ночью, за исключением того, что двое раненых туранцев, как уже говорилось выше, ушли на Серые Равнины, ничего особенного не случилось. Но когда с рассветом отряд снова тронулся в путь, Конану начало казаться, что его солдаты идут еще медленнее, чем вчерашним вечером.

Теперь на них уже не действовали ни уговоры, ни угрозы — словно зомби, туранцы тащились в гору, механически переставляя ноги и время от времени подергивая удила бредущих в поводу коней.

Окажись они в этой холодной глуши одни, с этим еще можно было бы примириться; отряд потихоньку миновал бы перевал, после чего воины отогрелись бы на солнце, да и идти под гору уже гораздо легче. Но, вместе с первыми лучами встававшего из-за горных вершин светила, появились и яги. Конан убедился в этом собственными глазами, когда залез на высокий каменный столб в том месте, где взбегающая к перевалу тропа делала плавный поворот. Заметив, что с макушки выбранного им утеса хорошо просматривается нижняя часть тропинки, киммериец велел солдатам не ждать его, устроился на заснеженной скале и вперил взгляд в петлявшую меж серых каменных глыб коричневую ленту.

Как он и думал, за ночь горцы почти догнали их. Однако он не мог предположить, что такие толпы народа сумеют быстро и слаженно продвигаться по узким горным тропам. Сидя в своем укрытии, Конан насчитал не менее трех сотен воинов, принадлежащих, как ему показалось, не одному, а сразу нескольким кланам. И хотя племена ягов нападали не только на подозрительных иноземцев, забредших на их территорию, но и грызлись друг с другом, на сей раз они выступили вместе. Вероятно, враждовавшие меж собой кланы объединились, чтобы отомстить дерзким чужакам, посмеявшим ответить ударом на удар.

Конан слезал со скалы с упавшим сердцем. Если его отряд до полудня не успеет уйти за перевал, то яги сотрут в порошок горстку его обессиленных бойцов... Сам-то он, понятное дело, ускользнет, ибо письмо владыки Кусана должно быть доставлено повелителю Илдизу любой ценой, но и ему придется несладко. Скрываться от жаждущих крови ягов в этих горах, где им знакомы каждый камень и каждая расщелина, весьма рискованное занятие... Решив, что мера эта — крайняя, и до того он постарается сделать все, что надо, для спасения своих людей, Конан повернулся спиной к орде ягов и легко запрыгал по камням вверх — нагонять ушедший вперед туранский отряд.

И все-таки его туранцы, крепкая кость, совершили невозможное! Яги догнали отряд, когда перевал был уже пройден и до свободных от валунов и камней земель, до степи, пригодной для передвижения верхом, осталось всего ничего. Вид валившей сзади орды подстегнул туранцев; они удвоили свои усилия, но зато яги, разглядев наконец так долго ускользавшую от них добычу, просто осатанели. Со звериным рычанием они обрушились вниз по склону, будто вообще не касаясь камней ногами.

Но удача все же не оставила измученных туранских наемников. Миновав последний поворот петляющей тропинки, они вышли к травянистому откосу, убегающему к самой подошве горного хребта. Откос этот вполне годился для передвижения верхом и, испустив слитный торжествующий крик, лучники тут же попрыгали в седла. Вопили они еще и потому, что склон горы вел прямо к полноводной реке, широким ярко-синим шарфом охватившей подножие хребта.

Крича от восторга, солдаты прищипорили коней, но тут же трубный голос Конана перекрыл шум — и людские вопли, и лязг оружия, и топот копыт.

— Все за реку! — ревел киммериец, вздымая на дыбы своего вороного жеребца. — Если мы переправимся на другой берег, эти отродья шакалов пожалеют, что родились на свет!

Настегивая измученных лошадей, туранцы вихрем устремились к реке, и только Конан, придержав коня, остался в арьергарде. Не из-за того, что эта блестящая под солнцем синяя лента показалась ему подозрительной, и уж совсем не потому, что желал сберечь силы своего скакуна; маленькое черное пятнышко, неторопливо плывущее в безоблачном небе — вот что было истинной причиной его замешательства.

— Неспроста это, определенно неспроста, — пробормотал киммериец и, ударив вороного пятками в бока, погнал его вниз по склону.

Окрыленные надеждой уйти от погони, туранцы постепенно отрывались от ягов, но едва отряд достиг того, что с вершины горы казалось речным берегом, среди всадников послышались крики досады. Чуть колыхаясь под

свежим утренним ветерком, перед ними простиралась широкая полоса ярко-синих цветов; во всем, кроме цвета, походили они на обычные маки, что часто растут в предгорьях. Но кони туранцев фыркали и не хотели идти вперед; их чуткие ноздри втягивали источаемый цветами густой медвяный запах, глаза подозрительно косились на этот странный поток, где вместо капель влаги склонялись под ветром чашечки синих маков.

То понукая, а то уговаривая лошадей, туранские лучники все же заставили их войти в цветочную реку. Кони, однако, вдруг порастеряли всю свою резвость; удалившись от горного склона на бросок копы, они поплелись шагом. Только огромный жеребец Конана, казалось, не утратил сил и быстро нагонял пересекающий полосу маков отряд.

Настегивая лошадей, туранцы крутили головами, оглядывались, пытались определить, успеют ли до подхода ягов преодолеть этот поток, так не понравившийся их скакунам. Однако причин для беспокойства вроде бы не было, скорее, наоборот: неумолимо надвигавшаяся орда горцев вдруг остановилась, а затем яги повернули вспять, один за другим скрываясь за седловиной перевала.

Остановились и туранские лучники, сначала не веря своим глазам. Но все больше и больше горцев, повернувшись к ним спиной, устремлялись назад, к перевалу, и туранцы наконец поняли: погоня прекратилась. И тогда из солдатских глоток вырвался такой оглушительный рев, что содрогнулись и горы, и степь, и, казалось, само небо. Вслед отступающим ягам градом посыпались проклятья да насмешки.

Наконец, изрядно натрудив глотки, туранцы развернули коней и не спеша устремились к дальнему концу полосы синих маков. Они ехали на запад; полуденное солнце ласково припекало им спины, а одуряющий цветочный аромат настойчиво бил в ноздри.

— После этой гонки по горам я готов упасть и уснуть прямо здесь, — сказал Джалай-Арт, направив своего коня к едущему впереди Конану. Лицо киммерийца было по обыкновению мрачным, и глубокие морщины пересекали его загорелый лоб.

— Опять чем-то расстроен, мой господин? — участливо спросил десятник. — Но ведь все закончилось хорошо... Все хорошо, хвала Митре!

— Слишком хорошо, — перебил Конан. — Я до сих пор не понимаю, отчего яги выпустили нас... А чего я не понимаю, того странусь! — Выпустив из рук поводья, он вдруг с хрустом потянулся и протяжно зевнул.

— Чего ж не понять, господин, — проговорил десятник, потирая слипающиеся глаза. — Яги, шакалы и трусы побоялись гнаться за нами в степи... испугались наших стрел... Ааахх-ха... — Он тоже зевнул.

— Не думаю, — возразил Конан, но без прежнего задора. — Может, они чего-ли испугались, да только не нас... Чего-то другого...

— А чего? — сонно спросил Джалай-Арт. — Клянусь Митрой, здесь одна трава да цветы... синие, как воды Вилайета... Чего тут пугаться? — с трудом ворочая головой, десятник окинул взглядом залитый солнцем луг и клюющих носом всадников. Усталые кони, будто тихходные ладьи, несли их над цветочными волнами. — Маки... правда... странные... синие... — Джалай-Арт широко зевнул, и голова его бессильно упала на грудь. — Никогда... не видал... таких...

— Эй! — тревожно воскликнул Конан, когда не дававшая покоя загадка вдруг разрешилась словно сама собой. — Эй, Джалай-Арт, сын осла, здесь нельзя спать! Выводи лю... Эй, да что с тобой?

Десятник, считавшийся непревзойденным наездником, вдруг неуклюже вывалился из седла и утонул в синем море колыхавшихся под ветром цветов. И Конан, потянувшийся к нему, внезапно с ужасом ощутил, как непослушное седло скользит куда-то, словно облитое маслом, а уздечка выпадает из рук.

Удара о землю он уже не почувствовал.

* * *

Ему снился все тот же кошмар; он снова был прикован магической силой к железному столбу, а ядовитая тварь все так же неспешно подбиралась к его голове. Ощущая себя беспомощным, как скованный цепями узник, киммериец в ярости кромсал ножом кожаные ремни, стяги-

вавшие его броню, но с каждым ударом кусок лезвия истаявал, превращаясь не то в бурю пыль, не то в хлопья серого тумана.

Рыча и изрыгая проклятья, Конан в неистовстве молотил сапогами по поверхности монолита, все еще надеясь, что ему каким-то чудом удастся преодолеть невидимые узы. Чуда опять не случилось, но все-таки было в этом сне нечто новое: студенистая тварь облепила шлем Конана, однако сползать ниже почему-то не спешила. Вместо этого она выпустила тонкое прозрачное щупальце, которое, словно в раздумьи, покачавшись некоторое время перед глазами киммерийца, ласково прикоснулось к его скуле. И тут, скосив глаза, Конан увидел, как прозрачная ткань щупальца мгновенно сделалась мутно-алой. В голове у него запылал пожар, в ушах зазвенело; щеку как будто прижгли раскаленным железом. Руки киммерийца, вдруг освободившись, сами собой протянулись к разбухшему от крови щупальцу и разорвали его пополам как прогнившую насквозь пеньковую веревку. Конан словно со стороны услышал свой собственный крик, но в последний момент ему показалось, что студнеобразное чудовище кричит вместе с ним...

* * *

Огромная черная тень с пронзительным карканьем сорвалась с его груди. Конан чуть приоткрыл глаза и помотал головой, стряхивая остатки кошмара. Он уже пробудился, но боль в щеке не отпускала, будто ткнули туда кинжальным острием или кончиком стрелы. Киммериец провел ладонью под глазом, и на пальцах его осталось кровавое пятно.

Ворон! Ворон, посланец Крома! Но Кром не вмешивается в дела людей... никогда не вмешивается... И все-таки ворон, птица Крома, разбудил его!

Вместе с мыслью о вороне Конан вспомнил и о том, где он и как здесь очутился. Не раздумывая ни мгновения, он вскочил и, зажав ладонью рот и ноздри, вихрем помчался прочь с этого поля, навевающего кошмарные сны.

Кони, как и положено, оказались выносливей людей. Потеряв своих седоков, они вырвались из объятий мед-

вяного дурмана и теперь паслись за невысоким холмом в каких-то двадцати шагах от губительной маковой реки. Вороной жеребец узнал Конана и добродушно ткнулся мордой ему в плечо.

— Хорошо, что ты здесь, приятель, — пробормотал киммериец, расстегивая подпругу. — Мне понадобится кое-что из твоей сбруи... Ты как, не возражаешь?

Плотная повязка из куска попоны, насквозь провонявшая лошадиным потом, напрочь отбивала дурманящий маковый аромат. Раздвинув заросли синих цветов, Конан обнаружил и своих людей, и своего десятника, свернувшегося клубком на земле; обычно спокойное лицо Джалай-Арта было искажено гримасой ненависти и отвращения, а глазные яблоки под плотно сомкнутыми веками подергивались из стороны в сторону.

— Говорил же я тебе, Джалай-Арт, вороны — мудрые птицы! — под повязкой голос Конана звучал глухо, словно из-под земли. — Не стреляй их и не ешь, ослиная башка!

Теперь он понимал, почему яги предпочитали обходить стороной это место. Разглядев, что туранцы ринулись в маковые поля, они с чистой совестью повернули назад; месть их завершилась, ибо дурман синих цветов был коварней и смертоноснее, чем их клинки. Что ж, они просчитались! По счастливой случайности? Или тут случайностью **и** не пахло?

Забросив на плечо своего помощника, киммериец уже было собрался двинуться к холму, как вдруг эта неожиданная мысль заставила его окаменеть. Потом он поднял голову вверх, нашарил взглядом медленно кружившее в небе черное пятно и пробормотал:

— Может, он твой гонец, Кром, а может, простая птица... Кто знает! Но я все равно благодарен тебе... благодарен, пусть даже ты и не слышишь меня...

* * *

Испустив пронзительный клич, огромная птица взмахнула крыльями и стремительно понеслась навстречу исчезающей вдаль линии горизонта — обратно, на север. В Киммерию.

Полдневное солнце насквозь прожигало песок пустыни, раскаленный воздух дрожал, струился волнами. Конан, коснувшись растрескавшихся губ огромной ладонью, бросил взгляд на бесконечные барханы, уходящие к горизонту. Некоторое время он стоял в неподвижности, безразличный к палящей жаре и жалищим укусам солнечных лучей. Он был почти обнажен; лишь талию охватывали шелковая набедренная повязка да широкий кожаный пояс, отделанный золотом, с которого свисали кривой меч да кинжал. На руках, бедрах и голених киммерийца алели свежие царапины.

У его ног, обхватив колени и уткнувшись в них светловолосой головкой, сидела юная девушка. Кожа ее светилась белизной, резко контрастируя со смуглой дубленой шкурой Конана, легкая туника без рукавов была скорее намеком на одеяние; она не скрывала почти ничего — ни стройной шеи с завитками светлых волос, ни крепких маленьких грудей, ни круглых коленей.

Будто желая пригасить ослепительный блеск пустыни, Конан помотал головой. Затем, придняв кожаную флягу, стиснутую в его сильных пальцах, тряхнул ее, пытаясь определить на слух, много ль там воды. В бурдючке чуть заметно булькнуло, и киммериец, нахмурившись, сжал челюсти; смуглое лицо его потемнело.

Девушка тоже услышала этот звук — не плеск воды, а, скорее, воспоминание о нем. Вздрыгнув, она жалобно простонала:

— Конан! Пить! Пить! — Затем глаза девушки скользнули по раскаленным желтым пескам, и в голосе послышался ужас: — Смерть, одна смерть кругом... О Конан, Конан! Нам не выйти отсюда!

Огромный киммериец промолчал, рассматривая барханы; казалось, он собирается испепелить их взглядом. Так глядит воин на врага — смертельного врага, с которым через миг придется скрестить оружие. В синих зрачках варвара пылали злоба и упрямство.

Потом взгляд его спустился к девушке. Выдернув затычку, он поднес горлышко бурдюка к ее пересохшим губам.

— Пей! — велел он. — Клянусь Кромом, ты можешь пить, пока я не скажу. Пей!

Она глотала теплую воду скупыми крохотными глотками и пила до тех пор, пока бурдюк не опустел. Лишь потом тусклые ее глаза вспыхнули; она поняла, что воды нет и больше не будет.

— Конан! Зачем ты это сделал, Конан? Я выпила все, все! И тебе не осталось ни капли!

Выпрямив спину, киммериец отшвырнул пустой бурдюк.

— Выпила, так не ной! — буркнул он. — Побереги силы, Натала.

— Но ты же не сказал, нет... не сказал... — на глаза девушки навернулись слезы.

Не обращая на нее внимания, Конан застыл, выпрямившись во весь рост, похожий на исполинскую статую из потемневшей бронзы. Взгляд его, устремленный к горизонту, к таинственной багровой завесе, дрожавшей над песками, был полон ненависти. Казалось, он чувствует, что свет земной скоро сменится для него вечным мраком и холодом, но варварский нрав киммерийца, упрямый и нестигаемый, не желал мириться с гибелью. Сила еще не оставила его, но он не строил иллюзий; он знал, что без воды яростное солнце иссушит его плоть за день или два. И ему было ясно, что первой жертвой станет светловолосая Натала, совсем уже обессиленная. Убить ее самому? Смерть от меча, стремительного, как проблеск молнии, милосердной мучительной гибели от жажды... Один удар, только один... И он не увидит ее страданий, не будет бессильно глядеть, как она теряет разум, стонет, хрипит, пытается зачерпнуть ладошкой пригрезившуюся воду...

Клинок киммерийца начал выползать из ножен — медленно, очень медленно, на палец за один вздох.

Вдруг рука варвара дрогнула. Из раскаленного воздуха взгляд Конана неожиданно выхватил едва различимый силуэт городской стены.

«Пригрезилось, — подумал он с досадой. — Мираж... очередной подарок коварной пустыни...»

Будто желая разубедить себя, киммериец приложил руку к глазам, слезящимся от солнца. Вот сейчас заманчивое видение поблекнет и растворится в воздухе... Но вопреки — или, скорее, соответствуя тайным желаниям Конана, городские башни и луковицы минаретов обретали все более четкие контуры.

Девушка, заметив волнение своего спутника, привстала на ноги и устремила взгляд, полный надежды, к горизонту.

— Что там такое, Конан? — прошептала она едва слышно. — Оазис? Неужели мы спасены?

Киммериец не спешил с ответом. Он протер полуослепшие от палящего солнца глаза, затем еще раз недоверчиво покосился на город. Видение не исчезало, оставалось неподвижным в мерцающем мареве.

— Кром! Что бы там ни было, надо идти, — сказал он, подхватывая на руки легкую, словно перышко, Наталу.

— Пусти меня, Конан, — запротестовала она слабым голосом. — Я могу идти сама.

— Нам надо спешить, — отрезал киммериец. — Кругом камни, ты можешь порвать свои сандалии. Успеть бы добраться к городу до заката...

Надежда на спасение влила новые силы в стальные мышцы варвара. Он перелетал с бархана на бархан, попирая крепкими ногами раскаленный песок. Теперь каждый его шаг становился осмысленным — варвар из варваров сражался за свою жизнь.

Конан и Натала с трудом уцелели после разгрома армии мятежного принца Альмурика. Много бед принесло его буйное пестрое воинство, которое вихрем промчалось по королевству Шем, утопив в крови северную границу Стигии. Затем орда вторглась в Куш, где ее и постигло поражение. Армии стигийцев и кушитов соединились и на краю южной пустыни взяли неприятеля в кольцо. Подстегиваемые чувством справедливой мести и скорой добычи, воины не щадили никого. Киммериец успел ухватить мечущегося по полю сражения верблюда, закинул на него девушку, прорвал ряды неприятеля и устремился по единственному возможному пути — в пустыню.

Натала была родом из Бритунии. Конан увидел ее случайно на невольничьем рынке в одном из шемитских городов, захваченных ордой Альмурика. Светловолосая пленница обожгла варвара презрительным взглядом.

«Эта малышка мне по душе», — сказал себе киммериец.

Он взял ее, ни у кого не спрашивая на то дозволения, как поступал всегда, когда ему хотелось.

«Лучше варвар из Киммерии, чем шемитский сепаль», — с радостью подумала юная рабыня. Для гордых северных женщин судьба одалиски была худшим из всех возможных зол.

Но теперь жизнь и судьба обоих беглецов висели на волоске. Несколько ночей Конан и его спутница не смыкали глаз, уходя от погони. Когда стигийцы наконец отстали, им стало ясно, что обратной дороги нет. Вокруг расстилались раскаленные пески Туранской пустыни, и надежда на спасение таяла, как мираж.

Верблюда, их живой корабль, долго носило по горячим песчаным волнам, пока он не пал замертво. В полузабытьи, под палящим солнцем, беглецы продолжили свой путь пешком. Девушка была сильной и выносливой, но справиться с жесточайшей жаждой ей становилось все труднее и труднее. Увязая по щиколотку в горячем песке, она чувствовала, как едва пульсирующие жизненные силы покидают ее.

Тощотворный туман и тупое безразличие обволакивали мозг Конана, но из последних сил, стискивая зубы, он упорно брел дальше и дальше.

Зов неожиданно выплывшего из знойного марева города был так силен, что инстинкт подсказал варвару: это не мираж! Что ждало их там? Новые враги? Скорее всего, так... Но с ними можно сразиться! Жажда битвы внезапно охватила киммерийца, вдохнув в него новые силы.

Солнце уже висело низко над горизонтом, когда они погрузились в прохладную тень огромных закрытых створок городских ворот. Перед ними, на высоту не менее тридцати футов, возносились крепостные стены — зеленые, они блестели, словно были отлиты из стекла. Конан быстро взглянул вверх, но ничего подозрительного не заметил. Странно, уж не заснула ли стража? Он ударил себя кулаком в грудь и испустил вопль, способный раз-

будить мертвых. Но ответом была тишина. Варвар ударил в ворота рукояткой меча, однако лишь гулкое эхо отозвалось и тут же утонуло в песках. Натала, напуганная странным заговором тишины и эха, мгновенно насторожилась, увидев, как ее спутник навалился всей тяжестью на ворота, и те вдруг без скрипа начали открываться. Конан тут же отскочил и прижался к стене, ожидая внезапного нападения.

Крик девушки разорвал напряженную тишину. Варвар глянул туда, куда она указывала дрожащей рукой, и увидел лежащего за воротами человека. Ничего особенно киммериец в нем не отметил, разве что кожа незнакомца была слегка желтоватой и глаза немного раскосыми. На нем была пурпурная шелковая туника, ноги обуты в плетеные сандалии, к поясу приторочен короткий меч в ножнах, украшенных золотом. Медленно, в раздумье Конан перевел взгляд с тела на просторную площадь, окруженную постройками — они, как и стены, сияли зеленоватым светом. За ними возносились стройные башни минаретов. И нигде — ни души!

Посреди площади возвышался колодец. Вода! Подхватив на руки Наталу, Конан устремился к спасительному источнику. Ворота за ним захлопнулись.

— Может, он живой? — с опаской спросила девушка, оглядываясь на неподвижное тело желтокожего.

Несмотря на то, что киммериец опустил девушку и вернулся к незнакомцу, коснулся тела: оно было холодным, как лед в северной стране Имира.

— Нет, он не ранен. Убит! Мертв, как Альмурик, настигнутый стигийскими стрелами... Ну, довольно! Теперь мы можем наконец напиться, малышка. Клянусь Кромом, я готов осушить весь колодец!

В добрых сорока локтях внизу блестело зеркало воды, но ни веревки, ни подходящей посуды не нашлось. Крик девушки прервал его бесплодные поиски.

Конан резко повернулся — на него летел, вздымая над головой короткий меч, неожиданно воскресший мертвец. Оружие киммерийца было подобно молнии: клинок со свистом рассек воздух, и голова атакующего покатилась по каменным плитам. Фонтан крови ударил из переруб-

ленной шеи, тело мгновенно обмякло; желтокожий, не выпуская из рук меча, рухнул на землю.

— Вот теперь ты точно подох, отродье Нергала! — рывкнул киммериец, потом принялся оглядываться по сторонам. — Что-то нечисто в этом городе, — задумчиво пробормотал он.

Натала, потрясенная увиденным, бросилась к Конану на грудь и зашлась в рыданиях.

— Мы погибнем здесь, Конан! Нам не простят того, что ты сотворил!

— А что мне было делать? Ждать, пока этот безумец отправит нас на Серые Равнины?

Он напряженно вглядывался в стены домов, но странный город по-прежнему хранил зловещее молчание.

— Видишь — никого, — попытался успокоить девушку киммериец. — Желтокожую тварь я спрячу.

Легко подняв одной рукой обезглавленное тело, а другой схватив за длинные волосы отрубленную голову, он потащил свою страшную ношу к колодцу.

— Мы не смогли напиться, — хрипло расхохотался варвар, — так хоть ты похлебай вдосталь!

С этими словами он швырнул тело и голову в колодец. Из темной глубины донесся глухой всплеск.

— А кровь, Конан! На камнях осталась кровь! — прошептала девушка.

— Кровь прольется снова, если я сейчас не напьюсь, — угрожающе произнес варвар: жажда и голод почти довели его до иступления. — Пойдем! Должен же быть здесь хоть кто-то живой!

— О, Конан! — Девушка все теснее прижималась к его могучей груди, стараясь унять дрожь. — Это город духов, призраков и трупов! Уйдем отсюда! Лучше погибнуть от жажды в пустыне, чем сражаться с нечистью!

— В пустыню, как же!.. — яростно пробормотал Конан. — Не раньше, чем меня сбросят с этих стен! Я найду воду, даже если придется поотрубить все головы в этом проклятом городе!

— А вдруг они опять отрастут? — робко спросила Натала.

— Тогда я буду спихивать их, пока не покончу со всеми! Держись за моей спиной и не делай ничего без приказа.

— Как скажешь, мой господин, — едва выдохнула девушка.

Смертельно перепуганная Наталя явно переусердствовала в выполнении приказа киммерийца: она неотступно следовала за ним, почти наступая на пятки.

Медленно сгущались сумерки. Дневной свет растворился в лунной голубизне.

Пройдя немного вперед, они очутились перед громадой дворца. Миновав арку, уставшие путники оказались в большом зале, пол и потолок которого покрывал стекловидный зеленоватый камень, а стены — шелковая, украшенная фантастическими узорами ткань. На устланном пушистыми шкурами полу были беспорядочно разбросаны атласные подушки.

Сквозь стеклянную дверь с замысловатым орнаментом виднелась следующая комната. Неторопливо Конан с девушкой прошли череду похожих друг на друга покоев. Казалось, во дворце никого нет. Но киммериец, чувявший опасность, словно зверь, подозрительно поглядывал по сторонам. Его неотступно преследовала мысль, что здесь, за минуту до их появления, кто-то побывал. Вот софа — она еще хранит тепло человеческого тела... Глубокая вмятина на атласной подушке подтверждает, что с нее только что встали...

В воздухе, наполненном незримыми тенями, плавал сладкий аромат благовоний, словно некая мистическая аура окутывавший дворец. Полусонное состояние постепенно охватывало Конана: все происходящее казалось плодом больной фантазии.

Крик Наталы заставил варвара встрепенуться и принять боевую стойку.

— Чего ты вопишь? — рявкнул он, никого не обнаружив рядом, кроме судорожно вцепившейся в него девушки. — Никогда не хватай меня так, шею сверну!

— Посмотри! — не слушая Конана, она тянула дрожащую руку.

Киммериец судорожно сглотнул. На матово поблескивающем столе из черного дерева сияла золотом посуда, полная еды. В кубках искрилось вино.

— Пир! — заревел в восторге варвар. — Какой пир мы сейчас закатим!

— Остановись! Мы не тронем здесь ничего, — произнесла в смятении девушка. — Вдруг кто-нибудь сейчас войдет...

— Лир ан маннанам ман лир! — разразился Конан самым страшным из известных ему ругательств и, схватив Наталу за талию, швырнул ее на позолоченное креслице, стоявшее у края стола. — Тут кишки от голода змеями скручиваются, а она неизвестно чего боится! Ешь, девчонка! Приказываю!

В тот же миг он плюхнулся в кресло у противоположного конца стола, схватил кубок и несколькими глотками осушил его. Этот пурпурного цвета напиток с каким-то экзотическим привкусом действовал подобно дождю, оросившему иссохшее растрескавшееся плато пустыни. Опыляющий аромат струился от яств, коими щедро был уставлен стол. Словно на заклятого врага, в исступлении набросился варвар на пищу. Яростно рвал он руками куски мяса. Кости трещали под натиском его крепких зубов. Манеры его спутницы тоже вряд ли сочли бы приемлемыми в изысканном обществе, если б увидели, с какой скоростью исчезают в ее маленьком ротике кушанья со сказочного стола.

На мгновение в голове бешено работающего челюстями Конана промелькнула мысль: «А что, если еда и вино отравлены?» Но здравый смысл подсказывал киммерийцу, что лучше быстро умереть от яда, чем медленно — от голода.

Насытившись, Конан поудобней откинулся в кресле и устало прикрыл глаза. Что ж, раз в доме есть свежая еда и питье, значит должны быть и люди, промелькнуло у него в голове. В обволакивающей неге умиротворения продолжил он свои раздумья. Кто знает, быть может, в каждом из этих темных углов притаился враг... Впрочем, имея силу в кулаках, стоит ли об этом беспокоиться?

Ни изысканная еда, ни питье не смогли усыпить тревоги Наталы. В отличие от своего спутника она и не помышляла о сне. Смутное предчувствие заставляло девушку напряженно глядываться в темноту: от каждой арки и каждого окна тянуло холодом могильных плит. Стены дворца, окутанные зловещей тайной, хранили тягостное молчание. Мучительное ощущение полного оди-

ночества, словно в каком-то склепе, подтолкнуло Наталу к дремлющему киммерийцу. Она потрясла полусонного гиганта за плечи.

— Пойдем же, Конан, пойдем отсюда! — взмолилась девушка. — Я чувствую здесь присутствие зла!

— Замолчи, ничего плохого с нами не бу...

Едва уловимый шорох оборвал киммерийца на полуслове. В следующее мгновение звук этот, во сто крат усиленный, прорвал тишину рокотанием грома. Конан стремительно вскочил и уже держал меч наготове. Взгляд варвара был прикован к стене, скрывающей тайну устрашающего грохота. Бесшумно и осторожно он двинулся вперед; Натали, дрожа всем телом, неотступно следовала за своим защитником.

Они остановились на пороге соседнего зала, где варвар застыл, как лев перед прыжком. Их глаза, постепенно привыкшие к темноте, уловили очертания высившегося у стены предмета, похожего на саркофаг. В нем кто-то лежал. Шаг за шагом Конан и девушка приблизились к усыпальнице.

— Клянусь Кромом, это тот бедолага, которого я спустил в колодец, — прошептал Конан, холодея от тягостного предчувствия.

Однако, присмотревшись, они обнаружили, что одежда лежащего в саркофаге отличалась большей пышностью, чем одеяние обезглавленного — она была сплошь усыпана золотом и драгоценными камнями, и в скудном свете, проникавшем из соседнего зала, мерцала, словно россыпь небесных звезд.

Где-то рядом послышался шорох. Конан отскочил в сторону, потянул за собой девушку.

Они видели тень, отбрасываемую на стену саркофагом и замершей в нем фигурой. К ней медленно и неотвратимо подбиралась еще одна тень, иная: бесформенная, громадная и такая черная, что сердце киммерийца сжала холодная рука ужаса. Он никогда не видел ничего подобного: эта тень не принадлежала ни человеку, ни иному созданию. Тяжелым черным облаком она обволокла лежавшего, вспучилась на стене огромным пузырем и тут же опала. Так же плавно и лениво, как и появилось, черное

пятно сползло вниз, открывая очертания ложа: тело исчезло.

Ничто в подлунном мире не могло напугать хладнокровного киммерийца, но увиденное им сейчас относилось вовсе не к этому миру.

Конану пришлось привести в чувство свою бритунку, хлопнув ее по щекам — от ужаса девушка упала в обморок.

Но любопытство пересилило страх, и они вновь приблизились к злосчастному месту. Обитое шелком возвышение было пусто, и лишь в изголовье ткань быстро впитывала каплю алой, ярко поблескивающей крови. Только что здесь лежал человек, и вот он исчез, поглощенный неведомым чудовищем, вызывавшем в сердцах людей древний животный ужас. Какие же мрачные силы скрываются в бесчисленных закоулках это треклятого дворца?

Варвар потянул девушку за руку: «Скорей! Подальше отсюда!», но тихий шелест шагов, послышавшийся невдалеке, заставил их замереть. К ним кто-то приближался, мягко ступая босыми ногами.

Тяжелая шелковая занавеска, закрывающая вход в зал, в котором они недавно пировали, отодвинулась, и перед ними предстал человек, удивительно похожий на двух уже виденных в этом странном городе. Он был столь же высок и плотен, в пурпурной тунике, перетянутой в талии расшитым золотом и драгоценностями кушаком; на поясе у бедра висел короткий меч. Равнодушен и скучен был взгляд янтарных глаз незнакомца, и рука его не касалась эфеса меча. И голос его был безразличным, когда он произнес несколько слов на незнакомом Конану языке.

Киммериец заговорил по-стигийски. Ответа не последовало, но блуждающий взгляд незнакомца оживился и дрогнул, наткнувшись на юную бритунку.

— О божественное создание! — Голос его внезапно дрогнул от страсти, с непривычным акцентом выговаривая стигийские слова. — Ты прелестней всех, кого мне доводилось видеть! В какой из благословенных стран родилась ты, златовласая красавица? В Андарре, Тотре или, быть может, в сверкающей звездами державе Кут?

— Что ты несешь, позолоченный болван? — прервал его киммериец, не выносивший пустых речей.

Не обращая на него внимания, мужчина восторженно продолжал:

— Воистину, мне снились многие красавицы, стройные и грациозные, словно газели в прекрасных заоблачных садах! Но ни одна из них не может затмить тебя, о царица моих снов, услада моей души! Твоя кожа белее молока, глаза прозрачней, чем горный воздух, ты слаще нектара! Так иди же ко мне, и взойдем на мое ложе, мягкое, как лебяжий пух!

Легким танцующим шагом незнакомец шел к девушке, протягивая руки, но мощный кулак Конана заставил его отскочить, зашипев от боли. Он изумленно воскликнул:

— Что это! Как ты посмел прикоснуться ко мне — в моих же снах? Негодяй! Убирайся с глаз моих! Приказываю тебе: растворишься! Исчезни!

— Сейчас ты сам исчезнешь, клянусь печенью Крома! — рывкнул разъяренный киммериец, и в его руке блеснул меч. — Разве так встречают гостей?

— Во имя Тога! — вскричал пришелец, и глаза его стали осмысленными, полными удивления. — Ты живой! Живой! Значит, вы оба существуете на самом деле... Но как вы попали в Ксутал?!

— На закате, чуть живые от голода и жажды, мы миновали городские ворота. Мы не нашли тут ни единой живой души, но обнаружили еду и питье. Да, хоть нам и нечем заплатить, но мы утолили и голод, и жажду. У меня на родине гостя, даже незваного, прежде всего кормят. Хотя ваших обычаев я не знаю. У вас, людей теплых стран, все наоборот... Но мы не причиним никому зла! Мы явились из пустыни, там же и исчезнем... — Конан махнул мощной рукой и пробормотал: — Кром, не лежит у меня душа к городу, где трупы носятся по улицам, размахивая мечами, а мертвецов пожирают какие-то дурацкие тени...

От последних его слов лицо незнакомца вытянулось, в глазах появился неопределимый ужас.

— Что ты сказал? Какие тени? — прохрипел он, сжимая рукоять меча.

— Нергал их разберет... Тени или не тени, что-то такое... Тут в саркофаге лежал один, похожий на тебя. Вдруг накрыло его ползучее черное пятно, потом исчезло, а от человека осталась лишь капля крови...

Не успел Конан закончить, как незнакомец с визгом бросился прочь. Ничего не видя от ужаса, он наткнулся на стену, упал, тут же вскочил и, не разбирая дороги, припустил, стеной во весь голос.

Киммериец, изумленный, застыл на месте; девушка в отчаянии цеплялась за его руку. Крики сбежавшего удалялись, им вторило эхо, отражавшееся от сводов бесчисленных залов. На высокой ноте человеческий крик внезапно оборвался. Все стихло.

— О Кром! Этот город воистину проклят! — Конан отер со лба холодный пот. — Надо уносить отсюда ноги!

— Призраки... — на глаза девушки навернулись слезы. — Призраки! Тут все мертвы, и мы мертвы тоже! Мы умерли еще там, в пустыне, и здесь наши души стали призраками... Духи! Мы — духи!

Она зарыдала в голос, и варвар, гневно нахмурившись, приложился широкой ладонью ей пониже спины.

— Призраки не волят, как ты, — с раздражением бросил он. — Но мы станем призраками, если будем торчать здесь. Идем, Натала!

Но едва они переступили порог следующего зала, как послышались приближающиеся шаги. Звериное чутье варвара уловило в воздухе тонкий запах благовоний; зрачки его тревожно расширились, мышцы напряглись. Под аркой показалась неясная женская фигурка.

Когда незнакомка приблизилась, Конан разглядел прекрасную девушку. Черные, полные тайной неги глаза удивленно взирали на пришельцев; длинные ресницы трепетали, черные волосы тяжелой волной струились на плечи, оттеняя сиявшую белизной кожу. На ней была только узкая набедренная повязка из бисера, усыпанная драгоценными камнями.

У варвара перехватило дыхание, столь ослепительна была эта черноокая красавица. Овал лица выдавал в ней стигийку — хотя, насколько помнилось Конану, стигийки никогда не обладали столь белой кожей.

— Кто вы? — хрустальным колокольчиком прозвенел высокий чистый голос.

— Кто ты? — вопросом на вопрос ответил варвар, пожирая незнакомку взглядом.

— Меня зовут Талис, и я родом из Стигии. Но какими судьбами вы попали в этот город? Сюда не являются по доброй воле! Такого просто не может быть!

— Не может быть? — зло фыркнул киммериец. — Значит, всего, что мы здесь видим, не может быть... Интересно! Ну, а что до нас, то мы пришли сюда вовсе не по доброй воле и собственному желанию. Мы притащились сюда полумертвыми от голода и жажды! И увидели, что у ворот валяется труп — тот самый, что через пару вдохов гонялся за мной с мечом в руках. В пустом же дворце столы ломились от яств, но ни слуг, ни хозяев не видать. А тех, кого видать — тех утаскивает какая-то тень... Накрывает и утаскивает!

От внимательного взгляда киммерийца не ускользнуло, что лицо девушки при этих словах сделалось бледней снежных ванахеймских равнин. Преодолевая страх, стигийка спросила:

— Тень? Какая тень?! Говори, я жду!

— Хмм... Я тоже жду. Жду, когда ты завопишь и бросишься наутек, как твой приятель, золоченый болван в пурпурной тунике. Ему я поведал то же самое, и он умчался, вопя, как подстреленный заяц.

— Он безумец! Почему он так орал? — девушка пожала точеными плечами. — Когда приходит Тог, от него не убежишь, как не скроешься и от судьбы.

— Что еще за Тог? — быстро спросил Конан, стиснув рукоять меча.

Талис уже оправилась от страха и, оценив мощь и стать пришельца, бросила на него откровенно зазывный взгляд.

— Присядем на софу, воин, и я расскажу тебе обо всем. Но прежде назови свое имя — и имя твоей спутницы.

— Я — Конан, и родина моя зовется Киммерией; она — Натала, бритунка. И мы не собираемся тут расслаиваться и ждать, когда эта мерзкая тварь свалится нам на головы.

Звонкий смех и томный взгляд были ему ответом. Талис, плавно покачивая бедрами, грациозно опустилась на мягкое ложе и с напускным смирением в голосе заговорила:

— Бежать от Тога? Ты хочешь бежать от Тога, киммериец? Напрасный труд! Те, кого вы видели, тоже не обманули свою судьбу.

Конан, настороженный, с обнаженным мечом, все же присел на край софы. Натала примостилась рядом, поджав ноги. Она искоса посматривала на черноволосую стигийку, взгляды которой, обращенные к Конану, становились все более откровенными. Наконец между мелких ровных зубов Талис показался кончик розового язычка; движение, которым она лизнула свою верхнюю, красиво очерченную губку, было столь недвусмысленным, что темный румянец гнева залил щеки бритунки. Она вдруг почувствовала себя белой бесцветной молью рядом с великолепной бабочкой.

Талис продолжала:

— Ксутал — древний город, Конан. Много веков назад одно из племен, кочевавших в пустыне, набрело на этот оазис и решило навсегда поселиться в нем. Никто из жителей уже не помнит, когда это случилось...

— Жители? Какие жители? Значит, здесь все-таки есть люди?

— О могучий варвар, живущих здесь гораздо больше, чем ты думаешь! Но, впрочем, не слишком много. В этом городе, в кольце крепостных стен стоит на самом деле одно-единственное здание. Все постройки соединены тысячами коридоров, лестниц и бесчисленных переходов. И хотя живут здесь сотни людей, но залов и комнат такое множество, что можно век бродить среди них, не встретив живой души...

— Почему? — брови Конана удивленно приподнялись.

— Прекрасные сны, сны более реальные и куда более чудесные, чем сама жизнь — вот удел здешнего народа. Сны черного лотоса... Тебе же доводилось слышать о нем? Предки ксуталийцев, потомки древней расы, владели многими необыкновенными искусствами, в том числе и умением приготавливать из сока лотоса порошок, несущий не смерть, а забвение — сны, фантастические, красочные, уносящие человека в мир грез... Теперь обитатели города

жиут этими снами, лишь изредка возвращаясь в мир живых, чтобы поесть, напиться, заняться любовью... Ксутал — город снов, Конан из Киммерии!

— Кром! Но что же едят эти бездельники? Ведь в округе нет ни обработанных полей, ни виноградников... Где тут сады, стада? Откуда берется мясо и вино?

— О, обилие пищи и чудного вина — дар мудрых предков, умевших создавать все, что им заблагорассудится, из воды и воздуха. И, не сгуби их лотосовые сны, кто знает, до чего бы они додумались... Ксуталийцам повезло, что город их был уже построен, прежде чем все они — все поголовно и без оглядки! — пали жертвой черного лотоса. И лишь толика древних знаний, большая часть коих давно утрачена, еще служит людям... Вот как этот алмаз: потри его пальцем, и он загорится, потри еще — погаснет... Да и зачем им знания в их похожих на смерть снах?

— Значит, тот мертвец у ворот... Он просто спал? — спросил киммериец.

— О да, тут нет сомнений! Чудные видения дарит сок лотоса, но пока душа странствует в заоблачных далях, человек становится подобен мертвецу. Они все тут несут стражу по очереди, таков обычай... И этот бедняга был стражником. С тех пор, как была построена крепостная стена, ни одному чужаку не удавалось пройти через городские ворота без дозволения. Но не тебе, могучий варвар! Хотя чему тут удивляться, — лукаво закончила Талис, — ведь даже стражники, которым надлежит бодрствовать, предпочитают погружаться в грезы...

— А где остальные? Где те сотни горожан, о которых ты говорила? — допытывался Конан.

— Спят. Они спят на софах, на обитых шелком оттоманках, на пушистых шкурах, на мягких подушках. Спят, сложив руки на груди, спят...

Тошнота подкатила к горлу варвара, когда он представил сотни тел, распростертых в бесчисленных покоях, глядящих остекленевшими глазами в мрак и тишину, беспомощных и равнодушных к жуткому мороку, бродящему где-то рядом...

— Что за тень сожрала одного из спящих? — спросил он.

Стигийка вздрогнула.

— Это Тог! Тог, древнее божество, чтимое жителями Ксутала многие столетия. Его обитель глубоко под землей, но никому не ведомо, когда и откуда он появился. Всегда ли он жил под землями оазиса или пришел с предками ксуталийцев... Время от времени поднимается он тайными ходами в город, и горе тому, кто встретился ему на пути! Ненасытна утроба его!

— О Кром! — ошеломленно воскликнул киммериец. — А эти, твои ксуталийцы, так и лежат, словно связанные бараны, пока демон их пожирает?

— Кто смеет отказать богу в причитающейся ему жертве? И в Стигии убивают людей на алтарях во славу богов, и любой может угодить под нож жреца! А тут бог сам выбирает себе жертву, сам приходит за нею.

— Клянусь Кромом, у нас людей в жертву не приносят! И хотел бы я посмотреть на жреца, решившего резать киммерийца! Вряд ли такому выродку помогли боги! Пролилась бы кровь на алтарь, но чья, как ты думаешь?

Ласков и вкрадчив был смех Талис.

— О, как ты красив в гневе, варвар! Но не забывай, Тог — древнее божество, алчущее кровавых жертв. Здесь не Киммерия!

Конан, однако, не мог успокоиться

— Лежать и спать... Что за безумие? Дрыхнуть, зная, что можешь проснуться в брюхе у чудища!

— Такова их судьба, — лениво потянулась Талис, демонстрируя пышную грудь с темными, набухшими сосками. — От некогда многочисленного народа остались лишь сотни... а через несколько поколений останутся единицы — несколько сонных ксуталийцев. И Тог придется искать новый город или убираться в преисподнюю, откуда он явился. Горожане знают об этом... Но власть лотоса сильнее жажды жизни, и никто из них даже не помышляет о бегстве, хотя у них остались старинные пергаментные карты. По ним видно, что в дне пути есть еще оазис, а за ним — другой, а там и край пустыни... Однако уже несколько лет никто даже не выходит за стены Ксутала. Жителей его погубили безделье и лотосовые сны. Они похотливы и сладострастны, и не знают удержу в стремлении к наслаждениям. Их разнузданные оргии не-

возможно описать! Лишь однажды мне довелось видеть перепуганных горожан. Их переположило известие, что Тог покинул свое подземелье...

О, тут они проснулись! Они метались по улицам, рвали на себе одежды; они, словно слепые, натыкались на стены и друг на друга, пока все не сгрудилось у городских ворот. И что ты думаешь, они покинули город? Ничего подобного! Посовещавшись, горожане бросили жребий, и, связав несчастную жертву по рукам и ногам, оттащили в одну из комнат. Но Тог не насытился столь малой данью, и они смирились со своей судьбой.

Натала не выдержала: вцепившись в плечо киммерийца, она попыталась сдвинуть его с места, воскликнув:

— Бежим отсюда, Конан! Бежим скорее!

— Еще не время, — отмахнулся варвар. Он не мог отвести взгляда от раскинувшегося рядом на софе соблазнительного тела стигийки. Да и собственная набедренная повязка не позволяла ему встать: слишком тонка, чтобы скрыть тот интерес, что испытывал он не только к расказу прекрасной собеседницы.

— А что тебя занесло сюда, Талис?

Руки девушки утонули в густой черной пене волос. Она откинула их назад и, медленно опустив руку, хорошо рассчитанным жестом провела ладонью по крутому бедру.

— Еще ребенком меня похитил из отчего дома один из стигийских принцев-мятежников. В надежде основать собственное королевство, он шатался по свету с бандой черных кушитов, стрелкой из лука. Но его честолюбивые мечты погибли в пустыне, где он в конце концов заблудился вместе со своими людьми. Жизнью я обязана одному из лучников: он пожалел меня, привязал к спине верблюда, и славное животное притащило меня, полумертвую, к городским воротам и выпустило дух. Меня нашли почти засыпанной песком, принесли в город и отпоили вином. У них, у этих ксуталийцев, есть божественный напиток, обладающий чудесными свойствами: он затягивает раны, восстанавливает силы, спасает от ядов. Благодаря ему я и выжила. Я не знала их языка, но очень скоро многие мужчины выучили мой. О, недостатка в учениках у меня не было! Ради меня они готовы были

бросить не только свои богатства и жен, но и самое дорогое — свои сны!

Она вызывающе рассмеялась, окинув киммерийца жадным взглядом.

— Их женщины красивы, очень красивы, но кожа слишком желта, а веки припухли от сна. Я же нравлюсь здешним мужчинам, — прежде всего потому, что я — другая, и меня не влекут лotosовые грезы, хотя я их тоже вкусила. Предпочитаю явь, какой бы они ни была — тем более, что ксуталийцы охочи до женских ласк и знают в них толк. В своем вождении они ненасытны и изобретательны. Боюсь, твоей подружке не выдержать безудержной похоти ксуталийцев, когда они дорвутся до ее тела. Она слаба, и лучше убей ее сейчас, избавь от мучений! Ты слышал о мистериях в честь богини Деркетто? Так вот, ее жрецы — невинные дети по сравнению с этими людьми, чья жизнь проходит в снах и оргиях!

— Дерьмо! Дерьмо Нергала! — презрительно сплюнул варвар.

— О, это дело вкуса, — игриво усмехнулась Талис, опуская глаза.

— Ладно, нам пора, — Конан поднялся, оправил свою набедренную повязку. — Только время зря тратим! Лучше уж глотать песок пустыни, чем околачиваться в этом злосчастном городе. Здесь смердит, как в заднице Нергала!

Натала сорвалась с места, готовая идти куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Плохо зная стигийский, она, тем не менее, поняла достаточно, чтобы узнать об ожидающей ее судьбе.

— Выведи нас отсюда, Талис, — не сводя вожака с себя взглядом, бросил Конан.

Отлично понимая суть этих взоров, она томно потянулась и, поднявшись с грацией туранской кошки, пошла вперед, покачивая соблазнительными бедрами.

Стигийка вела их по незнакомым залам, и скоро в сердце варвара закралось подозрение, что дело нечисто. Наконец они остановились в небольшом покое, украшенном гобеленами и слоеной костью. Посреди комнаты тихо журчал фонтан.

— Ополосни личико, милая, ты вся в пыли, а в волосах песок.

Пренебрежение, прозвучавшее в голосе Талис, заставило Наталу покраснеть. Однако совет был неплох, и она направилась к фонтану, откинув назад свои длинные светлые волосы.

— О Кром! К чему это? Как только мы окажемся за воротами, ты опять превратишься в замарашку! Ну, женщины, вам Тог не Тог, лишь бы покрасоваться!

Варвар рассмеялся и повернулся к Талис.

— Ты дашь нам еды и питья на дорогу?

Та вместо ответа прильнула к нему жарким телом, обвив руками бедра великана. Пьянящий аромат ее волос щекотал ноздри варвара, а бархатная кожа и умелые движения опытных рук кружили голову. В ушах звучал горячий шепот:

— Куда ты пойдешь, киммериец? Я, я буду твоей пустыней и твоим оазисом! Со мной тебе не понадобится ни еда, ни питье, ты узнаешь сокровенные тайны Ксутала — тайны любви! Ты могуч, о мой варвар, ты великолепен! Ты не чета этим соням, я хочу тебя, хочу каждой частичкой своей плоти! Забудь обо всем, останься со мной, и я сделаю тебя королем Ксутала!

Руки Талис обхватили шею Конана, стройные ноги обвили бедра. Разметавшиеся волосы укрыли ее белоснежные плечи. Желание огнем опалило варвара... Но огонь этот тотчас был погашен.

Взбешенная Натала схватила нефритовую чашу, стоявшую на краю фонтана, зачерпнула воды и выплеснула ее на готового потерять голову киммерийца.

— Ополоснись и охладись! А заодно — раскрой пошире глаза!

Очи ее метали молнии, лицо исказила гримаса гнева.

Стигийка отпрянула от киммерийца, задев голым плечом гобелен, и вдруг вскрикнула, указывая на что-то за спиной Конана.

— Взгляни!

Мгновенно обернувшись, он выхватил из ножен меч, но никого не увидел. Сзади раздался приглушенный шум и скрип закрывающейся двери. Крутанувшись на пятках, варвар развернулся, готовый отразить нападение неведо-

мого врага... Но никто не собирался на него нападать, а обе девушки исчезли.

Лишь покачивался гобелен на стене.

2

Обманув Конана, коварная стигийка, быстрая и ловкая, словно пантера, стремительным движением зажала одной рукой рот Натале, а другой, обхватив девушку за талию, резко рванула ее в открывшуюся потайную дверь.

Оказавшись по ту сторону стены, Талис оттолкнула бритунку и замкнула створки. Кромешный мрак окутывал их. Натала закричала.

— Ори, ори, моя милая, скорее сдохнешь! — язвительный смех Талис пронзил темноту.

— Что тебе нужно? Что ты делаешь? — в страхе прошептала Натала.

— О, ничего! Ровным счетом ничего.

Утративший мелодичность голос Талис был злым и шипящим.

— Я просто оттащу тебя, стерва, вниз по этому коридору, а там за тобой придут... Придут обязательно, а ты лежишь и подождешь немного, и тебе хватит времени подумать, зачем принялась мне мешать. Киммериец мой, и не тебе, дурнушка, становиться на моем пути! Ты исчезнешь, и в моих объятиях он даже не вспомнит о тебе.

— Да он горло тебе перегрызет! — Вера Наталы в ее спасителя была безгранична.

Смех, глумливый и надменный, был ей ответом.

— О, я-то буду в объятиях Конана, но и тебя ожидают другие ласки — ласки жениха из бездны!

Страх придавал Натале силы. Она отбивалась от стигийки, но та заломила ей руку за спину и, ухватив за длинные волосы, поволокла спотыкающуюся девушку вниз. В кромешном мраке слышны были только прерывистое дыхание бритунки и сопение Талис. Обе они помнили о зловещем хозяине подземелий. Пытаясь оттолкнуть стигийку свободной рукой, Натала нащупала рукоять кинжала, заткнутого за набедренную повязку Талис, схватила его и, чудом вывернувшись, нанесла удар, вложив в него

последние силы. Талис взвизгнула, пошатнулась и отпустила свою жертву. Натала не удержалась на ногах, но тут же вскочила, наткнулась на стену и прижалась к холодной каменной кладке. В окружавшем их мраке она ничего не видела, но визг стигийки, полный боли и гнева, не оставлял сомнений, что та жива.

— Я найду тебя, проклятая девка! Я разделаюсь с тобой! Тебе не уйти!

Площадная брань перемежалась с описанием жутких пыток, уготовленных сопернице. Ругаясь, точно портовая шлюха, Талис шарила по стене трясущимися от ярости руками. Она нащупала алмаз, потеряла его, и коридор озарился тусклым светом. Желание отомстить было сильнее страха перед Тогом.

Натала увидела Талис: удар кинжала не достиг цели, лезвие скользнуло по драгоценным камням набедренной повязки и лишь слегка расцарапало атласную кожу стигийки. Ссадина сочилась мелкими алыми каплями.

Словно раненый зверь, обезумевший от вида и запаха собственной крови, Талис бросилась на оцепеневшую от страха девушку.

— Отдай кинжал, тварь!

И хотя бритунка понимала, что это последняя возможность защитить свою жизнь и другой не будет, даже искра отваги не возгорелась в ее груди. Впрочем, она никогда не отличалась смелостью. Из безвольно поникшей руки выпал кинжал, и Натала опустилась на колени, пытаясь подобрать оружие одеревеневшими пальцами. Сверху на нее навалилась Талис.

— Кусаться, мерзавка? — удар сомкнутых рук обрушился на затылок девушки, и она на мгновение лишилась чувств.

Стигийка стремительно намотала на предплечье светлые волосы своей противницы и подтащила ее к стене, из которой торчало железное кольцо со свисающим шелковым шнуром.

Очнувшаяся бритунка оказалась подвешенной за запястья, притянутые крепким шнуром к железному кольцу. Ее ноги едва касались пола. Шиневная в ярости Талис срывала с нее остатки одежды.

— О боги! Это сон, это только кошмарный сон... — шептали пересохшие губы несчастной девушки.

— Сон? Так сейчас ты проснешься!

Талис сняла со стены тяжелую семихвостную плетъ. В тусклом свете зловеще поблескивала украшенная золотом рукоять. А глаза стигийки горели ненавистью.

Она перевела дыхание, широко размахнулась, и семь гучих языков пламени обернулись вокруг бедер Наталы.

Плетъ поднималась и опускалась на корчившееся от нестерпимой муки тело. Выражение наслаждения сменило гримасу ярости на тонком лице стигийки. Вопли Наталы заставляли ее сладострастно вздрагивать, вид крови пьянил, она упивалась муками своей жертвы, забыв об опасности, таящейся неподалеку.

Натала подняла залитое слезами лицо: стон и готовые вырваться мольбы о пощаде замерли на ее губах. Неопи-сваемый ужас заставил забыть о боли.

— Берегись! О, берегись!

Плетъ замерла в воздухе, стигийка резко обернулась, готовая посмотреть, что так напугало девушку.

— Тог! — выдохнула Талис.

На нее неотвратимо надвигалось огромное темное облако. Белоснежное тело стигийки мелькнуло в воздухе и исчезло в недрах клубившейся тьмы. Душераздирающий вопль прокатился под сводами коридора. Несколько мгновений из мрака, уползающего в свои подземные чертоги, еще доносились громкие стоны и дикий визг жертвы, затем все стихло, и тьма начала придвигаться к беспомощной Натале.

Зловещий морок вздыбился гигантской волной, потом вся эта бесформенная масса, похожая на густой черный дым, за клубилась, запульсировала, уплотнилась: в ней появилось некое бесформенное пятно с разинутой жабьей пастью, над которой прорезались, словно грибы-гнилушки, два жутких глаза. Они притягивали вселенским вожделением, столь омерзительным, что Натала поняла — это Нечто угрожает не только телу, но и душе. Темень надвигалась, и трудно было сказать: ползет она или летит. Вот Оно добралось до круга света, падавшего из алмазного светильника, и оказалось рядом с бритункой. Зловонное дыхание жабьей пасти окутало девушку. Казалось, что

Нечто смотрит на нее отовсюду, сверху и снизу, из бездонной пропасти и с головокружительной высоты. Эта тварь была всем, чем угодно, но только не гигантской распылчатой жабой, которой она представлялась.

Натала вскрикнула от ужаса, ощутив холодное прикосновение не то лапы, не то щупальца. По ее ноге скользнуло нечто холодное, и в то же время обжигающее, склизкое, но вместе с тем шершавое. В этом прикосновении ощущалось средоточие всеобъемлющей мерзости, вся похоть, все распутство, копившееся среди обитателей земли с самого первого ее дня, с древних времен, когда боги только сотворили мир.

Бритунку переполнили жгучий стыд и отвращение, не испытанные доселе. Чудовище затягивало ее в свои бездонные недра, наполняя душу странной смесью страха и страсти, желания раствориться в этом клубящемся темном мареве.

3

Когда Конан услышал скрип закрывающейся двери и, обернувшись, обнаружил исчезновение девушек, он сорвал со стены гобелен. Готовый разнести все вокруг, киммериец бросился к захлопнувшимся створкам. Удар огромного тела о дверь был столь силен, что затрещали кости. Отскочив, он с проклятьем выхватил меч и попытался сокрушить сталью неподатливый камень двери. Его лицо побелело от ярости, но преграда оказалась слишком крепкой даже для его доброго клинка.

И тут за спиной киммерийца раздались гневные вопли, заставившие его обернуться. Угрожающе размахивая обнаженными мечами, к нему приближались десятка два желтолицых воинов в пурпурных туниках. Их намерения не оставляли сомнений, и Конан с ревом метнулся навстречу. Увернувшись от клинка первого из нападавших, он размозил ему голову рукоятью меча. Затем, мгновенно выхватив кинжал, распорол живот следующему воину. Вертясь, словно волчок, среди нападавших, киммериец наносил стремительные удары, усеивая каменные плиты пола бездыханными телами.

Двое попытались одновременно атаковать варвара, но тот извернулся, и вот уже меч одного из нападавших по самую рукоять вошел в грудь его товарища. Хрипло рассмеявшись, Конан отсек чью-то руку, и алая струя крови хлынула под ноги нападавших, и те закричали от ужаса. Непривычные к битвам, оступившие от лотосовых снов, ксуталийцы безнадежно проигрывали быстрому, словно молния, варвару. Казалось, тот был в нескольких местах разом, и мечи нападавших рассекали лишь пустой воздух, тогда как кинжал и меч варвара все время достигали цели.

Оскальзываясь в крови, натыкаясь друг на друга, неуклюже размахивая короткими клинками, желтолицые воины, тем не менее, продолжали атаковать. Они кружили вокруг варвара, издавая грозные вопли, делая выпады, грозя оружием. Через настежь распахнутые двери вбежали все новые и новые горожане, разбуженные шумом схватки.

Конан, с виска которого уже лилась кровь, оглядывался по сторонам, намечая путь к отступлению. Внезапно камни стены разошлись, открывая потайной проход; за ним виднелась широкая лестница из зеленоватого камня, на самом верху которой стоял человек в роскошных одеждах, моргая спросонок глазами. Конан рванулся туда, одним ударом снес несколько голов, перепрыгивая через мертвые тела. Путь ему преградили сразу три воина — три клинка сверкнули над головой варвара. Пригнувшись, киммериец поразил одного из желтокожих кинжалом, другого — мечом. Выпад был столь мощен, что тела сраженных опрокинулись навзничь, а голова Конана, ударив третьего в живот, повергла его на каменные ступени.

Стремительным движением освободив оружие, киммериец понесся вверх по лестнице, преследуемый сворой улюлюкающих ксуталийцев.

Человек в богатых одеждах извлек из роскошных ножен холодно сверкнувший клинок, но не успел он принять боевую стойку, как меч Конана, словно мясницкий нож, распорол толстый живот противника. Схватив вельможу за кушак, он швырнул обмякшее тело вниз, в толпу преследователей. Путаясь в собственных кишках, мертвец покатился по лестнице под ноги нападавших.

Яростно потрясая в воздухе окровавленным мечом, варвар помчался дальше. Снизу тем временем доносились вопли, полные гнева и отчаяния. Киммериец успел подумать, что отправил на Серые Равнины кого-то очень знатного — быть может, даже самого владыку этого странного города.

Конан бежал, не разбирая дороги, сознавая, что Натале грозит смертельная опасность, и стремясь как можно быстрее сбить горожан со следа. Кружа по бесчисленным залам, он опять заскочил в тот же самый покой, через который уже пробежал, и нос к носу столкнулся с погоней. Завидев варвара, желтолицые заорали и бросились на него. Он же, с трудом проскочив под арку, оказался в полутемной комнате.

Здесь он увидел обнаженную женщину, в удивлении и испуге поднимавшуюся с софы. На ней было лишь нефритовое ожерелье. Тепло мерцали драгоценные камни, призывным теплом светилась шафрановая кожа, но не было тепла в темных глазах, и точно рассчитанным движением маленькой руки она потянула за шелковый шнур, свисавший со стены.

Под ногами Конана разверзлась черная бездна, и он полетел в пустоту.

Высота, с которой рухнул варвар, была не так уж велика, но достаточна, чтобы человек менее крепкий переломал себе все кости. Конана спасла его врожденная ловкость: сжавшись, словно кошка, он перевернулся в воздухе и упруго приземлился на ноги, не выпустив из рук меча и кинжала.

Слух резанул девичий вопль. В слабом свете он увидел нагую Наталу, подвешенную за руки к железному кольцу, укрепленному в стене, отчаянно извивающуюся в тщетных попытках освободиться из объятий схватившего ее отвратительного монстра. Мгла бешенства затмила глаза киммерийца, губы исказил звериный оскал; с гневным ревом он обрушился на чудовище. Меч его рассек черные клубы пульсирующей массы, но, не встретив сопротивления, высек сноп искр из каменных плит пола. Конан не удержался на ногах и упал на колени, а встать уже не успел. Порождение адской бездны навалилось огромной тяжестью, и он оказался как бы внутри крутящихся жер-

новов громадной мельницы. Его мощное тело терзали невидимые клыки и когти, грудь, лишая дыхания, перехватили мерзкие шершавые щупальцы. По спине колотилось нечто похожее на скорпионий хвост с острым шипом на конце, рассекая кожу и мясо, жгучим ядом заливая раны, жая огнем, растекающимся по всему телу.

Казалось, он сражался с целым сонмом адских существ, отродий Нергала, впившихся в его плоть тысячей клыков, сотней когтистых лап. Напрягая все силы, Конан поднял клинок и опустил разящую сталь; меч его с хищным свистом прорезал воздух.

Внезапно из тела монстра прямо в глаза киммерийца ударил странный мерцающий свет, и клубящееся, сотрясаемое судорогами тело исчезло, а клинок упал на осклизлый край бездонного колодца. В глубь его, тускло светясь, летело темное чудовище.

Не в силах отвести от этого зрелища взгляд, припав щекой к выщербленной каменной плите, варвар следил за быстро удаляющимся световым шаром, навстречу которому из мрачных глубин вдруг вздыбилась темная, призрачно блестящая поверхность, поглотившая в конце концов мерцающую точку. В таинственной бездне мелькнул тусклый огонек, тотчас погас, и Конана окутали гнетущая тишина и полный мрак.

4

Испуганная Натала, нагая и беспомощная, висела, едва касаясь пола кончиками пальцев. Из последних сил она пыталась освободиться от шнура, болезненно врезавшегося в запястья. Что будет с Конаном? Взгляд ее неотрывно следил за краем сгущавшейся в круге света тьмы, в которой исчез варвар. Разбушевавшийся демон, впитавший в себя людскую кровь и людские страдания, увлек очередную жертву в черную бездну своих необузданных страстей. Из мрака доносился грохот ударов, хриплые вопли киммерийца, отчаянно боровшегося за свою жизнь, и свист его меча. Затем звук, похожий на шум лавины, сползающей с гор, сменила глухая мертвая тишина.

— О Митра! Он погиб... — Голова Наталы упала на грудь, тело обмякло, повиснув на шелковом шнуре.

Она очнулась, услышав звук шагов. Вздых облегчения вырвался из ее распухших пересохших губ и слабым эхом отозвался в темном коридоре. К ней спешил ее киммериец, вынырнувший из зловещего мрака. Слабое мерцание алмазного светильника осветило страшную маску, в которую превратилось лицо Конана: сплошное месиво из плоти и крови, сквозь которое яростью горели синие глаза. Ноги и тело покрывали глубокие кровоточащие раны, клочья кожи свисали с его могучей груди, словно какой-то неведомый палач подверг варвара жестокому бичеванию.

— О Конан! — на глаза девушки навернулись слезы. — Как искалечило тебя это чудище!

Киммериец лишь слегка скривил разбитые губы: он привык презирать страдания и боль. Его истерзанная, залитая кровью и потом грудь вздымалась и опадала, словно кузнечные меха. Превозмогая боль, он дотянулся до шелкового шнура, удерживавшего запястья девушки, перерезал его кинжалом и, прикрыв в изнеможении глаза, привалился к холодной стене.

Натала бросилась к своему спасителю.

— О Конан! Умоляю, не умирай!

— Нельзя драться с демоном, — с трудом двигая распухшими губами, пробормотал киммериец, — и остаться без единой царапины. Но этой нечисти тоже изрядно досталось...

— Ты убил его? — перебила девушка, преисполненная надежды. — Неужели тебе удалось победить эту тварь?

— Эта схватка была из самых страшных в моей жизни, но кто ведает, способна ли сталь превозмочь колдовство? Убить демона, одно из чудищ проклятого Нергала? Под моими ударами он свалился в какой-то колодец... и больше я ничего не видел.

— Но что же случилось с тобой? Ты весь в крови, плоть твоя истерзана, словно чудовищными жерновами...

— Меня терзали невидимые клыки и когти, хлестал дьявольский хвост, но страшнее всего были эти проклятые щупальца, подобные огромным извивающимся питонам... Ох, и намяли же они мне бока!

— Что же нам теперь делать? — Рассказ варвара поверг бедную девушку в трепет; она вновь вспомнила и вновь

явственно ощутила на своем теле холодное скользкое прикосновение омерзительного чудовища.

— Надо выбираться отсюда, Натала, — варвар поднял голову и огляделся.

Но створки ловушки, в которую столкнула его коварная ксуталийка, были плотно закрыты. Ни единого звука не доносилось сверху.

— Гнев Крома! Там нам не пройти! Даже если мне удастся высадить крышку, нас наверняка ждет засада. Хотя я и навалил там горы трупов, готов спорить, кто-нибудь нас да поджидает... Сковырни-ка тот светящийся камешек, малышка, он нам пригодится. Я уверен, здесь есть боковые проходы, которыми можно выбраться наверх. Не подыхать же в этой вонючей дыре...

Зажав в левой руке алмаз-светильник, а в правой меч, киммериец осторожно двинулся по гулкому коридору. Каждый шаг давался ему с огромным трудом; в висках стучало, тупая боль в затылке не затихала ни на миг.

Внезапно камень высветил зияющее в стене отверстие. Чутье и инстинкт подсказывали варвару, что нужно свернуть именно туда.

Они оказались в темном сыром тоннеле, словно бы уходившем в бесконечность. Натала потеряла счет времени; казалось, они вечно будут брести в гулком полумраке, осторожно ступая по осклизлым каменным плитам. Но вот впереди показалась какая-то лестница, ведущая вверх. Из последних сил они вскарабкались по ней и уперлись в каменную дверь, запертую на золотой засов.

Натала вопросительно взглянула на своего спутника, покачивавшегося, словно колосс на глиняных ногах. Глаза его затуманились.

— Открывай же, — вяло пробормотал киммериец. — О Кром, отец мой... ты ждешь меня, я знаю... Не гневайся, великий! Я принес тебе в жертву смрадную тень... и принесу весь этот проклятый город... Ты будешь доволен...

Поняв, что варвар бредит, Натала взяла из его ослабшей руки светящийся камень и решительно потянула засов. Дверь, слегка скрипнув, открылась.

В центре совершенно пустой комнаты с ослепительно белыми стенами шумел серебристый фонтан. Широкая,

облагренная кровью ладонь варвара опустилась на хрупкое плечико девушки.

— Отойди в сторону, малышка, мне предстоит бой... Жаркая схватка, — процедил киммериец сквозь зубы.

«Бедняга, — мелькнуло в голове у Наталы, — видно, шум воды он принял за вражеские голоса...»

Она взяла его за огромную руку и, словно слепца, повела к манящему источнику. «Только бы успеть напиться, пока не ворвались сюда воины в пурпурных туниках...» — думала она с замиранием сердца.

— Где эти желтолицые мерзавцы? — Конан, грозно хмурясь, озирался по сторонам.

— Нет здесь никого, только шумит вода, — успокаивала его бритунка. Казалось, мать говорит с неразумным дитем.

— Вода... — Конан облизнул запекшиеся окровавленные губы. — Ты пей, а я постерегу тебя...

— Нет, Конан, сначала ты, ты... А я омою твои раны, и лишь потом утолю жажду.

Киммериец с наслаждение окунул лицо в чистую прохладную влагу. Он пил жадно, ни на миг не отрываясь, словно собирался выхлебать до самого дна эту мраморную чашу. С трудом оторвавшись от животворного источника, он растянулся на каменном полу рядом с фонтаном. Глаза варвара, избавившиеся от пелены безумия, выражали теперь глубокую озабоченность, в могучем кулаке он все так же крепко сжимал рукоять меча.

Натала, опустившись на колени, омывала глубокие кровоточащие раны киммерийца.

«Чем же перевязать его?» — в поисках подходящего материала она обвела глазами комнату. Взгляд ее наткнулся на нишу в противоположной стене. Та была прикрыта белоснежной, под цвет стен, шелковой занавеской. За свисавшей тканью угадывался силуэт лежа, похожего на саркофаг.

«Там кто-то есть», — решила девушка и, держа кинжал наготове, медленно и осторожно двинулась к алькову. Умоляя сердце биться тише, она с трепетом отодвинула полог.

На возвышении покоилось нагое тело женщины с желтоватой кожей. Рядом стоял нефритовый сосуд, наполненный золотистой жидкостью.

«Уж не тот ли это чудесный эликсир, о котором говорила Талис?» — Натала наклонилась над спящей, в одной руке судорожно сжимая кинжал, а другой подхватив кувшин. Прижав к себе драгоценную ношу, она раздумывала, не превратить ли лотосовый сон женщины в сон вечный: но разве могла она коварно вонзить сталь в незащитное тело?

Задернув полог, бритунка вернулась к Конану, пребывающему в полузабытьи. Присев рядом, девушка поднесла сосуд к губам варвара, тот послушно глотнул, и, оживленный целительной влагой, встрепенулся, выхватил кувшин из рук девушки и жадно припал к его горлышку.

— Клянусь Кромом, это то самое чудесное вино... Где ты его взяла?

— Стояло там, — Натала махнула рукой в сторону алькова, где за полупрозрачной занавеской продолжала спать ксуталийка.

Прикончив чудесный напиток, Конан легко вскочил на ноги.

— О Кром, — выдохнул он с облегчением, — меня наполняет животворный огонь! Так, будто я словно заново родился!

— Лучше нам вернуться в потайной коридор и переждать там, пока не затянутся твои раны, — сказала Натала.

— Ты спятила? Чтобы я прятался подобно крысе в норе?! Мы вырвемся из этого проклятого города, и горе тому, кто встанет у нас на дороге!

— А как же твои раны?

— Не чувствую я никаких ран, — бодро сказал Конан. — Может, этот напиток ударил мне в голову, но боль исчезла.

Он подошел к окну, за которым чернело бархатистое небо, усеянное множеством звезд. Внизу, за городскими стенами, бескрайним ковром раскинулась пустыня. Конан припомнил слова Талис: этот город — одно огромное здание, все комнаты и залы соединены... Значит, по бес-

численными коридорами можно пройти к помещениям в крепостных стенах и башнях...

— Что ты задумал? — со страхом спросила девушка.

— Возьми кувшин со стола, — приказал Конан вместо ответа, — и наполни его водой. Я тоже кое-чем займусь...

Когда бритунка справилась с порученным делом и подняла голову, она обнаружила, что Конан, изорвав занавес на длинные полосы, скручивает их в длинную веревку, один конец которой уже был привязан к ножке массивного стола, находившегося в алькове.

— Дорога нам одна — в пустыню, — пробурчал он. — Безумная стигийка болтала, что в дне пути отсюда есть оазис, а за ним — второй. Вот там мы и отлежимся, пока затянутся мои раны. Воистину, этот напиток творит чудеса! Только что я был подобен бесковной туше под ножом мясника, а сейчас готов горы своротить! Ну, налила воды? А теперь прикройся чем-нибудь...

Натала совсем забыла, что совершенно нага. Впрочем, это ее совсем не смущало; но, вспомнив о жаре и палящем солнце пустыни, она сорвала шелковый полог и накинула его на плечи. Тем временем киммериец без труда выломал оконную решетку, сделанную из какого-то желтоватого мягкого металла. Он опоясал бедра девушки веревкой, взял ее на руки и осторожно посадил на край подоконника. Затем Конан бережно спустил бритунку вниз и, когда та освободилась от петли, втянул веревку обратно. Привязал к ней кувшин с водой, опустил и его — прямо в руки девушки; потом презрительно сплюнул и ловко скользнул по веревке из окна на землю.

Вздых облегчения вырвался из груди Наталы. Сердце ее пело от радости, хотя они вновь оказались лицом к лицу с бескрайней пустыней, таящей неведомые опасности. Но ее пески были все же лучше каменных стен проклятого города, чуть было не ставшего их могилой.

— Когда желтолицые ублюдки найдут веревку, непременно снарядят погоню, — буркнул Конан, забрасывая кувшин на плечо. — Правда, сдается мне, за стены они и носа не высунут. Ладно, идем на юг!

— Скажи, Конан, — осмелилась наконец спросить Натала, — не встречал ли ты в том мрачном коридоре стигийку Талис?

— Когда я выбирался, было темно, как в утробе Нергала. Пошарил руками, но ни костей, ни крови... ничего... Ничего там не осталось!

— Она чуть не прикончила меня, — шепнула бритунка, — но мне ее жаль... Жаль...

— Что жалеть о раздавленной змее! Да и о всех этих желтокожих и их безумном городе! — гневно воскликнул варвар, но тут же успокоился. — Ладно, уж меня-то они надолго запомнят! Внутренности этих жалких ублюдков размазаны по многим комнатам, а их Тогу, поганому мешку с дерьмом, досталось побольше, чем мне! Так что все кончилось не столь уж плохо: теперь у нас есть вода и мы знаем, где искать оазис. Меня, правда, изрядно помяли, да и твое нежное тело сплошь исполосовано хлыстом...

— Это из-за тебя! — вспыхнула бритунка. — Если бы ты не миловался, потеряв голову, с этой стигийской кошкой...

— О Кром! Скорей небо рухнет на землю и реки потекут вспять, чем женщина избавится от ревности! Виноват я, что ли, что эта ведьма ко мне привязалась? Нет, все вы, женщины, одинаковы...

Они двинулись по пескам на юг, с каждым шагом приближаясь к оазису.

ВОЛЧИЙ РУБЕЖ

Примечание издателя

Публикуемая нами небольшая повесть «Волчий рубеж» («Волки по ту сторону границы») принадлежит, скорее, перу Спрэг де Кампа, чем Говарда; возможно, Говард оставил намеки сюжета этого произведения, но, ввиду ранней кончины, не успел написать его — написать по-своему. Дело продолжил Спрэг де Камп, и в его изложении история превратилась в типичный вестерн о набеге краснокожих на поселение белых. Пикты Говарда не походили на американских индейцев, но пикты Спрэг де Кампа являются почти точной их копией; они носят мокассы и перья в волосах, раскрашивают тело и терзают белых пленников у столба пыток. Все это остается на совести Спрэг де Кампа — как и упомянутые в повести мастодонты с шерстистыми боками.

Мы, однако, не могли отказаться от издания этого произведения, как и ряда других, эклектичных, несовершенных или откровенно слабых, ибо стремимся опубликовать всю Сагу о Конане. А Спрэг де Камп, что ни говори, стоял почти у самых ее истоков.

Глава 1

Далекий тревожный рокот барабанов пробудил меня. Не двигаясь, я лежал в кустах, выбранных мной для ночлега прошлым вечером. Затаившись от постороннего глаза, я напрягал слух, соображая, откуда доносятся рокочущие удары — в этом густом лесу было нелегко определить направление по отдаленным звукам.

Лишь мерный барабанный бой нарушал лесную тишину. Колочие ветви кустарника, оплетенные вдобавок вьющимися растениями, создавали надо мной непроницаемый темный свод. Из своего убежища я не мог видеть ни звезд, ни луны — вокруг простиралась сплошная тьма, черная и глухая, как ненависть врага. Но это вполне устраивало меня — если я почти ничего не вижу, то и сам остаюсь невидимым для чужих глаз.

Ритмичные барабанные удары начинали действовать мне на нервы; они продолжали звучать непрерывно, гулко и угрожающе: бух-бух-бух! — и снова: бух-бух-бух! Не приходилось сомневаться, что это глухой тревожный рокот предвещает нечто ужасное. Ведь только один инструмент на свете мог издавать эти низкие мерные звуки — боевой барабан пиктов, в который колотят размалеванные дикари в набедренных повязках, варвары, из-за которых дремучие леса по ту сторону границы были полны смертельной угрозы.

По ту сторону был сейчас и я. Один, без всякой надежды на помощь, укрывшись под колючими ветвями густого кустарника, я находился в чужом враждебном лесу, кишевшем полуголыми воинами; испокон веков они чувствовали себя хозяевами этих непроходимых джунглей.

Так! Наконец-то я разобрался, откуда доносятся ритмичные удары! Барабан бил на западе, и я решил, что расстояние до него было не таким уж большим.

Я внимательно проверил свое боевое снаряжение: потуже затянул пояс, на котором висело оружие, попробовал, легко ли выходит их расшитых стеклянным бисером

ножен короткий кинжал; затем, убедившись, что все в порядке, я, извиваясь ужом и стараясь двигаться совершенно бесшумно, начал пробираться между колючками и острыми шипами кустарника в сторону неумолкающего барабанного боя.

Я был уверен, что этот ритмичный глухой стук означает что-то определенное, но вряд ли он возвещал о моем присутствии — меня обнаружить пикты еще не могли. И тем не менее зловещее «бух-бух-бух» несло угрозу и предвещало беды всем незванным пришельцам, осмелившимся вторгнуться на территорию дикарей, где на редких лесных полянах стояли их немногочисленные хижины. В рокочущих глухих ударах явственно слышались рев всепожирателя огня и шипенье градом сыпавшихся пылающих пиктских стрел, вопли, исторгаемые нечеловеческими пытками, и свист окровавленных боевых топоров, раскалывающих без разбора головы и воинов, и женщин, и детей. Это было поистине страшно!

Выбравшись из-под колючих ветвей, я в полной темноте осторожно пробирался между стволами гигантских деревьев. Время от времени, когда моего лица или напряженно вытянутых рук касалась какая-нибудь тонкая ветка, мне чудилось, что это хвост одной из тех огромных змей, смертельно опасных для человека, что обитают в этом лесу и, притаившись в древесных кронах, дожидаются добычи; эти твари молниеносно падали вниз и обвивались вокруг тела жертвы.

Но создания, которых выслеживал я, были куда опаснее самых смертоносных гадов. Я шел по верному пути: барабанный бой приближался, и теперь мне приходилось красться все осторожнее — как по острому лезвию ножа. Наконец в просвете между деревьями мелькнул красноватый отблеск, и, сквозь грохот размеренных низких ударов, я смог различить приглушенное бормотание собравшихся у костра дикарей.

Там, на поляне, окруженной вековыми деревьями, происходила какая-то варварская церемония — значит, скорее всего, вокруг расставлены многочисленные дозорные. Я знал, как пиктские стражи умели сливаться с темнотой окружающей чащи — их было невозможно заметить до того страшного мига, когда клинок или стрела вонзались

в сердце незваного пришельца. При мысли, что я могу наткнуться на притаившегося часового, меня пронизала холодная дрожь. Однако я был уверен и в том, что, если не допущу неосторожности, ни один пикт не сможет разглядеть меня в царящей вокруг непроницаемой тьме: даже если б небо не было затянуто низкими облаками, свет луны и звезд не смог бы проникнуть сквозь густой шатер переплетенных ветвей.

Я спрятался за стволом гигантской лиственницы и всмотрелся в происходящее на поляне действо. Вокруг костра сидело около полусотни пиктов — мне были видны лишь неясные очертания их фигур. Их обнаженные — не считая набедренных повязок — тела были покрыты боевой раскраской. Мне удалось рассмотреть торчавшие в густых черных волосах соколиные перья, и по этому признаку я догадался, что дикари принадлежат к клану Сокола.

В центре поляны темнел грубо отесанный камень — примитивный пиктский алтарь. При виде его у меня прошел мороз по коже: однажды я уже лицезрел такой же камень, жирный от копоти и орошенный кровью. Но тогда его не окружали люди, и мне еще не приходилось быть свидетелем тайного варварского ритуала, совершаемого вокруг подобных алтарей. Но я слышал о нем от тех немногочисленных счастливых, коим удалось бежать из пиктского плена, и когда я вспомнил их жуткие сбивчивые рассказы, меня снова пронизала неудержимая дрожь.

Между костром и алтарем извивался в причудливом танце шаман, в ритуальном одеянии из перьев, которые колыхались в такт его движениям. Лицо шамана прикрывала зловеще ухмыляющаяся маска, похожая на отвратительную морду лесного демона. У самого костра, в центре людского полукруга, сидел дикарь с зажатым между колен огромным барабаном. Он размеренно бил в него кулаком, извлекая из натянутой кожи тот мерный рокот, который был причиной моего пробуждения.

Между сидевшими вокруг костра воинами и дергающимся в танце шаманом стояла еще одна странная фигура — этот человек, конечно же, не принадлежал ни к одному из племен пиктов. Он был значительно выше

любого из них, ростом примерно с меня, и кожа его, насколько я мог рассмотреть в неверном свете костра, казалась светлой. Но одет он был так же, как окружающие его дикари, в набедренную повязку и мокасины. Тело размалевано, в волосах — соколиное перо. Наверное, он был лигурийцем — одним из тех светлокожих дикарей, что немногочисленными племенами обитают в пиктских лесах и то воюют с ними, то заключают недолгий мир.

Кожа лигурийцев даже светлее, чем у аквилонцев, да и самих пиктов вообще-то нельзя назвать чернокожими — просто они смуглы, черноглазы и черноволосы. Однако народы, обитающие к востоку от Пустошей Пиктов, не считают белыми ни тех, ни других — там принято думать, что истинно белым может называться только тот человек, в чьих жилах течет хайборийская кровь.

Пока я, затаив дыхание, наблюдал за происходящим у костра, дикари подтащили к огню еще одного человека — обнаженного окровавленного пикта, в растрепанные волосы которого было воткнуто сломанное перо, по которому я определил, что несчастный принадлежит к племени Ворона, находившемуся в смертельной вражде с племенем Сокола. Связав пленника по рукам и ногам, воины бросили его на алтарь. Я видел, как мышцы Ворона напряглись в тщетном усилии разорвать кожаные путы и опали; ремни были крепки.

Шаман продолжал свой дикий перепляс, одновременно производя руками затейливые жесты над алтарем с лежащим на нем обреченным человеком. Барабанщик еще яростнее заколотил в барабан, впав в настоящий транс. И тут с ветки стоявшего на краю поляны дерева в освещенный круг упала огромная змея — из тех, возможная встреча с которыми приводила меня еще недавно в такой ужас.

Извиваясь, она поползла прямо к алтарю; на ее чешуе играли отблески костра, холодно посверкивали бусинки глаз, длинный раздвоенный язык быстро сновал в узкой змеиной пасти. На сидевших вокруг костра воинов она, казалось, не обращала никакого внимания, они же оставались совершенно спокойны, что немало удивило меня, поскольку уж если пикты и боялись чего-то на этом свете, так только змей.

Добравшись до алтаря, гадина вползла на него, и замерла, приподняв узкую голову. Движения пиктского колдуна замедлились — и тут, в такт с ним, затанцевала змея. Шаман издал жуткий сдавленный вой, напоминающий шум ветра, проносающегося сквозь заросли бамбука, а змея, поднимаясь все выше и выше над алтарем, внезапно начала обвиваться вокруг брошенного на камень пленника — причем размеры ее были столь велики, что сверкающие кольца полностью скрыли тело человека. На виду оставалась только его слабо подергивающаяся голова с переполненными смертным ужасом глазами.

Вой шамана сорвался на истерический визг, он сделал резкое движение рукой и бросил что-то в костер.

Огонь стремительно взметнулся вверх, из пламени взвилось и закружилось над жертвенником причудливое облако, скрывшее на мгновение происходившую на алтаре отвратительную сцену. Потом очертания каменной глыбы словно дрогнули, поплыли, и я уже не мог разобрать в этих непостижимых изменениях, что же было змеей, а что — человеком.

Из груди собравшихся возле костра пиктов вырвался единый, полный благоговейного ужаса вздох, прозвучавший как легкое дуновение ветра в ветвях деревьев.

Дым постепенно начал рассеиваться. Змея теперь неподвижно лежала на алтаре рядом с пленником — почему-то я посчитал их обоих мертвыми. Шаман с усилием схватил гадину и сбросил ее на землю, потом стащил с алтаря и тело человека. Тот безвольно упал рядом со змеей, и колдун перерезал ножом кожаные ремни, после чего снова задергался в танце, плетя руками в воздухе причудливые узоры.

И тут пленник начал проявлять признаки жизни. Он попытался приподняться с земли — и не смог. Голова его судорожно подергивалась и безвольно перекачивалась из стороны в сторону, между полураскрытыми губами то появлялся, то исчезал язык. Потом — я непроизвольно вздрогнул от ужаса — он пополз в сторону, извиваясь всем телом, словно превратился в змею.

Гадина же, лежащая рядом с ним, содрогалась в резких конвульсиях. Она тоже попыталась приподняться с земли, но рухнула обратно. Снова и снова она безо всякого успеха

порывалась встать на хвост, напоминая обезноженного человека, который, не осознавая этого, отчаянно желает подняться.

Тишину ночного леса разорвал дикий вой пиктов. Меня колотило от ужаса, к горлу неудержимо подкатывала тошнота. Теперь-то я до конца понял смысл кошмарного первобытного обряда, о котором раньше мне приходилось только слышать — шаман племени Сокола поместил душу плененного врага в тело змеи, а душу отвратительной гадины — в его тело! Такая месть была достойна всех демонов преисподней! А сидящие вокруг костра пикты испытывали истинное наслаждение от этого омерзительного действия!

Обе жертвы ужасного колдовства — человек и змея — беспомощно корчились на земле.

Затем в свете костра коротко блеснул зажатый в руке шамана клинок, и по земле покатались две головы. И — я не мог поверить своим глазам! — рептилия дернулась и затихла, тело же человека перевернулось на бок и начало судорожно извиваться, как будто это на самом деле была обезглавленная змея.

Глаза мои видели многое, но сейчас на меня накатила волна слабости; я чуть не потерял сознание. Не удивительно: какой нормальный человек может вынести столь устрашающее зрелище кошмарного первобытного колдовства?!

Другое дело пикты: ужасная сцена привела их в такой дикий восторг, что они показались мне в этот момент не людьми, а мерзкими порождениями мрака.

Шаман продолжал свой танец. Высоко подпрыгнув, он остановился перед полукругом воинов, сорвал с лица маску, запрокинул назад голову и завыл, словно голодный волк. Красноватый отблеск огня упал на лицо колдуна — и в этот момент я его узнал! Весь перенесенный только что кошмарный ужас, все вызывающее тошноту отвращение переродились в жгучую ярость — и, одновременно с этим, как туман испарился мой здравый смысл, все разумные мысли о собственной безопасности, о моей миссии и долге перед своей страной. Потому что шаманом был старый Тейанога — давний и заклятый враг, предавший мучительной смерти множество наших людей.

А кроме того, он сжег живьем на костре моего лучшего друга — Джота, сына Гальтера.

Всепоглощающая ненависть заставила действовать меня едва ли не инстинктивно, без участия сознания. Я вскинул лук и, наложив стрелу на тетиву, выстрелил, почти не целясь — все произошло почти мгновенно. Свет костра был обманчив, но на таком расстоянии промахнуться я не мог — у нас на Западной Границе жизнь во многом зависит от того, насколько хорошо ты умеешь натягивать лук.

Тонко свистнула в ночном воздухе стрела, старый Тейанога взвыл, как гиена, и, зашатавшись, рухнул навзничь. Из груди шамана торчало оперенное древко стрелы. Моей стрелы! Пикты завопили от неожиданности, сидящий у костра светлокожий высокий человек стремительным движением вскочил на ноги, впервые повернувшись ко мне лицом. И тут — о Митра! — я понял, что то был хайбориец!

На какое-то мгновение я застыл, парализованный шоком, и это едва не стоило мне жизни. Все пиктские воины, как дикие кошки, ринулись ко мне, чтобы найти и покарать врага, выпустившего смертоносную стрелу. Они уже достигли края поляны, когда я пришел в себя и стремглав бросился в темноту, огибая стволы деревьев и уклоняясь от хлещущих по лицу ветвей — причем полагаться приходилось только на инстинкт и милость Светлого Митры, поскольку разглядеть в таком мраке я не мог ничего. Единственное, что давало мне надежду на спасение, так то, что выскочившие со света пикты не могли видеть во тьме оставляемые мной следы и вынуждены были преследовать меня столь же вслепую, как я пытался от них убежать. Но я знал, что охотиться за мной они будут подобно стае волков — до тех пор, пока не настигнут добычу.

Я мчался по ночному лесу, сердце колотилось где-то под горлом от страха и возбуждения, да еще давали о себе знать впечатления от той кошмарной сцены, невольным свидетелем которой я был только что. И этот хайбориец... Его присутствие во время ритуала потрясло меня самым невероятным образом — ведь человек белой расы не может наблюдать за тайными обрядами пиктов и уйти

живым, разве что ему посчастливится остаться незамеченным. Но тот, кого я видел, был вооружен — я заметил на его поясе кинжал и топор! Это совершенно не укладывалось у меня в голове и вызывало самые мрачные предчувствия.

При всем моем желании производить как можно меньше шума, я, разумеется, время от времени все же натывался на деревья; в непроглядной тьме и непролазной чаще избежать этого было невозможно, и мои преследователи ориентировались на эти звуки, поскольку видеть могли не больше моего. Я несколько опередил дикарей — сзади уже не слышались их дикие воинственные вопли, однако я знал, что пиктские воины с горящими, как у волков, глазами, сейчас растянулись широкой цепью и тщательно прочесывают лесные заросли. На мой след они пока еще не напали — если бы дикари почуяли, что жертва находится в пределах их досягаемости, из их глоток немедленно бы вырвался обычный боевой клич.

И, тем не менее, я чуть было не попался. Воин, заметивший меня, явно не был у костра на поляне — слишком namного он опередил своих собратьев. Скорей всего, он был послан в дозор и рыскал по лесу, чтобы не допустить неожиданного появления врагов с севера. Дикарь мгновенно бросился за мной; видеть его я не мог, но явственно слышал приближающиеся стремительные шаги босых ног. Еще немного, и ему удалось настигнуть меня. Я выхватил кинжал, наугад взмахнул топором, он ударился о нож пикта... И тут мне неслыханно повезло — ринувшись вперед, мой соперник напоролся на выставленный клинок. Предсмертный вопль дикаря разорвал ночную тишину, и ответом на него был яростный рев его сородичей совсем неподалеку от места нашей быстротечной схватки. Теперь пикты завывали, как волки, нагоняющие свою добычу — они наконец-то догадались, где она.

Мне пришлось совершенно забыть об осторожности. Спасти меня сейчас могли только быстрые ноги, а разобью я голову о ближайший ствол или нет, зависело лишь от милости Митры. Однако мне повезло: лес немного поредел, толстые деревья почти не попадались. Исчез и подлесок; сквозь ветви просачивался слабый лунный свет — видимо, ветер разогнал облака.

Митра, Податель Жизни, не оставил меня — охотничий рев моих преследователей, только что такой кровавый и торжествующий, начал понемногу отдаляться. Пикты отставали; ни один из них не мог соперничать с белым в беге на большое расстояние. Неужели я спасен?! — промелькнуло в голове. Конечно, оставался риск, что я наткнусь на еще одного разведчика или дозорного дикарей, но ни один размалеванный воин так и не прыгнул на меня из темноты.

И вот, наконец, продираясь сквозь густые колючие кусты опушки, я увидел впереди яркие огни — то была хорошо укрепленная цитадель Кваниара, южный рубеж обороны Шохиры.

Глава 2

Прежде чем продолжить рассказ о последующих кровавых событиях, я поведаю о себе и о том, почему той ночью я находился один в лесу пиктов, по ту сторону границы.

Мое имя Голт, сын Хагара, и я родился в аквилонской провинции Конаджохара. Два года назад пикты пересекли Черную реку и, напав на крепость Тускелан, охранявшую южный рубеж, вырезали там всех до единого, после чего начали охоту за поселенцами в долине Громовой реки. После этого Конаджохара снова превратилась в глушь, где обитали дикие люди, дикие звери и царили столь же дикие обычаи. Люди, ранее ее населявшие, вынуждены были бежать к западной границе — в Шохиру, Конавагу и Орисконию, или же еще дальше, на юг — к крепости Тандар, форпосту на реке Боевого Скакуна. Позже к ним присоединились те, кого перестала устраивать перенаселенность и условия жизни в их землях, и со временем здесь образовалась новая провинция — Тандар. Здесь ничто не напоминало размеренное и неторопливое существование во владениях короля и его баронов, что раскинулось на благодатных и плодородных Восточных Землях Аквилонии. Эти новые дикие места осваивали простые люди, они обходились без помощи нобилей и не терпели их вмешательства. И податей мы тоже не платили никому. Жители провинции сами выбирали Земельный Совет,

строили все новые укрепленные поселки и сами решали, когда объявить войну, а когда заключить мир. Угроза же вражеского нашествия была почти постоянной, поскольку прочного мира между нами и соседними пиктскими племенами Пантеры, Речного Крокодила и Змеи никогда не было.

Несмотря на тяжелые условия, наша маленькая провинция развивалась и процветала, и нас не очень-то интересовало, какие события происходят в плодородных Восточных Землях. Только случайно мы узнали, что в Аквилонии вспыхнула междоусобная война, что один из наемников поднял мятеж, желая свергнуть короля и захватить трон древней династии; искры этого пожара зажгли огонь и на границе, и теперь у нас сосед тоже выступал против соседа, брат — против брата, и сын — против отца. Аквилонские рыцари в блестящих доспехах сражались и погибали на равнинах королевства, а мне пришлось в одиночку пробираться через лесную глушь в Шохиру с известием, способным определить судьбу всего западного рубежа. И вот я наконец-то достиг своей цели!

Кваниара была небольшой крепостью — всего-навсего окруженной невысокой стеной деревянной казармой на берегу Кинжальной реки. В утреннем небе плескалось пурпурное знамя провинции Шохира, и я с удивлением заметил, что рядом с ним нет королевского стяга с изображением золотой змеи. Что бы это могло означать? Вообще-то, очень многое или вовсе ничего — нам на границе всегда было не до соблюдения этикета, столь дорогого праздному люду с Восточных Земель.

Пересечь вброд Кинжальную было совсем нетрудно — в самом глубоком месте вода едва достигала пояса. Когда я вошел в поток, с противоположного берега меня окликнул дозорный в кожаной одежде лесного стража. Я ответил, что иду из Тандара.

Воин несказанно удивился.

— Клянусь Нергалом, ты, видно, сошел с ума! Какие демоны понесли тебя через лес? Или дело, приведшее тебя в Шохиру, столь неотложно?

Тандар находится в стороне от других провинций, и между нами и этой боссонийской землей лежат обширные густые леса. Помимо пути через лес существует и другая,

значительно более безопасная дорога, но она идет в обход через несколько провинций и куда более длинна и утомительна.

Потом дозорный поинтересовался, что нового у нас в Тандаре. Я ответил, что и сам не знаю, потому что мне долгое время пришлось провести в разведке в лесах, где обитает племя Змеи. Это не было истиной, но я не имел точных сведений, на чьей стороне выступает в этой войне Шохира, и до поры до времени решил держать язык за зубами. В свою очередь я спросил стража, смогу ли увидеть в крепости Кваниара Хакона, сына Строма, и узнал, что тот, кого я ищу, отсутствует — отправился в город Тенитея, расположенный далеко на восток отсюда.

И тут дозорный разрешил мои сомнения.

— Надеюсь, Тандар так же, как и мы, держит сторону Конана-киммерийца? — спросил он. — Видишь, в крепости почти не осталось бойцов, и теперь приходится охранять границу лишь с горсткой лесных стражей. Что бы я ни отдал, только бы очутиться сейчас в нашем воинстве! Око стоит под Тенитеей, у ручья Огаха, и вскоре ожидается крупное сражение с войском Брокаса из Торха и его презренными приспешниками.

Я удивленно вытаращил глаза. Ведь барон из Торха был повелителем Конаваги, а никак не Шохире, которой управлял граф Тасперас из Кормона.

— А где же Тасперас? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Наш владыка сражается за Конана! — Ответ лесного стража на этот раз был резким, и он посмотрел на меня подозрительным взглядом, как будто ему только что пришло в голову, что я могу оказаться шпионом.

Но мне хотелось выяснить еще один мучивший меня вопрос.

— Скажи, приятель, может ли в Шохире найтись хоть один человек, настолько связанный с пиктами, что принимает участие в их тайных церемониях? Да еще размазанный, как они сами, и...

Я не успел договорить, увидел, что лицо лесного стража исказилось от ярости.

— Будь ты проклят! — едва владея собой, выкрикнул он. — Ты проделал этот путь лишь затем, чтобы нанести нам такое оскорбление?

Вообще-то он был прав: на западной границе нельзя было сильнее оскорбить человека, чем назвав его предателем. С моей стороны было не очень разумно задавать подобный вопрос, но так или иначе, мне стало ясно, что страж ничего не знает о том светлокожем хайборийце, которого я видел у дикарского костра. Поэтому я поспешил заверить дозорного, что он неверно меня понял.

Успокоить его оказалось, однако, не так-то легко.

— Чего уж тут не понять, — буркнул он все еще дрожащим от гнева голосом. — Если бы не твоя темная кожа и южный акцент, я принял бы тебя за шпиона из Конаваги, и тебе пришлось бы держать ответ, приятель! Но даже если ты и не шпион, никто не давал тебе права так оскорблять людей Шохире. Если бы я не стоял сейчас на посту, я сумел бы доказать тебе в достойном поединке, что в Шохире нет ни предателей, ни трусов.

— Я не ищу ссоры, — ответил я. — Но если тебе так уж нейдет, то я еще некоторое время пробуду в Шохире, и ты, если пожелаешь, сможешь меня найти. Меня зовут Голт, сын Хагара.

— Не сомневайся, мы еще встретимся! — яростно выдохнул дозорный. — Запомни: я — Отхо, сын Корма! Меня знает каждый в Шохире!

С этими словами страж презрительно отвернулся и зашагал в сторону, продолжая свой обход. Одна его рука лежала на рукояти меча, другая крепко сжимала рукоятку боевого топора, словно он недвусмысленно давал мне понять, что прекрасно владеет обоими видами оружия. Я также продолжил свой путь, предусмотрительно оглянув крепость, ибо мне не хотелось больше встречаться ни с дозорными, ни с разведчиками: никому неизвестного человека, в одиночку пробирающегося в город, действительно могли принять за шпиона. Конечно, в мирное время никому и в голову бы не пришло задерживать хайборийца, пересекшего границу, но теперь повсюду царит междоусобная вражда, и вполне возможно, что владетель Конаваги вторгся на земли своих соседей.

Перед фортом простиралось открытое пространство, ограниченное лесом, который стоял высокой зеленой стеной. Я придерживался опушки, и по пути в город мне удалось избежать нежелательных встреч, хотя я и пересекал не одну тропинку, ведущую к нему. Наконец я увидел перед собой первые крыши домов Шохиры.

Этот пограничный город оказался на редкость красив; бревенчатые дома были выстроены добротно и со вкусом, встречались среди них и каменные, что у нас в Тандаре было большой редкостью. Однако меня удивило то, что вокруг Шохиры не было ни защитного рва, ни стены. В Тандаре мы строим дома, руководствуясь не столько соображениями удобства, сколько безопасности — все наши жилища были надежно защищены, и каждое из них является небольшой цитаделью.

С правой стороны от города была выстроена еще одна крепость, уже более привычная для моих глаз — окруженная рвом и защитной стеной. На высокой платформе стояла поворотная баллиста. Эта цитадель была заметно больше Кваниара, но, видно, людей не хватало и здесь: над стеной я увидел всего лишь несколько солдатских голов, причем шлемы были только на двоих-троих. На флагштоке беспокойно трепетало на полуденном ветру знамя с соколом — гербом Шохиры.

Несмотря на слова Отхо, сына Корма, у меня вновь возникли сомнения: встала ли Шохира на сторону Конана? Ведь рядом с соколом не было золотого льва на черном фоне — знамени того отряда, которым в Аквилонии командовал Конан.

Слева, на краю леса, окруженный фруктовым садом, стоял богатый каменный дом. Похоже, то было жилище нобилия Валериана — я слышал, что он считался самым знатным землевладельцем Шохиры, сильным и могущественным человеком, имевшим значительное влияние в городе. Но мне почему-то показалось, что в доме сейчас никто не живет.

Странное впечатление произвел на меня и сам город — вероятно потому, что на его улицах почти не было видно мужчин. Я опять вспомнил слова дозорного о нехватке воинов. Зато женщин и детей было вокруг полным-полно. Когда я поднимался по вымощенной камнем дорожке, меня

проводило множество настороженных и любопытных глаз, однако заговорить со мной никто не пытался, а на мои вопросы отвечали сухо и коротко.

Почувствовав нестерпимую жажду, я завернул в попавшуюся по пути маленькую таверну. Народу там было немного — двое стариков и несколько калек, ни одного взрослого здорового мужчины. Как только я вошел, тихий разговор мгновенно смолк, и все глаза выжидательно обратились в мою сторону.

Я осведомился, где я могу найти Хакона, сына Строма. После некоторой паузы хозяин таверны сказал, что сегодня на рассвете Хакон направился в Тенитею, где размещены войска, но скоро должен вернуться. Помимо желания утолить голод и жажду, я почувствовал смертельную усталость — давали о себе знать ночные злоключения. Передо мной поставили тарелки с едой и кувшин пива, и, пока я ел, продолжал ощущать на себе настороженные вопросительные взгляды. Потом я упал на медвежью шкуру, любезно предоставленную мне хозяином таверны, и мгновенно заснул.

Когда незадолго до заката солнца вернулся Хакон, сын Строма, я все еще спал крепким сном. Этот воин был крупным и мощным человеком, длинноногим и длинноруким, с широкими плечами. На нем была такая же, как и на мне, обычная одежда охотника — кожаные куртка и штаны, украшенные бахромой, и мягкие мокасины. Хакон появился в таверне в сопровождении шести лесных стражей, которые, усевшись за стол и потягивая из больших кружек пиво, внимательно наблюдали за мной.

Когда я назвал Хакону свое имя и сказал, что у меня есть для него важное сообщение, он пригласил меня устроиться рядом с ним за маленьким столиком в углу и выжидательно посмотрел на меня.

— Ваши люди представляют, что творится в Тандаре? — спросил я его первым делом.

— До нас доходят только слухи, — ответил Хакон.

— То, что я хочу сообщить, передает вам Брант, сын Драго, из Земельного Совета Тандара и Совета Нобилей. Сейчас ты поймешь, что я действительно тот, за кого себя выдаю, — с этими словами я обмакнул палец в кружку с пивом, быстро нарисовал на столе знак и тут

же его стер. Хакон удовлетворенно кивнул, его глаза загорелись неподдельным интересом.

— Вот это сообщение, — сказал я и, после небольшой паузы, продолжил: — Наша провинция решила выступить на стороне Конана, а наше войско готово сражаться с его врагами.

Хакон облегченно улыбнулся и радостно пожал мне руку.

— Я надеялся на это! — воскликнул он. — Помощь Тандара будет нам сейчас очень кстати.

— Мы не могли поступить иначе, — отозвался я. — Многие в Тандаре помнят такого знаменитого следопыта и разведчика, каким был Конан — даже я, хотя в те времена был еще ребенком. Его посланцы прибыли в Тандар с сообщением, что Пуантен повержен и Конан теперь претендует на трон Аквилонии. Люди эти не вербовали добровольцев, а только просили, чтобы наша провинция не выступала против него. Ответ же был единодушным: «Мы не забыли Конаджохары!» После этого против нас выступил барон Ателиус, но нам удалось подстроить ему засаду в Малой Чаще и разбить его войско. Теперь мы должны опасаться только нападения диких племен.

— Если бы то же самое можно было сказать о Шохире! — с горечью ответил Хакон. — Барон Тасперас заявил, что присоединяется к армии мятежников Конана, и мы поддерживали его решение. Наш владыка прекрасно знает, что здесь, на западе, каждый человек на счету — нам и так с трудом удается отстаивать границу. — Он отхлебнул из кружки. — Но Тасперас все же отозвал свой отряд из крепости, и мы пополнили наши ряды лесными стражами. После этого у нас возникли серьезные разногласия с землевладельцами из Койяги, поскольку большинство из них поддерживает короля Нумедидеса. Некоторые из них бежали со своими отрядами в Конавагу, а кое-кто из оставшихся обещал не выступать ни на чьей стороне, как, скажем, владетельный Валериан из Шохир. Там вот, бежавшие королевские прихвостни угрожают вернуться и перерезать нам глотки. Как раз сейчас в сторону Шохир направляются войска лорда Брокаса — и до нас уже

доходят известия об их жестокости к простым поселянам, которые поддерживают Конана.

Слова Хакона не были для меня новостью. Конавага — самая крупная и богатая провинция в западной части страны, там много могущественных и влиятельных землевладельцев, состоящих в родстве со знатью королевства — не то что в Тандаре. Сражаться с их войсками будет очень нелегко.

— Брокас не столько держит сторону Нумедидеса, — продолжал Хакон, — сколько хочет под шумок подчинить своей власти всю западную часть страны. Старый король, как всем известно, давно уже не в себе, вот Брокас и надеется, наверное, править нами как его наместник. В его армии сейчас — оставшиеся верными присяге аквилонские солдаты, боссонские лучники, дружины королевских приспешников из Конаваги и предателей из Шохир. Все это воинство остановилось под Койягой, в десяти поприщах от реки Огаха. Солдаты Брокаса буквально опустошили весь восток страны, и в Тенитее полно бежавшего от их зверств люда. Брокас намного превосходит нас силой, но мы не сдадимся без боя! Уже приняты все возможные меры: укреплен берег Огахи, которую ему придется форсировать, прежде чем выступить против нас, и блокированы все дороги, чтобы не пропустить его кавалерию — словом, мы готовы к сражению.

— А мы готовы заключить с вами договор, — сказал я. — Наша провинция пошлет в ваши ряды полторы сотни лесных стражей — ибо мы в Тандаре все на стороне Конана-киммерийца, и междоусобицы среди нас нет. В стычках же с пиктами мы сможем обойтись без этих людей — вам они нужнее.

— Командир крепостного гарнизона будет немало обрадован этим сообщением! — с энтузиазмом воскликнул Хакон.

— Как?! — вырвалось у меня. — А разве гарнизоном командуешь не ты? Ведь именно так считал Брант, сын Драго!

— Нет, старший над Кваниаром мой брат Дирк. Если не возражаешь, мы выпьем еще по кружке пива, а потом отправимся в крепость, дабы брат мог сам выслушать тебя. Я как раз направлялся туда со своими людьми.

Из короткого разговора с Хаконем я понял, что он, несмотря на свойственную ему отвагу и храбрость, на самом деле не очень подходил для роли командующего крепостью — было видно, что он привык действовать без долгих раздумий. Однако этот воин сразу понравился мне — человек он был порядочный и преданный делу.

— Ты сказал, что для охраны границы у вас осталось совсем немного людей, — заметил я. — А если нападут пикты?

— Между нами заключен мир, — ответил Хакон. — К счастью, вот уже несколько месяцев на рубеже все спокойно... Ну, разве что пара-другая мелких стычек в месяц.

— А владетельный Валериан? Его поместье показалось мне покинутым.

— Он некоторое время назад отослал всех своих воинов и сейчас живет в доме один, не считая нескольких слуг. Где его люди, никому не известно. Он обещал нам держать нейтралитет, и пока не был замечен в нарушении слова. Хотя, откровенно говоря, я не очень-то доверяю ему. Валериан — один из тех немногих хайборийцев, которые пользуются уважением у пиктских племен. Представляешь, в какой костер мы бы попали, если б ему пришлось в голову натравить на нас пиктов? С одной стороны — лесные дикари, с другой — армия Брокаса...

Тут Хакон поднял взгляд и едва не поперхнулся от удивления. К стойке подошел высокий мужчина в богатой одежде нобилья — в обтягивающих узких штанах, высоких сапогах и расшитой алой накидке.

— Это как раз и есть владетельный Валериан, — прошептал он, толкнув меня в бок.

Я присмотрелся к вошедшему повнимательнее — и, вздрогнув от неожиданности, вскочил на ноги.

— Валериан?! Но я видел этого человека прошлой ночью по ту сторону границы... Он присутствовал при чудовищном пиктском обряде Превращения Змеи!

Валериан резко повернулся ко мне. Был он бледен, как смерть, а глаза пылали, словно у разъяренного зверя.

Хакон тоже вскочил с места.

— О чем ты говоришь?! Это невозможно! Владетельный Валериан — один из знатнейших наших людей, и он дал слово чести...

— Может быть, и так, — запальчиво крикнул я, — но кто сказал, что он его держит! Ошибиться невозможно — я был очень близко от жертвенной поляны и хорошо запомнил это лицо! Повторяю: это был он — в набедренной повязке и размалеванный, как дикий пикт!

— Ты лжешь, гнусный мерзавец! — взревел нобиль, отбрасывая в сторону свою накидку и хватаясь за рукоять меча.

Но прежде чем он успел обнажить его, я прыгнул и сбил его с ног. Мы покатались по полу, но в этот момент чьи-то крепкие руки схватили нас и оторвали друг от друга. Нобиль стоял напротив меня, бледный и задыхающийся; в кулаке он сжимал мою перевязь, которую ему удалось сорвать во время схватки.

— Это грязная клевета! — прохрипел он. — Неужели вы поверите этому неизвестно откуда взявшемуся проходимцу?

— Я говорю правду, — сказал я, пытаюсь успокоить сбившееся дыхание. — Этой ночью я прятался под жертвенницей у поляны, на которой стоит алтарь пиктов, и наблюдал, как шаман Соколов переместил душу воина племени Ворона в тело огромной змеи. Ужасающее зрелище! Я убил колдуна — моя стрела попала ему в сердце. И я видел там именно тебя — ты, хайбориец, стоял на этой поляне, словно один из дикарей!

— Если это так... — начал было Хакон.

Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Это легко доказать! — воскликнул я. — Посмотрите на его грудь! На кожу!

Я подскочил к нему и рванул ворот его рубахи. Все верно: на груди Валериана остались хорошо заметные следы — изображение белого черепа, того самого знака, который лесные пикты рисовали на своих телах, выходя на тропу войны с хайборийцами. Нобиль, конечно, пытался смыть рисунок, но краски пиктов глубоко въедаются в кожу. Сомнений больше ни у кого не оставалось.

— Разоружить его! — отдал короткий приказ Хакон с побагровевшим от ярости лицом.

— И отдай мою перевязь! — потребовал я, заметив, что Валериан все еще сжимает ее в кулаке. Но он лишь

бросил на меня злобный взгляд и засунул тонкую, похожую на ленту полоску кожи в карман.

— Ты получишь ее назад, — прохрипел он, задыхаясь от ярости, — но она затянется вокруг твоей шеи, грязный пес!

Я не совсем понял его слова, но решил не спорить больше по этому не столь уж значительному поводу. Важнее было другое — что теперь делать с предателем. Хакон, казалось, пребывал в растерянности.

— Мне кажется, его нужно немедленно взять под стражу и отвести в форт, — сказал я. — Он предал вас, и сейчас можно ожидать самого худшего. Пикты племени Сокола были в боевой раскраске, а череп на его груди указывает, что и он собирается принять участие в этой войне.

— Великий Митра! — побелевшими губами выдохнул Хакон. — Невероятно! Хайбориец, выступающий с пиктскими демонами против своих!

Валериан молчал. Его держали за руки двое крепких стражей, он был по-прежнему бледен, как полотно, тонкие губы кривились в злобной усмешке, глаза горели яростным желтым огнем, в котором мне почудилось сумасшествие.

Хакон беспокоило, как жители Шохиры отнесутся к тому, что самого знатного ее нобилия ведут в крепость под стражей. В то же время он понимал, разумеется, что оставлять Валериана на свободе нельзя.

— Люди захотят знать, в чем мы его обвиняем, — поделился он с нами своими сомнениями. — И когда станет известно, что он предал нас и снюхался с пиктами, может начаться паника. Я думаю, лучше избежать этого и запереть его здесь, в местной тюрьме, а потом прислать сюда Дирка, чтобы он сам перевел его в цитадель.

Я не был согласен с этим решением, ибо вряд ли в Шохире могло сыскаться достаточно надежное узилище, но командовал, в конце концов, здесь не я.

По указанию Хакон предателя скрытно вывели через заднюю дверь таверны. К тому времени уже стемнело, и мы, не привлекая внимания, благополучно достигли тюрьмы.

Как я и предполагал, ею оказалась обыкновенная бревенчатая хижина на самой окраине городка. Она была разделена на четыре камеры, причем лишь в одной из них сидел какой-то пьяница, страшно буянивший и оравший непотребные песни. Однако он тут же утих, увидев, кто стал его товарищем по несчастью. Когда Хакон запер за Валерианом дверь, тот по-прежнему молчал, лишь глаза продолжали гореть безумным огнем.

Я удивился, что тюрьму охраняет всего один человек, но Хакон посчитал, что этого вполне достаточно, поскольку выбраться наружу Валериан не сумеет, а в городе нет никого, кто пожелал бы оказать ему помощь. Не скажу, чтобы меня убедили его доводы, но, в конце концов, это не было моим делом, поэтому я не стал продолжать спора, и мы с Хаконем направились в крепость, где я и встретился с Дирком, сыном Строма. Он был не только старшим над Кваниарой, но и заместителем Джена, сына Маркоса. Джен, которого лорд Тасперас назначил своим наместником, командовал сейчас военными силами, расположенными под Тенитеей.

К моему облегчению Дирк весьма серьезно отнесся к рассказу об этом происшествии и решил, как только станет возможно, сам побывать в тюрьме и допросить Валериана, хотя и не рассчитывал узнать от него что-либо существенное — нобиль, подобно всем знатым, был невероятно высокомерен. Предложение Тандары предоставить в его распоряжение полторы сотни человек весьма обрадовало Дирка. Он спросил, нет ли у меня желания остаться еще на некоторое время в Шохири — в этом случае он был готов послать в Тандару гонца, который передаст Бранту, сыну Драго, его благодарность и признательность. Я тотчас согласился, поскольку прекрасно понимал, что события, происходящие здесь, могут принять серьезный оборот, и был не прочь присутствовать при этом.

После аудиенции у Дирка мы с Хаконем вернулись в ту же таверну, где собирались переночевать, чтобы ранним утром отправиться в Тенитею.

Разведчики сообщили в Шохиру, что армия Брокаса уже близко, но Хакон, который только что вернулся из тенитейского лагеря, знал, что попыток выступить против

них нобиль не предпринимал. Мне подумалось, что, возможно, Брокас, которому, разумеется, известно о предательстве Валериана, ждет, когда пикты подтянутся к границе, чтобы ударить на Шохиру одновременно с двух сторон. Я поделился своими мыслями с Хаконем.

Но, как ни странно, несмотря на все факты, тот почему-то по-прежнему считал, что присутствие Валериана на жертвенной поляне не имеет большого значения — владетель, как известно, знался с пиктами и мог быть в лесу по какому-то делу, а на тайной церемонии присутствовал случайно. Я только покачал головой. Непростительное легкомыслие! Столь опытный, много лет проживший на границе человек должен был понимать, что пикты никогда не допустили бы чужого к своим обрядам. Только того, кто был принят в племя!

Глава 3

В ту ночь я спал плохо, меня мучили кошмары. Внезапно, словно от толчка, я проснулся и резко сел на своей растерзанной постели. Окно в комнате было распахнуто настежь, чтобы впустить внутрь хотя чуточку ночной прохлады. Оглядевшись, я увидел на фоне темно-синего звездного неба расплывчатый силуэт настолько огромных размеров, что он закрывал собой почти весь оконный проем. Я стремительно рванулся к своему боевому топору, но неизвестный оказался проворнее. Прежде, чем я успел встать, он длинным прыжком покрыл разделявшее нас расстояние, затем мою шею обхватили и со страшной силой сжали грубые пальцы. В темноте я не мог разглядеть ничего, кроме пылающих прямо передо мной багровых глаз на продолговатом черепе. В ноздри мне ударил резкий звериный запах.

Я схватил за запястье огромную лапу — она была волосатой, как у обезьяны, вся перевитая буграми железных мышц. И в этот момент другой рукой мне удалось нащупать топор — я поднял его и, уворачиваясь от смертельного захвата великана, одним ударом раскроил ему череп.

Захват на моей шее ослабел, и тело нападавшего безжизненно скатилось на пол. С трудом переведя дыхание,

я вскочил на ноги и, найдя огниво, кремь и трут, зажег свечу. Передо мной лежал нечеловек.

Фигура монстра была похожей на человеческую, но значительно более крупной, мощной и полностью заросшей волосами. Когти были как у хищного зверя, длинные и острые, а череп своим скошенным подбородком и низким лбом напоминал обезьяний. Это был чакан — одно из чудовищ, нечто среднее между обезьяной и человеком, обитающих в пиктских лесах.

В дверь настойчиво застучали, и я услышал встревоженный голос Хакона, спрашивающий, что случилось. Я отпер дверь, и мой новый товарищ с боевым топором в руке ворвался в комнату. При виде лежавшего на полу монстра он присвистнул от изумления.

— Это же чакан! — воскликнул он взволнованно. — Я никогда не видел их в наших краях, только далеко на западе. Эти твари невероятно опасны! А что это у него в лапе?

Я взглянул, и по коже у меня пробежал мороз — в намертво сжатых когтях чудовища была моя узкая, похожая на ленту оружейная перевязь. Видимо, чакан собирался использовать ее как удавку. В моей памяти тотчас всплыли слова Валериана. Судя по всему, вспомнил о них и Хакон.

— Я слышал, что шаманы пиктов умеют укрощать этих чудовищ и потом, как собак, натравливают на своих врагов, — задумчиво произнес он. — Но как это удалось сделать Валериану?

— Откуда мне знать? — пробормотал я. — Мы даже не можем быть уверены, имеет ли он к этому отношение. Хотя кто еще мог дать чакану мою перевязь? Так что, по-моему, сейчас самое время проверить, как обстоят дела в тюрьме.

Хакон разбудил своих людей, и мы не мешкая направились к окраине города. Перед хижиной, что служила тюрьмой, нашим глазам открылась страшная картина — человек, которого оставили охранять Валериана, лежал с перерезанным горлом перед открытой дверью камеры сбежавшего нобилья.

Из соседней камеры на нас глядели безумные глаза сидящего там пьяницы — впрочем, было видно, что он уже успел протрезветь.

— Ушел, — проговорил он, запинаясь, — он просто взял и ушел! Вот как все было: посреди ночи меня разбудили чьи-то голоса, я посмотрел в окошко и увидел, что рядом с охранником стоит какая-то женщина. Дозорный велел ей убираться, на что она дерзко рассмеялась и взглянула ему прямо в лицо. О, Митра! Мне показалось, что воин моментально сошел с ума! Уставившись перед собой, он застыл на месте, а женщина вытащила у него из-за пояса кинжал и одним движением перерезала глотку! А потом нагнулась, достала ключи и отперла дверь камеры. Валериан вышел оттуда, торжествуя улыбаясь, поцеловал женщину, после чего они принялись о чем-то шептаться. Только теперь, в тених за спиной этой ведьмы, я различил какую-то огромную безобразную фигуру. К свету фонаря над дверью великан не приближался, и я так и не понял, кто он.

Издав судорожный всхлип, пьяница продолжал:

— А потом я услышал, как ведьма сказала, что лучше избавиться и от этого бурдюка с вином — она говорила про меня. Я чуть сам не умер со страха, но Валериан, видно, торопился, и возразил, что делать этого не стоит — я все равно, мол, в стельку пьян и дрыхну без задних ног. Так что они ушли, но я еще успел разобрать, как Валериан сказал, что он должен поскорее послать кое-куда своего слугу, а потом они все вместе отправятся к хижине у Рысей реки, где дожидаются его люди. Лорд добавил, что туда же придет и шаман Тейянога, после чего они направятся к границе, встретят пиктов, вернутся сюда — и вот тут-то они повеселятся!

Лицо Хакона побелело.

— Ты знаешь, кто была эта женщина? — спросил я.

— Наложница Валериана, само собой! Ее отец был пиктом из племени Сокола, а мать — лигурийка. Пикты называют ее Колдуньей из Скандаги. О ней болтали у нас много невероятных вещей, но я никогда ее раньше не видел и не очень-то верил этим рассказам. Похоже, зря!

— А Тейянога? — продолжал я. — Клянуть копытами Нергала, я точно видел, как он свалился замертво, а моя

стрела торчала у него прямо из сердца! Значит, они все же собираются напасть на Шохиру! Как мы можем им помешать?

— Мы должны успеть к Рысей реке и перебить их там, — решительно сказал Хакон. — Если пикты перейдут границу, мы позавидуем тем, кто попал уже на Серые Равнины! Но нам придется рассчитывать только на свои силы — ни из города, ни из крепости нельзя забирать людей. Сколько бы их ни было — там, на берегу — нам придется справляться самим... И хорошо хоть, — добавил он, — что мерзавцы не догадываются, что нам известны их планы!

Мы выпустили из камер полностью протрезвевшего пьяницу и отправили его в крепость сообщить о случившемся, после чего немедленно двинулись в путь. На бархатном ночном небе мерцали звезды, вокруг было тихо и спокойно, но на западе, как затаившийся зверь, поднимался темный и мрачный лес пиктов, смертельно опасный для каждого осмелившегося войти в него чужака.

Углубившись в заросли, мы шли след в след друг за другом, стараясь не производить ни малейшего шума и держа наготове боевые топоры. Впереди нашего маленького отряда шел Хакон.

По вьющейся между приземистыми дубами тропе мы достигли неглубокой травянистой низины, цели нашего пути. На речном берегу стояла та самая хижина, и сквозь неплотно прикрытые ставни одного из окон пробивался слабый свет.

Наш командир сделал знак своим людям оставаться на месте, а мы с ним подкрались поближе к хижине. Разумеется, Валериан не забыл выставить дозорного, но он, на наше счастье, был настолько невнимателен, что снять его не представляло большого труда. Затем мы подошли к окну и заглянули внутрь в щель между ставнями.

В хижине находились владетельный Валериан, глаза которого по-прежнему горели мрачным безумным огнем, и девушка, поразившая меня своей дикой красотой. На ней не было никакой одежды, кроме узкой набедренной повязки и украшенных бисером мягких мокасин, а также

многочисленных ожерелий. Ее черные густые волосы перехватывал обруч тонкой работы, блестящий чистым золотом.

Кроме них в хижине было еще человек десять предателей из Шохиры — три лесных стража в своей обычной кожаной одежде и разбойничьего вида мужчины в суконных штанах и простых крестьянских куртках, а также шестеро гандерландских наемников — высоких светловолосях солдат, одетых в тяжелые кольчуги и железные шлемы. Вооружены они были мечами и кинжалами. Гандерландцев — храбрых, опытных воинов — часто нанимали для охраны своих поместий землевладельцы вдоль всей западной границы.

Люди эти, судя по всему, пребывали в отличном настроении, возбужденно смеялись и вели громкие разговоры. Валериан рассказывал о своем удачном побеге, предатели на чем свет стоит поносили своих бывших друзей; лесные стражи, правда, больше помалкивали, гандерландцы тоже лишь изредка вставляли пару слов. Выглядели они безразличными и невозмутимыми, но я прекрасно знал, что за их видимым спокойствием скрывается абсолютная безжалостность. Красавица, которую остальные называли Кварада, весело хохотала и прижималась к своему господину.

Хакон прямо затрясся от ярости, когда услышал хвастливые слова Валериана:

— Освободиться было до смешного легко. А этому тандарскому выскочке я приготовил приятный сюрприз — не думаю, чтобы он и дальше путался у нас под ногами. Когда у меня будут пиктские воины, я приведу их на границу, и мы нападём с запада, а Брокас ударит от Койяги. Вряд ли эти олухи ожидают чего-либо подобного — город свалится к нам в руки, словно перезрелый плод. Мы наконец получим то, что заслужили!

Вдруг мы услышали легкие шаги и, чтобы остаться незамеченными, бросились на землю. Дверь в хижину распахнулась, и когда мы через некоторое время снова приникли к щели в ставнях, то увидели, что к предателям присоединились семеро пиктов, украшенных перьями и

покрытых боевой раскраской. Среди них был и старый Тейаного с туго перетянутой голой грудью.

Значит, мне не почудилось, и моя стрела действительно пронзила навывлет сердце старого шамана... Но человек не может выжить после такого ранения! Не оборотень ли сейчас перед нами? Я почему-то вдруг начал верить в сверхъестественные способности пиктских колдунов.

По-прежнему незамеченные, мы услышали, как Тейаного сказал на ломаном аквилонском, обращаясь к Валериану:

— Ты хочешь, чтоб Соколы, Пантеры и Черепахи вышли к границе. Но если мы сделать так, на нас напасть племя Волка. И, пока мы сражаться с Шохирой, они опустошить наши земли. Поэтому прежде, чем выступать в поход, нашим племенам надо заключить мир с Волками.

— Не имею ничего против, — сказал нобиль. — Когда вы сможете это сделать?

— Сегодня ночью вожди всех племен собираться около болота Призраков. Там они говорить с Болотным колдуном — и все вожди сделать так, как сказать колдун.

— Ну что ж, — пробормотал Валериан, — скоро наступит полночь. Если отправиться прямо сейчас, мы дойдем до болота Призраков часа за три. Возможно, мы сможем убедить Болотного колдуна в необходимости этого шага.

— Быстро позови наших, — прошептал мне на ухо Хакон. — Скажи, чтобы они незаметно окружили хижину и подожгли ее!

Нас было почти в три раза меньше, но я, разъяренный происходившим у нас на глазах гнусным заговором, так же, как и Хакон, был готов на самые безрассудные поступки, только бы остановить предателей.

Прокравшись к нашим людям, я привел их к хижине. По дороге мы собрали несколько охапок сухих веток и разложили их под окнами, у которых разместились попарно. Одни держали наготове натянутые луки с наложенными на тетиву стрелами, другие — поднятые боевые топоры, чтобы разбить ставни. Я приготовился поджечь хворост. Мешкать было нельзя: изнутри раздался голос Валериана:

— Немедленно собирайтесь, мы выходим прямо сейчас! — после чего послышались шаги и лязг металла: воины разбирали свое оружие.

Закона трясло от возбуждения, он не мог дождаться начала атаки.

Я высек огонь, и пламя тотчас охватило сухие ветки. Пока оно не успело взметнуться слишком высоко и не перекинулось на стены хижины, наши люди разом обрушили свои топоры на ставни. В это же мгновение Хакон мощным ударом выбил дверь. Ставни разлетелись, и внутрь хижины полетели наши стрелы, поражая противников.

В первый момент люди Валериана от неожиданности даже не могли оказать сопротивления, но, опомнившись, бросились к выходу, где их уже ждали мы с Законом. Несколько врагов были убиты на месте, с остальными мы вступили в рукопашную схватку.

На меня сразу же напал коренастый гандерландец. Из-за жары он снял шлем, и его вспотевшая лысина блестела в неверных сполохах огня как огромное яйцо, однако тело было защищено длинной кольчугой. Я успел перехватить его руку с зажатым в ней коротким мечом. Впрочем, он тоже не стал мешкать, и мой тяжелый боевой топор оказался выведенным из игры тем же простым, но действенным способом. Мы топтались по кругу словно две борца, шатаясь и пытаясь, стараясь освободить свое оружие или хотя бы вывести противника из равновесия. Удача улыбнулась мне первому — противник повалился на землю, я упал на него, но стоило чуть ослабить хватку, как мой топор оказался у него в руке.

Я всеми силами старался сковать его движения, в то время как моя свободная рука шарила по земле в поисках чего-либо, хоть отдаленно напоминающего оружие. Внезапно я нащупал вросший в землю бульжник. Схватив его, я что было сил ударил по блестящей лысине. Тело подо мной слегка обмякло, и я, закрепляя победу, двинул еще раз, но уже схватив камень двумя руками. Гандерландец дернулся несколько раз и затих.

Я вскочил и огляделся в поисках новых противников, но все уже было кончено. Вокруг валялись трупы — и, к

сожалению, среди них я увидел и нескольких наших людей. Оставшиеся в живых враги, петляя, бежали к лесу, пытаясь избежать наших стрел, хотя в такой темноте было чрезвычайно сложно поразить цель.

Наши люди постепенно собирались вокруг командира. Внезапно один из них крикнул:

— Хижина! Валериан еще там!

Я кинулся к двери, находившейся буквально в пяти шагах, но было поздно — владетель и его женщина уже появились в проеме. Только наши руки потянулись к оружию, как колдунья, усмехнувшись, бросила что-то нам навстречу. Раздался взрыв, и всех ослепило нестерпимой яркости пламя. Нас окружило едкое зловоние, и мы невольно отступили, задыхаясь. Когда мы вновь обрели способность что-то видеть, оказалось, что парочка успела скрыться.

Мы лишили жизни около десятка врагов, большинство еще в начале атаки — стрелами. Еще несколько человек не слишком отличались от мертвых. Наши потери оказались скромнее: двое убитых и двое раненых. Раненого в ногу пришлось оставить на поле боя, в расчете на то, что люди из города перенесут его в крепость. Второму раненому перевязали руку, после чего Хакон сказал:

— Беги назад и предупреди Дирка, чтобы он перевел всех людей в цитадель и прислал кого-нибудь за Карлусом. Пусть поторопится, ибо пикты уже рядом! Мы постараемся задержать их у болота Призраков. Если не вернемся...

После того как лесной страж отправился в крепость, мы проверили свое снаряжение. Вместо топора я взял меч гандерландца и лук убитого стража — взамен того, который я потерял днем раньше. Было бы более разумным дожидаться подкрепления, однако я прекрасно понимал, что нам нельзя терять ни мгновения.

Дорога была хорошо известна Хакону и одному из стражей, неоднократно ходившим к болоту на разведку. Яркие звезды давали достаточно света, чтобы не сбиться с пути. Вскоре мы оказались под густым пологом леса и растворились в сумерках.

Мы осторожно пробирались вперед, соревнуясь с пиктами в искусстве красться по ночам. Нас вела тропа, проложенная от хижины прямо на юг.

Поход обещал быть сложным, ибо страна пиктов — не самое безопасное место даже в отсутствии рядом дикарей. Многочисленные хищные твари яро защищали свои владения от чужаков. Кроме волков, пантер, змей — а ведь и в них мало приятного! — здесь водились и другие чудища, которые в иных местах уже вымерли совсем. Как, например, вам понравилась бы встреча с саблезубым тигром или мастодонтом?

Сам я никогда не видел этих чудовищ, но мой брат, будучи в Тарантии, побывал в зверинце короля, где содержалась пара мастодонтов, и по его рассказам я примерно представлял себе, что можно ожидать от этих гигантов.

Еще более опасны болотные демоны или лесные бес-тии — называют их по-разному. Они в бесчисленном количестве обитали в том самом месте, куда мы направлялись. Днем их не видно, и никто не может сказать, где они таятся, а по ночам... От одного только их воя кровь стынет в жилах, но это еще не все: стоит подойти к ним поближе, как горло неосторожного моментально разрывают острые когти. Не удивительно, что Болотный колдун живет именно там — это самое впечатляющее доказательство его сверхъестественной силы.

Постепенно продвигаясь вперед, мы вышли к ручью Тулиана, названного по имени одного из воинов, геройски погибшего в сражении с отрядом пиктов. Ручей служил границей между Шохирой и страной пиктов — во всяком случае, так было обозначено в соглашении между ними. Достаточно трудно и тем, и другим соблюдать границу, если на вражеской стороне будет замечено что-либо полезное или соблазнительное.

После того, как мы, прыгая с камня на камень, пересекли ручей, Хакон остановился и начал шепотом советовать с лесным стражем, которому была лучше известна дальнейшая дорога. Посоветовавшись, они принялись

внимательно осматривать кусты и подлесок, пока не нашли развилку тропы, после которой мы двинулись налево — едва видимая дорожка, петляя между мрачными стволами дубов, вела, судя по всему, прямо к болоту.

Хакон предупредил, чтобы мы удвоили осторожность, но в то же время особо не мешкали — надо было миновать лагерь пиктов до рассвета. Было очень трудно соблюдать одновременно оба этих условия, и тем не менее наш маленький отряд быстро и бесшумно продвигался к цели.

Минуло изрядное время. Лес немного поредел, и я озабоченно посматривал на восток, но, к счастью, еще не было заметно никаких признаков рассвета; звезды по-прежнему усеивали небесный шатер. Внезапно лесной страж остановился и прислушался. Мы замерли. Заглушая стрекот ночных цикад, слышались звуки, отдаленно похожие на кашель. Но Хакон успокоил нас — поблизости охотилась пантера, а эти хищники в одиночку никогда не нападают на группу вооруженных людей. Мы двинулись дальше и постепенно перешли на бег — с каждым мгновением увеличивалась вероятность встречи с пиктами.

Через некоторое время командир снова остановил отряд; теперь вдаль слышался слабый шум, который не могло издавать никакое животное. Мы с тревогой вглядывались в сторону, откуда раздавалось тихое бормотание — в более спокойной обстановке я мог бы принять его за шелест дождя. Мое обострившееся в темноте зрение позволило различить слабый свет и еле заметные красноватые отблески на стволах деревьев.

Мы осторожно двинулись в ту сторону и, прислушиваясь к шелестящим звукам, углубились в лес, перебегая между деревьями и переползая небольшие поляны. Вскоре в неясном бормотании мне удалось различить гортанную речь пиктов. Хакон, подняв руку, призвал нас к бдительности. Буквально через несколько шагов мы увидели, что посреди хорошо протоптанной тропы сидят три дикаря. Это были дозорные, но к своим обязанностям они относились достаточно небрежно — коротали время за незатейливой игрой, подбрасывая вверх кусочки дерева и наблюдая, какой стороной он упадет на землю.

Я подполз к Хакону.

— Нападём на них?

— Нельзя, — прошептал он, — их вопли наведут на нас весь лагерь. Подожди, может быть, услышим что-нибудь интересное.

Мы замерли, напряженно вслушиваясь. Я, хотя и разобрал несколько знакомых слов, смог понять смысл только отдельных фраз, но меня сразу же насторожило имя Валериана, хотя и произнесенное на пиктский манер. Хакон, удовлетворенно кивнув, — видимо, он узнал все, что хотел, — пополз в сторону. Мы последовали за ним, но не успели мы преодолеть нескольких локтей и подняться, как раздался ужасающий рев. Я вздрогнул — впечатление было такое, словно какой-то великан трубит в огромный рог, скликая своих сородичей. Звук повторялся снова и снова, но — слава Митре! — постепенно отдалялся. Однако я успел заметить между стволами деревьев одного из тех монстров, о которых вспоминал так недавно. Это был мастодонт! Будучи высотой в два человеческих роста, длинными изогнутыми бивнями он едва не царапал землю и, если я не ошибся (все-таки света звезд было недостаточно), его бока были покрыты густой короткой шерстью.

Эта встреча повлекла за собой крайне неприятные последствия. От неожиданности Хакон непроизвольно сделал шаг назад и толкнул стоящего рядом лесного стража — причем так неудачно, что тот, как подкошенный, рухнул на землю. Я успел отпрыгнуть, но все равно мы наделали столько шума, что пикты не могли нас не заметить. Тут же послышался свист стрелы Хакона, ушедшей в темноту над моим плечом.

Резко обернувшись, я увидел пиктов, которые, на ходу выхватывая оружие, мчались в нашу сторону. Правда, их было всего двое — один уже лежал со стрелой Хакона в горле. Бежавший впереди дикарь метнул копье и с топором в руке ринулся на меня. Не успев я вытащить стрелу, как он оказался так близко, что мне ничего не оставалось, как схватить лук обеими руками и обрушить его на голову врага. Оглушенный пикт пошатнулся, и я успел, отбросив в сторону лук, обнажить клинок. Когда мой противник

взмахнул топором, мне удалось перехватить его руку и вонзить меч под ребра дикаря. Третий удар, почти отделивший голову пикта от туловища, поверг его на землю.

Я осмотрелся по сторонам — схватка завершилась, все трое дикарей были мертвы, но и мы понесли серьезные потери. Рядом со мной стоял только Хакон, поразивший своего противника ударом топора. Один лесной страж лежал с разбитой головой, а другой, словно бабочка, был приколот к стволу дерева копьём, пронзившим ему живот. Но нам еще повезло — пикты напали на нас, не издав своего обычного боевого клича. В их лагере наверняка слышали рев мастодонта, и весь последующий шум могли отнести на его счет. Во всяком случае, больше никто из дикарей не появился.

— Теперь нас двое, — сказал Хакон. — Мы должны сделать все, чтобы отправить к Нергалу проклятого нобиля и Колдуна, даже если придется умереть самим! Дозорные болтали, что Валериан отправился к Колдуну с небольшим отрядом, большая часть его людей осталась в лагере. Мы обойдем лагерь, и ты засядешь у тропы — на случай, если Валериан вернется, — а я пойду к болоту и постараюсь прикончить их там.

Мне не понравился план Хакона; эта трясина была гиблым местом, где кроме дикарей можно было столкнуться с куда более опасными тварями, например, с теми же болотными демонами.

— Хакон, — возразил я, — ты опытный человек и потому твоя жизнь куда более ценна, чем моя. Будет лучше, если ты останешься в засаде, а на болото пойду я.

Однако переубедить командира мне так и не удалось — в конце концов он напомнил мне, кто здесь отдает приказы. Внезапно мы услышали слабый стон — пораженный в живот лесной страж был еще жив. Преодолевая чудовищную боль, он прохрипел:

— Не дайте мне попасть в лапы дикарей... они отомстят за своих...

— Но нам тебя не донести, мы...

Умиравший прервал Хакона:

— Я не прошу об этом... лучше легкая смерть... сразу...

Командир молча вытащил кинжал. Я отвернулся. Нашего товарища, попади он к пиктам, несомненно ждали жестокие пытки, но все равно я не мог спокойно наблюдать за подобным милосердием.

Глава 5

Мы пробирались лесом вокруг стана пиктов. Было видно, что скорого набега на Шохиру не предвидится — одни воины неторопливо возводили навесы, другие бездельничали, лежа на охапках свеженарубленных ветвей. Посреди поляны горел небольшой костер.

В лагере находились только воины, ни женщин, ни детей там не было. Все четыре племени расположились отдельными стойбищами — Соколы, Пантеры, Черепахи и, самое многочисленное, племя Волка. Несколько раз мы чуть было не наткнулись на бродивших по лесу дикарей. В конце концов мы опять оказались на тропе, ведущей к болоту Призраков.

Лагерь пиктов был разбит достаточно далеко от болота — видимо, дикари сами опасались обитающих там тварей. Прошло довольно много времени, прежде чем мы обнаружили подходящее место для засады — густые заросли папоротника, посреди которых торчало несколько разлапистых елей. Я взял на изготовку лук и улегся на землю, а Хакон начал осторожно спускаться вниз. В той стороне, куда он ушел, в просветах между деревьями виднелось небольшое озеро.

Мы были в пути уже достаточно долго, и мной снова овладело беспокойство, что нам может помешать наступающий рассвет. Но небеса все еще были темными. Вокруг царил тишина, и, как я ни напрягал слух, не мог различить никаких звуков, кроме тонкого гудения комаров. Усталость брала свое — все-таки за плечами был напряженный переход и две жестокие схватки. Мое внимание ослабло, и глаза стали закрываться сами собой. Это длилось мгновение, не больше — во всяком случае, именно так мне показалось. Вдруг я почувствовал, что на меня навалилось что-то тяжелое, и тут же услышал оглушающий дикий вой.

Спросонья я сопротивлялся вяло, да и силы были слишком неравны — мои руки и ноги крепко держали четверо дикарей, а пятый прижимал меня к земле. В одно мгновение я был крепко связан. Взглянув на небо, я ужаснулся — оно уже светлело. Великие боги, сколько же я спал?!

Пикты тем временем срубили молодое деревце, подвесили меня к нему, пропустив ствол между руками и ногами, и потащили в направлении болота. Болтаясь над землей, я только и мог, что в бессильной ярости наблюдать, как идущие за нами что-то оживленно обсуждают со злорадными усмешками. Я поразился: пикты, которые считали себя великими воинами, полагали смех недостойным себя, разве что кроме исключительных случаев — например, пыток пленных.

Я попытался взять себя в руки. Конечно, захвачен я был самым глупым образом, и впереди меня не ждало ничего хорошего. Но я был еще жив — значит, следовало подумать о побеге. Когда мы достигли болота, уже достаточно рассвело, чтобы можно было увидеть поверхность воды с клубящимся над ней туманом, который скрывал выступавшие камни, мертвые, словно обглоданные, деревья и заросли болотной травы. Меня тащили по травянистой косе, узкому языку суши, вдававшемуся далеко в болото. Потом дикари зашли в воду, которая, видимо, скрывала дорогу из камней, и, с трудом сохраняя равновесие, наконец добрались до логова Колдуна. Оно находилось на островке, между деревьями которого виднелись небольшие хижины, расположенные, как это принято у пиктов, полукругом. Нас выпило встречать не так уж много народу: среди них были Болотный колдун, Валериан с несколькими своими людьми, Кварада и старый Тейаного. Дикари, если судить по тому, как они были размалеваны, являлись вождями и воинами племен Черепахи, Сокола, Пантеры и Волка.

Увидев меня, нобиль злорадно оскалил зубы.

— Какая приятная встреча! — воскликнул он с издевательской усмешкой. — Это ведь жалкий мятежник из Тандара! Кто бы мог подумать, что ты окажешься настолько упорным! Я был бы на вершине успеха, если б

мне удалось столь же преуспеть в величии и добродетели, сколь тебе — в бунтах и богомерзких поступках! Ну, что ж, тебя, как и твоего дружка-предателя, за ваши гнусные деяния ждет достойная награда!

Он сделал знак рукой, и меня, сняв с шеста, бросили на землю. Напрягая затекшие мышцы, я с трудом перевернулся. Увиденное не обрадовало меня: в центре площадки, окруженной хижинами, стоял столб, к которому был крепко привязан мой командир.

Валериан насмешливо кивнул в его сторону.

— Твой товарищ думал, что он хитрее Колдуна и болотных демонов. Большое заблуждение!

Мы с Хаконем только и могли, что угрюмо обмениваться взглядами, покуда дикари, по приказу Колдуна, принялись копать яму под его ногами. Колдун оказался очень старым, буквально высохшим, сгорбленным человеком. Его темно-коричневая кожа напоминала пергамент, хотя седые волосы были все еще густыми.

Когда я на западной границе слышал рассказы об этом человеке, в них упоминалось, что он был последним из Древних, которые населяли эти земли задолго до пиктов. И действительно, черты его лица были весьма необычны: широкий и плоский нос, сильно скошенный лоб, глубоко спрятанные под надбровными дугами маленькие глазки. Как и все пикты, Колдун был в одной набедренной повязке, однако вместо обычной раскраски его грудь украшал затейливый узор из шрамов. Он что-то прокаркал, и меня, поспешно подняв с земли, поставили на ноги. После этого Колдун, приблизившись, стал внимательно рассматривать меня, сверля своими черными острыми глазами. Наконец он отвернулся и отдал несколько новых приказаний.

Пикты бросились копать еще одну яму, в которую вставили ствол дерева и тщательно утрамбовали землю вокруг него. Теперь на площади стояли два столба — к одному был привязан Хакон, а к другому потащили меня. Дикари перерезали мои путы, сорвали всю одежду и начали привязывать к столбу длинными кожаными ремнями.

Я не мог особенно сопротивляться, так как меня держало несколько человек, но попытался как можно сильнее напрячь мышцы — когда я их расслаблю, это поможет освободиться. Мысли о победе не оставляли меня даже в этом отчаянном положении.

Колдун вел неторопливую беседу с Валерианом и вождями. Внезапно один из них, предводитель племени Черепях, со злобной ухмылкой направился в мою сторону. Он выхватил из-за пояса боевой топор и, почти не целясь, метнул в мою сторону. Я приготовился свести последние счеты с жизнью, но топор, перевернувшись в воздухе несколько раз, вонзился глубоко в дерево над моей головой, а его рукоятка ударила меня в лоб. Раздались торжествующие вопли — видимо, собравшихся обрадовало то, что я вздрогнул. С этого обычно и начиналось — пикты стреляли в жертву из луков, в нее метали топоры и ножи и получали тем большее удовольствие, чем больше страха она вызывает. Я знал об этом, и старался оставаться невозмутимым.

Внезапно среди дикарей разразилась бурная ссора. Даже при моем слабом знании пиктского наречия мне удалось понять, что одни кричат «сейчас», другие — «потом». Впрочем, этот спор не мешал одному из воинов старательно строгать небольшой кусочек дерева, явно предназначенный для того, чтобы воткнуть в мое тело и поджечь. Когда выяснилось, что Колдун хочет «потом», крики прекратились. Я воспользовался тем, что пикты не заткнули мне рот, и тихо спросил Хакона:

— О чем они спорят? Когда начинать пытки?

— Да, — подтвердил мой товарищ по несчастью. — Главный из Черепях и те, кто с ним, желают немедленно поупражняться в меткости, а остальные предпочитают отметить этим поражение Шохиры. Колдун же утверждает, что мы принадлежим ему, и только он может решить, когда остальные смогут начать наслаждаться нашими муками.

Я с содроганием вспомнил о ритуале Превращения Змеи и подумал, что бывают вещи и пострашнее пыток...

Болотный колдун отослал воинов обратно в лагерь и удалился в свою хижину. За ним разошлись вожди; ушли

и Валериан с Кварадой. Рядом с нами остались только два дикаря.

— Сейчас они отдохнут, а потом отправятся в набег на Шохиру, — объяснил Хакон. — Это будет после полудня, им как раз хватит времени, чтобы оказаться под стенами перед самым наступлением темноты.

— Понятно, почему они боятся идти днем, — сказал я. — Никому не хочется получить в брюхо стрелу из баллисты.

— Я понял еще кое-что, — продолжал мой товарищ. — Колдун обещал дать им какое-то особенное оружие. Нечто магическое, я думаю.

Он повернулся к стражам и крикнул по-аквилонски:

— Эй! А почему бы вам не поделиться с нами тем пивом, которое только что хлебали ваши вожди?

Оба охранники, непонимающе взглянув друг на друга, снова отвернулись.

Хакон повторил эту же фразу на пиктском языке. Реакция дикарей последовала немедленно: один из них что-то гневно рывкнул, а другой сплонул в нашу сторону.

Командир удовлетворенно кивнул.

— Теперь хоть ясно, что они понимают только свое карканье. Слушай, тебе еще не пришло в голову, как нам сбежать отсюда?

— Пока нет, но я надеюсь что-нибудь придумать, когда вожди со своими людьми уберутся отсюда. Давай пока помолчим, чтобы не привлекать их внимания.

Так мы стояли под палящим солнцем, уже начавшем склоняться к западу, мучаясь от жажды и укусов насекомых. К нашим полученным во время ночных схваток ранам прибавились многочисленные порезы от кожаных ремней, которые буквально впивались в тело. Хакон сильнее меня страдал от жарких солнечных лучей, так как я от природы обладал более смуглой кожей.

Храп, все это время раздававшийся со стороны хижин, понемногу стих. Послышались хриплые спросонья голоса — стойбище постепенно просыпалось. Наконец, из хижины вышел Колдун. Оглянувшись вокруг и посмотрев на солнце, он дунул в костяной свисток, висевший у него на груди.

На площади появился лорд Валериан в сопровождении дикарей, большая часть которых сразу же принялась править оружие. Тем временем Колдун вернулся в хижину и вытащил из нее огромный, около двенадцати футов длинной, кожаный мешок, чем-то до отказа набитый и крепко перевязанный. Вряд ли он был тяжелым, судя по тому, что немощный старик нес его без усилий; у меня сложилось впечатление, что мешок был просто хорошенько надут. По приказу Колдуна пикты привязали этот мешок к раздвоенному шесту и, наконец, тронулись в путь.

Судя по выражениям лиц и гневному ворчанию наших стражей, они были страшно недовольны тем, что оставлены охранять нас и лишены возможности участвовать в набеге.

Колдун смотрел вслед удалявшемуся отряду до тех пор, пока тот не скрылся в лесу. Затем он поочередно проверил крепость наших пут, при этом внимательно вглядываясь в лица. Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы выдержать его пронизывающий взгляд. После этого старик отошел в сторону, уселся, скрестив ноги, и принялся за свое варварское гадание, подбрасывая кости и наблюдая, в каком сочетании они упадут на землю. Первоначальный результат явно его не удовлетворил, и, повторив попытку, Колдун дребезжащим старческим голосом затянул какую-то песню на незнакомом мне языке.

Охранники, не сомневающиеся в крепости наших пут, похоже, потеряли всякий интерес к выполнению своих обязанностей. Один вообще отошел в сторону, опустился в траву и задремал, прислонившись к стене хижины, другой же начал упражняться с оружием, демонстрируя все известные ему приемы боевого искусства. Внезапно он остановился и, разбудив напарника, показал рукой в сторону Колдуна. Тот сидел неподвижно, буквально окаменев и устремив отсутствующий взгляд в сторону болота. Дикари с осторожностью и почтением приблизились к старику и один из них, вероятно, более смелый, заглянув Колдуну в лицо, пощелкал перед ним пальцами. Тот даже не шелохнулся. Создавалось впечатление, что его дух пребывает сейчас где-то очень далеко.

Пикты начали о чем-то переговариваться между собой, поглядывая то на старика, то на нас с Хаконем. Из их слов мне удалось разобрать, что они решили отправиться вдогонку за ушедшим отрядом, пока Колдун, находящийся в трансе, не может их остановить. Один из дикарей, вытащив топор, направился в мою сторону. Его намерения были более чем ясны. Я, напрягая легкие, изо всех сил закричал, пытаясь вывести Колдуна из оцепенения.

Мой вопль остановил пиктов. Еще раз посоветовавшись и, видимо, решив не искушать судьбу, они покинули остров, прыгая по дороге из камней. После того, как дикари исчезли из вида, Хакон пробормотал:

— Хвала Митре, все-таки две пары глаз долой. Но чем это нам поможет? Я связан так крепко, что мне не понять, где у меня руки, а где — ноги!

— Об этом мне удалось позаботиться, — отозвался я и принялся за дело. Расслабив напряженные мускулы, я почувствовал, что ремни уже не так впиваются в тело. Поочередно приподнимая, насколько это было возможно, и опуская плечи, я попытался освободить кисти рук. Постепенно стягивающие их петли начали соскальзывать, и через некоторое время я освободил правую ладонь. С невероятным напряжением выворачивая кисть, я принялся просовывать кончики пальцев под петлю на предплечье — и, наконец, мне это удалось.

Колдун все еще был в трансе, а я, обливаясь потом, продолжал трудиться над своим ремнями.

День приближался к закату. После того, как я освободил правое предплечье, петли ослабли настолько, что вытащить левую руку не представляло труда. Остальное было еще легче — ремни, стягивающие грудь, я сдвинул вверх и освободил туловище, а затем и ноги.

Взглянув на Колдуна — тот все еще сидел неподвижно — я попытался тронуться с места. Острая боль пронзила все мускулы — казалось, в них как будто всадили тысячи иголок. На подгибающихся ногах я подошел к своему товарищу.

Пикты, безусловно, хорошо постарались, привязывая Хакона к столбу, и высвободить его из пут без ножа было почти безнадежным делом.

— Поищи лучше что-нибудь острое, — посоветовал командир, — а то провозишься до рассвета.

Я не хотел терять времени и пустил в ход зубы. Но так как результат оставлял желать лучшего, пришлось последовать совету и осмотреть хижину. К несчастью, пикты, уходя, унесли с собой все оружие, и я нашел только лук необычной формы, висевший на стене в хижине Колдуна, забитой кучами различного хлама, копившегося, вероятно, не одно десятилетие. Здесь же был и колчан, заполненный короткими стрелами, годными для охоты на дичь не крупнее дикой утки, но их костяные наконечники не могли послужить для моей цели.

Таким образом, единственным доступным мне оружием был нож, висевший на поясе Колдуна. Я осторожно подкрался к старику, до сих пор находившемуся в прежнем положении, и, схватив его за волосы, изо всех сил нанес удар в челюсть.

Тело Колдуна отбросило на несколько локтей, и он безвольно растянулся на земле. Казалось, все кончено, но вдруг старик вздрогнул и попытался подняться. Я догадался, что дух, покидавший его тело, вернулся в свою оболочку. Не теряя ни мгновения, я навалился на Колдуна и стиснул пальцы на тощем горле. Но, невероятное дело — он стал сопротивляться с силой, которую было невозможно представить в его немоющем теле. Под сухой кожей внезапно напряглись железные мышцы. Старик, несколько раз ударив меня ногами, попытался вцепиться в мои глаза таким быстрым движением, что я едва успел отклониться в сторону. Случайно поймав его взгляд, я вдруг почувствовал, как ослабевает моя воля. Я начал осознавать, что этот старик — мой повелитель, мой владыка, и если он захочет забрать мою жизнь, я покорно преподнесу ему этот скромный подарок. С чудовищным трудом я прикрыл веки; это помогло мне избавиться от наваждения, позволив не ослабить хватку.

Но дело осложнялось тем, что я не мог отпустить горло старика — произнеси он заклинание, мой дух навсегда покинул бы бренную плоть. И, тем не менее, сопротивление Колдуна слабевало — хоть он ухитрился вытащить кинжал из висевших на поясе ножен, сил старика хватило

лишь на то, чтобы поцарапать мне кожу. Постепенно его движения становились все более беспорядочными и вялыми, но я не отпускал его до тех пор, пока он не перестал подавать последних признаков жизни. Сердце старика остановилось, но я, не желая рисковать, выхватил из его рук кинжал и перерезал горло последнего из Древних.

С трудом поднявшись, я подошел к Хакону и освободил его от пут. Командир, как подкошенный, рухнул на землю и, шипя и кривясь от боли, принялся растирать затекшие члены. Когда он, наконец, обрел способность двигаться, я спросил:

— Хакон, зачем они взяли с собой мешок?

— В этом мешке — болотные демоны, — ответил командир. — Перед штурмом пикты поднимут его над стеной форта и откроют — чудовища не успокоятся, пока не перебьют всех, кто попадется им на пути. Колдун наложил на демонов заклятье — все легенды говорят об этом — и спастись можно, только бросившись на землю. Дикари, открывшие мешок, будут лежать до тех пор, пока демоны, завершив свое дело, не канут в ту преисподнюю, откуда явились.

— Тогда нам нужно поторопиться, чтобы остановить их, — сказал я, — но в нашем распоряжении только кинжал и лук — да и то охотничий.

— Это все же лучше, чем ничего, — ответил Хакон. — Он тоже может пригодиться, если выпустить стрелу с близкого расстояния. Только действовать придется тебе одному — пикты в свалке выбили мне руку. Так что натянуть лук я теперь не смогу.

Итак, мы вдвоем с Хаконем отправились вслед за войском дикарей, ведомых владельцем Валерианом. Я нес лук Колдуна, Хакон держал здоровую руку на рукояти кинжала, отнятого мной у старика.

Мы предполагали, что пикты могли разместить где-то вблизи ручья Тулиана несколько постов, поэтому переходили его с величайшей осторожностью. Затем, скрываясь еще тщательнее, перебрались через Рысью реку. Попавшее нам на глаза перо из головного убора пикта указывало на то, что дикари проходили по этой дороге, но сейчас их нигде не было видно.

Заметили мы их только после захода солнца, окрасившего в багровый цвет небо на западе. Мы почти уже достигли полей, окружавших Шохиру. Пикты, растянувшись широким полукругом, залегли на краю опушки. Среди них были Валериан и его любовница-колдунья. Вожди дикарей сгруппировались вокруг странного мешка, привязанного к шесту.

В Шохире не замечалось ни одного огня — значит, гонец успел предупредить о готовящемся набеге. Крепость Кваниара, в отличие от города, была ярко освещена, и оттуда доносился неясный гул голосов, а также бление, мычание и рев согнанных из Шохиры домашних животных. Пикты значительно превосходили числом защитников крепости, но те были готовы дать дикарям достойный отпор. И если бы не эти ужасные твари с болота Призраков...

Наступала ночь; на темно-синем бархате небосвода высыпали многочисленные звезды. Сквозь просветы в листьях папоротника мы увидели узкий серебристый серп луны.

— Они будут ждать, пока окончательно не стемнеет, — еле слышно прошептал Хакон. — Может, нам удастся сейчас подобраться поближе к этому проклятому мешку?

Тут я, наконец, понял отчаянный план своего товарища. Ну что ж, ничего больше нам не оставалось, и, плотно прижимаясь к земле, мы поползли к стоявшему неподалеку огромному старому дубу. Прячась за его мощным стволом, мы с чрезвычайной осторожностью поднялись на ноги — кусты, в которых залегли дикари, теперь были не более чем в двадцати шагах от этого места.

Я наложил стрелу на тетиву. В этот момент послышался размеренный бой пиктского барабана, и сразу же за ним звонкие удары в гонг — в крепости забили тревогу.

Потом барабанный бой резко сменил темп на быстрое «раз-два, раз-два». Два пикта подошли к шесту и подняли его так, что мешок как бы парил над их головами.

— Пора! — раздался свистящий шепот Хакона.

Я прицелился как можно тщательнее, не забыв вознести молитву Митре — моя задача была явно не из легких. Лук, который я сжимал напряженными руками, не был

привычен для меня; узкий серп луны и тусклые звезды давали слишком мало света, к тому же проклятый мешок все время раскачивался на ветру... а я не имел права промахнуться!

Темп барабанного боя еще более ускорился. Послышался свист, звон оружия, приглушенные слова приказов. С ужасающим воинственным воем пикты высыпали из укрытия и бросились к форту.

Я спустил тетиву и тут же понял, что промахнулся. Неужели не успею?! Стремительным движением я натянул лук еще раз. И тут Митра не оставил меня своей милостью — стрела попала в раскачивающуюся на фоне звездного неба цель! Раздался резкий звук, словно лопнула туго натянутая струна.

Два дикаря, которые несли мешок, взглянув вверх, в ужасе застыли. Из лопнувшего мешка начало выплывать наружу какое-то клубящееся облако.

— На землю, живо! — скомандовал Хакон и ничком упал, уткнувшись лицом в сырой мох. Не мешкая, я последовал его примеру.

Пронзенный моей стрелой мешок утратил свою округлую форму и мятой тряпкой болтался на шесте. Похожее на густой дым облако, постепенно расширяясь, окутало ряды циков. Затем оно стало распадаться на отдельные части — и каждая из них обратилась в ужасное существо. Эти твари были человеческого роста, с хвостом и крыльями, как у птиц, и большой круглой головой, а также длинными руками и ногами с тонкими когтистыми пальцами.

Хотя я как можно плотнее вжимался лицом в землю, чтобы не привлечь внимание демонов, все же мне удалось заметить, что их было никак не менее нескольких сотен. Протяжно завывая и визжа, они носились над воинством пиктов, которые, совершенно обезумев от ужаса, беспорядочно метались по полю, наталкиваясь друг на друга. Как только из мешка появились эти жуткие твари, один из вождей громким криком приказал своим людям лечь на землю, но только несколько дикарей выполнили приказ. Вой пиктов перекрывал даже визг болотных демонов, но все попытки спастись были тщетны; их неотвратимо

настигал летающий кошмар. Совсем близко от нас жуткая тварь одним движением оторвала голову какому-то дикарю, причем его тело с хлещущей из разорванных артерий кровью успело пробежать еще несколько шагов, пока, наконец, не рухнуло, с треском ломая кусты.

Охваченные безумной паникой пикты носились взад и вперед по полю, и везде их настигали когти кошмарных летающих тварей. Буквально через два десятка вдохов все было кончено. Не находя больше жертв, болотные демоны один за другим скрывались в лесу, и скоро вокруг нас не осталось ни одного живого существа.

Внимательно оглядевшись, мы с Хаконем поднялись и пошли по направлению к крепости. Внезапно перед нами с земли, как вспугнутый перепел, вскочил один из уцелевших дикарей — и, вместо того, чтобы с воинственным воплем ринуться на врага, резко развернулся и бросился обратно в лес. Видно, только что происшедшего кровавого побоища оказалось более чем достаточно, чтобы надолго отбить охоту к сражению даже у такого храброго и мужественного воина, каким считал себя каждый пикт.

Подойдя к брошенному шесту с пустым теперь мешком, мы обнаружили около него жалкие останки того, кто был совсем еще недавно могущественным владельцем Валерианом — голову, оторванную левую руку и растерзанное страшными когтями туловище. Мы прихватили с собой голову нобиля как доказательство того, что произошло. Кварады — ни живой, ни мертвой — нигде не было видно, и никто из нас так и не узнал, удалось ли колдунье избежать ужасной участи своих соплеменников.

Из цитадели навстречу нам уже бежали люди, посланные на разведку Дирком, сыном Строма. Услышав наш рассказ, они кинулись обратно, чтобы сообщить командующему хорошие вести. Из-за стен крепости выплеснулась ликующая и вопящая от радости толпа, нас подхватили на руки и внесли под арку ворот.

Что касается меня, то самым приятным было видеть изумление и растерянность Отхо, сына Корма, моего недавнего знакомого. Он приходил в Шохиру, чтобы расквитаться со мной за слова, которые он посчитал оскорблением, и теперь наблюдал за нами с таким глупым

выражением лица, что я не мог не расхохотаться. Что ж, вряд ли у него теперь возникнет желание проучить одного из спасителей своего города!

* * *

Я вернулся в Тандар. Скоро мы узнали, что прежний правитель Нумедидес умер, и королем Аквилонии стал Конан. Конан-киммериец!

С этих времен — впервые на человеческой памяти — стычки на границе прекратились. Ведь по обе ее стороны прекрасно знали, что новый король грозен и крут и не потерпит ни малейшего нарушения заключенного договора. Мой Тандар благоденствовал, как и все остальные провинции; всюду строились новые деревни, крепости и города, расцветали ремесла и торговля. Мы добились того, о чем мечтали — долгожданного мира.

С тая птиц с испуганным криком взметнулась над деревьями: из зарослей кустарника на поляну вынырнул человек. С досадой глянув на галдящих птиц, человек настороженно прислушался, огляделся — и бесшумным кошачьим шагом заскользил по траве, стараясь как можно быстрее миновать открытое место. Преследователи его были не столь осторожны — по всему лесу раздавался треск, словно семья медведей ломилась сквозь кусты, а время от времени к нему добавлялся леденящий душу вой и клекот — боевой клич Потомков Орла.

Беглец был измучен и бледен от усталости, но двигался с ловкостью и грацией, какую трудно было предположить, глядя на его высокий рост и мощную фигуру. Всю его одежду составляла изодранная колючим кустарником набедренная повязка, и нагое тело сплошь покрывали ссадины и царапины. Правое запястье перетягивала тряпица, серо-коричневая от грязи и запекшейся крови. Он заметно хромал, но синие глаза из-под гривы черных волос горели яростным волчьим огнем.

Уже три дня пикты гнали его впереди себя, как свора псов гонит оленя. Будь на его месте любая другая дичь, лесные охотники давно бы бросили погоню, но кому как не ему было знать, что ворон не оставит свежей падали, а пикт — кровавого следа киммерийца. Особенно, если этот киммериец убил при побеге пятерых воинов, и среди них — военного вождя клана, увеличив свой и без того немалый Долг Крови. А Долг был поистине велик, ибо киммериец этот был — Конан. Вой раздавался все ближе. Пригнувшись, поминутно оборачиваясь, неслышной тенью скользил Конан вдоль края прогалины, следуя едва заметной звериной тропой. Птицы уgomонились, и теперь его могла выдать только собственная неосторожность — или усталость.

Поперек тропы, скрываясь иссохшим комлем в зарослях ежевики, лежало поваленное дерево. Перескочив его, варвар сошел с тропы и помчался через прогалину, нарочито грубо приминая траву. Добежав до края леса, он

повернул, стараясь ступать по голой земле и камням, и по тропе вернулся к сухому стволу. С довольной ухмылкой, увидев которую, пикты, наверное, тотчас же оставили бы погоню, Конан с ловкостью канатоходца пробежал по дереву и исчез в кустах. Дожди и солнце давно оголили и отполировали мертвую древесину, так что следов на ней оставалось не больше, чем на поверхности воды. Беглец затаился и принялся ждать.

Пикты приближались с воем и топотом, как и полаглось загонщикам, и тревожный вороний грай вновь взлетел над прогалиной задолго до их появления. Сдерживая дыхание, Конан видел, как один за другим из леса вышли, щурясь на солнце, трое низкорослых меднокожих воинов в одежде из волчьих шкур — и остановились, прислушиваясь и изучая след, оставленный киммерийцем. Они не торопились. Они были уверены, что рано или поздно загнанная жертва окажется у них в руках. При этой мысли Конан снова нехорошо улыбнулся.

Деревня отрядила в погоню за ним лучших воинов — Конан определил это по ожерельям из медвежьих гортей и обилию горностаевых хвостов, нашитых на одежду. Черные жесткие волосы и бороды были заплетены во множество кос, с левого плеча у каждого свисало, пришитое к рубахе, длинное орлиное перо, а лица были раскрашены черным и синим цветом — знаки клана. Оружие их было незамысловато: копья и стрелы с кремневыми наконечниками — но и сам Конан располагал лишь тем, что сумел добыть в деревне. Узнав сталь, он брезговал даже бронзой, но на этот раз выбирать не приходилось.

Не хуже вышколенных ищеек шли они по следу Конана, читая знаки на траве и земле так же ясно, как и он сам. Один из пиктов, перескочив через ствол, испустил вдруг радостный вопль и указал копьем на примятую траву. Проследив сумасшедшие прыжки киммерийца, пикты заулюлюкали торжествующе и насмешливо — похоже, их жертва, выбившись из сил, потеряла всякую осторожность. Придумывая Конану разнообразные унизительные прозвища, они принялись общаривать прогалину пядь за пядью, пытаясь угадать, где киммериец свернул

в лес. Охотничий азарт совершенно ослепил их. Конан ищерицей прополз сквозь колочки к самому краю зарослей, дождался, пока они пройдут — и выскочил на тропу позади них.

Словно из-под земли возникла у них за спиной огромная фигура киммерийца. В левой руке он сжимал нож, в правой — цельту, тяжелый каменный топор. В тот миг он был истинным воплощением духа войны — нагой, окровавленный, с безумными глазами берсерка.

— Кром! — выдохнул Конан, вонзая узкое кремниевое лезвие под лопатку ближайшему к нему пикту. Тот не успел ни обернуться, ни вскрикнуть. Вряд ли он понял даже, что именно его убило. Двое других развернулись в тот самый миг, когда Конан, одним рывком выдернув нож из мертвого тела, замахнулся топором. Описав широкую дугу, каменная глыба всей тяжестью обрушилась на голову второго воина. Так же молча и с той же grimасой недоумения на лице, он повалился в траву с раскроенным черепом. Но цельта, не выдержав такого удара, раскололась сама и слетела с топорница.

Отбив вырвав бесполезную деревяшку, Конан кинулся на последнего преследователя. И едва успел уклониться от короткого копья, летящего прямо ему в грудь. Метнувшись одновременно влево и вперед, он точным ударом вонзил нож снизу вверх в незащищенный живот пикта — и тотчас отскочил, выжидая. Воин согнулся, зажимая руками рану, и прохрипел неразборчивое проклятие. Конан подобрался для прыжка, но пикт уже рухнул на колени, корчась в предсмертной судороге. Последним усилием он задрал голову и испустил нечеловеческий вопль, от которого снова взвились над деревьями птицы. Это был крик и ярости, и боли, и жалоба на бесславную смерть.

Но прежде всего это был призыв. Конан понял это, едва услышав ответный звериный вой по меньшей мере дюжины здоровых глоток. Он донесся как раз с той стороны леса, куда упорно гнали Конана трое теперь уже мертвых охотников. Там его ждала засада. Не успеют тени удлиниться и на палец, как эта орава будет здесь, подумал Конан, и глухое рычание вырвалось у него из горла. Все

тело ныло, в висках тяжело стучала кровь. От резких движений рана на руке снова начала кровоточить.

Красные капли пометят его путь так, что сбиться со следа не сможет и слепой. Конан развернулся и помчался сквозь чащу, уже не заботясь о том, чтобы не оставлять следов. С этой секунды спасение его было только в одном: в скорости и силе. Но он хромал, а преследовавший его теперь большой отряд был только рад размять затекшие ноги.

Ветви хлестали его по лицу и голой груди, но он мчался, не замедлив бега даже тогда, когда позади раздались дикие крики ярости и злобы: отряд вышел на прогалину и обнаружил трупы. Конан только оскалил зубы в волчьей усмешке, слыша невнятные проклятия пиктов. Замешательство длилось недолго: вскоре волна птичьего гомона, поднявшаяся впереди отряда, сказала Конану, что они напали на его след и начали погоню. Вой и клекот снова взвились над лесом.

Порыв ветра донес до него запах гниющих водорослей. Киммериец удивленно втянул ноздрями воздух. Запах означал, что близко взморье и что отлив начался по меньшей мере четыре часа назад. Конан и не подозревал, что они зашли так далеко. Его явно теснят к морю, а прибрежные скалы в этих местах — он это знал — высоки и обрывисты. Вода ушла с отливом, поэтому он очень скоро окажется перед выбором: либо прыгать в мелководье с тем, чтобы разбить себе голову о камни, либо принимать бой с одним только ножом против хорошо вооруженного отряда. Беглец был в ловушке, и она должна была вот-вот захлопнуться.

Конан глухо застонал сквозь стиснутые зубы. Боль в ноге становилась невыносимой, силы его были на исходе. До сих пор единственной целью его было выжить и спастись от погони. Теперь, похоже, стоило подумать о том, чтобы привести с собой в Серые Равнины как можно больше меднокожих воинов. Нергал зачтет ему их души.

Если бы не капли крови на земле, отмечающие его путь словно зарубки на деревьях, он, вероятно, мог бы скрыться в чаще. Но у него не было ни времени, ни сил на то, чтобы унять кровь или хотя бы перевязать рану

потуже. Дыхание с хрипом вырывалось из пересохшего горла, глаза застилала кровавая пелена. Еще немного, и он не сможет не только драться, но и держаться на ногах.

Не пытаясь больше свернуть с тропы, по которой его гнали, Конан начал высматривать подходящее место для последнего боя.

Неожиданно тропинка вильнула влево, огибая до тех пор невидимую за деревьями почти отвесную каменную стену. Быстро оглядев ее, Конан понял, что перед ним одинокий уступ, гранитной башней возвышающийся над лесом. В детстве Конан, как и все мальчишки его деревни, пас коз в горах, и не было такой скалы, на которую он не мог бы вскарабкаться. Он перешел на шаг и попытался выровнять дыхание. Но даже если он, несмотря на боль и усталость, сможет влезть на эту стену, пикты настигнут его и расстреляют из своих тисовых луков прежде, чем он доберется до вершины. Должен быть другой путь, подумал Конан, и двинулся вперед по тропе в обход скалы.

Ему следовало поспешить. Вой приближался.

С трех сторон утес окружала сплошная стена деревьев, но с севера лес отступал, полного спускаясь к морю, и влажные морские ветра год за годом беспрепятственно разрушали камень. Здесь у подножия лежало несколько крупных гранитных глыб, когда-то, вероятно, отломившихся от монолита. Подняв глаза, Конан увидел место разлома: почти поперек скалы шла глубокая расселина. Верхний край ее обвалился, а нижний образовывал небольшую площадку, где могло уместиться трое или четверо человек.

До площадки было не более пятнадцати локтей, и он репился. Зажав нож в зубах, он принялся карабкаться вверх — сначала по растрескавшимся уступам, а затем по отвесной стене. Завывание пиктов слышалось совсем рядом. Мгновение спустя они столпились под скалой и принялись осыпать насмешками свою жертву, не успевшую еще подняться и на два собственных роста. Не обращая внимания на их брань и вопли, Конан упорно продвигался вперед. Старший в отряде что-то гортанно выкрикнул, и вокруг киммерийца засвистели стрелы. Листва и солнце, стоящее в зените, мешали лучникам, и

большей частью их выстрелы не причиняли Конану вреда, лишь высекали из гранита горячие искры. Несколько стрел оцарапали ему кожу, одна ткнулась в скалу прямо между его скрюченных пальцев, вцепившихся в камень. Но тут вождь, разъяренный бессилием своих воинов, взялся за дротик сам — и острое глубоко вонзилось в икру раненой ноги. Боль подхлестнула Конана, он птицей взлетел на край площадки и рухнул на спасительный камень.

Рыча от боли, он вырвал костяной дротик из ноги и, не целясь, швырнул вниз. Внизу раздался крик раненого, тут же потонувший в злобном вое остальных. Стрелы градом посыпались на улизнувшую добычу, но уже не могли достать ее. Ничком распластавшись на камне, Конан шумно переводил дыхание. Скоро они убедятся, что стрелять теперь бесполезно, и полезут вверх, а до той поры у него было время немного прийти в себя.

Отдышавшись и уняв дрожь в руках, Конан осторожно подполз к краю площадки и выглянул. Ему пришлось поспешно убрать голову — стрела просвистела у самого его уха — но он увидел достаточно. Пятеро самых нетерпеливых уже карабкались по камням с ловкостью бронзовых ящериц. Впереди всех лез, сжимая в зубах длинный узкий нож, тот самый пикт, который только что ранил беглеца. Белые полукружья под глазами и нижней губой превращали его лицо в жуткую маску; орлиные перья, украшенные пухом розовой чайки, грозно топорщились над плечами, кожаный ремешок на лбу украшал птичий череп с распахнутым хищным клювом. Это был, несомненно, сын убитого Конаном вождя клана.

Весь подобравшись, стиснув в здоровой руке нож, ждал киммериец появления врага. Он уже мог слышать кислотоватый запах плохо выделанных шкур, влажных от пота юноши. Смуглые пальцы вцепились в край площадки. Рывком подтянувшись, молодой воин оперся о камень коленом. Еще миг — и он вскочил бы на ноги, как вдруг лицо его исказилось выражением — не страха, нет, — панического ужаса. Конан в изумлении смотрел прямо в расширившиеся глаза пикта. Не может же он так страшно выглядеть, в самом-то деле, мелькнуло в голове у ким-

мерийца. С невинным криком юноша кубарем скатился вниз. Конан, крадась на четвереньках, снова осторожно выглянул за край. Пикты, отчаянно жестикулируя, спорили о чем-то, время от времени указывая на него. Нет, понял наконец Конан, не на него, а на скалу у него за спиной. Из всего их испуганно-приглушенного бормотания он уловил только многократно повторявшееся «дверь» и «дом духа». Похоже, с этим утесом было связано какое-то мистическое таинство или событие, и взбираться на него считалось святотатством. Очень кстати. Конан ухмыльнулся и, уже не таясь, наблюдал за тем, как отряд поспешно и бесшумно исчезает в лесу.

Конан был спасен. Он хорошо знал обычаи пиктов, и потому был уверен, что погоня больше не возобновится. Отряд вернется в свою деревню, что лежит в четырех днях пути к юго-востоку от побережья, и ни сегодня, ни завтра не выпрыгнет из кустов Конану на плечи пикт с орлиными перьями. Эти земли принадлежали другому клану, и преследователи Конана сильно рисковали, вторгшись в чужие леса.

Все еще не оправившись от неожиданной развязки, Конан сел на камень и встряхнул головой. Конечно, если эта скала считается священной... То совершенно необязательно об этом должны знать все кланы, живущие на Пустошах*Пиктов! У каждого клана — да что там, у каждой деревни непременно было свое священное место: старое дерево, родник или скала. Но Конану ни разу не доводилось слышать о скале, священной для всех кланов Пустоши. Что же тогда заставило пиктов отказаться от драгоценной добычи?

А Конан несомненно был драгоценной добычей. После своего бесславного бегства из Аквилонии он несколько месяцев скитался в лесах, ведя жизнь отшельника. Случалось ему и драться — большей частью не по собственному желанию. Клан Орла нес от него самые большие потери, поскольку донимал его чаще других. Конан уже подумывал, не податься ли ему к исходу лета в более спокойные земли, как был сонным схвачен и связан Детьми Волка. С ними он не враждовал никогда, — в память о сероглазом Тампоате, сыне одного из военных

вождей Детей Волка и плененной киммерийской женщины. Конан и Тампоата провели много дней бок о бок на пути к Ванахейму, вместе ища погибели стигийскому колдуну, засевшему в северном замке Кро-Ганбор. Начиная они путь как враги, к концу странствия пришли бы, верно, побратимами, но до Ванахейма Тампоата не дошел... Много воды утекло с тех пор, погиб Декаванатха, верховный вождь Волков, венчанный дубом и омелой; умер старый друид Девиатрикс, великий колдун, избранник Гулла. Вместе они держали в своих руках весь север Пустоши. После их смерти земли клана сократились, пора расцвета и благоденствия прошла, но все же это был по-прежнему самый большой и влиятельный клан на побережье. Конан поддерживал с ними негласное перемирие — он не трогал их, а они — его. И потому чувствовал себя в их землях почти желанным гостем. Он не ожидал подвоха, но был кругом виноват сам — какой мир может быть между пиктом и киммерийцем? В один из набегов Потомки Орла захватили в плен малолетнего сына верховного вождя Волков. Споры нет, предложить им в обмен беспомощного Конана было удачной мыслью. К позору своему, носящие орлиные черепа не только не усторожили пленника, но и лишились пяти лучших воинов. Не удивительно, что горя жаждой мести, они неслись за беглецом через чужие земли трое суток напролет, забыв об опасности со стороны своих же сородичей.

Тем непонятней была Конану та легкость, с какой они отказались от боя, хотя Митра свидетель, сил у их жертвы не достало бы и на троих.

Конан пожал плечами и выкинул это из головы. Раздрав на тонкие полосы остатки набедренной повязки, он занялся ранами. Голова у него все еще кружилась, все тело ныло после сумасшедшей гонки. Поэтому он устроился поудобнее, слизал запекшуюся кровь и, помогая иногда зубами, не спеша перетянул обе раны. Ему повезло: оказался дротик не выточенным из цельного оленьего рога, а деревянным, с наконечником из того же кремня, киммериец потерял бы ногу. Дробясь о кость, кремнь застревал в ране и вызывал нагноение, от которого не спасала уже никакая трава. А так рана была чиста, только

крови вышло порядком... Ушибы и царапины были не в счет. Теперь следовало всласть напиться и выспаться, а потом подумать о какой-нибудь одежде.

Но вместе с силами к нему возвращалось и любопытство.

Убедившись, что кровь больше не сочится из-под повязок, он встал, решив сперва оглядеться, а уж потом идти искать родник. Соленый ветер пахнул ему в лицо, шевельнул спутанные волосы. Конан улыбнулся. Жизнь продолжалась.

От площадки вверх вели небольшие углубления, напоминавшие ступени, выбитые явно человеческой рукой. Конан проследил их взглядом. Они упирались в новую площадку на высоте не более его роста. Недолго думая, киммериец полез наверх. От верхней, гораздо меньшей площадки, внутрь скалы открывался ход: узкая расселина, в которую вполне мог протиснуться человек. «Добро пожаловать в царство Нергала», — проворчал Конан, но тем не менее сунулся в расселину — на всякий случай выставив перед собою нож. С первыми же шагами, гулким эхом отразившимися от стен, его буквально оглушил писк и хлопанье бесчисленных крыльев. Стая летучих мышей заметалась под потолком тоннеля, задевая Конана по голове и плечам.

— Ах, чтоб вас... — беззлобно сказал Конан и замер, давая им успокоиться, а своим глазам — привыкнуть к полумраку.

То, что он увидел, возбудило его любопытство еще больше, чем бегство пиктов. Тоннель хорошо проветривался, откуда-то сбоку пробивался снаружи узкий луч света, выхватывая из мрака обитую кованым железом дверь в дальнем конце. Вдоль стен рядами стояли тяжелые резные лари, наподобие тех, в которых аквилонские невесты увозят из отчего дома приданое.

Пустоши Пиктов были самым глухим и варварским местом на всем Туранском континенте, здесь не проходили торговые и морские пути, не строились города, не возделывались сады. Это были земли лесных охотников и рыбаков, не знавших бронзы и железа. Зингара лежала в двадцати днях езды южнее, Аквилония — в пятнадцати

восточнее. Ближайшие поселения людей с белой кожей были только у истоков Громовой, на границе Боссона. Кому могло понадобиться свозить скarb в пещеру среди лесной глуши? До сих пор он был уверен, что чужаком на вересковых пустошах пиктов скитается он один. Приглядевшись, Конан увидел, что медные пластины на ларях сплошь покрыты сложной и изящной чеканкой. Плеть, скарабей, змея с огромным глазом над рогатой головой, коленопреклоненный раб... Иероглифы! Откуда в этом краю стигийское добро?

Зная козни стигийских магов, он не стал трогать сундуков, а осторожно приблизился к двери. Странное дело — на ней вместо иероглифов оказались вырезаны привычные письмена, в основном руны. Кое-какие из них Конану были знакомы: заклятия против воров и охранные чары. Похоже, только сам клад был с берегов Стикса, прятали его здесь скорее всего обычные разбойники...

Он нажал на дверь плечом, и та легко подалась. В пещере за нею было гораздо темнее и сырее, чем в тоннеле, но зато источник ее слабого, призрачного света Конан разглядел сразу: огромный, величиной в женский кулак, ясный, как звезда, белый камень, покоящийся на подставке посреди круглого стола. Заглядевшись на камень, Конан не сразу заметил темные фигуры, сидящие вокруг. Он выставил вперед нож и шагнул назад за дверь — но уже в следующий миг сообразил, что за все это время никто из сидящих даже не пошевелился. Зато шевельнулась голубоватая дымка, парящая над камнем. Конан сузил глаза, силясь хоть что-нибудь толком рассмотреть. Танец пылинок, словно притянутых лунным светом кристалла, завораживал, как чары стигийских жрецов...

Но тут Конан заметил на столе нечто, очень напоминающее бутылку с вином, — и шагнул через порог.

— Призраки вы или мумии, я все же воспользуюсь вашим гостепреимством, — произнес он вместо приветствия. От звука его голоса один из сидящих рухнул на каменный пол бесформенной грудой трухи и пыли. Дымка над камнем всколыхнулась, как ряска на болоте, потревоженная брошенным камнем.

Конан не обратил на все это ни малейшего внимания. Взор его притягивала бутылка на столе.

Удача сопутствовала ему и здесь. Заткнутая плотной пробкой, бутылка была наполовину полна. Судя по толстому слою пыли на ней и на стаканах, стоящих перед безмолвными стражами, к ней не прикладывались уже очень давно. Выложив нож на стол, Конан выдернул пробку и принялся с жадностью пить...

Голубоватая дымка уплотнилась, из нее вынырнули два красных глаза, горящие, как уголья.

Вино застряло у Конана в гортани, когда, пресекая дыхание, ему сдавили шею чьи-то огромные черные руки.

Глава 2. Корабль

Домья Белеза, единственная наследница знатного зингарского рода, дочь двенадцати поколений грандов, одна из самых богатых и прелестных невест Кордавы, томилась скукой. Бездумно глядя на маслянисто переливающуюся гладь моря, она сидела на теплом песке, обхватив рукой колени, и швыряла мелкие камешки в ленивую, едва накатывающую утреннюю волну.

Солнце только-только поднялось из-за прибрежных скал, утренняя дымка, нежно-розовая, как край раковины рапана, еще не истаяла, мир казался призрачным и волшебным. Можно было вообразить, что ты на прекрасном острове фей, перенесенная сюда чарами доброй колдуньи, которая вызволила тебя из лап жестокого отчима и пообещала руку и сердце самого знатного и красивого гранда Зингары. И вот-вот появится на горизонте белый парус...

Белеза вздохнула. Когда-то она любила сидеть так у кромки воды и мечтать о сказочном принце. Но вместо доброй феи ее опекал на этом пустынном берегу ее дядя, граф Валенсо. Он заменил ей рано умерших отца и мать, и души не чаял в племяннице, но на все ее просьбы уехать куда-нибудь из опостылевшей бухты только печально качал головой. Куда мог податься изгнанник?

Ибо их поспешный отъезд из Кордавы, где граф занимал при дворе блестящее положение и был одним из десяти грандов, имевших право голоса на королевском

совега, — их отъезд, больше напоминавший бегство, мог быть объяснен только внезапной королевской опалой. Это было, впрочем, не так уж удивительно, ибо король Зингары нрав имел вспыльчивый и жестокий. А как известно, чем выше ты стоишь, тем ниже падаешь...

Из-за гребня невысокой скалы донесся звук рога — и Белеза невольно обернулась, хотя знала, что это значит всего лишь, что дядя ее проснулся, и в форте начался новый день трудов, которые ей, немного избалованной девушке, виделись унылой и бесполезной работой. У нее, в отличие от всех остальных обитателей форта, не было никаких особенных обязанностей. Обычные девичьи занятия — шитье, рукоделие... Постылые, как свинцовая гладь моря.

Поднявшись на скалу, Белеза задумчиво смотрела на грубое на ее вкус сооружение, вот уже полтора года именовавшееся ее домом. При всем желании она не могла оценить его по достоинству. Единственным признаком жилья знатного гранда было знамя с гербом ее рода — красный сокол на золотом фоне, гордо реявший на самой высокой башне форта. Юной девушке были безразличны прочность постройки, удачное местоположение — на высоком холме, одной стороной отвесно обрывавшемся в море. Чьи осады здесь выдерживать, с кем воевать? Первые несколько месяцев пикты, конечно, беспокоили их, но на форт нападали лишь дважды, предпочитая засады в лесу. Но граф Валенсо да Корзетта быстро дал понять этим полуголым дикарям, что с ним лучше жить в мире. Несколько решительных вылазок — и пикты сами прислали своих друидов просить мира...

С гребня своего утеса Белеза могла видеть, как выходят из форта люди на работы в лесу, в поле или в море. Несмотря на все лишения жизни на берегу южной границы Пустоши Пиктов, в глухомани и безлюдье, люди весело болтали, слышался смех. Этого Белеза понять не могла. Чему можно радоваться, влача жалкое, полунищенское существование?

Но жалкой такая жизнь казалась одной лишь ей, привыкшей к столичной роскоши. Валенсо взял с собой в изгнание только тех из челяди и рабов, кто сам захотел

разделить с ним его судьбу. А поскольку хозяин он был справедливый и щедрый, люди любили его, и всех желающих отправиться со своим сюзереном просто не вместил корабль. Конечно, первая зима, когда еще не были окончены постройки и снят только один урожай, далась тяжело всем, а не одной Белезе. Но вскоре дела пошли на лад, скот дал обильный приплод, земля стала отзывчивее к упорным трудам, и на весенний праздник Митры был устроен настоящий пир. За полтора года в форте было сыграно три свадьбы и появилось пятеро детей.

Но домья Белеза была равнодушна к радостям крестьянской жизни. С тоской вспоминала она родовой замок, дворец в Кордаве с двумя сотнями слуг, балы, пиры на частых празднествах, маленькие знаки внимания со стороны инфанта, от которых мгновенно вспыхивали щеки и становилось так томительно-сладко на сердце... Белезе было всего семнадцать лет, а чувствовала она себя в этой глуши несчастной тридцатилетней вдовой, у которой все уже в прошлом.

Снова и снова спрашивала она себя, только ли королевская опала заставила графа Валенсо оставить родовые поместья побочным отпрыскам рода Корзетты и удалиться почти на край света. Если да, то ведь король может когда-нибудь смиростивиться. Если попробовать написать влиятельным родственникам и уговорить верного человека довести письмо...

Тонкий детский голос вывел ее из задумчивости. Белеза улыбнулась. С легкостью молодой козочки перепрыгивая с камня на камень, к ней бежала девочка лет семи, смуглая, тонконогая и худенькая, с волосами, мокрыми после недавнего купания. Она бежала нагишом, не боясь наколоться на каменном крошечке босой ногой. Свои платье и сандалии она держала в руках.

— Кара Белеза! — выкрикивала она на бегу. — О, кара Белеза!

Слова зингарской речи звучали странно в ее произношении — словно сглатывались и приглушались все звонкие и раскатистые звуки этого языка. Неудивительно, подумала Белеза, глядя на воспитанницу с нежностью почти материнской, ведь она только полгода назад начала

действительно говорить по-зингарски, а не отвечать односложными, неправильными фразами. Белеза сама занималась с нею и поражалась, с какой легкостью и удовольствием впитывает девочка знания — будь то язык или те начатки географии и истории, которыми владела Белеза.

А ведь когда дядя, уступая ее капризу, купил племяннице Тхемнетх на невольничьем рынке Кордавы, это был самый угрюмый и неразговорчивый ребенок, какого только можно представить. Скорчившись, сидела она под соломенным навесом, равнодушная ко всему, и ее поза и медный опейник с цепью, прикрепленной к стене, делали ее похожей на маленькую больную обезьянку. Тхемнетх была родом из Стигии, страны черных магов, и напряженный взгляд ее огромных кошачьих глаз внушал безотчетный страх всем прежним владельцам. Она сменила уже троих хозяев к тому времени, когда ее купил Валенсо. Но два года, проведенных бок о бок с Белезой, волшебным образом преобразили малышку. Ее скуластое личико не стало округло-умильным, а черные как смоль прямые волосы не посветлели и не завились в локоны, но она похорошела, начала понемногу улыбаться, стала оживленнее и общительнее. Всю неистраченную любовь рано осиротевшего ребенка она отдала Белезе, и та тоже искренне привязалась к маленькой стигийке, правда, переименовала ее на свой лад — в Тину.

— Что случилось, детка? Успокойся и расскажи.

Синие глаза Тины горели радостным возбуждением.

— Корабль! — выдохнула девочка, указывая на море. — Корабль! Он плывет с юга, я видела, как он огибает мыс Кораблекрушения!

Мысом Кораблекрушения граф в сердцах называл южный мыс, закрывающий бухту от яростных зимних ветров. Именно о его скалы разбился в шторм корабль изгнанников, когда они приплыли сюда с юга. Бухта оказалась вполне удобным для форта местом, и другого пристанища искать не стали.

Тина, пританцовывая на месте, тянула Белезу за руку. Вместе они взбежали на самый гребень утеса, и Тина ткнула смуглым пальчиком в горизонт:

— Смотрите, вот он, кара Белеза!

Белеза ждала увидеть белый парус, наполненный ветром, изящные очертания корабля, золотого на фоне синевы моря. Но из-за мыса Кораблекрушения разворачивалась против ветра галера с черными, как сажа, парусами. На черном полотнище, едва шевелимом утренним бризом, красовался красный контур: ладонь с пальцами, сложенными вместе, словно великан приложил и обвел гигантской кистью свою руку. Было в этом знаке что-то неприятное. Даже пугающее.

Но что бы ни нес с собою этот парус, его появление было событием, выбивающимся из однообразия тусклых будней. С замирающим сердцем смотрела девушка, как, вспенивая морскую гладь, идет корабль к бухте со всей скоростью, на какую способны гребцы.

— Они приближаются, — угрюмо сказала Тина. — Там нет человека, которого боится граф, но это — плохие люди.

Каждый раз, когда Тина говорила вещи, которые не могла знать заранее, Белезе становилось не по себе. Этот дар девочки иногда бывал полезен — когда пропадало любимое кольцо или терялся в лесу человек — но чаще просто пугал. Вот и сейчас Белеза вздрогнула и, развернув Тину к себе, легонько встряхнула ее за плечи.

— Что ты такое говоришь, маленькая ведунья! С чего ты взяла, что мой дядя кого-то боится?

Девочка отрешенно пожала плечами. Глаза ее смотрели растерянно — подчас она сама не понимала вырвавшихся у нее слов.

— Не знаю... Но они — плохие, они желают нам зла!

С этим Белеза не спорила. У нее тоже было предчувствие, что не просто так проделал этот корабль долгий путь, чтобы зайти в бухту Корвелы — так по имени своего родового поместья граф называл эту местность. На всем побережье Пустоши Пиктов не было ни одного порта, здесь не проходили торговые пути, с которых можно было сбиться, штормов не было уже полторы луны. Зачем-то галере нужна была именно эта бухта.

— Надо сообщить дяде, — пробормотала Белеза, разглядывая черный парус. — Рыбаки еще не вышли в море,

кроме нас галеру, должно быть, пока никто не видел. Одевайся скорее и побежали.

Белеза еще раз озабоченно посмотрела на корабль, потом взяла Тину за руку, и они поспешно спустились с гребня. Едва они миновали ворота форта, по всей бухте прокатился тревожный сигнал рога, и все, за каким бы делом ни застал их трубный зов, бросили начатую работу и помчались к частоколу. Мир с пиктами был зыбок, и все присные Валенсо были в любой миг готовы к нападению. Женщины подхватывали детей и скрывались в домах, мужчины разбирали оружие и занимали свои места на помосте и под помостом у частокола. По цепочке людей бежал к дежурным стражникам у ворот один и тот же вопрос:

— Что случилось? Пикты? — Но очень скоро корабль, входящий в бухту, стал виден всем жителям форта. Каждый понимал, даже не обладая, как Тина, даром ясновидения, что ничего хорошего появление в бухте чужих изгнанникам не сулит. Если бы это — вдруг — была долгожданная весть из Кордавы, на мачте реял бы королевский флаг. Все же остальные были — враги.

С площадки дозорной башни, на мачте которой плескал на ветру герб Корзетты, смотрел, как огибают мыс и входят в бухту незваные гости, граф Валенсо-и-Медозо-и-Лузия. Это был пятидесятилетний мужчина, выглядевший лет на сорок пять, худощавый, широкоплечий, с лицом властным и суровым, с профилем хищной птицы и осанкой настоящего аристократа. С тех пор, как умер отец Белезы, его старший брат, он не снимал траура, и черный наряд его, нарушаемый лишь белоснежным кружевом ворота и манжет, еще более оттенял его смуглую, словно навеки сожженную загаром кожу. В волосах графа давно пробилась седина, а у крыльев горбатого носа легли глубокие морщины, но темные глаза смотрели остро и ясно, как у юноши. Рядом с ним на площадке стоял Гальборо, домоправитель и правая рука графа. Отплывавший из Зингары, Валенсо нанял его и его приятеля, раскаявшегося капера, Зингелито. Им нужно было как можно скорее спасти шею от топора палача, а Валенсо нуждался в опытном кормчем. Гальборо и Зингелито, несомненно,

знали западные моря как свои пять пальцев, что и доказали во время плавания. Оба сначала казались графу изрядными мошенниками, но, видимо, искренне благодарные за спасение голов, бывшие головорезы выказывали ему преданность и услужливость, сравнимую только с собачьей. И если Зингелито был просто вздорным драчливым петухом, то Гальборо отличался умом, отвагой, житейской мудростью и хваткой прирожденного руководителя. Никто лучше его не умел распределить людей на те или иные работы, погасить возникшую ссору, подбодрить отчаявшегося. Очень скоро он сделался незаменим и постепенно вошел в доверие к графу. И еще ни разу Валенсо не обманулся в своем домоправителе.

— Что скажете, Гальборо?

— Это — барахтанская карака, боевая галера на сто весел, вапа светлость. Если я не ошибаюсь... — Он сощурил глаза, вглядываясь. Корабль уже обогнул мыс и плыл наискось через бухту ритмичными рывками. Парус обвис, но Гальборо все же разглядел рисунок на черном полотнище. — Да, если не ошибаюсь, это — «Красная Рука» Строма по прозвищу Заячья Губа. Что ему, интересно, здесь понадобилось?

— Кто он такой? — резко спросил граф.

— Пират, как все барахтанцы, — пожал плечами Гальборо. — На какую поживу он здесь надеется?

— На что бы он ни надеялся, у нас, судя по всему, нынче будет жаркий день, — проворчал старый воин.

Внизу раздавались команды офицеров, расставляющих людей к бойницам. Массивные ворота были крепко заперты, под них навалили поперек огромные стволы — на случай штурма. Домочадцы графа действовали быстро и слаженно, что говорило о долгой практике. Форт мог выдержать не одну неделю пиктской осады, с расчетом на это он и строился. Но еще ни разу надежность маленькой крепости не проверялась штурмом барахтанских головорезов, вооруженных, несомненно, гораздо лучше, чем пикты с их кремниевыми стрелами и топорами. Сто человек гарнизона форта, невольно затаив дыхание, следили за маневрами корабля. Не пожелав расстаться со своим господином, они испытали все тяготы жизни в

глуши и немалому научились за эти полтора года. Находящихся воинов, в кольчугах и кирасах, хорошо владеющих мечом, среди них было немного, но за прошедшие месяцы, постоянно охотясь и обороняясь, все мужчины форта стали великолепными лучниками. На скорое возвращение домой никто не рассчитывал, их домом ныне и впредь был форт. Здесь жили их жены и дети, здесь жил человек, которого они почитали как родного отца, а известно, что для любого зингарца, будь он нобиль или простой землепашец, нет ничего дороже чести и ничего страшнее проклятия родителей. Известие, что приближающийся корабль — барахтанец, еще подлило масла в огонь. Пираты Бараханских островов, совершающие регулярные грабительские рейды на всем побережье Зингары, издавна считались самыми заклятыми врагами зингарцев.

Галера подплывала все ближе. Уже можно было различить отдельные фигуры на палубе. Солнце сияло на стальных кирасах пиратов, тонко взблескивали обнаженные мечи у них в руках. Велев племяннице, стоявшей здесь же рядом с ним на площадке, немедленно идти в дом, граф Валенсо спустился к частоколу. Он не стал надевать доспеха, и его непокрытая седая голова издали была видна защитникам форта. Они встретили хозяина приветственными криками. Подойдя к одной из бойниц, граф следил за барахтанцем, осторожно продвигающимся в незнакомой бухте.

Белеза и Тина поднялись на крышу Главного Дома, выше которого во всем форте была только дозорная площадка. Девочка дрожала от возбуждения, и Белеза крепко держала ее за плечи, боясь, что малышка, увлекшись происходящим, неловко ступит и упадет вниз.

— Они бросают якорь, дальше им не пройти! — воскликнула Белеза, увидев, что галера остановилась. — До берега довольно далеко, им придется спускать шлюпки... Да вот они уже и начали. Не бойся, моя маленькая, им не под силу штурмовать наш форт. Смотри-ка, в шлюпку высаживаются только пять или шесть человек! Может быть, им всего лишь нужна питьевая вода, и мы напрасно испугались?

— Плывут к берегу! — возбужденно выкрикивала Тина. — Плывут к берегу! Как быстро! Кара Белеза, я боюсь! Неужели они нас и в самом деле съедят? — Мысль эта была столь нелепа, что Белеза, несмотря на собственные тревогу и страх, от души расхохоталась.

— Конечно, нет! Кто тебе только сказал такое!

— Зингелито, — серьезно ответила Тина. — Он рассказывал, что барахтанцы везде хватают женщин, чтобы сварить и съесть, а маленькие девочки у них — самое изысканное лакомство.

— Что за глупая шутка! Барахтанцы не более чем пираты — алчные, жестокие, конечно, но не людоеды. Зингелито и сам был капером, а зингарские каперы мало чем отличаются от барахтанских пиратов.

Тина обиженно насупилась.

— Хорошо, что пикты продырявили ему его глупую башку, — проворчала она сердито. — Так ему и надо, вперед будет знать.

Но Белеза не слушала ее — она жадно рассматривала новые лица. Пусть это были лица пиратов — «алчных и жестоких» — но их появление вносило хоть какое-то разнообразие в ее унылое существование. К тому же, до сих пор Белеза не видела столько барахтанских пиратов разом и живьем — обычно они встречались ей поодиночке на плахе на дворцовой площади.

— Смотри, Тина, они уже высадились на берег. Вон тот, высокий, что идет к воротам, должно быть, сам капитан Стром.

К частоколу приближался молодой человек огромного роста, могучего сложения, с развевающимися по ветру длинными золотыми волосами, одетый богато и причудливо. Он был бы, вероятно, даже красив, если бы не шрам, пресекавший его верхнюю губу, за что пират и получил свое прозвище. Прямой нос и синие глаза выдавали в нем примесь аргосской крови. Среди Островного Братства, как называли себя барахтанские пираты, не было разбойника более отчаянного и более удачливого, чем он.

Не дойдя до ворот примерно одного полета коня, гигант проревел:

— Эй, в форте! Я пришел без оружия. Соизволит ли его светлость поговорить со мной?

Над частоколом появилась седая голова графа Валенсо.

— Я готов выслушать, заем вам понадобилось высаживать вооруженный отряд в моей бухте, только будьте кратки и после этого извольте убраться отсюда!

Стром, оперев руки в бою, расхохотался, словно над удачной шуткой.

— Вашей бухте! Клянусь тринадцатую рогами Нергала, хорошо сказано! В прошлом году, Валенсо, шторм помешал мне последовать за вашим кораблем, и все это время я потратил на поиски. Я уже отчаялся, когда нынче утром увидел наконец вашего сокола над фортом. Все сходится! Пустошь Пиктов, уединенная бухта, обращенная на юго-запад. Вы ловкий человек, ваша светлость! Но я оказался ловчее, как видите.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, капитан, — высокомерно ответил Валенсо. — Объясните толком, что вам здесь понадобилось?

— То же, что и вам, — перестав наконец смеяться, заявил Стром. — Неужели вы в самом деле считаете меня таким наивным дурачком, граф? На кой же пес тогда вы брали с собой этого негодяя Зингелито?

— Зингелито спасал свою шкуру от королевского правосудия и готов был жить где угодно, лишь бы не в Серых Равнинах, — заметил Валенсо. — Капитан Стром, я теряю терпение.

Пират, склонив голову на бок, посмотрел на графа с веселым любопытством.

— Был? — многозначительно переспросил он, вздернув светлые брови.

— Был, — кивнул Валенсо — Его убили пикты в первый же день. Примите мои соболезнования, он, кажется, был вашим другом.

Краска бросилась в лицо капитану.

— Это вонючее отродье Нергала... — зашипел он, но сдержался. Секунду спустя он расхохотался снова. — А вы не так просты, как кажется, граф! Значит, пикты и в первый же день, вот оно как! Что ж, из уважения к вам

я предлагаю честный дележ: все пополам. И я не трону вас и пальцем. Кстати, граф, а где ваш корабль?

Дом Валенсо начинал злиться. Глаза его сверкнули, губы исказила ядовитая улыбка.

— Как же вы, капитан, просмотрели его, когда входили в бухту?

— Какой я болван! Ваше знамя развеается как раз на обломке мачты! — В голосе Строма сквозила неподдельная радость. — Послушайте, граф, я предлагаю вам сделку: сокровища в обмен на мой корабль. Я довезу вас туда, куда вам заблагорассудится, и если...

— Капитан, терпение мое лопнуло, — холодно оборвал его Валенсо. И продолжал ледяным тоном, каким говорил только в минуты крайнего гнева: — Я не понял ни слова из ваших речей. Уезжать отсюда я не собираюсь. Что касается сокровищ, то если вы готовы заплатить жизнями своих людей за ларчик с побрякушками моей племянницы и пригоршню рубинов из эфеса моего меча — прошу вас, не стесняйтесь. А теперь убирайтесь отсюда, иначе я велю прострелить вам ноги.

Все напускное благодушие и веселость мигом слетели с капитана Строма.

— Я сожгу твой форт дотла, кичливый зингарский павлин! — прошипел пират. — Ты на коленях будешь умолять меня о милости, ты собственными руками притащишь все до последней золотой монеты, и я еще посмотрю, сразу мне вздернуть тебя на рее, или сначала спустить с тебя шкуру! В последний раз спрашиваю, отдашь ты мне сокровища добровольно? У меня на корабле сто пятьдесят человек, и всем им не терпится сойти на берег размять кости!

Даже не глянув в его сторону, Валенсо махнул кому-то рукой и исчез за частоколом. Тренькнула тетива, и капитан поспешно и неуклюже отскочил: короткая арбалетная стрела воткнулась в землю у самых его ног. За частоколом послышался смех.

— Зингарские убудки! — крикнул взбешенный Стром. — Я с вами посчитаюсь! Этим же вечером вы будете на пути к Серым Равнинам, а те, кто уцелеет, позавидуют мертвым!

Бранясь и изрыгая проклятия, пират помчался назад к своим людям. Из бойницы вылетела вторая стрела — и насквозь продырявила широкий рукав шелковой рубахи капитана. Тот, обернувшись, в бессильной ярости погрозил кулаком сосновым, обитым железом воротам. Из-за них снова послышался смех.

— Надо было все-таки пристрелить его, господин мой, — озабоченно сказал один из солдат, укладывая в ствол арбалета новую стрелу. Граф смотрел вслед капитану, хохоча, как мальчишка. На замечание солдата он возразил, сразу посерьезнев:

— Нет. Мы не пираты, чтобы убивать парламентаров. — Возвысив голос так, чтобы его услышали все, стоящие вдоль частокола, граф крикнул: — Готовьтесь, дети мои! Сейчас они нападут! Цельтесь тщательнее, не тратьте стрел понапрасну, их могут употребить против нас же! Ну, во имя Митры!

Тем временем шлюпка снова отправилась к галере, и на этот раз из нее высадилось не менее двадцати пиратов. С растущим беспокойством защитники форта наблюдали, как продельвала шлюпка рейды к кораблю и обратно. Стром Заячья Губа не солгал, заявив, что у него полторы сотни человек. А все население форта составляло чуть более сотни — вместе с женщинами и детьми.

— Следовало бы, ваша светлость, велеть женщинам укрыться в Главном Доме, — озабоченно глядя на приготовления врагов, сказал Гальборо. — И заодно пусть снесут туда все самое ценное. Если они прорвутся, мы еще сможем какое-то время отбиваться оттуда, пока не дойдет до рукопашного боя.

Главный Дом, помимо жилища графа и Белезы, представлял собой крепость в крепости. За его внешней стеной, прорезанной узкими бойницами, могло разместиться до тридцати лучников, а внутри — укрыться все население форта.

— Весьма разумно, Гальборо, — кивнул граф. — Распорядитесь.

Высадившись, пираты растянулись в длинную цепочку и осторожно двинулись на форт, используя малейшее укрытие и непрерывно стреляя из луков. Барахтанские

лучники славились непревзойденной меткостью, и зингарцам пришлось бы туго, если бы не полтора года лесной жизни. К тому же арбалеты стреляли дальше, чем длинные луки атакующих. Барахтанцы могли достать защитников форта только у нижних бойниц, стреляя по большой дуге, на самом излете. Пятеро из лучников, стоявших на земле, было уже ранено, тогда как на помосте не был задет ни один. Заметив это, граф велел отойти от нижних бойниц и продолжать стрельбу с верхнего уровня. Каждый раз, когда пират привставал над травой или камнем, в него летела короткая арбалетная стрела. Вскоре треть барахтанцев была уже убита, не менее половины получили ранения.

Еще после первого нападения пиктов граф Валенсо распорядился расчистить землю вокруг форта на расстояние полета стрелы. Зингарцы не оставили ни куста, ни камня, ни рытвины, в которой мог бы укрыться человек. Теперь, добравшись до границы расчищенного пространства, пираты не могли сделать и шагу. На какое-то время продвижение вперед прекратилось — пока Стром не убедился, что оно невозможно, — а затем цепь наступавших отхлынула, словно морская волна.

Капитан Стром решил сменить тактику. Отойдя к берегу, где в деревянном сарае хранились лодочки рыбаков, пираты принялись за работу.

— Проклятье! — воскликнул граф, догадавшись, что они сооружают из досок большой передвижной щит. — Теперь они пойдут на штурм! Алохо, беги в дом и скажи, чтобы женщины ставили на огонь все котлы, какие есть! Я покажу этим псам, как соваться в крепость Валенсо да Корзетта!

Граф не ошибся. Ободрав сарай и разрушив несколько лодок, пираты соорудили неуклюжее приспособление, вполне, впрочем, пригодное для их целей. Они даже догадались снять для щита два колеса с телеги, оставленной у покоса. Построив за щитом пятьдесят лучших воинов, Стром велел начать штурм форта.

Расчет пиратов был прост: под прикрытием щита пробиться в «слепое» пространство у самых ворот, где их не могли бы уже достать арбалеты защитников, и, разбив

ворота, ворваться в форт. Но они не знали о толстых сосновых стволах, наваленных за ворота во всю их высоту и удерживаемых прочными подпорками. Ветеран многих военных кампаний, граф до тонкостей знал искусство обороны. У защитников форта все еще были немалые шансы разбить противника еще до того, как он ворвется в крепость.

— Стреляйте по ногам! — велел граф. — Стреляйте по ногам, пока они не подойдут вплотную! После этого всем лучникам укрыться в Главном Доме, у ворот остается только гвардия! И да поможет нам Митра!

Передав командование одному из гвардейцев, Валенсо ушел облачаться в доспехи. К его возвращению щит был почти у самых ворот, похожий на спину дикобраза, так густо был он истыкан стрелами. Арбалетчики знали свое дело: путь пиратов можно было проследить по цепочке трупов, растянувшейся по всему вычищенному полю. За щитом оставалось не более тридцати пиратов, остальные оставшиеся в живых выжидали вне досягаемости.

Добравшись до ворот, пираты начали отстреливаться с близкого расстояния — куда успешнее, чем прежде. Двое или трое стрелков с криками упали у бойниц замертво. В то время как большая часть нападавших продолжала стрелять, десяток пиратов, вооружившись боевыми топорами, принялся ломать ворота.

— Всем отойти от бойниц! — распорядился граф. — Кипятки сюда!

Выстроившись попарно, зингарцы подняли на веревках только что снятый с огня первый большой котел. Женщины в изощренной жестокости добавили в воду изрядное количество бараньего сала, ибо всем известно, что нет супа горячее, чем из баранины. Обжигающая жижа потекла на головы штурмующих ворота. Нечеловеческий вой едва не оглушил хохочущих зингарцев. Дав пиратам немного оправиться, они вылили на них второй котел, чуть поменьше.

— Ломайте ворота! — слышался яростный рев Строма. — Ублюдки Нергала, ленивые ослы! Ломайте во имя Митры, пока вас не сварили заживо!

Обезумев от ярости и боли, пираты удвоили усилия. Стром распорядился, чтобы рубили у самых петель, сверху и снизу. Жалобный треск дерева говорил, что долго ворота не выстоят.

Услышав, как граф отзывает стрелков, капитан Стром в открытую согнал к воротам всех оставшихся пиратов. В ответ на это Валенсо выстроил перед заграждением своих солдат, вооруженных мечами и пиками, в прочных доспехах и кирасах, и приготовился к рукопашному бою.

Внезапно в поток проклятий, грохот ударов и треск дерева ворвался новый звук — на корабле, оставленном на якоре у берега, взревела труба.

— Стойте! Стойте, идиоты! — услышали зингарцы вопль Строма.

Сигнал прозвучал второй раз. Граф, недоумевая, обернулся на выкрик дозорного на башне. Но что тот кричал, разобрать было невозможно.

Брань и пыхтение за воротами смолкли. Осененный внезапной мыслью, граф бросился к бойнице — и увидел, как подхватив раненых, еще подававших признаки жизни, поспешно отступают барахтанцы. Выхватив взведенный арбалет из рук мертвого зингарца, упавшего у бойницы, Валенсо послал убегающим вслед последнюю стрелу. Один из пиратов рухнул на землю; убедившись, что он мертв, остальные спаслись бегством.

— Они бегут! — кричала Тина с крыши Главного Дома. В суматохе никто не заметил, что она и Белеза остались на виду, где их могли бы достать стрелы, если бы пираты прорвались в форт. — Они удирают! Да здравствует Зингара! Да здравствует благородный дом Валенсо!

— Корабль! — В наступившей тишине граф наконец расслышал крики дозорного. — Новый корабль!

Валенсо, словно юноша, взлетел на дозорную площадку.

Огибая мыс Кораблекрушения, с полными ветра белоснежными парусами, неторопливо входил в бухту Корвелы второй корабль. Вверх по его мачте скользнул флаг, ветер развернул его — и в форте послышались радостные крики: это был флаг Зингары. Рискуя потопить перегруженную шлюпку, пираты Строма молниеносно перевезли и подняли на борт всех раненых и уцелевших. Прежде чем

новый корабль смог приблизиться на расстояние выстрела, галера подняла якорь и исчезла за северным мысом бухты.

— Из драконьего логова да в стигийский храм, — пробормотал граф, напряженно всматриваясь в приближающийся парусник.

Глава 3. Золото Траникоса

Едва не захлебнувшись попавшим не в то горло вином, Конан извернулся и со всей силы хватил неизвестно кого бутылью по голове. Стекло оказалось на диво прочным, бутыль уцелела, даже сохранила на дне остатки вина. Хватка ослабла, и Конан ужом выскользнул из черных когтистых лап. Шарахаясь в сторону, он мельком увидел гигантскую дымную прозрачную тень с получеловеческим, полужвериным обликом. Призрачное существо имело две руки, мощный торс, косматую голову и две пары рогов. Реальнее всего были глаза, красными раскаленными угольями горящие на темном лице. Чудовищный призрак покачался под потолком из стороны в сторону, словно раздумывая над чем-то важным, а затем снова двинулся на грабителя.

Киммериец как раз успел немного отдышаться. Из опыта прошлых схваток с призраками он знал, что ранить порождения темных дум Нергала можно только волшебным или специально заговоренным оружием, а его каменный нож не являлся ни тем, ни другим. Сказать по правде, он и оружием-то не являлся. А демон тем временем снова тянул к шее Конана огромные руки. Но движения его были медленны и неловки, словно скованны. Он напоминал старую скрипучую осадную машину, ржавевшую без дела много лет и вдруг пущенную в ход. Конан легко уклонился и отскочил к двери. Он был уверен, что в случае серьезной опасности всегда сможет убежать от этого неповоротливого стража сокровищницы.

Демон схватил руками воздух и сжал все четырнадцать пальцев на шее, по его представлениям, находящейся

прямо перед ним. На его уродливом лице отразилось искреннее недоумение. Конан не удержался и фыркнул.

— Аргх! — рывкнул демон, оглядываясь. Увидев наконец киммерийца, он оскалил два ряда острых, как иглы, зубов и двинулся на врага.

Конан решил выяснить, как долго может продолжаться эта игра в кошки-мышки. Если он заманит демона в лес, то там можно будет, вооружившись омой, попытаться расправиться с ним. Поэтому он шагнул еще назад, очутившись за порогом.

К его изумлению, глаза-уголья, до того буквально прожигавшие его насквозь, притухли; очертания огромной фигуры начали расплываться, теряя четкость. Через какое-то время от грозного стража осталось только облачко голубоватой дымки под потолком.

— Да ты, охвостье Нергала, похоже, не можешь выйти, — пробормотал Конан и переступил порог, снова входя в пещеру. Облачко тут же начало плотнеть и наливать дымной мглой. Конан расхохотался и, прежде чем в густеющем облаке проступили глаза, схватил со стола нож и выскочил за дверь. Оказавшись в тоннеле, он с силой потянул за медное кольцо, плотно закрывая дверь за собой. Еще немного выждал, опасаясь, что призрак все же выйдет и попытается расправиться с грабителем. Но дымный демон не появлялся. Конан допил вино и принялся осматривать сундуки.

Далеко не все они были творением стигийских мастеров. Четыре больших деревянных ларя были явно аргосской работы, еще два — зингарской. Выяснив это, Конан решил первыми взломать стигийские сундуки, рассудив, что если здесь и кроется новый подвох, то, вероятнее всего, именно в них. Но откинув одну за другой деревянные позолоченные крышки, киммериец позабыл и о возможной ловушке, и о демоне, оставшемся в пещере.

Переложенные льняными полотнищами и тонкой золотой фольгой, лежали в них бесценные сокровища. Золотые гривны в виде змей с простертыми крыльями, жезлы, инкрустированные бирюзой и перламутром, ожерелья из резного сердолика и бирюзы, искусно оправленных в золото, перстни с темными сапфировыми скара-

белями с глазами-гранатами. Затканная золотом парча церемониальных одежд, тончайший лен, ценившийся на вес золота. Золотые и нефритовые статуэтки, браслеты, серьги, наборные пояса, просто россыпи оплавленных драгоценных камней... Названия и назначение иных предметов Конан даже не знал, но видел их неоспоримую ценность. Аккуратно уложив все так, как было, он закрыл эти сундуки и перешел к следующим.

Аргосские и зингарские лари хранили ценности поскромнее. В первом же ларе, узком и длинном, Конан нашел оружие. Может быть, Кром все-таки не так равнодушен к своим детям, как утверждают наши старики, подумалось ему. Во всяком случае, к детям достаточно отважным, чтобы спастись от пиктов в пещере со злым демоном. Киммериец довольно быстро подобрал себе зингарский узкий меч и парный к нему кинжал-дагу. Как все оружие, сделанное прославленными мастерами Зингары, эта пара отличалась великолепной сталью, изяществом форм и роскошью отделки. Рукояти меча и даги были украшены тщательно подобранными по величине и цвету камнями, золотые насечки вдоль клинков сплетались в сложный узор. Впрочем, убедился Конан, все оружие, лежащее в сундуке, отбиралось именно по богатству отделки. Были там, к примеру, два парадных меча, никудашных в бою, зато щедро усыпанных драгоценными камнями. Каждый клинок был завернут в промасленную кожу, отдельно — в кусках чистой ткани — лежали ножны. Оружие выглядело старым, но было в прекрасном состоянии.

В следующем сундуке оказалась одежда, и Конан окончательно убедился в том, что клад был запрятан в утесе очень давно. Тонкое кружево пожелтело от времени, меха истерлись и вылезли. Киммерийцу не хотелось рядиться павлином, но он был совершенно наг, и пришлось смириться с бархатом и шелком. Платье выглядело весьма вычурно и старомодно, но Конан постарался подобрать себе что-нибудь попроще. Вот бы обрадовалась Дайома, хмыкнул он, пытаясь оглядеть себя через плечо. Владычица Острова Снов была просто помешана на роскошных нарядах и желала видеть возлюбленного в золотой парче и бриллиантовой пыли с головы до ног. Надо ли удивляться тому, что Конан удрал от нее, едва народилась

новая луна? А вот сапоги ему пришлось по нраву — высокие мягкие сапоги зингарской кожи, обтягивающие ногу, как перчатка.

Разбирая сундуки, он заметил, что большая часть добра — из Зингары, и в последнем ларе, ближнем к выходу, этому нашлось объяснение.

Четыре аргосских ларя были по самые крышки забиты золотом. Здесь лежали монеты со всего Туранского материка, но больше всего было опять-таки зингарских. Один из ларей был разделен перегородками на три части: пополам, и половина еще пополам. Большая часть была заполнена все теми же монетами, в двух других лежали крупные слитки золота и груды драгоценных камней.

— О великий Бел, нынче я взыскан твоею милостью! — в восхищении воскликнул Конан. — Клянусь, самый крупный из этих слитков будет лежать в твоём храме в Заморе, щедрый покровитель воров!

На груды золотых монет лежал клочок пергамента. С трудом продираясь сквозь полужнакомые зингарские письмена, к тому же немного выцветшие, удачливый кладоискатель прочел следующее:

«Я, Траникос, прозванный Кровавым, предводитель Островного Братства, оставляю здесь свое золото, добытое во многих походах к зингарскому берегу, и собственноручно делаю эту запись, дабы всякий, кто осмелится прикоснуться к моему добру, знал, какая кара его постигнет. Писано в третий день месяца штормов, в год тридцать первый с начала правления милостью Митры короля Лоранзо Пятого.»

В качестве подписи в нижнем правом углу красовался бурый отпечаток большого мозолистого пальца.

Глава 4. Черный человек.

Быстрее, друзья мои! — крикнул Валенсо и рванул веревку, удерживающую сложную систему подпорок. — Оттаскивайте бревна! Надо успеть втащить щит в форт, прежде чем вновьприбывшие высадятся на берег!

— Но ваша светлость! — удивленно возразил один из солдат. — Корабль идет под зингарским флагом!

Граф кинул на него насмешливый взгляд.

— Мой добрый Энрике, ты не привык еще не верить своим глазам? Когда тебе будет столько же лет, сколько мне, ты научишься осторожности. Если это посланцы короля, мы всегда успеем открыть ворота. Если новый враг — он окажется в форте быстрее, чем нам бы хотелось, если мы не втащим щит. Шевелись же!

Гальборо с четырьмя гвардейцами уже раскидывали бревна. Арбалетчики вновь заняли свои места у бойниц, раненых и убитых внесли в Главный Дом. Зингарцы, облепив тяжелый щит, как муравьи — гусеницу, вкатили его в ворота и развернули напротив них. Ворота были изрядно побиты, но еще держались, и вкупе со щитом представляли серьезное препятствие.

Тина, обернувшись к Белезе, серьезно спросила:

— Почему это граф видит врага в каждом корабле, плывущем сюда? Он уже не надеется на помилование короля? Или кого-то ждет?

— Не знаю, девочка, — вздохнула Белеза. — Я ничего не понимаю. Я никогда не спрашивала, сколь тяжко преступление, за которое его изгнали. И вряд ли когда-нибудь осмелюсь спросить. Я только надеюсь, что старый король умрет раньше, чем мы.

— О, — воскликнула Тина, не слушая ее, — новая шлюпка! Они не стали преследовать Заячью Губу, они плывут сюда! Смотрите, кара миа, какой красивый наряд у того человека на носу шлюпки! И какая гордая осанка! Может, это все-таки послы короля?

Белеза, сощурясь, и сама с большим интересом всматривалась в фигуру в темно-бордовом расшитом золотом платье, поверх которого был небрежно накинут черный бархатный плащ. Кирасу незнакомца венчал пышный плюмаж из темных фазаньих перьев, узкая талия была перевязана поверх португези драгоценной туранской шалью, какой не было даже у самой Белезы. Вид нового гостя ясно говорил о его благородном происхождении.

Он соскочил на берег, едва нос лодки ткнулся в песок. Гребцы остались на своих местах, к форту же направи-

лось, считая вельможу, всего трое человек. Его спутники выглядели менее внушительно, чем он сам, но куда пристойнее головорезов Строма.

Несомненно, все они были зингарцы.

Не дойдя до ворот форта десяти шагов, вельможа выжидающе остановился. Он был высок, строен и немолод. Темные глаза смотрели насмешливо и зло.

— Что угодно от меня? — холодно спросил Валенсо, появляясь над частоколом.

Словно проверяя, туда ли он попал, незнакомец глянул на развевающийся над фортом флаг. Затем снял кирасу и церемонно поклонился.

— Я имею честь говорить с его светлостью графом Валенсо-и-Медозо-и-Лузия да Корзетта? — осведомился он.

— Да, это мой титул. Удивляюсь, что вы его так хорошо знаете, ибо вас я вижу впервые. — Глаза графа по-прежнему настороженно изучали незнакомца.

— Мало найдется в Зингаре людей, не знающих красного сокола Корзетты! — тонко усмехнулся тот. — Что же до моего имени, то я — Зароно Альварес дель Торрес, известный также под именем Черного Зароно. — Он снова поклонился, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

Зароно дель Торрес был известнейшим авантюристом своего времени. Разорившийся мелкий дворянин, он участвовал в так называемом Заговоре «Белой Розы», забросившем на зингарский трон благородного дома Сангидио юношу не самого высокого происхождения, но решительного, пылкого и честного. Король Сангидио Первый недолго продержался у власти, и вступивший за ним на престол Горалес жестоко расправился с заговорщиками. Зароно пришлось бежать из страны. В западные моря он возвратился на лучшей галере, какую видел когда-либо Кордава или Мессантия. Несколько удачливых пиратских набегов принесли Зароно золото и некоторую благосклонность короля, — но не прощение. Бывший гранд остался капером, и постепенно король смирился с его существованием, ибо набеги Зароно были по-прежнему удачливы, пополняя королевскую казну, и одной тени его «Славы Зингары» доставало,

чтобы разогнать барахтанских пиратов на тысячу полетов стрелы вокруг.

— Похоже, моя бухта сделалась местом встречи всех негодяев западных морей, — усмехнулся граф. — Только что здесь побывал капитан Стром — и ушел не слишком довольный. Что же угодно вам от графа Валенсо?

Зароно высоко вздернул изящные брови:

— Какой однако нелюбезный прием оказываете вы соотечественникам, граф! К тому же, полагаю, — тут он насмешливо взглянул на побитые ворота, — мое прибытие было как раз вовремя, чтобы этот аргосский пес не ворвался в вашу крепость. «Славу Зингары» знает каждый барахтанец. Я даже рассчитывал на некоторую благодарность с вашей стороны... Но впрочем, я пришел, конечно, не за тем, чтобы отгонять стервятников от легкой добычи. У нас кончается запас питьевой воды, моя команда давно не сходила на берег, я уже не говорю о такой роскоши, как жареная оленина — мяса мы не видели не менее двух лун. Шторм забросил нас далеко в море, мы едва выбрались... Поверьте, граф, все, что нам нужно от вас, — лишь дозволение бросить якорь и поохотиться в вашем лесу. — Он снова поклонился, на этот раз — без насмешки.

Граф, нахмурившийся было при словах о стервятниках и легкой добыче, кивнул несколько успокоенно.

— Дозволение вы мое получите. Но при условии, что в форт не войдет ни один из ваших людей, дель Торрес. Я готов дать вам двух быков на мясо и фруктов из моего сада, но попробуйте только взять что-нибудь самовольно — и получите каждый по стреле в горло!

Казалось, суровый тон графа только развеселил Зароно. Сверкнув темными глазами и закрутив тонкий ус, он поинтересовался:

— Что же, Стром захотел разом все яблоки вашего урожая? Как бы теперь у него не разболелся живот! — и не дожидаясь ответа, совершенно другим тоном добавил: — Слово чести, граф, мои разбойники будут вести себя пристойно. Весьма вам благодарен за предложенное угощение.

Поклонившись в последний раз, Черный Зароно удалился.

— Немедленно заняться починкой ворот и выставить усиленную охрану, — распорядился Валенсо. — У этого негодяя чести не больше, чем у портовой шлюхи.

— Мне известно другое, ваша светлость, — негромко оборонил Гальборо, глядя в спину уходящему к шлюпке капитану.

— Да? — резко обернулся к нему граф. — Что именно?

— Он действительно человек чести. Он хитер, жесток и опасен, но еще никто не мог обвинить его в том, что он нарушил данное слово. В его команде нет случайных людей, он набирал их годами. И все они готовы перегрызть глотку самому Нергалу за своего капитана.

— Вы думаете, Гальборо, он сказал правду?

— Нет, ваша светлость, — уверенно ответил бывший пират. — Конечно, он здесь не за водой и мясом. Да и штормов не было уже две луны. Но раз он обещал порядок, так и будет. Скорее всего, вечером он придет к вам и тогда скажет, что ему здесь понадобилось в действительности.

— Посмотрим, — бросил граф и ушел в дом.

Тем временем матросы высаживались на берег. Ни один из них даже не глянул в сторону форта. С потоком цветистых благодарностей приняли они три корзины фруктов и двух быков из стада Корвелы и принялись разбивать лагерь. Шлюпка еще совершила несколько рейдов, отвозя на галеру бочки с пресной водой из источника на краю леса, затем успокоенно ткнулась в песок. Полторы сотни человек ставили пшатры, разводили костры, откупоривали бочки с вином и разделявали мясо. Валенсо позволил им разобрать на дрова то, что осталось от лодочного сарая — ни на что иное он уже не годился — но когда он увидел, что матросы направляются к лесу с топорами, граф счел своим долгом подойти и предупредить Зароно:

— Отзовите своих людей, дель Торрес. Я не просто так предложил вам мясо. Не заходите в лес больше чем на десять шагов, не рубите деревьев, особенно дуба и остро-

листа. Вон там над обрывом в сосняке достаточно сухо-стоя, не поленитесь сходить туда.

— Пикты? — полуутвердительно спросил капитан. — И как близко?

— За каждым кустом, — усмехнулся Валенсо. — Я уверен, что сейчас за нами наблюдают двое или трое. Я достаточно изучил их обычаи, чтобы поддерживать мир. Сделайте, как я сказал, иначе утром окажетесь с перерезанными горлами все до единого.

— Благодарю за предупреждение, благородный дом, — несколько хрипло ответил Зароно и быстрым шагом ушел распорядиться.

К вечеру с моря пополз на берег туман, мгlistая дымка заволочла костры лагеря и огни форта. Каждый лист копил морось, воздух был влажен и холоден. Матросы Зароно, разомлевшие от вина и обильной еды, что-то негромко пели у огня. Их капитан тем временем отправился в форт с визитом и волей-неволей был приглашен на ужин.

Удовлетворенный скромным поведением матросов, граф разговаривал с гостем куда приветливее, чем утром. Зароно восседал на почетном месте, по левую руку от хозяина, сидевшего во главе стола. Прямо напротив капитана оказалась Белеза, и весь ужин он буквально пожирал ее глазами. Она не знала, радоваться этому или сердиться: с одной стороны, она совершенно отвыкла от общества высокородных кавалеров и была рада гостю, с другой — Зароно дель Торрес был красив и, несомненно, избалован женским вниманием. Его взгляд говорил девушке, что она не потеряла ни грана своей привлекательности, но было в нем нечто такое, что заставляло ее краснеть и опускать глаза.

— Ваше здоровье, прекрасная домья. — Гость осушил бокал, и слуга тотчас наполнил его вновь. — Великолепное вино. И великолепный зал. Я просто поражен, дом Валенсо. Как вам удалось воссоздать в этой глуши уголок королевского дворца?

— Мои люди трудились день и ночь, — не без гордости ответил граф. — Но многое я привез из своего дома в Кордаве — я ведь знал, что меня ждет.

Снаружи Главный Дом выглядел как все постройки дома: цельные отесанные бревна, кровля из самодельной черепицы. Но личные покои графа и Белезы, а также Большой Зал, где проводились все праздники, от свадьбы до Урожайного полнолуния, были отделаны со всею возможной роскошью. С резных балок потолка свешивались стосвечные люстры цветного аргосского стекла, в закрытые тяжелыми ставнями окна вставлены витражи в свинцовых переплетах. Огромный камин был обшит панелями резного черного дерева, прекрасные мильфлоры аквилонской работы со сценами охоты и балов висели по стенам. Дубовый стол, тянувшийся на всю длину зала, украшали семисвечия черного серебра. Весь зал опоясывала поверху маленькая галерея, балюстрада ее была сделана из перил и балюстрады капитанского мостика галеры, привезшей сюда изгнанников.

— Я рад, что мои странствия, даже, можно сказать, моя охота завершилась наконец удачей именно здесь, — продолжал Зароно и при этом так посмотрел на племянницу хозяина, что она густо покраснела. Но граф понял его правильно.

— Так вы следовали за Стромом? Пресветлый Митра, что могло понадобиться в этой глуши двум самым отчаянным авантюристам Запада?

— Что могло понадобиться в этой глуши графу Зингары? — невозмутимо парировал Зароно.

— Я здесь не по своей воле, — просто ответил Валенсо. — А именно в этой бухте я оказался по чистой случайности, уверяю вас. С тем же успехом я мог высадиться в Вендии или Кхитае. Но теперь, когда столица для меня закрыта, мне равно постылы все страны. Эта обладает тем преимуществом, что безлюдна. Во всяком случае была до недавнего времени, — рассмеялся он, показав белые зубы.

Зароно кинул на него испытующий взгляд из-под длинных ресниц.

— Отошлите слуг, благородный дом, и мы поговорим о том, что же на самом деле заставило вас бежать из Кордавы, — тихо сказал он.

Граф побледнел.

— Что вы можете знать об этом, — произнес он как мог небрежно. — Но впрочем... — Он возвысил голос: — Ступайте, друзья мои, у вас был нынче тяжелый день. Мы справимся сами.

Поблагодарив графа и оставив достаточное количество вина и фруктов в качестве десерта, слуги ушли. Зароно встал, налил вина Белезе, графу, Гальборо и в последнюю очередь — себе, затем сел на прежнее место и, сощурясь, начал рассматривать рубиново-красный напиток на свет, словно важнее этого ничего не было.

— Ну, — теряя терпение, сказал граф ледяным тоном, — что же, по-вашему, заставило меня уехать?

— Только не королевская опала. Я не знаю, чем вы это ему объяснили, но знаю, что его величество очень сожалел о вашем отъезде. Он был бы счастлив снова видеть вас при дворе, это его собственные слова.

Белеза смотрела на дядю широко раскрытыми глазами. Так значит, Тина была права, когда говорила, что он скрывается от кого-то!

— Почему я оставил Зингару, это дело только мое и ничье больше, — жестко сказал Валенсо. Он все еще был бледен.

— И именно ради этой бухты? — невинно спросил Зароно. — Странный выбор для зингарского гранда.

— О, это как раз чистая случайность, — с облегчением ответил граф. — В Кордаве я подобрал одного кормчего, Зингелито. Он почему-то настаивал на том, чтобы мы высадились именно здесь. Корабль наш разбился у южного мыса, поэтому выбора, в сущности, не было. Зингелито обещал мне объяснить все после того, как мы разобьем лагерь, сулил какие-то блага и прочее. Но едва он сошел на берег, тотчас ушел в лес. Видимо, слишком далеко, потому что в тот же день его убили пикты.

— Да, зачем-то ему нужна была эта бухта, — кивнул Гальборо. — Но зачем, он не сказал даже мне.

— Вам не слишком скучно здесь, кара домья? — обернулся вдруг Зароно к Белезе. — Будь у вашего дяди корабль, вы ушли бы отсюда?

— О да! — с жаром ответила Белеза и снова покраснела. — Только к чему все эти разговоры, у нас ведь нет корабля, — поспешно добавила она, взглянув на дядю.

— Корабль есть у меня, — с расстановкой сказал Зароно. — И если мы договоримся...

— Кажется, мы подходим к самому интересному, — сощуря глаза, оборонил Валенсо. — Капитан Стром тоже пытался со мной о чем-то договориться, но я, право, ничего не понял. Не идет ли речь об одном и том же?

— Вполне возможно, благородный дом, вполне возможно. Я удовлетворюсь меньшей долей, чем Стром, так что союз со мною будет вам выгоднее и — безопасней.

— Во имя пресветлого Митры, какой долей? — вспылil Валенсо. — Я не стал брать с собой ни золота, ни фамильных ценностей. Что вы собираетесь делить, дель Торрес?

Зароно поджал тонкие губы.

— Дайте мне слово, граф, что вы действительно случайно оказались в этой бухте! — потребовал вдруг он.

— Я уже сказал вам, — несколько раздраженно отозвался граф. — Зингелито собирался изложить мне свои, как он выразился, «особые соображения», но не успел. А в следующую ночь наш корабль разбило о скалы южного мыса бухты.

— Я вам верю, — заявил Зароно после недолгого молчания. — Да, я вам верю. Плыя за каракой Строма, я никак не рассчитывал наткнуться здесь на соотечественников, а уж тем более на вас, граф. И уж тем более не мечтал встретить в этой глуши столь прекрасное создание, как вы, моя домья. — Он снова восхищенно-насмешливо посмотрел на Белезу. — Но раз это произошло, давайте объединим усилия, чтобы сокровища не достались этой аргосской собаке.

— Если я правильно вас понял, — протянул граф, проявляя все большую заинтересованность, — где-то поблизости есть клад, о котором знает Стром и знаете вы, но не знаем мы. И этот урод полагал, что я давно нашел сокровища и спрятал в форте? Во имя этого он собирался сравнять мой форт с землей?

— Ну, будь на вашем месте, скажем, колония барахтанцев, я попытался бы сделать то же самое, — резонно возразил Зароно. — И уж конечно не поверил бы ни слову из вашего рассказа. Я тоже в первый момент был склонен думать, что сокровища у вас, и уже прикидывал, признаюсь, как захватить форт. Но прекрасные глаза домы Белезы совершенно изменили мои планы. К тому же вы дали слово.

— Я могу поклясться, что слышу об этом в первый раз, — сурово кивнул Валенсо. — А захватить форт вам было бы не так-то просто.

— Да, я заметил, — усмехнулся Зароно. — Так вот, о сокровищах... Слышали вы когда-нибудь о Траникосе Кровавом?

— Думаю, из всех присутствующих о нем знаю только я, — ответил Гальборо. И пояснил, обращаясь к графу: — Это был величайший пират за всю историю Островного Братства. Прославился он после того, как ограбил Тотмеркиса, стигийского принца. Принц слишком преуспел в чародействе и был изгнан жрецами Черного Круга. Он выстроил себе крепость на далеком безымянном острове к западу от Сипатхи и жил там с семьей и челядью. Траникос ворвался в крепость и перебил всех его людей. В том походе он добыл Око Змея, камень дивной чистоты и величины. Но что с этим камнем случилось, теперь уже никто не знает.

— Как давно все это было? — спросил Валенсо.

— Почти сто лет назад, — ответил Зароно. — Этот камень Траникос долго держал при себе, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью, но слишком многих прельщал его лунный блеск. А потому пират решил спрятать его — и многое другое — в надежном месте, известном ему одному. Он погрузил сундуки на небольшой корабль и отправился на север, к Пустоши Пиктов. Больше его никто никогда не видел. Один-единственный человек вернулся из этого плавания — но у него был вырезан язык. Подозреваю, что Траникос проделал эту операцию над всей командой. Писать спасшийся матрос не умел. И упорно не хотел возвращаться на то место, но, конечно, не мог сказать, почему. В конце концов его вздернули на

рее, но до того он нарисовал собственной кровью карту, где пометил крестом скалу на берегу среди леса.

Однажды мне посчастливилось мельком взглянуть на эту драгоценную карту. Тогда со мною были Стром и Зингелито. Мы пировали в одном портовом кабаке в Мессантии, и вдруг к нам подсел какой-то пропойца и принялся лепетать что-то о несметных сокровищах, которые он готов уступить нам за один только кувшин доброго вина. Мы бы угостили его и отослали прочь, как это делали все, кому надоедал нищий старик, но он упомянул имя Траникоса и заявил, что у него имеется карта. Как она оказалась в руках портового пьяницы — для меня остается загадкой. Но, взглянув на грязный обрывок пергамента, который он извлек из своих лохмотьев, мы трое почему-то сразу ему поверили. Карта была, несомненно, очень старой и действительно нарисована кровью. На нашем столе была только коптящая лампа, и мне не удалось как следует рассмотреть эту карту. Едва мы всерьез заинтересовались, как чья-то рука опрокинула лампу, послышалась возня, короткий вскрик — и старик упал на стол мертвым. Карта пропала. На крик начали оборачиваться люди, а менее всего нам хотелось огласки. Мы поспешили уйти оттуда — каждый своей дорогой.

Все это произошло около двух лет назад. И два года мы пытаемся найти сокровища — каждый по-своему. Подозреваю, что карта находится теперь у Строма, он очень уверенно шел к этой бухте — я ведь шел за ним по пятам. Но вы, граф, сильно уменьшили его команду, к тому же он уверен, что драгоценности уже у вас — коль скоро вашим кормчим был Зингелито.

Объединив силы, мы сумеем разыскать сокровища. Мой корабль вместит всех ваших людей, граф. Вы вернетесь в Кордаву, золотом искупите все преступления, какие держат вас здесь. Я же получу сокровища и окончательное помилование короля. И быть может, представлю двору свою молодую жену? — Он поклонился Белезе. Та окончательно смутилась.

— Я надеюсь, вы шутите, Зароно дель Торрес, — холодно сказал граф. — Потому что в противном случае

мне придется убить вас. Вы в моем доме, за моим столом, и имеете наглость говорить такие вещи!

— Прошу прощения, граф, — невозмутимо улыбнулся Зароно. — Но я и в самом деле подумываю жениться и оставить каперство. Что же в этом оскорбительного? Я, разумеется, был бы счастлив породниться с соколом Корзетты, и еще более был бы рад этому его величество, ибо при последней встрече он ясно дал мне понять, что желает видеть меня при дворе. Во имя Митры! Неужели род мой столь ничтожен для вас?

— В роду вашем, Зароно, было немало достойных людей. Но ни один из них не запятнал себя каперством, — ответил Валенсо уже спокойнее. — Поэтому сейчас мы ведем пустые разговоры. Тем паче, что я обещал Белезе выдать ее только за того, кто будет ей по нраву.

— Только на это я и надеюсь, — тихо сказал Зароно. — Но более меня сейчас интересует другое: вы согласны на сделку?

— Пожалуй, да, — ответил граф. — Я...

Но его прервал тонкий женский крик. В зал, протягивая руки к Белезе, с глазами, полными ужаса, вбежала Тина. За нею, пытаясь ее удержать, бежала, крича что-то бессвязное, одна из служанок Белезы. Увидев графа, Тина замерла на месте, уставилась на него диким взором и крикнула:

— Тха омрани Сет-ра ош пхутхум!

Граф вскочил так резко, что пошатнулся его стул.

— Что с тобой, девочка? Что ты такое говоришь? Какой еще посланец Сета?

Тину трясло, она была бледна и готова вот-вот потерять сознание.

— Тот-Амон! Тот-Амон! Тха омрани Тот-Амон! Скажи ему, что я здесь! Скажи ему, что я уже близко, совсем близко!

Белеза, смотревшая на это с изумлением и ужасом, нагнулась на служанку:

— Что все это значит? Я велела тебе присматривать за ней!

Девушка чуть не плакала, прижимая к груди стиснутые руки.

— Я не виновата, госпожа! Эта негодница улизнула на взморье, что-то ей там понадобилось. И пришла оттуда вот такая! Все бормотала на своем языке. А потом как закричит: «Кара Белеза, кара Белеза!» Я говорю, она в зале с дядюшкой, туда теперь нельзя. А она как сорвется с места да как припустит! Только у дверей я ее и нагнала.

— На взморье? — глухо повторил граф. Он шагнул к девочке, все еще выкрикивающей надрывно: «Скажи ему!..» Белеза ахнула: она подумала, что Валенсо сейчас прибьет Тину на месте, такое у него было лицо. Но граф присел перед девочкой на корточки, правой рукой взял ее за плечо, а левой ударил по щеке — так, что темная головка motнулась в сторону.

— Не смейте!.. — завизжала Белеза, но тут же осеклась, прикусив язык, потому что пощечина возымела действие: взгляд Тины прояснился, она тихонько всхлипнула. Граф отпустил ее, и девочка на негнущихся ногах подошла к Белезе и ткнулась ей в колени.

— Забери ее, — тихо велел граф. — Умой, напои горячим вином и уложи спать. А завтра пусть придет ко мне и объяснит свои слова.

Белеза, без сил осевшая на стул, только кивнула. А Тина вдруг подняла на графа мокрое личико и, всхлипывая, сказала:

— Это был он, убийца моего отца! В черной лодке приплыл он, и молнии змеились вокруг его головы! Он ищет вашей смерти, добрый мой господин! Черный человек идет сюда, он скоро будет здесь...

— Нет, — мягко успокоил ее Валенсо. — Стража не впустит его. Да и не пойдет он в дом, полный огней и народу. Спи нынче спокойно, девочка. Уведи ее, Белеза.

Шепча что-то невнятное, но ласковое, Белеза потянула Тину наверх, в свою комнату. Но выходя из зала, вздрогнула и остановилась, услышав:

— Вы, кажется, почти попросили у меня руки моей племянницы, дель Торрес?

— Это было бы для меня большой честью... — забормotal несколько опешивший от такого крутого поворота Зароно.

— Так вы ее получите. При условии, что увезете ее — и всех моих людей — как можно скорее отсюда. Во имя Митры, мы разыщем эти сокровища, и моя девочка будет с хорошим приданым!

Белеза онемела от ярости и изумления. Но рядом с нею всхлипывала Тина, и, как ни желала девушка немедленно получить объяснение невероятным словам своего дяди, она ушла из зала, уведя с собою воспитанницу.

Очень скоро обессилившая Тина, усыпленная проливыми слезами и теплым вином, задремала, а Белеза в темноте без сна сидела на кровати, охваченная каким-то странным оцепенением. Нельзя сказать, что Зароно был ей противен, скорее даже наоборот, но только она представляла себе будущего мужа совершенно иным. К тому же, она была знакома с капитаном не более нескольких часов, и нельзя же вот так отдавать ее первому встречному! Что за затмение нашло на ее дядю? Она всегда относилась к нему как к родному отцу, от него ждала защиты и заботы, от него и только от него ожидала выбора своей судьбы. Но она была уверена, что граф найдет ей блестящую партию! Спору нет, дель Торрес великолепен, у него манеры настоящего гранда, и род его, хоть и небогат, но древен и славен. Но каперство, фи!.. И все же какое восхищение читалось в его глазах, когда он смотрел на нее...

Мысли Белезы скакали, как озорные бельчата. Кого увидела Тина? Что это за черный человек, убийца ее отца? И загадочные угрозы графу?.. Уж не от этого ли человека бежал Валенсо да Корзетта из Зингары?..

Тихо скрипнула открывшаяся дверь. Белеза вскочила, сердце ее бешено колотилось. На пороге стоял граф, заслоня ладонью трепещущий огонек свечи.

— Я удивлена, ваша светлость, — холодно сказала Белеза. — Не такого мужа ожидала я от вас.

— Девочка моя, — сказал граф таким голосом, что у Белезы едва слезы не брызнули из глаз. — Теперь у меня нет иного выхода. Ты должна как можно скорее уехать отсюда, и если это возможно единственно этим способом, так и будет.

— А вы? — тихо сказала Белеза. Она начинала понимать, что задумал граф. — Зачем вы отправляете всех? Чтобы остаться один на один с вашим черным человеком?

— Пусть это тебя не беспокоит. У меня с ним свои счеты. Но я никогда себе не прощу, если эта тень коснется и тебя. Поэтому ты сделаешь так, как я сказал. И довольно об этом. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — машинально ответила Белеза, закрывшейся за дядей двери. — Спокойной... О мать Иштар, жизнеподательница, защити и сохрани меня!.. — Сотрясаясь от бурных рыданий, Белеза упала лицом в подушку. И не заметила, как уснула.

Глава 5. Шторм

Проснулась она как от толчка. Рядом с ней всхлипывала Тина. Нагнувшись к девочке, Белеза почувствовала, как в лицо ей пахнуло жаром от лица Тины. Девочка сжимала горячие кулачки и бормотала что-то быстрое и неразборчивое на жуткой смеси зингарского и стигийского языков. Чаще всего в ее бреду повторялось имя «Тот-Амон». Белеза не знала, кто это такой, понимала лишь, что стигиец и, вероятно, черный маг. Какое отношение имел он к ее дяде, никогда не бывавшему в Стигии, Белеза не представляла. Сейчас же ее больше заботила Тина, мечущаяся в жару и бреду.

Полночи просидела она над девочкой, кутая ее в одеяла из волчьих шкур, меняя компрессы и отирая холодной водой лицо и руки. Под утро Тина затихла, забывшись сном, заснула и Белеза.

В окне уже занимался рассвет, когда она проснулась второй раз за эту ночь — с острым чувством беды. Тина сидела в постели, таращась в темноту, как сова. В огромных ее глазах были напряжение и страх. Какой-то мерный звук доносился в комнату извне, но спросонья Белеза не могла понять, что это такое.

— Что ты, малышка? — Она слегка потрянула Тину за плечо. — Что с тобой?

— Черный человек, — монотонно, как заклинание, произнесла Тина. — Черный человек бьет в черный ба-

рабан в черном лесу. Бум-бум-бум. Он высвистит ветер, и нас поглотит мо-оре. О-он подни-имет на нас волны, морские чудища и подземные твари вы-йдут все из нор своих — на нас, на нас, на нас...

— Тина, опомнись! — зашептала Белеза в ужасе. Она никогда не видела у своей воспитанницы такого лица. А девочка меж тем говорила, все так же невидяще уставясь в ночь кошачьими глазами:

— Слушайте, о, слушайте, кара миа, я расскажу вам одну историю. Жила была на свете девочка, и звали ее Тхемнетх, что значит «обещание», и кто была ее мать, не помнил никто, ибо женщины в Стигии дешевле камешков на морском берегу, и каждый может купить себе какую пожелает, а получив сына, выгнать ее из дома. Если рождается девочка, мать забирает ее с собой, и отцу нет до нее никакого дела. Но когда родилась Тхемнетх, звезды особенно ярко светили над Стиксом, и все черные кошки Луксура собрались на ступенях дворца ее родителя, и все белые совы расселись на крыше. И слышно было во всем городе, как ухают совы и мурлычут кошки. Мать оставила ее на мраморных ступенях, на мраморных ступенях дворца оставила она ее и ушла, и черные кошки и белые совы пришли посмотреть на Тхемнетх. Отец ее был великий маг, и той ночью он проснулся и вышел, ибо ночь была полна волшебством. Он увидел ребенка и кошек, черных кошек богини Сохмет, и понял, что не обычную девочку родила ему женщина, чье имя он забыл, едва она ушла, а Верховную Жрицу храма Сохмет Львиноголовой. Жрицы богини — не женщины, их никогда не узнал ни один мужчина, а если отважится на это какой-нибудь безумец, перестанет быть мужчиной навсегда. Раз в столетие рождается в безлунную полночь новая Верховная Жрица, и всегда об этом знают звезды, совы и кошки. И отец Тхемнетх взял девочку в дом и стал воспитывать ее, как подобает воспитывать будущую Великую Жрицу. Великая радость царил в луксурском храме Сохмет, ибо прежняя Верховная Жрица дряхлая, и некому было передать ей свою душу. Когда Тхемнетх исполнилось два года, ее посвятили Львиноголовой, и через десять лет она должна

была надеть белые одежды Верховной Жрицы. День в день в Посвящение прежняя Жрица умерла, и у Тхемнетх стало две души. Душа старой Жрицы несла в себе души всех прежних жриц, и все они поселились в Тхемнетх, и поначалу она хотела вырвать себе сердце, так это было страшно. Вы слушаете меня, госпожа моя?

— Да, — еле слышно прошептала Белеза, завороченная рассказом и недетским взглядом девочки.

— Прошло четыре года из десяти, и старый царь Стигии умер. Среди жрецов Черного Круга отец Тхемнетх был одним из первых. Он мог заморозить солнечный свет и превратить воду в песок, сравнять с землей горы и воздвигнуть за ночь пышные дворцы. Ему служили многие демоны, дети Нергала. С юных лет у него был соперник — не по умению и искусству, а по жажде власти. Звали этого мага Тот-Амон. Был он зол, жесток и неумерен втрое против всех остальных ревнителей Круга. Он был могущественным магом и главой Круга, но все же не столь могущественным, как отец Тхемнетх. И не желал мириться с тем, что кто-то превосходит его, повелителя Темных Сил.

Их соперничество переросло в настоящую вражду, и в конце концов, не в силах совладать с моим отцом магическими средствами, он подослал к нему обычных убийц с заговоренной сталью. Но мало радости доставило ему это убийство. Ревнители Круга были так возмущены, что объединились против него и изгнали из страны. А Тхемнетх поклялась отомстить за отца...

Тот-Амон знал, что не сможет вернуться в Стигию, пока дочь его убитого врага стоит перед престолом Львиноголовой в луксурском храме, ибо даже Сет, Владыка Мрака, избегает гневить свою грозную мать. И однажды ночью он выкрал маленькую Тхемнетх из дома, в котором она жила, умертвив ее служанок и евнухов. Он лишил ее девственности, чтобы больше никогда не смогла она стать Жрицей, и продал шемитам. Тхемнетх истекала кровью целую луну, но выжила. Но кому нужна женщина шести лет, с душой тысячи старых Жриц? Ее продавали за все меньшую и меньшую цену, пока не купила ее домья

Белеза из Зингары и не сделала родной дочерью. Поправилась вам моя история, кара миа?

— Девочка, бедная моя девочка, — только и смогла сказать Белеза, обнимая ее напряженные плечи. — Забудь все это, забудь, как дурной сон!

Тина наконец взглянула на заплаканное лицо Белезы.

— Я хотела забыть. Что я могу теперь, где моя сила? Все сгорело. Я почти забыла. Но он пришел. Он снова пришел в мою жизнь, и снова рушит ее. Слышите?

Белеза прислушалась. Монотонный звук, который она вначале приняла за шум дождя за окном, доносился все отчетливее. Как будто где-то далеко били в гулкий барабан. Ритм то нарастал, то замедлялся, складываясь в подобие мелодии.

— Черный человек творит черное колдовство в черном лесу. Скоро волны и камни обрушатся на нас, — сказала Тина очень спокойно.

Белеза выглянула в окно. Светлеющее небо заволакивали тучи. Они шли словно со всех сторон, сталкиваясь и перемещиваясь, набухая бурей. Первая молния блеснула в небе, и Белеза не успела сосчитать до трех, как оглушительный раскат грома накрыл форт.

— Корабли! — дико закричала Белеза. — В бухте на рейде стоит корабль! Его разобьет о скалы, и мы никогда не выберемся отсюда!

— Я думаю, того ему и нужно, — мрачно сказала Тина. — Тогда на берегу он узнал меня, но теперь, как он думает, я — ничто, и не против меня его чародейство. Но он будет рад погубить вместе с графом и всех, кто окажется поблизости.

— Но нельзя же так сидеть, надо что-то делать!

— Что? — обреченно спросила девочка. Теперь она снова выглядела той старой больной обезьянкой, какой ее впервые увидела Белеза.

— Я пойду подниму Зароно! Пусть спасает свой корабль!

Белеза решительно распахнула дверь.

— Стойте! Стойте, моя домья, я с вами! — закричала девочка. Это был крик самого обыкновенного ребенка,

который боится остаться один в темноте в штормовую ночь. Белеза облегченно вздохнула. Она уже начинала побаиваться своей воспитанницы, но теперь перед ней была прежняя Тина.

— Тогда одевайся скорее.

— Вам тоже надо надеть что-нибудь теплое, — заявила девочка, натягивая свое шерстяное платье.

— Да, я возьму меховой плащ.

Прикрыв дверь, Белеза направилась было к нише с одеждой, но замерла на пол-шаге.

— Кто это? — прошептала она.

По коридору жилого крыла кто-то шел. Половицы не скрипели у него под ногами, шорох шагов был едва слышен, словно шепот в осенней листве. Тяжелые сапоги солдат стучали гораздо громче, да и не мог идти в такой час по жилому крылу ни один солдат. Комната Гальборо находилась в другом конце коридора, шаги дяди Белеза знала наизусть. Судя по размеренности походки, это был все-таки мужчина, но мужчина совершенно невесомый. Белеза попыталась заглянуть в замочную скважину, и в этот миг черная тень проскользила мимо ее двери. Девушка буквально примерзла к полу, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть. Тина скрючилась на кровати, держа башмак в руке.

— Это он! — одними губами прошептала она.

Шаги удалялись в сторону спальни графа. Белеза собрала все силы, чтобы крикнуть, как-то предупредить — но не смогла выдать из себя даже мышинного писка. В полном оцепенении слышала она, как черный человек тихо смеется под дверью графа, а затем уходит — так же неслышно, как и пришел. Глаза Белезы стали совершенно круглыми от ужаса, холодный пот выступил на лбу. За этим призраком, как шлейф за модным платьем, тянулся страх — страх, ледящий кровь и душу, страх изначальный, могильный.

Опомнившись, Белеза бросилась вон. Осторожно подергала ручку двери дядиной комнаты: заперта. «Надеюсь, он не может ходить сквозь стены», — прошептала Белеза. Пережитый ужас рвался наружу желанием немедленно

что-нибудь предпринять. Новая молния перечертила небо. В коридор выскочила уже совершенно одетая Тина, в руках у нее был теплый меховой плащ.

— Вот, наденьте, кара миа.

Надев плащ и взяв девочку за руку, Белеза решительно зашагала по коридору к «гостевой» комнате. На самом деле комната эта делалась на случай тяжелобольных, за которыми нужен ежечасный уход. Но годилась вполне и для гостя. У двери Белеза глубоко вдохнула и постучала — с видом человека, ныряющего в холодную воду.

Никто не отозвался, и Белеза постучала сильнее. За дверью послышалось ворчание, затем Белеза услышала довольно вятное раздраженное «Да!»

— Вставайте, дом Зароно! Вставайте, иначе лишитесь корабля! — крикнула Белеза срывающимся голосом.

Не укоротился огарок ее свечи и на палец, как Зароно был уже на ногах и одет.

— Что происходит? — воскликнул он, выскакивая за дверь. — Это вы, домья Белеза?

— Да, скорее, капитан! Посмотрите, что творится на море! Это не простая гроза, надо немедленно отвести корабль от берега, иначе его разобьет, как разбило нашу галеру!

— Клянусь огненной колесницей Митры, вы правы! Что за шутки шутит Нергал с вашим дядей? Бегите скорее к себе, я немедленно иду на берег.

— Скорее Сет, чем Нергал, — возразила Белеза. — Капитан, я никуда не пойду. Вы возьмете меня с собой. Я не такая избалованная дурочка, какой кажусь на первый взгляд. Но я не могу оставаться в этом доме, это выше моих сил. Уж лучше утонуть в море!

У Зароно от изумления округлились глаза.

— Да вы с ума сошли, дорогая моя домья Белеза! Об этом не может быть и речи...

— Иначе я сброшусь вниз головой со сторожевой башни, — твердо сказала девушка, и, взглянув ей в лицо, капитан понял, что она не шутит.

— Тогда не стоит терять времени, — просто сказал он и, не оборачиваясь, помчался вниз по лестнице. Белеза и Тина не отставали от него ни на шаг.

Грохот черного барабана слышался теперь отовсюду. Туча, пожирающая самое себя, ярилась над фортом клубящейся тьмой. Ветер упал, воздух словно сгустился, еле проходя в горло. Но форт спал, словно зачарованный. Не горел ни один фонарь, спала, опираясь на копыя, стража у ворот. Белеза ахнула, когда увидела створки распахнутыми настезь.

— Да что же здесь такое происходит, тысяча саблезубых акул?! — пробормотал в недоумении Зароно. — Конец света?

Новый раскат грома проглотил его последние слова.

— Скорее! — прокричала, задыхаясь, Белеза. — У вас на корабле наверняка творится то же самое! — Она махнула рукой в сторону лагеря на берегу. Оттуда не доносилось ни звука, всех охватил колдовской сон. Даже уголья в костре перестали мерцать, словно тоже оцепенели.

Толкнув в воду шлюпку, Зароно помог Белезе и Тине сесть, вскочил сам и сел на весла. От разряженного надменного гранда не осталось и следа. Перед Белезой сидел решительный, сильный мужчина, уверенно ведущий тяжелую шлюпку наперерез поднимающимся волнам. Темные его глаза горели упрямством, поднявшийся ветер трепал черные волосы. Такой Зароно нравился Белезе гораздо больше, чем изящный насмешник. Шлюпка стукнулась о борт галеры.

— Благодарение Митре, что спущен трап, — заметил Зароно зло. — Моих бездельников мы бы не докричались до Судного дня. Прошу вас, юные девицы, добро пожаловать на «Славу Зингары».

Оказавшись на палубе, Зароно велел им уйти в его каюту, а сам бросился разыскивать оставленных на судне матросов. Белеза еще успела услышать залп отборнейшей ругани, с которым капитан спускался на гребную палубу. Галера ходила ходуном на волнах, так что Тина и Белеза поспешили сесть и вцепиться во что-нибудь руками.

И тут разразилась буря неведомой силы. Растолкав пинками и проклятиями спящих матросов, Зароно успел

поднять якорь прежде, чем нос галеры ушел под воду, когда она взвилась вверх на гребне первой волны, обрушившейся на берег. Раздавая пинки и команды, сдобренные лавиной брани, Зароно развернул галеру к ветру, и она нехотя, то и дело взлетая на исполинских волнах, пошла прочь из заколдованной бухты.

— Шевелитесь, ослы, если не хотите завтракать нынче с Нергалом! — ревел капитан, навалившись с еще одним матросом на руль. — Выгравить большой парус! Косые долой! Вы, шестеро, не спите на веслах, вы не в гареме Имре Хана!

Словно сквозь пелену тумана, глушащую все звуки, слышала Белеза его гортанные крики. Когда галера вознеслась и провалилась на второй волне, она, не удержавшись, упала, стукнулась обо что-то виском — и больше уже ничего не помнила.

Очнувшись она от вкуса вина на губах.

Белеза открыла глаза.

Первые лучи солнца озаряли верхнюю палубу «Славы Зингары». Белеза лежала на горе шелковых подушек, перед ней, коленопреклоненный, стоял Зароно с бокалом в руке.

— Вам лучше? Ну и напугали же вы меня, бесстрашная домья!

— Должно быть, просто ударились обо что-то. Где мы?

— Всего лишь в сотне полетов стрелы от бухты Корвеллы, — ответил Зароно, помогая ей встать. — Взгляните.

Корабль едва покачивался на легкой утренней волне, теплый ветерок шевелил волосы. Тем ужаснее и неестественнее выглядело то, что творилось в бухте. Огромная туча висела над берегом, меж кипящим небом и обезумевшим морем металась молнии. Грохот громовых раскатов слышался в отдалении.

— Какой ужас, — потрясенно вымолвила Белеза. — Мы ведь могли сейчас быть там...

— Но мы здесь — благодаря вам, — поклонился ей капитан. — Примите мое восхищение, домья Белеза. А, вот и наша маленькая обезьянка!

Сияющая Тина подбежала и привычно ткнулась в бок хозяйке. Белеза обняла ее за плечи.

— Барабан смолк! — радостно объявила девочка. — Не пройдет и утро, как буря стихнет!

Скинув рубашку, пояс и штаны, рулевой «Красной Руки» плескался в ручье, поливая ледяной водой горячую голову. Странная буря, разразившаяся над бухтой Корвеллы, прошла над соседним заливом небольшим дождичком, и капли воды уже высохли на траве и листьях. Солнце стояло в зените, было душно и жарко. Немудрено, что ему захотелось пить после трехчасовой прогулки вдоль берега. Сколько ему еще топать? Нету здесь ничего похожего на скалу среди леса, ну хоть ты тресни, а нету. Капитан просто свихнулся на этом грязном клочке пергамента. Что можно разобрать среди этих загогулин? И даже если — если — все это не чей-то дурацкий розыгрыш, то кто поручится, что сокровища все еще лежат в этой треклятой пещере, а не в чьих-нибудь карманах? Выходя из лагеря, Гоэртий был полон энтузиазма, но за три часа бестолкового блуждания в самый солнцепек пыл его заметно угас.

Наконец он вылез из ручья, отфыркиваясь и тряся головой. Вода текла с волос тонкими струйками по голой спине, приятно холодя кожу. Не открывая залепленных мокрыми волосами глаз, он вслепую потянулся за рубашкой — и обнаружил, что на ней кто-то стоит. Он отскочил, как отскакивает мирно спящая на дороге собака, едва ее бока коснется колесо телеги. Резким жестом откинув волосы, он воззрился на призрак Траникоса, носком сапога попирающий его одежду.

— Чур меня, — пробормотал Гоэртий, складывая пальцы в знак, оберегающий от зла. — Сгинь, пропади! Мне не надо твоего золота! Убирайся обратно в пасть Нергалу, скройся!

— Что это ты, аргосский пес, и разум потерял вместе со штанами? — насмешливо поинтересовался призрак.

Этот низкий голос, выговаривающий зингарские слова с мягким северным акцентом, пират не мог спутать ни с чьим другим.

— Эх ты вырядился, киммерийский козел, — протянул он, растягивая губы в гнусную ухмылку. — Раскопал приданое своей прабабушки?

Наряд «киммерийского козла» и в самом деле выглядел несколько старомодно — широкие бархатные штаны с обилием золотого галуна, высокие сапоги с отворотами, красный кушак, шелковая, сплошь в кружеве и вышивке рубашка.

— Да, одна из моих прабабок поплавала капитаном на барахтанской галере. Кажется, как раз у нее твой дед на корме нужники чистил, — невозмутимо ответил киммериец и вынул из ножен меч. — Смотри-ка, какая славная безделушка сыскалась в ее девичьем сундуке! Не пора ли нам свести счеты, вонючая отрыжка Нергала?

Побагровев от ярости, кормчий метнулся к вороху одежды и выхватил собственный меч.

— Твоя прабабка спала в пещере с горным козлом, когда мой дед был капитаном! — прошипел он. — И мне не терпится унюхать, так ли противно воняют твои кишки, как семя того козла!

Этого ему говорить не стоило. Конан, сведя брови, сделал один-единственный выпад — и получил удовольствие наблюдать, как Гоэрсций, выпустив из ослабевшей руки меч, падает на колени, зажимая локтем живот.

— Добрая сталь, клянусь печенью Крома и твоей, вываливающейся сейчас на песок. Ведомо ли тебе, непочтительный аргосский пес, что кхитайский воин, получив на совершеннолетие меч, пробует его на первом же крестьянине, и тот, умирая со вспоротым животом, обязан поблагодарить небеснорожденного за то, что именно его он выбрал для проверки своего оружия, — наставительно изрек Конан, вытирая клинок рубашкой Гоэрсция. — Не худо было бы и тебе поблагодарить меня — твоя кровь первая на этом мече! Что ты там хрипишь, ничего не пойму.

Рулевой «Красной Руки» силился что-то сказать, но из горла у него вырывались только невнятные сиплые звуки. Наконец он дотянулся до своей одежды, выхватил из тряпок какой-то ключок и попытался засунуть себе в рот. Но до рта он его не донес. Кровь хлынула у него горлом, пират боком повалился на горячий песок.

— Ну-ка, что это ты попытался сожрать под конец, — пробормотал Конан, разжимая пальцы мертвеца.

* * *

— Благодарение великому Митре, ты жива и невредима! — уже в третий раз восклицал граф, оглядываясь на Белезу. Они сидели в Большом Зале за поздним обедом, но граф почти ничего не ел. Если не считать нескольких сорванных крыш, буря не нанесла форту урона, — он стоял высоко над морем, и волны, как ни были огромны, его не достали. Корабль граф счел, конечно, разбившимся, и был очень огорчен этим обстоятельством, но он едва не сошел с ума от горя, когда служанка сообщила ему, что Белеза исчезла, и вместе с нею исчезли Тина и Зароно. И какова же было всеобщее изумление и восторг, когда «Слава Зингары» показалась на горизонте как ни в чем не бывало. Зароно немедленно рассказал графу о том, какую роль сыграла Белеза в спасении корабля, и Валенсо только головой качал: он никак не ожидал в своей хрупкой воспитаннице такой решительности и отваги.

— Правда, большей частью парусов и мачтой пришлось пожертвовать, — заключил Зароно свой рассказ. — Теперь мы еще задержимся на какое-то время для ремонта.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Мои люди в вашем распоряжении, Зароно. А теперь, Белеза, не хочешь ли ты немного отдохнуть после подобных приключений?

— Это означает, что вам нужно поговорить с Зароно наедине, да, дядюшка? — улыбнулась Белеза. — Но я пойду. Это все для меня и в самом деле оказалось... немного слишком. — Кивнув мужчинам, она удалилась к себе.

— Пойдемте выйдем на берег, — предложил Зароно. — У меня действительно есть что сказать вам.

В бухте кипела работа. Под несколько потрепанную галеру подкладывали бревна, вытаскивая ее на берег для ремонта. Теперь уже было не различить, где люди графа,

а где — матросы Зароно. Глядя на эту суету и оживление, Зароно проговорил:

— Я восхищен вашей племянницей, граф. Удивительная девушка. Скажите, вы не смеялись надо мной вчера, когда заявили, что я могу рассчитывать на ваше согласие, если попрошу ее руки?

— Нет, не смеялся, — мрачно ответил Валенсо. — Ей — да и всем моим людям — нужно как можно скорее уехать отсюда. Вы ей, похоже, нравитесь — особенно после вчерашней бури. Она просто глаз с вас не спускает.

Зароно с беспокойством взглянул графу в лицо — тот не шутил.

— Тогда еще один щекотливый вопрос, благородный дом. Если угодно, на правах будущего родственника. — Валенсо поморщился, но смолчал. — Почему вы так упорно хотите остаться здесь один — без рабочих, без защитников, без слуг. Что это была за невиданная буря, обрушившаяся только на вашу бухту? О каком черном человеке говорила вчера эта обезьянка, любимица Белезы?

— Это целых три вопроса, — усмехнулся Валенсо краем рта. — Но вы правы, ответ на них один. И он очень прост. У меня старые счеты с одним стигийским колдуном, Тот-Амоном. Он, как вы уже могли убедиться, могущественнейший маг. Когда-то давно мы повздорили, и он поклялся отомстить. Я надеялся, что на море он не сможет меня выследить в облике призрака — духи не могут путешествовать по воде, а сам пуститься за мною в погоню не захочет. Но, видно, его жажда мести сильнее, чем я думал. Он здесь, и нынешняя ночь тому доказательство. Довольно мне бегать от него, я встречу наконец свою судьбу, какою бы она не была... Но мои домашние не должны пострадать, — твердо заключил он.

— Но у нас с вами в общей сложности двести с лишним человек! — воскликнул Зароно. — Неужели мы все не сможем справиться с каким-то колдуном...

— Бросьте, дель Торрес. Вы не помните, что было ночью? Все спали, как младенцы. Все до единого, и ваши бойцы также. За что тут можно ручаться, на что положиться? Что мы против волн и ветра? Против изощренной магии? — Он помолчал и тихо проговорил: — При-

знаться вам, я безумно боюсь. Но это еще не значит, что меня заставят праздновать труса и прятаться за чужие спины.

Зароно не нашелся с ответом.

— Смотрите-ка! — воскликнул вдруг граф, указывая на горизонт. — «Красная Рука» Строма! Отзовем людей? — Дель Торрес сощурился, разглядывая входящий в бухту корабль.

— Он почти не поврежден, — процедил капитан сквозь зубы.

— Везет мерзавцу! Нет, людей мы отзывать не будем. Нас сейчас втрое больше, вряд ли он осмелится атаковать. Пойдемте узнаем, что ему надо!

Светловолосый гигант прыгнул на песок и уверенно зашагал к зингарцам.

— Эй, гранды! Как насчет еще раз попробовать договориться? — окликнул он хозяев.

— Если договориться — милости просим, — насмешливо ответил Зароно. — А если получить стрелу в голову, так лучше и не пробовать, по-моему.

— Ну, во всяком случае, я безоружен, если не считать меча. Но с ним я не расстанусь даже перед рогатой мордой Нергала!

— Что вам угодно на этот раз, капитан Стром? — холодно спросил граф, прерывая обмен любезностями.

— То же, что и раньше, но с некоторыми изменениями! — расхохотался аргосец. — В последнюю нашу встречу, граф, я полагал, что у вас нет корабля, зато есть сокровища. Теперь я думаю, что у вас есть корабль и карта, но все еще нет сокровищ. У меня же есть лишь сотня головорезов, которая устроит вам кучу неприятностей, едва вы выйдете в море. Разумеется, при честном дележе ничего подобного не случится.

— Карта? — удивленно переспросил граф и взглянул на Зароно.

— Ну разумеется, карта! Пикты, как известно, не носят сапог! — Стром снова расхохотался. — Прямо сейчас я предлагаю следующее: впустить меня в дом и угостить стаканом вина. Мне плохо даются обсуждения при пересохшей глотке.

— Но твои люди останутся в шлюпке, — быстро проговорил Зароно. — Ты пойдешь один.

— Ну разумеется! Если граф Валенсо даст мне слово, что я выйду из форта таким, как вошел, ни один из моих людей не ступит на берег.

— Это в их же интересах, — предупредил Валенсо. — Я даю вам слово, капитан.

В напряженном молчании троица проследовала все в тот же Большой Зал. Здесь к ним присоединился Гальборо. Граф распорядился принести вина и с мрачным видом сел в свое кресло. На галерею тихонько пробрались Белеза и Тина, сев так, чтобы все видеть и слышать, но самим при этом оставаться невидимыми.

Стром, залпом осушив свой кубок, немедленно перешел к делу.

— Насколько я понимаю, уже все знают о драгоценностях старого Траникоса, — заявил он. — Более того, ты, Зароно, завладел моей картой. Все мы хотим получить часть золота, причем каждый, разумеется, рассчитывает на большую часть... — Он обвел собравшихся насмешливым взглядом.

— Не объяснишь ли ты мне вот какую вещь, — щуря темные глаза, сказал Зароно. — Если у тебя все это время была карта, во имя каких милостей Митры ты тянул столько времени?

— А у меня ее и не было! — радостно сообщил Стром. — Старика-то, как выяснилось, подколол Зингелито. Но у него не было ни корабля, ни команды, пока он, наконец, не сманил в эту бухту графа. Но к тому времени один из моих людей выкрал карту и принес ее мне. Но это было как раз на исходе лета, так что я еще ждал всю осень, зиму и весну, пока не кончатся шторма. И вот я наконец высаживаюсь здесь — и обнаруживаю форт графа Валенсо! Ну что я мог еще подумать? Разумеется, я стал требовать доли.

— А что заставляет тебя думать, что сокровища все еще в пещере? — все так же щурясь, спросил Зароно.

— То, что вам все-таки нужна карта, чтобы до них добраться! — ответил капитан «Красной Руки», по-видимому, очень довольный своей прозорливостью. — Иначе

зачем вам понадобилось выслеживать и убивать Гоэрсция, моего рулевого? Я послал его просто на всякий случай, найти отмеченное место, а в два часа пополудни нашел его труп, почти перерубленный пополам и раздетый до последней нитки! Не пикты же это сделали, там поработала добрая сталь и хорошая выучка. Итак, — заключил он, у вас есть карта, но нет сокровищ. Лохань Зароно не один месяц простоит в ремонте после этой бури. Так что у меня есть корабль, которого — почти — нет у вас. Валенсо располагает припасами и лагерем. Я предлагаю объединить все это и разыскать наконец сокровища!

— Но все население форта и люди Зароно не поместятся на вашем корабле, капитан Стром, — возразил Валенсо.

Стром расхохотался.

— За кого вы меня принимаете? Тысяча хвостов Неграла! Чтобы я, располагая силами в сто человек, пустил к себе на борт двести пятьдесят зингарцев? Я еще не сошел с ума. Отсюда уедут лишь граф с племянницей и Зароно с двадцатью наиболее дорогими ему людьми. Не более того. — Широкая ладонь капитана хлопнула по столу. — Ни одним человеком.

— Это исключено, — отрезал граф.

— Ну, в таком случае, — осклабился Стром, — остается в силе мое прежнее предложение. Если мне выделяют часть сокровищ, я позволяю всем, кто пожелает, беспрепятственно уйти отсюда. Если нет — пойдете на дно вместе со своим золотом.

— Как ты думаешь, — вкрадчиво проговорил Зароно, — что помешает нам сейчас захватить тебя как заложника и держать на нижней палубе, пока мы не уйдем достаточно далеко?

— Честное слово графа Корзетты, — широко улыбнулся великан. — Кроме того, мои ребята предупреждены именно на этот случай. Если я не вернусь в положенный срок, они снимутся с якоря — и поминай, как звали. А потом непременно подстерегут вас.

— Кажется, я поторопился обещать этому негодяю неприкосновенность, — проворчал Валенсо из своего кресла.

— Да, ваша светлость, это вы дали маху, — кивнул Стром с довольной ухмылкой.

— Да уж пожалуй, клянусь Кромом!

Этот голос раздался прямо под галереей, и Белеза, рискуя привлечь внимание, невольно вскочила, чтобы увидеть его обладателя. Незнакомец был одет странно, но удобно, Белеза отметила богатство ткани и полное небрежение хозяина своим костюмом. Вошедший был черно-волос, синеглаз и просто огромен. Ширина его плеч поражала, но еще больше поражала в нем грация огромной кошки, что скользит неслышной тенью в желтой траве.

«Он пришел со стороны жилых покоев, как он попал туда? — в смятении подумала Белеза. — И вообще — как он попал в форт?» Она крепче прижала к себе Тину, глядя на незнакомца во все глаза.

Первым очнулся Зароно.

— Амра! — закричал он. — Ах ты, акулий корм! А мы оплакивали тебя всей «Розой», когда Ромеро выловил в южных морях хвост и лапы твоей тигрицы. Ты баловень Бела, старый мерзавец!

Хохоча, эти двое отвесили друг другу по хорошему тумаку. С Зароно мигом слетела вся его чопорность, он с мальчишеской улыбкой обернулся к остальным.

— Господа, позвольте вам представить самого прославленного воина всего Туранского материка, Конана из Киммерии, моего злейшего друга и лучшего врага. — При этих словах оба расхохотались, припомнив историю их знакомства. Исполнив долг вежливости, Зароно принялся тормошить «злейшего друга», желая немедленно знать все, что произошло с Конаном за истекшие три года:

— Где ты был? Куда девалась твоя «Тигрица»? И команда, которую ты так долго набирал? Почему ты не объявлялся в море? Мы считали тебя погибшим! Если бы ты видел, нечестивец, какую тризну мы тебе устроили!

— Надо думать, не худшую, чем я по своей команде — по кувшину барахтанского за каждого! — отозвался Конан. — Спаса я тогда один из всей сотни, а «Тигрицу» разбило в щепы. Прах и пепел! Сам не знаю, как я выплыл. Но об этом после. Что это у вас тут происходит,

Зароно? Делите шкуру неубитого медведя? Не худо бы и мне налить того прекрасного вина, что у вас на столе.

Зароно тотчас наполнил опустевшие кубки.

— Видишь ли, мы тут приятно проводим время...

Но его оборвал резкий голос графа:

— Как вы сюда вошли? Разве вы не понимаете, Зароно, там, где прошел он, могут пройти и пикты...

— О нет, уверяю вас! — отозвался дель Торрес. — Ни один пикт не обладает ростом достаточным, чтобы перелезть через застенок. Нет, там где, прошел Конан, вряд ли пройдет кто-нибудь, кроме него.

Белеза, затаившись на галерее, буквально пожирала глазами огромного киммерийца. Она, конечно, была наслышана о бесчисленных и фантастических подвигах этого человека, и даже если эти истории были правдивы хотя бы наполовину, перед ней, лениво развалившись в кресле, сидела живая легенда. Не так давно в Зингаре часто упоминали это имя, называя его еще Амрой, что значит Лев. Заговор «Белой Розы» еще был жив в людской памяти, а Конан принимал в тех событиях самое непосредственное участие.

— Так что вам здесь надо? — все так же холодно спросил Валенсо. Он не одобрял вооруженных переворотов. — Вы пришли с моря?

— Нет, я шел через всю Пустошь. Так получилось, что я вдруг перестал быть нужен королю Нумидесу, и мне пришлось бежать из Аквилонии. И всю весну и начало лета я провел в вересковых пустошах.

— Среди пиктов? — ужаснулся Зароно. Как все зингарцы, он не понимал и боялся этого низкорослого народа, умеющего слышать, как растет трава и шевелится ветер в своей берлоге.

— Это не так трудно, как кажется, хотя мне, киммерийцу, приходилось порой несладко. Но если ты их не трогаешь и соблюдаешь простейшие правила чужака, они обычно не трогают тебя.

— Это правда, — заметил Валенсо тоном ниже. — И все же, зачем вы здесь?

Киммериец пожал плечами.

— Прах и пепел! Да просто у меня, кажется, та самая карта, о которой вы все это время спорили.

Он запустил руку в карман и извлек обрывок пергамента, испещренный непонятными линиями и крестиками.

— Моя карта! — взревел Стром. — Откуда она у тебя?!

— Случайно. Я убил твоего рулевого, у меня с ним старые счеты, — широко ухмыльнулся Конан.

— Ах ты, зингарский петух! — накинулся Стром на Зароно. — Так ты мне лгал, у тебя ее никогда и не было!

Зароно Альварес дель Торрес высокомерно вскинул брови.

— Кажется, вы обвиняете меня во лжи? Потрудитесь припомнить, мой капитан, что идея, будто бы у нас есть карта, принадлежит полностью вам.

— Ну, чтобы пресечь все ваши споры... — Быстрым движением Конан скомкал пергамент и кинул его в горящий камин. Все повскакали с мест, невозмутим остался один Зароно. Он хорошо знал своего приятеля и только улыбался в усы. Отшвырнув навалившегося на него Строма, киммериец с грохотом выложил на стол ножны с мечом.

— А ну сидеть! — рявкнул он. — Я еще не договорил. И ты сиди на месте, помесь паука и ехидны! Думаешь, я не узнал тебя? Ты — Гальборо, приятель Зингелито. Это ведь вы вдвоем три года назад послали королю Боссона сердца пяти его дочерей, когда он сказал, что не в силах заплатить тот выкуп, который вы требуете.

Валенсо в изумлении переводил взгляд с Конана на своего домоправителя.

— По какому праву... — начал было он, но осекся. Побледневшее, испуганное лицо Гальборо без слов свидетельствовало, что сказанное пришельцем — правда.

— У тебя ведь есть какой-то план, верно? — весело поинтересовался Зароно, наблюдая за всем этим с явным удовольствием.

— Нет, никакого плана у меня нет, у меня есть только вот это! — так же весело ответил Конан и продемонстрировал собравшимся свой пергамент, извлеченный им из последнего сундука. — Кром свидетель, это был конец нелегкого пути! — И, пока собравшиеся жадно изучали собственноручную запись Траникоса, он вкратце расска-

зал — в основном, обращаясь к Зароно, — о том, как его пленили пикты, как он бежал и как его гнали трое суток, пока не загнали на скалу. Умолчал он только о демоне, стерегущем камень.

— Это самый красивый алмаз, какой я когда-либо видел, — сказал он под конец. — Наверное, поэтому старый Траникос до сих пор не в силах уйти отсюда. Да, да, клянусь молниями Митры, так они и сидят там за круглым столом, словно вчера умерли. Они даже не допили бутылку, ее прикончил я. Порывшись в сундуках, я нашел, как видите, кой-какую одежку и дня три после этой скачки только ел и спал, больше не делал ничего. Потом стал понемногу выбираться к морю, а после вчерашней бури увидел в своей бухте караку Строма. Я решил подобраться поближе к лагерю — и столкнулся нос к носу с Гоэртием. Он явно не ждал меня увидеть, сперва даже принял за призрака. Ну, там у родничка мы и репили, кому из нас быть призраком.

— Что вы не поделили? — мрачно поинтересовался Стром.

— Одну девушку, — коротко ответил варвар и жутковато улыбнулся. — Карту я, наверное, и не заметил бы, если бы он не попытался ее съесть перед смертью. Трудновато было опознать на ней мое убежище, но я рассудил, что это и должна быть карта сокровищницы Траникоса, вряд ли их тут две. Я подобрался к лагерю и был очень обрадован тем, что где-то поблизости находится Зароно. А потом я услышал Строма, обещавшего вырезать Зароно глаза за то, что он убил его кормчего и завладел картой. И я понял, что здесь будет полезно мое присутствие. Так что, похоже, добычу придется все-таки делить на четыре части, — весело заключил он.

— Я отказываюсь от своей доли в пользу Зароно, — вставил граф. — Мне золото уже не понадобится.

— Думаю, будет справедливо заметить, что мы его еще не нашли и не перенесли в форт, — сказал Зароно. — Делить в сущности еще нечего. Мы доставим сокровища в форт и тогда посмотрим, кому сколько причитается. Вы согласны со мной, граф?

— Наиболее разумное предложение из всех, — кивнул Валенсо.

— А ты, Стром?

— Согласен. Поскольку вы занимаете форт, мы разобьем лагерь на берегу. Я могу хоть сейчас взять дюжину человек и отправиться за золотом.

Зароно бросил быстрый взгляд на киммерийца. Губы Конана улыбались, но в синих глазах притаилось напряженное внимание. Он рассказал не все», — подумал зингарец и заявил как мог небрежно:

— Не думаю, что вот так сразу следует идти туда большим отрядом. Сначала надо осмотреть скалу, определить, как оттуда все вынуть... Амра сказал, что щель при входе очень узка — быть может, в нее не пройдет ни один сундук.

— Кром! — воскликнул Конан. — А ведь верно, приятель! Об этом я не подумал.

— Ну, вы можете идти вдвоем, а я шагу не сделаю без своих людей, — заявил капитан Стром. Скосив глаз, Зароно увидел едва заметный кивок Конана и пожал плечами:

— Пожалуйста, бери хоть две дюжины.

— На том и договоримся.

— А есть ли в этом доме еще вино? Клянусь Митрой, я пил одну воду, пока скитался в лесах.

Валенсо распорядился принести еще вина и поднялся.

— Что ж, пожелаю вам удачи. У меня много дел в форте, поэтому с вами я не пойду. Но с удовольствием посмотрю на золотые безделушки и Око Змея — когда вы их принесете. — Отдав общий поклон, он вышел.

— Так тот сверкающий камень зовется Око Змея? — негромко спросил Конан у Зароно.

— Да, и, говорят, обладает большой магической силой.

— Подавись им Нергал. Самое по нему имечко.

Допив вино, мужчины ушли. Белеза встала, чтобы тоже идти — и вдруг заметила, как Гальборо юркнул обратно в Зал, плотно прикрыв за собою дубовую дверь. Воровски оглядевшись, он бросился к камину и принялся шарить в золе. Найдя брошенный Конаном кусок пергамента, теперь съежившийся и обугленный, он аккуратно разгла-

дил его, внимательно изучил, а затем, растерев хрупкий лист меж пальцев, выскользнул из Зала. Никто, кроме Белезы и Тины, его не видел.

— Кто мог подумать, что он окажется такой дрянью! — в сердцах сказала Белеза. — Ведь он знал об этом кладе!

С самого начала их пребывания в бухте Корвелы Гальборо был единственным человеком, который отваживался уходить в лес на сутки или двое. Домоправитель утверждал, что изучает расположение деревень пиктов.

Глава 7. Пещера и демон

Послеполуденный зной заставил всех бросить работу и забраться в тень. Суeta на берегу стихла, женщины разошлись по домам, забрав сонных детей, мужчины дремали подле огромного корабля Зароно. Даже стража у ворот сняла шлемы и отставила в сторону тяжелые копья.

В двадцати полетах стрелы от берега покачивалась на мелкой волне «Красная Рука». Зловещие ее паруса были убраны, и даже она в мареве летнего зноя выглядела мирно, как галера какого-нибудь мессантийского купца. Капитан Стром отобрал из команды пятнадцать человек, которым не доверял менее, чем всем остальным, и отправился по берегу на поиски клада — вместе с Конаном и Зароно. Ему пришлось выдержать немало упреков со стороны своих людей после неудачной атаки форта и потери карты, но близкая пожизненная примирил командо с большими потерями. И все же пираты были очень близки к бунту, и Стром Заячья Губа это знал. Знал это и Конан, подслушавший несколько разговоров в лагере — и не замедлил рассказать об этом Зароно, пока Стром отбирал людей для похода.

— Быть может, этим следует воспользоваться, — кивнул дель Торрес, выслушав друга. — Только прежде надо убрать самого Строма.

— Кром! Это произойдет быстрее, чем ты думаешь! — усмехнулся Конан. — Не спеши входить в пещеру первым, а то мне придется и за твою голову вылить в себя кувшин барахтанского, а где я его здесь найду?

Зароно было потребовал объяснений, но тут приплыла шлюпка Строма, и разговор пришлось оборвать. Из окна

кабинета графа Белеза смотрела, как исчезает в лесу маленький отряд.

— Как вы думаете, они вернутся? — спросила она у дяди, не оборачиваясь. Последнее время ей боязно было смотреть на него: за эти два дня граф словно постарел на десять лет. Он старался держаться как ни в чем не бывало, а Белеза, мало что понимая, но ничем не в силах помочь, старалась делать вид, что ничего не замечает. Но видит Митра, ей это нелегко давалось!

— Думаю, да, — ответил, Валенсо рассматривая чертеж новой мачты для «Славы Зингары». — Стром все-таки очень рассчитывает получить свою долю. Он побоится выступить против наших объединенных сил на суше. Но, конечно, следует выждать не менее дня, прежде чем отправляться вслед за ним в море. Худо только, что у нас может не быть этого дня...

— А что будет со мной? — спросила Белеза.

— С тобой, дитя мое? О чем ты? Мое решение не изменилось. — Он взглянул на Белезу неожиданно лукаво. — А твое? Тебе по-прежнему не нравится Зароно дель Торрес?

— Ах дядя, не дразните меня, — сказала Белеза тоном капризной девочки, и граф усмехнулся. — Скажите мне лучше, какое отношение вы имеете к Тот-Амону?

Валенсо вздрогнул. Встал из-за стола, подошел к племяннице.

— Ты что-то о нем знаешь. Что?

Взгляд и тон его были так настойчивы, что Белеза, не удержавшись, рассказала ему о страшной ночи, которую пережили они с Тиной. Вспоминая ледяной холод темной тени, прошедшей по коридору, Белеза всхлипнула и расплакалась. В конце концов, она была еще совсем девочка.

— Что ему от нас надо? — повторяла она. — Почему он не хочет оставить вас в покое?

Граф, обняв ее за плечи, ласково гладил затылок девушки.

— Какими только грехами не отмечена юность! Когда я был молод и глуп, меня снедала гордыня и жажда власти. Твой отец был старшим в семье, и майорат отходил ему, я же, как все младшие сыновья, мог рас-

считывать только на свои силы. И я решил, что сам завоюю себе свое маленькое графство, пусть его подарит мне сам король за военные и иные подвиги. Я был молод и глуп, повторяю, и все средства казались мне тогда хороши, если хороша цель. Для того, чтобы начать свое стремительное продвижение вверх, мне нужно было убрать с дороги одного-единственного человека. Но этот человек был влиятелен и известен, я не мог просто зарубить его мечом на темной улице. И я, глупец, обратился к Тот-Амону, который тогда был чем-то средним между магом и шутом при дворе зингарского короля. Он согласился помочь — за большие деньги, разумеется. Он вызвал демона, смердящее дыхание Нергала, и это чудовище истребило всю семью знатного гранда, истребило с бессмысленной жестокостью. Я, хотевший совершенно другого — скажем, хорошо подстроенного несчастного случая, ужаснулся, когда узнал, что по моей вине погибли женщины и дети. Может быть, именно за этот грех наказал меня Митра, не дав своей семье... Разыскав Тот-Амона, я обрушил на него град упреков и заявил, что, если он немедленно не уберется из страны, я так или иначе с ним разделаюсь. Его золото я швырнул ему под ноги. Он зашипел, как тысяча змей, но ничего не сказал. А я все же добился, чтобы его выслали из страны — со смертью соперника я быстро оказался в милости у короля. Тот-Амон уехал, но поклялся отомстить мне за дерзость и свое изгнание.

Граф вздохнул.

— Что же дальше? — спросила Белеза.

— Дальше? Дальше он начал мучать меня — не сразу, нет. Сперва он возвратился на родину — почему, ты уже и сама знаешь — и снова стал там могущественным колдуном, первым в Черном Круге. Лес семь назад я в первый раз увидел его призрак — в своем доме, в углу спальни. С тех пор не проходило и года, чтобы он не явился мне в самый неподходящий момент. Он виделся мне всюду: в горящем камине, в блеске алмазов, в полированной стали, в каплях росы. И меня перестали радовать веселые язычки огня, сияние драгоценностей, добрая сталь и утренняя роса... В конце концов я узнал, что

призраки не в силах путешествовать по воде, и на водной глади ни один маг не прочтет оставленных следов. И тогда я решил улизнуть куда-нибудь как можно дальше из Зингары. Но он все же выследил меня. Остальное ты знаешь.

— Он опасен? — испуганно прижимаясь к широкому плечу дяди, спросила Белеза.

— А ты забыла вчерашнюю бурю? Он опасен, как клубок ядовитых кобр, ночью забравшийся под твоё одеяло.

* * *

Узкая звериная тропа, по которой вел их Конан, извивалась и петляла, так что вскоре матросы, непривычные к лесу, потеряли всякое понятие о направлении.

— Проклятый киммериец! — проворчал Стром, но так тихо, что его услышала только идущий рядом Форст, его старший помощник и лучший стрелок в отряде. — Нарочно петляет, чтобы нам потом было без него не выбраться!

Конан вдруг резко остановился и нагнулся к самой земле.

— Видишь этот след, Зароно? — спросил он, указывая на четкий отпечаток подкованного сапога во влажной земле. — Кто-то побывал здесь часа за два до нас! Может, твою карту, Рваная Губа, видел кто-нибудь еще, кроме кормчего? — Стром в ответ на это только что-то прорычал.

— Пойдемте быстрее, — сказал Зароно. — Выясним все на месте.

Тропа становилась все уже, кусты ежевики и лещины тесно смыкались по обеим ее сторонам. Ветви хлестали пиратов по лицу, колючки впивались в руки и цеплялись за одежду. Все были уже в конец вымотаны и злы, когда лес вдруг расступился, и перед ними вырос гранитный утес, на первый взгляд, совершенно неприступный.

— Вот тут начинается тропа, по которой я мчался, когда меня гнали пикты, — сказал Конан, указывая, по мнению пиратов, на сплошную стену леса с другой сто-

роны прогалины. — Они не так уж далеко, поэтому ведите себя потише. А вот здесь, — он ткнул пальцем вверх, — подъем к пещере с сокровищами. Наверх пойдем только Стром и мы с Зароно. Нас троих вполне хватит, чтобы поосмотреться и выяснить, какие сундуки пройдут в лаз, а какие — нет.

— Еще чего! — крикнул Стром, немедленно ошетиниваясь. — Вас двое на меня одного! Клянусь кишками морского змея, неплохо придумано! Нет уж, я возьму Форста!

— Бери, — усмехнулся киммериец. — Веселее будет.

Один за другим они вскарабкались на гранитный карниз и вверх по ступеням. Конан пропустил вперед Зароно, проскользнул сам — а вслед за ним протиснулись в щель барахтанцы.

— Ну вот, — сказал Конан с хозяйским жестом, когда успокоились мыши. — Здесь стоят сундуки с одеждой, золотом и оружием, а главные ценности и камень — вон за той дверью. Дверь в пещеру была приоткрыта, и Конан невольно нахмурился: он хорошо помнил, что плотно запер ее за собой. Стром и его помощник деловито направились к двери, а Зароно вдруг очень заинтересовался сундуком с оружием.

— Великий Митра и все демоны утробы Нергала! — ахнул Стром, увидев сияющий камень. Он огляделся, равнодушным взглядом скользя по сидящей вокруг стола шайке Траникоса. — Мертвецы... Эй, а это что такое?

Зароно поднял голову от сундука, у Конана в глазах загорелся тревожный огонек.

— Гальборо, клянусь морскими серенами! Еще теплый! Что здесь, Нергал побереи, происходит?

Не теряя времени, Конан втолкнул в пещеру Форста, с порога глазевшего на камень, и захлопнул за ним дверь. Зароно подскочил к нему, и вдвоем они вцепились в медное кольцо, удерживая барахтанцев внутри. Какое-то время спустя по пещере прокатился могучий рев, словно вздохнул вулкан, и все стихло.

— Открой дверь, — велел Конан приятелю. — Только не входи.

На полу пещеры лежали Стром и Форст, посиневшие, с вывалившимися языками. Чуть поодаль лежал Гальборо. Очертания демона еще держались в воздухе, и Зароно успел увидеть, как угасают его красные глаза.

— Что это было? — содрогнувшись, спросил он.

— Кром побереи! Конечно, хранитель камня! Какой-нибудь старый-старый стигийский демон, специально к нему приставленный. Видно, пока камешек был у принца, в демоне не было надобности, а как Траникос украл его да положил в пещеру, так он сразу и объявился. Ты же знаешь поговорку: спрячь в скале клад, и лет через двести непременно найдешь на нем дракона!

— Да-а, — протянул Зароно. — Не спорю, камень прекрасен. Но пусть, пожалуй, лежит на прежнем месте. Как ты думаешь, Амра?

— Точь-в-точь так же.

— Ладно. Со Стромом расправился демон, что теперь будем делать мы?

— Выскочим наружу, крикнем: «Спасайтесь!» — и убежим в форт. Эти выродки морского змея совсем не знают леса, и те, что спасутся от пиктов, выдут к форту нескоро. А мы вернемся с людьми и понемногу перетащим то золото, что в сундуках.

— А что делать с «Красной Рукой»?

— Я заберу ее себе, — Конан широко ухмыльнулся. — Вместе с остатками команды. Я уже давно подумывал вернуться в море.

Зароно расхохотался.

— И ты еще говорил, что у тебя нет плана! Клянусь молоком Иштар, ты продумал каждую мелочь! Ну хорошо, давай так и сделаем. Только постарайся изобразить хоть какой испуг вместо улыбки сытого тигра!

С воплями «Демон в пещере! Стром убит! Спасайтесь! Демон!» старые друзья выскочили на карниз, кубарем скатились с утеса и умчались по той тропе, которой пришел отряд. Барахтанцы застыли, ничего не соображая. Кто-то кинулся вслед за убежавшими, но большая часть отряда осталась и полезла в пещеру. Увидев задущенного капитана и сотника лучников, с распухшими, посиневшими лицами, с глазами, вылезшими из орбит, пираты

отшатнулись назад и покинули скалу так же поспешно, как до них Конан с Зароно.

Но никто из них не имел ни малейшего представления, в какой стороне находится форт или хотя бы берег.

Солнце садилось.

Белеза шила, Тина задумчиво смотрела, как погружается в море кроваво-красный диск и тянется к берегу золотая дорожка. «Красная Рука» казалась совсем черной на ее сияющем фоне. И вдруг на золотой глади появилась еще одна точка. Она росла, стремительно приближаясь, и уже можно было разглядеть стоящего в ней человека. У него не было ни весла, ни паруса, но лодка неслась по лазурной воде, разбивая золото солнечной дорожки, словно невидимая сила подгоняла суденышко. Край черного одеяния незнакомца летел по ветру.

— Кара Белеза! — испуганно вскрикнула Тина. — Вот он!

Черный человек! Он плывет прямо к форту!

— Надо предупредить дядю!

Белеза вскочила и бросилась вон, но у порога оглянулась:

— Сиди здесь, ни в коем случае не выходи!

Лодочка не ткнулась в песок, а замерла неподвижно у самой кромки воды. Услышав новость Белезы, граф распорядился немедленно отозвать всех в форт и запретить ворота.

— Он может сжечь нам корабль, — пробормотал Валенсо. — Ну да пусть. Жизни моих людей мне дороже.

Но черный незнакомец неподвижно стоял в своей лодке, не пытаясь выйти на берег, словно дожидался, пока уляжется суeta и все крысы затаятся в своей крысоловке.

Наконец над фортом прозвучал его низкий, немного звенящий голос:

— Валенсо-и-Медозо-и-Лузия да Корзетта! Ты хорошо меня слышишь?

— Прекрасно, Нергал тебя побереи, — проворчал себе под нос граф. Негромкий голос черного мага эхом отдавался в каждом уголке форта, его слышали все до единого.

Послышался мелодичный смех, словно колдун услышал ворчание графа.

— Это хорошо! Тебе нет нужды напоминать, кто говорит с тобой? Отвечай!

— Нет, — буркнул граф, и снова услышал его черный маг, стоящий в лодке у самого края берега.

— И это хорошо. Ты, как я узнал, подбираешься к сокровищам Траникоса? Думаю, тебе следует сначала познакомиться с их стражем! Я пошлю его к тебе — очень скоро. Но пикты будут здесь еще скорее. Какой-то отряд барахтанцев напал на их деревню. Наверное, пираты сошли с ума! Убивать без разбора детей и женщин, как нехорошо! Они сослужили мне службу и теперь мертвы, утыканные каменными стрелами, но вся деревня идет на форт. Готовьтесь! Они близко!

Снова прозвучал его смех, и лодочка медленно отчалила. И тотчас из леса донесся вой и выкрики.

На расчищенное пространство перед фортом выбежал человек. За ним, отставая шагов на десять, выскочил из леса другой. Со всей скоростью, на какую способны сильные мужчины, бегущие не первый час, эти двое мчались прямо к форту.

— Это Зароно и Конан! — узнала их Белеза. — Дядя, скорее вели открыть ворота!

Двое беглецов влетели в форт и повалились на землю, задыхаясь.

— Пикты! — хрипло вымолвил наконец Зароно. — Огромный отряд пиктов прямо у нас на плечах! Они словно взбесились!

— Много их? — озабоченно спросил граф.

— Более чем достаточно, чтобы мы все оказались в утробе Нергала нынче же ночью! — ответил Конан. — Людей к бойницам! Зажечь все факелы! Мы не сможем драться в темноте!

Валенсо поморщился: этот пришелец отдавал команды, словно форт принадлежал ему. Но команды были верные, и он начал распоряжаться.

Вскоре форт был уже готов к любому штурму. Быстро темнело. Лес превращался в сплошную черную полосу на гребне утесов. Люди напряженно ждали. Вой погони слышался все ближе.

И вдруг стена леса словно зашевелилась. Из нее с криками и угрозами высыпала огромная толпа дикарей. Туча стрел обрушилась на частокол. Защитники форта ответили дружным залпом, и первая кровь хлынула из ран на землю. Этой ночью песку бухты Корвелы предстояло побуреть от крови.

Солнце последний раз взблеснуло над горизонтом и скрылось в море. «Красная Рука», двинувшаяся было к берегу при появлении Конана и Зароно, быстро развернулась и скрылась за мысом.

Глава 8. Снова корабль

Стремительно сгустились сумерки. Мерцающий свет сотни с лишним факелов озарял побоище. На частокол, как волна на берег, шла бесконечная лавина бородатых полуголых воинов, с горящими, как у волков глазами. Здесь была не одна деревня, похоже, все побережье Пустоши ополчилось на чужестранцев, твердо намерившись стереть ненавистный форт с лица земли.

Раз за разом накатывала на крепость волна маслянисто блестящих в свете факелов тел — и отступала, оставив позади убитых, чтобы снова нахлынуть с еще большей яростью.

Защитники форта отвечали слаженными залпами, и пока несли очень небольшие потери, но люди начинали уставать, к тому же стрелять в темноте становилось все труднее. На помосте у ворот все чаще приходилось мечами отбрасывать самых проворных, уже карабкавшихся на частокол.

Зароно и Конан сражались плечо к плечу слева от ворот, и остро стесанные стволы перед ними были уже черны от крови. Гора трупов таращилась на них от подножия частокола, по ней, как по лестнице, взбирались живые.

— Как долго это еще может продолжаться, Амра? — крикнул Зароно в минутной передышке между атаками.

— Если мы удержим форт до утра, мы выиграли, — ответил Конан, отсекая чью-то смуглую руку, вцепившуюся в частокол. — Смотри, что это? Они бегут! Клянусь Кромом! Они бегут, словно увидели...

— Нашего знакомого демона, — договорил Зароно голосом, в котором жизни было не больше, чем в желтом осеннем листе. Никто, кроме них, не заметил во тьме наплывающую дымную фигуру. Только глаза уголья горели двумя бешеными огнями, отмечая путь призрака.

— Что здесь надо этому ублюдку Сета? — выругался Конан. — Чтоб его придушил его же родитель! Как он вырвался из пещеры, дохлого волка ему в пасть?

— Ему нужен Валенсо. Ты разве не слышал, что мне рассказал солдат у ворот? Его вызвал Тот-Амон. Вон, смотри, граф увидел его и уходит в Главный Дом. Он обречен, я думаю... Эй, берегись!

Пропустив призрака пещеры, пикты с радостными воплями снова бросились на частокол. Конан одним быстрым ударом отсек голову воину, уже занесшему над ним свой топор.

— Но ведь разделавшись с грандом, он, чего доброго, полезет и на нас! — прокричал киммериец, рубя мечом направо и налево.

— Это потом, сейчас и так есть чем заняться, — пропыхтел Зароно, не отставая от друга. Пикты сыпались с частокола, как спелые яблоки с веток.

— Белеза! — выкрикивал граф. — Белеза!

Девушка выбежала ему навстречу.

— Белеза, девочка моя, час мой близок. Благослови тебя Митра. Забирай свою Тину и уходите отсюда скорее. И посмотри, чтобы никого не было в Главном Доме, пока ЭТО не уйдет.

— Что — это? — не поняла Белеза. Слезы стояли у нее в глазах, она смотрела на все происходящее словно со стороны или во сне, плохо соображая, что же именно происходит.

— Беги, родная моя!

Девушка кивнула, но явно не поняла ничего. Все же она отправилась в свою комнату и нашла там Тину, во все глаза глядящую на бой у ворот.

— Такого еще не бывало! — возбужденно воскликнула она, увидев госпожу. — Поднимемся на крышу, кара миа! Оттуда будет гораздо лучше видно!

Белеза была словно окутана какими-то липкими нитями. Постепенно от всего виденного ею за этот день осталось одно: она должна в полночь спуститься в Большой Зал и встретиться с посланцем черного мага, чего бы ей это ни стоило. Она не знала, откуда в ней это желание, не понимала, почему ей вдруг стало безразлично все остальное — даже Тина, даже смерть родного дяди. Но до полуночи было еще время, и она ответила девочке, упорно тянувшей ее за руку:

— Давай. — И добавила, неожиданно для самой себя: — Дядя ушел в Большой Зал, в доме никого нет, никто не помешает.

Они поднялись наверх. Отсюда весь форт был виден как на ладони. Тина, чуть ли не поскуливая от возбуждения и азарта, прыгала на самом краю.

— Так их! Задай им! У-у, гадкие пикты!

Между тем атаки дикарей начинали ослабевать. Наконец все пикты до единого отступили и затаились. Обе стороны переводили дыхание и подсчитывали убитых. И вдруг Тина, заскучавшая без событий, вгляделась во тьму и дернула Белезу за рукав:

— Кара миа, смотрите, что это там такое?

Обойдя форт со стороны моря, отряд пиктов каким-то чудом вскарабкался по скале, почти отвесно возвышавшейся над песчаным берегом, и короткими перебежками приближался к не охраняемой части частокола.

— Они сейчас ворвутся в форт! — завизжала девочка. — Надо предупредить!

И в этот миг пикты у ворот с новыми силами бросились на врага. Снова закипел бой, защитники не видели и не слышали ничего, кроме звона стали и воплей пиктов.

— Где сейчас может быть дядя? — задумчиво, словно в пространство, спросила Белеза.

— Вы сами сказали, моя домья, — удивленно ответила Тина. — В Большом Зале.

— Ах да. Ну так беги, скажи ему, что пикты заходят с тыла.

Тина, ни секунды не медля, помчалась вниз. Белеза подумала, что ее час уже близок, и тоже направилась к

Большому Залу. Она шла медленно, откинув назад гордую голову и прикрыв глаза. Так идут обкуренные ядовитыми травами девушки, предназначенные в жертву Сету, когда в сопровождении жрецов они выходят из храма и приближаются к жертвенному костру, горящему на главной площади Луксура. Внизу раздался пронзительный крик Тины.

Белеза вздрогнула, словно очнулась от сна, и пошла быстрее. Тина закричала еще раз — пронзительно и страшно — и Белеза побежала. Как могла она отправить девочку прямо в пасть чудовища, поджидающего в Зале последних отпрысков рода Корзетты?

Яростный вал пиктов удалось наконец отбросить назад. И тогда Конан и Зароно услышали пронзительный детский крик, донесшийся из Главного Дома.

— Они прорвались с тыла! — взревел Конан. — Туда, гвардейцы! Если они подожгут форт, всем нам конец!

Два десятка хорошо вооруженных гвардейцев и десяток лучников помчались на западный край форта. Из Главного Дома выбежала Белеза — растрепанная, с порванной юбкой, на оборку которой она впопыхах наступила, с круглыми от ужаса глазами и смертельно бледным лицом.

— Зароно! — кричала она. — На помощь!

Зингарец немедленно сорвался с места и побежал ей навстречу. Конан выругался и прыгнул вслед за ним с помоста.

— На помощь! — задыхалась Белеза. — Мой дядя... Тина... О, великий Митра!..

Мужчины, догадавшись, что демон добрался до графа и вскоре примется за всех остальных, ринулись в дом. За ними, всхлипывая, поплелась Белеза.

Пробежав по узким коридорам, Зароно и Конан оказались в Большом Зале. И замерли, пораженные.

На полу зала, скорчившись и держась руками за горло, хрипел граф Валенсо. У дальней двери, ведущей к лестнице на второй этаж, стояла Тина. Но нет, это была не Тина, это была Тхемнетх, Великая Жрица, Несущая Тысячи Душ. Она была бледна, по подбородку у нее текла струйка крови из прокушенной губы. Повелительно вытянув тонкие руки с растопыренными пальчиками, она выкрикивала слова стигийского языка, а в центре зала, у

камина, извивался в невидимых путах демон. Сияясь пробить магическую паутину, он метался из стороны в сторону, выли и расшвыривал кресла.

— Малышке не справиться одной! — крикнул Зароно, но Конан успел ухватить его за руку.

— Стой, зингарский глупец! Сталь это чудовище не берет!

— А что его берет?

— Серебро! — то ли ответил, то ли выкрикнул Конан и, подскочив к столу, ухватил огромный семисвечник. — Получи, Сетово отродье!

Со всей силы он швырнул литой шандал прямо в голову демону. Дымное чудовище пошатнулось, теряя равновесие, — и тут же его в грудь ударил второй семисвечник, пущенный Зароно.

С оглушительным ревом, корчась и извиваясь, демон, опрокинувшись на спину, рухнул прямо в камин, на горящие уголья.

— Серебро и огонь! — триумфально проревел Конан. — Этим ты подавился, выродок!

Демон, теряя форму, рванулся из сети последним усилием — и обрушил на себя камин, проломив прочную каменную кладку. Посыпался щебень, покатались камни, в последний раз сотряс стены рев чудовища — и все стихло.

Граф, еще не вполне оправившийся, встал на четвереньки, мотая головой. Зароно помог ему подняться на ноги.

— Вы спасли мне жизнь, господа, — прохрипел он.

— Не мы, а вот эта маленькая обезьянка, — сказал Зароно, подходя к девочке, без сил осевшей на пол. Дель Торрес взял ее на руки. — Что за сила таится в тебе, малышка?

Тина молчала, только помотала головой.

— Отдайте ее мне, — потребовала подошедшая Белеза. — Я вам, конечно, очень благодарна обоим, но на ребенке лица нет. — Зароно без возражений отдал ей Тину, и Белеза ушла, крепко прижимая к себе свое сокровище и бормоча что-то о теплой ванне и мягкой постели.

— Что творится в форте? — спросил граф уже почти своим голосом.

— Пикты! — расхохотался Конан. — Творятся и множатся! Когда мы уходили, они пытались прорваться с

моря. Я отослал туда отряд, но чем кончилось дело, Нергал его знает.

Когда они вышли во двор, оказалось, что бой окончен. Зашедшие с тыла пикты не успели опомниться, как на них вылетел отряд воинов с мечами и в надежной броне. Очень скоро они были перебиты. Видя такой оборот, оставшиеся в живых предпочли скрыться в лесу. Форт устоял. Можно было наконец вздохнуть и заняться ранами.

Наутро зингарцы, к своему удивлению, не обнаружили вокруг форта ни одного мертвого тела. Пикты за ночь успели бесшумно собрать убитых. Двадцать искалеченных трупов тех воинов, которые приняли смерть внутри час-токола, Валенсо велел вынести к краю леса и положить на чистых холстах. Там же зингарцы оставили две корзины яиц, корзину фруктов и тушу быка. «В стычке были виноваты не они, — заявил Валенсо. — Я чувствую себя обязанным хоть как-то извиниться». Зароно презрительно фыркнул, но Конан буркнул: «Правильно, клянусь Кромом!» — и зингарец промолчал.

Утро было в самом разгаре, когда дозорный на башне вдруг закричал, указывая в море:

— Корабль! Корабль!

— «Красная Рука»? — удивленно вздернул брови Зароно. — Я думал, что пикты нагнали на них довольно страху.

Но показавшийся на горизонте корабль шел под белоснежным парусом, и ярко горела на солнце позолота его ростры. Валенсо, Конан и Зароно поднялись на смотровую площадку.

— Прах и пепел! — вскричал киммериец, у которого были самые острые глаза. — Аквилонец!

— Кажется, здесь пора закладывать город-порт, — проворчал Валенсо. — Корабли слетаются в эту бухту, как пчелы на мед.

— А кстати, Амра, — спросил Зароно, — ты так и не рассказал, что делал у Нумидеса. Вы, кажется, не ладили?

— Ну, — с неохотой протянул Конан. — После нескольких побед моего отряда над пиктами меня заметили в Пуантене. Потом я очень скоро оказался при дворе. Нумидес сделал меня военачальником и всячески отличал. А потом вдруг, после боя под Велитриумом, мне подсы-

пали сонное зелье на победном пиру. Клянусь Кромом, я ни разу еще не оказывался в такой дурацкой ловушке! Алкимедис, книжник, подошел ко мне тогда и попросил высказать свои соображения по поводу... как же это он сказал, старая чернильница... а, «необдуманности действий в качестве способа правления государством». Можно было догадаться, что он пытался предупредить. Но к тому времени я был уже слишком пьян. И проснулся в цепях в каменном мешке!

— И бежал, конечно, — усмехнулся Зароно.

— Конечно, бежал. Но кроме как в вересковые пустоши бежать было некуда. Друзья позаботились, чтобы у меня были и оружие, и добрый конь, но пикты позаботились обо мне еще лучше! — заключил он со смехом.

Тем временем корабль уже входил в бухту. На мачте его взвился флаг, и Конан присвистнул:

— Клянусь печени Крома! Это не просто аквилонец, это корабль из Пуантена!

Они спустились вниз и вышли на берег. К ним присоединились неразлучные Белеза и Тина, увидевшие корабль из окна Главного Дома. Тина снова превратилась в обычную девчушку, и ничто в ее облике не говорило о той силе, которая дремала где-то на дне ее детского существа.

Тридцативесельная галера аквилонцев была гораздо меньше и подвижнее больших зингарских или барахтанских кораблей, и потому спокойно подошла к берегу, ткнувшись в песок носом с изящной рострой в виде единорога. На лодочную пристань зингарцев по спущенным сходням сошли четверо мужчин.

— Граф Просперо! — взревел Конан, устремляясь к ним. — И ты, Троцero! Прах и пепел! Как вы здесь оказались?

На палубе галеры стоял высокий человек в развевающемся одеянии священника Митры. Тот, кого Конан назвал Просперо, указал на него и торжественно ответил:

— Тебя нашел Дектисиус. Он уверил нас, что ты жив и невредим, и привел прямо сюда!

Священник поклонился.

— Вся Аквилония призывает тебя, Конан из Киммерии! Народ восстал против деспота-короля! Во имя Митры, приди и возглавь народное воинство!

— Кром-воитель! Много же переменялось у вас за это лето! — Он обернулся к зингарцам. — Что ж, это только к лучшему, раз уж мне не досталась «Красная Рука» Строма! Золото Траникоса пойдет на служение Митре и народу Аквилонии. А что будет с вами?

— А мы, видимо, вернемся в Кордаву, — ответил Валенсо. — Довольно таиться. Да и Белезе давно пора вернуться в свет.

Девушка покачала головой.

— Нет, я выйду замуж за Зароно. Мы все решили нынче утром. Пусть моим детям не достанется майорат Корзетты, но у нас ведь остаются сокровища Траникоса.

Валенсо вдруг расхохотался.

— За три дня! Кто бы мог подумать! А как же каперство, моя девочка?

— Я убедилась, дядя, что даже самый благородный гранд не в силах избежать ошибок молодости, — лукаво ответила Белеза, вызвав всеобщий смех. — Мы ведь сможем и дальше жить одной семьей, правда? — умоляюще добавила она.

— Но Тот-Амон еще жив, — возразил серьезно Валенсо.

— Пусть только сунется, я ему задам! — встряла Тина, сооротив свирепую рожицу.

Все засмеялись еще громче.

— Что ж, — заключил Зароно, отойдя с Конаном в сторонку, — все возвращаются. Я и в самом деле буду рад домашнему очагу и уюту...

— Ночному колпаку, — поддакнул Конан.

— Пусть и ночному колпаку. Мне уже тридцать пять, пора обзаводиться семьей. А ты, глава восстаний и вершитель судеб королей, когда наконец осядешь и заведешь жену и детей?

— Скажу тебе по секрету, — сказал Конан, воспользовавшись тем, что все тормозит и дразнит Тину, а Белеза сердито отбивается за обеих, — осесть я намерен на троне Аквилонии. Не больше, не меньше. Король Конан! Звучит, клянусь Кромом!

Конану было шестнадцать или семнадцать лет, когда, сбежав из гладиаторских казарм Халогии, гиперборейской столицы, он отправился в Замору, в Шадизар и Арэнджун, желая обучиться там воровскому ремеслу. Города эти славились своими ловкими грабителями по всему хайборийскому миру, и Конан провел там два или три года а может, и все четыре, совершенствуясь в науках хищения и разбоя. Иногда он покидал городские стены, странствуя по Заморе и сопредельным державам, однако раньше или позже возвращался в воровские кварталы «Пустыньки» и в кабачок толстого Абулетеса.

Отметим, что о юности Конана, проведенной в Шадизаре, упоминается во многих романах и новеллах как самого Говарда, так и его последователей. Однако период этот описан весьма скудно, что вызывает удивление, ведь в воровском своем качестве Конану полагалось бы претерпеть немало всяких любопытных приключений и передраг. Однако лишь в двух новеллах самого Роберта Говарда («*Баиша слона*») и Дугласа Брайана («*Диадема богини*») действие происходит в Арэнджуне и Шадизаре, и в них рассказывается, как Конан похищает некие ценности, попутно имея дело с магами и колдунами.

Шадизарской юности Конана посвящены еще четыре истории. В повести Поля Уинлоу «*Священная роша*» он отправляется из Шадизара вместе с прекрасной феей в некое таинственное место, где ему предстоит охранять рошу священных деревьев; затем возвращается в Шадизар. Роман Эндрю Оффута «*Меч Склоса*» опять-таки не связан с заморанскими событиями, хотя в нем отмечено, что Конан в основном обретается в Шадизаре, в «Пустыньке», и занимается воровством. Однако действие романа Оффута происходит в городе Замбуле (западный Туран) и в пустыне в окрестностях Замбулы. Конан раскрывает тайну магического меча Склоса, попутно уничтожая правителя Замбулы и его мага, после чего возвращается в Замору.

В следующем романе Стива Перри «*Черный камень Аманара*» Конан, совместно с Карелой-Рыжим Ястребом, предводительницей шайки разбойников, отправляется в Кезанкийские горы, где уничтожает мага Аманара и золотого демона Морат-Аминэ (Ловца Душ), а затем опять-таки возвращается в Шадизар. Отметим, что в этом произведении Конан впервые знакомится с Карелой; с этой строптивой и непокорной красавицей его связывают своеобразные отношения любви-ненависти. Так, в конце романа Стива Перри, Карела попадает в руки работорговцев, но Конан отказывается ее выкупать. На протяжении ближайших семи-восьми лет он еще не раз встретится с этой неистовой воительницей, которая доставит ему немало хлопот, пока они наконец не достигнут примирения (в романе «*Тайна врат Аль-Ки-ира*»).

Наконец, действие новеллы Спрэг де Кампа «*В зале мертвецов*» происходит в городе Ларши, близ Шадизара; совершив положенные подвиги, Конан уезжает в Коринфию. Следующий период его жизни, около двух лет, практически не описан. Когда Конану исполнилось двадцать, он служит уже наемником в Зингаре (роман Карла Вагнера «*Путь королей*»), после чего попадает в Султанapur, крупный туранский порт, и становится контрабандистом, занимаясь этим ремеслом под

началом одноглазого Ордо (бандит из шайки Карелы Рыжего Ястреба, приятель Конана).

Таким образом, нам очень немного известно о пребывании Конана в Заморе и его занятиях воровством. Вероятно, это обстоятельство побудило группу авторов создать цикл новелл под общим заглавием «Шадизарские ночи», посвященных юности киммерийца. Приступая к публикации этого сериала, который будет продолжаться в трех или четырех книгах Саги о Конане, отметим, что он состоит по большей части не из волшебных историй, а, скорее, из реалистических, что кажется вполне понятным. Ведь Конан, будучи в те времена вором и грабителем, воровал и грабил чуть ли не каждый день, но трудно представить, что каждый раз он наткнулся на мага либо чернокожника. Вероятней, он имел дело с людьми, у которых было что взять с купцами, караванщиками, богатыми нобилями; и, вероятно, у него имелись соперники и коллеги по воровскому ремеслу. О юном Конане и всех этих людях и рассказывается в «Шадизарских ночах».

ТИГР У ВРАТ ШАДИЗАРА

К вечеру Конан, наконец, добрался до шадизарских стен и башен.

Перед ним на широкой равнине лежал Город Негодяев прекрасный и порочный, полный богатств и нищеты, манящая и опасная цель его странствия. Здесь, в святых Белых и в воровских кварталах Пустыньки сбудется сокровенная мечта, согревавшая его долгими ночами в холодных гладиаторских казармах Халогии; здесь он станет искусным и удачливым вором! Дерзким, умелым, лучшим из всех!

Уже смеркалось, и багровый глаз Митры, склонявшийся к далеким отрогам Карпаинских гор, золотил лишь зубчатые верхушки башен и купола храмов. Городские стены были высоки и прочны; ворота, окованные широкими железными полосами, тяжелые, обожженные солнцем и побитые ветрами, оказались закрытыми.

Если б на месте киммерийца был обыкновенный крестьянин или торговец, вряд ли он стал стучать в массивные створки в такое время и беспокоить стражу. У простого путника один лишь вид подобных стен и мощных врат привычно вызывал должное уважение; человек просто отошел бы от греха подальше за ближайший холм и скоротал там ночь, дрожа от холода и ожидая того вре-

мени, когда у вождельных ворот начнут собираться торговцы овощами и живностью из ближайших селений, когда подойдут караваны из далеких стран и когда стражники, опухшие от пьянства и бессонной ночи, проведенной за игрой в кости, лениво двинутся к воротам, и те, как бы нехотя, повернутся на скрипучих петлях.

Тогда даровано будет путникам войти в город, но не бесплатно, ибо дань придется заплатить всем: и богатому караванщику, и бедному торговцу, и нищему бродяге. Все, все должны раскошелиться на процветание прекраснейшего из городов Заморы! И еще не всякого выпустят свирепые стражи: если не понравится им кто-то своим видом, или мзда покажется недостаточной, не видать бедняге как своих ушей ни пышных храмов, ни богатых дворцов, ни шумного базара. Долго он будет скулить, как побитая собака, и вымаливать разрешение на вход, пока, наконец, вдоволь натешившись его унижением и вытряхнув кошелек, а глаз у стражи на такие вещи наметанный! Эти потемки шакала дадут ему, наконец, возможность войти в город. Как говорят мудрые, привратник на своем месте главней правителя, ибо тот далеко, а страж вот он, рядом!

Конану, однако, о таких высоких материях рассуждать было недосуг. Он не один день провел в пути, устал, несмотря на свою молодость и могучее здоровье, и был страшно голоден и, как всякий голодный, зол и нетерпелив. У него огромные и крепкие шадизарские ворота не вызвали большого уважения; он просто видел в них помеху на своем пути. Ни мгновения не раздумывая, он подошел вплотную и грохнул по обшарпанной, обглоданной временем доске. Удар его могучего, как кувалда, кулака обрушился на створку, и дерево загудело подобно большому барабану под колотушкой глашатая.

— Кого еще Нергал принес в такое время? Эй, Кетаб, посмотри! Кетаб, сын пса, тебе сказано! Взгляни, кто там ломится в ворота! Не иначе, как туранский владыка или король Немедии! — Нехотя оторвавшись от кувшина с вином, старший стражник махнул рукой в направлении врат.

Высокий и тощий воин-заморанец, недобрым словом поминая всякую шваль, что бродит в такое время за

стенами, поплелся в указанном направлении. Подойдя к воротам, он слегка отодвинул планку, закрывавшую смотровую щель, выглянул наружу и высоко вздернул брови. Перед ним стоял черноволосый высокий парень в истрепанных и потерявших всякий цвет лохмотьях; на поясе его висел кинжал, а над плечом торчала рукоять меча. Парень выглядел исхудавшим и утомленным на вид, и стражник уже собирался, помянув в очередной раз Нергала, послать его подальше, но, встретившись с ним глазами, ощутил вдруг странную слабость в ногах. Стальной взгляд синих зрачков, будто бы пронизывающий насквозь, заставил заморанца поежиться от непонятного чувства страха, хоть он и был в полной безопасности за толстыми створками ворот. Приглядевшись внимательней, страж понял, что перед ним юноша, да что там, мальчишка, лет шестнадцати-семнадцати, не больше; но от него исходила сила и мощь, приставшие любому бойцу, прошедшему сквозь множество битв.

— Ну, что ты там застрял, собачье дерьмо? — нетерпеливо поинтересовался старший, видя, что Кетаб как будто прирос к смотровой щели. Пока страж соображал, что ответить, начальник поднялся на ноги и, подойдя к воротам, встал рядом со своим воином.

— Ты что, язык проглотил или напился ослиной мочи? Дай я сам посмотрю! — плечом отодвинул Кетаба и приник к щели.

— Впусти-ка меня в город, отец доблести. Видишь, уже близится тьма, а я голоден и не хочу ночевать в степи, среди шакалов и ночных духов, спокойно произнес стоявший у ворот. — У меня нечем заплатить, но, клянусь Кромом, я не забуду твоей доброты и, как знать, может, и пригожусь тебе. А непустишь, так это я тоже запомню!

Не в привычках шадизарских стражников было впускать кого-то в позднее время, а уж чтоб безвозмездно... Но что-то ощущалось в этом юноше такое, что руки стражника словно сами собой потянулись к висевшим на поясе ключам.

«Нергал его знает! Лучше не связываться с таким разбойником! Мало ли что может случиться?» — пронес-

лось у него в голове. Вслед за этой мыслью ключ попал прямоком в замочную скважину, сдвинулись смазанные маслом засовы, и Конан вошел в город своей мечты.

* * *

Любого, попавшего в Шадизар, город сей подавлял своим величием и богатством. Прекраснейший из заморанских градов располагался на перекрестке торговых путей, что вели из восточных стран на запад в Коринфию, Бритунию и Немедию, и дальше, в Аквилонию, Офир, Аргос, Зингару. Каждый день богатые караваны останавливались на шадизарских базарах, и купцы, укрывшись от палящих лучей солнца под балдахинами и опахалами, вели нескончаемый торг; а потом смуглые, босоногие и расторопные носильщики распаковывали тюки, разносили по лавкам привозные товары и грузили верблюдов новыми сокровищами.

Когда солнце, глаз светлого Митры, уставало и собиралось на ночной покой, торг прекращался, и купцы обмывали удачные сделки в многочисленных тавернах и веселых домах, где можно было не только выпить прохладного терпкого вина, наесться до отвала жирной баранины или жареной дичины, но и насладиться ласками жриц любви, коих было в Шадизаре превеликое множество и разнообразие: и волоокские белотелые женщины с севера, из Гандерланда и Бритунии; и смуглые узкоглазые невольницы из Кхитай, особые искусницы в любовных уладах; и тихие покорные красавицы из Офира или Коринфии; словом, всякий гость мог удовлетворить здесь любые свои желания. Потом, вернувшись домой, в далекие страны, купцы своими байками об этих веселых домах удивляли многих, и неизмеримо росла слава Шадизара, и все больше любителей острых ощущений пускались в далекий и опасный путь, чтобы не только обделывать свои дела, но и поразвлечься всласть в этой жемчужине Востока — еще одно прозвание, под которым был известен Шадизар.

И все приезжавшие и приходившие в этот город оставляли в нем дань за въезд и подати за торговлю, плату за ужин и выпивку, мзду за веселых девиц; и дань эта,

плата и мзда была очень, очень большой. На эти деньги рос и богател Шадизар, на них укрепляли старые и возводили новые стены, строили дворцы, золотили куполы храмов. И всем здесь находилось дело и заработок: и сборщикам податей, и стражникам, и писцам, и судейским чиновникам, и ростовщикам, и держателям харчевен да веселых домов, и носильщикам, и водоносам, и шорникам, и медникам, и золотых дел мастерам, да мало ли кто кормился здесь и, в свою очередь, кормил этот город?

Ну, а где звенят монеты, там истинный рай для всяческих темных людишек: разбойников и мошенников, мелких ворюшек и взломщиков, скупщиков краденого и прочих обладателей ловких рук, умельцев в мгновение ока облегчить кошелек ближнего то ли зазевавшегося купца, то ли деревенского простофили.

В таком городе юному Конану еще бывать не доводилось; Халоба, гиперборейская столица, где держали его в плену, была совсем иной, холодной и мрачной. А здесь он шел по чистым мощеным улицам, где за высокими оградами из камня виднелись пышные особняки, окруженные великолепными садами; здесь простирались базарные площади, окруженные лавками да постоянными дворами, здесь сияли разноцветные купола святилищ Митры, Бела, Иштар и других богов, здесь слышался тихий шепот фонтанных струй, наполнявших вечерний воздух прохладой и свежестью.

«Неплохое местечко, клянусь Кромом!» — отметил про себя юный киммериец. Перед его мысленным взором вновь предстали бескрайние пустоши Гипербореи с их ледяным пронизывающим холодом, и воспоминание это было таким отчетливым, что Конан даже поежился, несмотря на теплый ветерок, ласково овевавший его усталое тело. Он не знал еще, что в этом городе есть не одни лишь богатые кварталы, но и кривые пыльные улочки да проулки, где живет простой люд, всякие зловонные щели и лачуги, которые и домом-то назвать нельзя, где ютятся нищие, голь перекатная и разная мелкая городская шваль. Это будет потом, после; а пока (так уж случилось!) он попал в Шадизар прямо с парадного входа. И, минуя уже пустеющие улицы, молодой варвар не переставал дивиться великолепию построек, благоуханию садов, обилию фон-

танов и сиянию зажженных светильников. Прохожих почти не было, лишь изредка проносились колесница какого-нибудь знатного вельможи, запряженная сытыми лошаадьми, с разряженным возничим да парой слуг с увесистыми дубинками; иногда попадался паланкин, который тоже сопровождали пара-тройка вооруженных охранников и бсжавший впереди человек с фонарем на шесте.

Конан прошел уже несколько улиц, но пока ему не встретились ни харчевня, ни кабак, ни веселый дом, где он надеялся найти кров, пищу и, конечно, женщину, ибо за время, проведенное в пути, он стосковался по этим простым радостям. Но нет, вокруг были только роскошные дома, дворцы, сады, храмы да галереи, и войти куда-нибудь, чтоб обратиться с расспросами, он не решился: почти все двери были закрыты на запоры. Справиться с ними, силой либо хитростью, не составило бы для киммерийца особого труда, но за каждой дверью, как он полагал, стояли на часах стражники, охранявшие покой своих хозяев. В планы же Конана пока не входило затевать большую потасовку; он устал, он хотел есть и пить, он жаждал отдыха для души и тела.

Но тут ему повезло: на противоположной стороне улицы вдруг открылась дверь, и выглянувший оттуда мужчина в синих шелковых шароварах и расшитой желтыми цветами безрукавке поманил киммерийца к себе. Весь его вид говорил о том, что считает он себя человеком важным и значительным, а то, как круглился под его одеянием большой живот, доказывало, что живет ему совсем не плохо; со жратвой, по крайней мере, проблем никаких.

Привратник или приказчик, решил Конан и сделал несколько шагов в нужную сторону.

— Слушай, приятель, — начал толстопузый, со знанием дела изучая внушительную фигуру варвара, — по виду ты нездешний, и, похоже, ищешь работу. Моему хозяину нужны лихие парни вроде тебя, в охрану. Отличная кормежка, оденешься не хуже меня, да и оплата щедрая — двадцать монет в месяц. А еще, — тут его рот растянулся до ушей, а лицо стало напоминать хорошо пропеченную и густо смазанную маслом лепешку, — еще у хозяина есть несколько молоденьких невольниц, и, коль он будет тобой доволен, сам понимаешь... — Толстяк причмокнул

губами, и глаза его совсем исчезли в складках жирных щек.

Конан замер в нерешительности. Ему очень хотелось мяса и вина, и здесь, наверное, все это можно будет получить сразу, лишь только он выразит согласие. Он уже представил, с каким наслаждением вопьется зубами в отлично прожаренного цыпленка и опрокинет пару чаш терпкого вина, а при одном только слове «невольницы» ноги сами понесли его вперед.

Итак, он подошел поближе к двери и загораживавшему ее толстяку. Искушение было так велико! Запахи мяса, вина и женской плоти уже щекотали его ноздри... Внезапно он опомнился. Как бы ни хотелось ему сейчас, не думая ни о чем, принять заманчивое предложение, но разве за этим пришел он в Шадизар? Чтобы снова сделаться рабом и слугой? Нет, хватит! Этого он успел нахлебаться в Халогe вдоволь, а теперь ему хотелось стать вольной птицей.

— Работа мне нужна, да не нужен хозяин, — буркнул он. — А еще лучше бы раздобыть вина и жратвы без всякой работы! Вот и скажи мне, отвислое брюхо, где тут ближайший кабак?

— Ну и дурень же ты, оборванец! Воображаешь, тебя там накормят? Ха! — Привратник в сердцах плюнул и, потеряв к киммерийцу всякий интерес, хлопнул дверью. Тем не менее изнутри глухо донеслось: — Ступай вперед по улице, головорез, там спросишь!

Конан неспешно зашагал вдоль бесконечной череды каменных оград, из-за которых доносились божественные запахи еды, особо чувствительные для человека с пустым желудком. Еще он слышал сладкие напевы флейты, песни и смех веселившихся сотрапезников, которым дела не было до того, что он устал, голоден и зол, как оставшийся без добычи тигр.

Между тем улица, расширившись, вывела его на большую площадь с длинными рядами навесов из тростника и легкой цветастой ткани; позади них виднелись лавки, закрытые коваными стальными решетками с крепкими запорами. То был один из шадизарских базаров, коих в городе имелось несколько. В противоположном углу площади Конан разглядел кучку людей в доспехах, которые,

собравшись в кружок, о чем-то оживленно толковали. «Не иначе, как базарные стражники», — подумал он, соображая, не подойти ли к ним и не спросить ли, где тут ближайшая харчевня. Однако стражей да охранников он не любил и потому решил не связываться с этим отродьем Нергала.

Пройдя в раздумье еще несколько шагов, киммериец вдруг резко остановился, прислушиваясь к шороху, раздававшемуся справа от него, за углом ближайшей лавки. На всякий случай он нащупал кинжал, не раз выручавший его во всяких переделках, но, приглядевшись, понял, что тревога напрасна, это фонарщик, забравшись на длинную легкую лестницу, заливал масло из длиннотролго бронзового кувшина в медный фонарь, висевший на высоком, отполированном временем столбе.

— Эй, парень, не скажешь ли, как добраться до кабака? — спросил Конан. Фонарщик, занятый своим делом, ответил не сразу. Он заткнул кувшин с маслом пробкой, обернутой тряпичей, не спеша прицепил его к наплечному ремню, и, осторожно перебирая босыми ступнями, спустился на землю.

Фонарщик выглядел человеком степенным, деловым и важным, не чета всяким оборванцам, что шныряют в темноте. Но впереди у него была длинная ночь, когда он в одиночестве обходил свое хозяйство, следя за тем, чтоб огонь в фонарях не угас, и, кроме стражников, которые время от времени встречались на его пути, других собеседников не предвиделось. Поэтому он был рад новому человеку и, предвкушая долгий разговор, тщательно вытер руки, заткнул тряпку за пояс, после чего поднял глаза на киммерийца.

Он уже краем глаза взглянул на него сверху, когда варвар окликнул его, но молодой голос и потрепанная накидка, свисавшая с плеч Конана, не внушили ему опасений. Очутившись же рядом с ним, фонарщик немедленно почувствовал сильный озноб, а язык его от страха прилип к гортани. Перед ним стоял молодой гигант с гривой спутанных черных волос, разметавшихся по могучим плечам, и пронзительным взглядом синих глаз, холодно мерцающих в сумеречном свете наступающей ночи. Всякий люд попадался в Шадизаре, но такого

молодца фонарщик видел впервые. Страхился он и меча, что висел у великана за спиной, ибо клинок тот был шириною в ладонь и длиной в пять локтей.

Конан, однако, за свою недолгую жизнь привык уже к тому, что многие в первый момент встречи с ним испытывают изумление и от его громадного роста, и от вида могучих мышц, бугрившихся на груди и плечах. А потому он спокойно ждал, когда недомерок с кувшином придет в себя и сможет продолжить разговор. Наконец тот, овладев собою и с облегчением заметив, что стража находится достаточно близко, пробормотал:

— Тебе придется идти далеко, на другой конец города, странник.

Незнакомец внушал фонарщику самые черные подозрения, но кликнуть стражу он не решался: вдруг этот варвар возьмет да свернет ему голову — как куренку!

— Кром! — рыкнул Конан. — Что, ближе ничего нет?

— Есть-то есть, да таких, как ты, туда не пускают, — с сомнением оглядывая его лохмотья, ответил фонарщик.

— Это уж не твоя забота, — усмехнулся варвар. — Ну, говори, куда идти?

— Минуешь эту улицу, — махнув рукой, не стал упорствовать фонарщик, — там будет белый храм, вон, видишь его купол? Потом свернешь налево и доберешься до площади. Дальше найдешь сам.

Небрежно кивнув ему, Конан двинулся в указанном направлении. Фонарщик же, возблагодарив Бела за то, что остался цел и невредим, немедленно направился к стражникам, которые продолжали свой бесконечный спор и не оглядывались по сторонам.

* * *

— Почтенный Дасай, — с заискивающей улыбкой обратился фонарщик к старшему из воинов, — здесь шатается какой-то подозрительный малый. Я направил его к веселому дому, к тому, что около Арэнджунского рынка. Может, догоните да посмотрите, что за фрукт? Только осторожно, он здоров, как стигийский бык, и по виду с севера, то ли гипербореец, то ли киммериец.

— А, это ты, — лампадная крыса, — небрежно откликнулся стражник. Ему очень не хотелось отрываться от интересных баек о том, что в Черных Королевствах не надо платить женщинам за любовь, но наоборот, тебе еще приплатят, если проведешь ночь с чернокожей красоткой. Особенно там, вроде бы, ценились заморанские мужчины. Брат Косого Газзата недавно вернулся из Кутхемеса, и там ему эти байки напел торговец из Кешлы, что в Кешане. Дасай не сводил взгляда с рассказчика, и на лице его застыла похотливая улыбка, ну разве интересовал его какой-то там бродяга?

Но настырный фонарщик не унимался и продолжал дергать его за рукав. Тогда Дасай, придя в раздражение, прорычал:

— Ну, куда, говоришь, ты его наладил? На Арэнджунский рынок? Ну, так пусть Файзул его хватает, там его квартал! А ты, фитиль из сушеного дерьма, иди себе, иди! Нечего тут молоть языком!

* * *

Конан уже приближался к храму, возле которого полагалось свернуть налево, когда вдруг услышал где-то в проулке топот ног и истошные крики: «Держи его, держи! Уйдет, клянусь Белом! Уйдет, верблюжья моча!»

Киммериец отступил в тень большого платана, раскинувшего свои ветви неподалеку, и затаился, ожидая развития событий. Шум погони нарастая, словно приближавшаяся горная лавина.

Наконец из-за угла вылетел растрепанный худощавый человек и, затравленно озираясь по сторонам, попытается прикинуть, куда мчаться дальше. От своих преследователей он оторвался совсем немного, громыхание их лат и пронзительные вопли слышались почти рядом. Конан не привык долго раздумывать. Он уже сообразил, что растрепанный заморанец — местный ворипшка, коему сегодня не повезло, и закончиться этот вечер мог для него большими неприятностями: тюрьмой, а то и усекновением головы, органа не всегда полезного, но для жизни весьма необходимого. Еще со времен своего пребывания в Халогe Конан не питал большой любви к представите-

лям закона, а уж к стражникам это относилось в особенности. Поэтому он ни мгновения не колебался, как поступить.

Одним прыжком настигнув воришку, схватил его за ворот рубахи и за ногу и забросил на ближайшую ветвь платана, под которым только что прятался сам. От неожиданности тот даже не пискнул, но со скоростью белки скользнул выше и затаился в густых ветвях. Конан не успел отступить в тень, как из-за угла вывалились потные, с вытаращенными глазами стражники. Нигде не увидев своей добычи, они бросились к киммерийцу.

— Ты, вонючая падаль, не видал здесь кого? — рявкнул их мордастый предводитель. Конан смолчал, хоть ему не понравилось столь невежливое обращение. Он хмуро уставился на стражников; их было пятеро: люди невысокие, как все заморанцы, но плотного телосложения и умевшие обращаться с мечами и боевыми топорами.

Увидев, что перед ним человек совсем еще молодой, хоть и высокого роста, но усталый да исхудавший, старший решил взяться за него всерьез.

— Ты что, оглох, блевотина Нергала? — набрав в легкие воздуха, заорал он. — С тобой, верблюжье дерьмо, говорит десятник квартальной стражи! А ты кто? Чего здесь шляешься? Клянусь Белом, я посажу тебя в яму до утра, чтоб вспомнил, кто такой сам и чего видел! А утром, с палкой да плетью, разберемся, что ты за птица!

— Я пришел сюда из Халогии и сейчас ищу, где поесть да заночевать, — спокойно ответил Конан. В планы его не входило устроить большой шум в первый день пребывания в городе, который весьма ему понравился. Но кулаки у киммерийца уже чесались, и он подумывал о том, как бы врезать десятнику промеж выпученных глаз.

На свою беду доблестный страж принял его за гиперборейца, а с гиперборейцами у него были свои счеты. Когда-то давно, в пьяной драке, гиперборейский наемник расшиб о череп десятника тяжеленную глиняную кружку, и с тех пор, как только он начинал говорить, в голове появлялся неприятный назойливый шум. Теперь же он узрел перед собой подозрительного варвара, а то, что варвар сей является киммерийцем, на роже его написано не было. А вот упоминание о Халогии привело десятника в дикую ярость.

— Ты, гиперборейский волчонок! выхватив меч из ножен, он бросился на киммерийца. Ну, сейчас я отправлю тебя погулять по Серым Равнинам!

Конан, не изменившись в лице, отступил, уклоняясь от клинка, со свистом рассекавшего воздух над его плечом. В следующий миг мощный удар в челюсть добавил десятнику шума в голове, да с таким избытком, что, пролетев шагов пять, он рухнул в пыль и затих. Остальные воины в первый момент оцепенели, но сообразив, что их четверо против одного юнца, разошлись в стороны, а затем полукругом двинулись в атаку.

Разумеется, если б стражам довелось побывать на аренах Халогии и поглядеть, как киммерийский раб-гладиатор орудует мечом, они остереглись бы с ним связываться и завтра спокойно выпили б по кружке винца в любом из шадизарских кабаков. Но им не повезло; видать, светлый Митра, и хитроумный Бел, и луноликай Иштар были в этот вечер к ним немилостливы. Да и не могут же они, в конце концов, заботиться о всех и каждом! Тем более, о квартальных стражниках.

Конан сделал два пружинистых шага назад.

— Ну, ублюдки, не пора ли вам отправиться за своим десятником? — прорычал он. Два шага Конана для заморанцев составляли все четыре, и они невольно ускорили атаку, стремясь настигнуть длинноногого варвара. Ровный их строй нарушился; тогда киммериец как молния бросился к ближайшему стражнику, собиравшемуся поразить его секирой, и, схватив оружие за древко, резко крутанул вправо. Бедняга даже не успел отпустить руки, сжимавшие топор, и, использовав его вместо палицы, варвар сбил с ног второго стражника.

Предоставив им самим разбираться, кто первым встанет с земли, Конан, выхватив огромный меч, бросился на тех двоих, что еще оставались на ногах. Дальше он все делал ловко, быстро и точно, как привык на гладиаторских аренах Халогии. Отразив выпады противников, киммериец вышиб у одного из них меч, и пока тот поднимал оружие, снес голову его неудачливому товарищу. Но первого заморанца это вроде бы не устранило, и он продолжал сопротивление. Этот несчастный ублюдок не догадывался, что, несмотря на молодость, мало кто мог сравниться с Конаном в искусстве владения мечом;

пребывание в Халогe, среди воинственных гиперборейцев и асов, не прошло для него даром. В результате поединков закончился быстрее, чем поднялись на ноги оставшиеся в живых стражи. Они попытались отомстить, но их секиры были плохой защитой от конанова меча. Секира хороша в сомкнутом строю, когда, вздымая боевые топоры, отряд стеной валит на врага; но здесь, против стремительного и ловкого варвара, шансов у стражников не имелось. И через несколько мгновений на улице вновь стало тихо.

Конан не побрезговал осмотреть их пояса и, обнаружив пригоршню серебряных монет, довольно хмыкнул; деньги пригодятся, решил он, ибо без них в этом городе нельзя ни поужинать, ни переночевать, не говоря уж о достойной оплате более приятных услуг. Затем, обшарив взглядом древесную крону и не обнаружив спасенного им вора, киммериец тихо посвистел, полагая, что тот спрятался где-то поблизости. Но ответа он не дождался, как и благодарности.

— Жаль, — пробормотал Конан. — Этот шельмец мне бы пригодился... Хоть до кабака бы довел!

Впрочем, сокрушаться об исчезновении воришки он не стал и, пристроив меч на прежнее место за спиной, продолжил путь.

* * *

Ши Шелам весь вечер просидел под раскидистой айвой, ожидая, когда в веселом доме «Улыбка Иштар», что располагался на противоположной стороне улицы, закончатся пир и веселье. Причиной для сборища была на редкость удачная сделка, заключенная между Калоем, торговцем драгоценностями, и заезжим купцом из Хоршемиша. Вино, видимо, лилось в «Улыбке» рекой, поскольку голоса веселящихся уже заглушали и девушек-певичек, и гнусавый звук зурны, и даже щебетание птиц, устроившихся на ветках совсем рядом, прямо над шиламовой головой.

«Хорошо гуляют, копыта Нергала им в задницу!» — с завистью подумал Ши Шелам. Ему в «Улыбку» вход был закрыт, рылом да кошельком не вышел; этот кабак предназначался для таких, как Калой и его приятели. И дело

заключалось не в том, что все они относились к людям почтенным, торгового или ремесленного сословия. Нет, совсем не в том! В компании их присутствовали и главарь воровских шайк, без которых не была бы столь успешной коммерция достойного Калоя; да и кроме этих воругов сомнительного люда хватало. Но все гости считались большими людьми, бандитами, удостоенными милостей Бела; одним словом, не мелочь какая-то, вроде Ловкача Шеламы. Собственно, и болтаться в этом богатом квартале такому человеку, как Ши Шелам, было совсем не с руки. Хорошо еще, что его знали некоторые местные стражники, а не то можно было бы получить хорошую взбучку, или, хуже того, переночевать в яме да еще и выкуп изрядный заплатить наутро. Но уж очень хотелось ему переговорить с Калоем сегодняшним вечером. Ши Шелам не зря носил прозвище «Ловкач»: среди шадизарского воровского братства он славился как удачливый и умелый сбытчик краденого. Ребятишки с Восточного рынка потрошили лавки, а случалось, и караваны, опрометчиво заночевавшие неподалеку от городских врат, и с этих дел всем кое-что перепало. Закончив свою часть работы, вору переправляли товар мелкоте вроде Ши Шеламы, а уж такие, как он, сбывали товар большим людям, тому же Калое, например.

Почтенный купец этот Калой, ничего не скажешь! Богатые караваны снаряжает и в Коф, и в Офир, и в Аквилонию! Куда только не ездили его подручные, а что половина товаров была краденой, так на них не написано. Товар он и есть товар: дорогие камешки, кувшины с маслом да вином, ковры да ткани, ларчики да ларцы, вон сколько добра ходит-бродит по свету, поди разберись! Темнело; постепенно вечер уступал место ночи. Уже и фонарщик со своей лестницей и кувшином прошелся по площади и зажег пару фонарей: один у входа в «Улыбку Иштар», другой шагов на сорок подальше, там, где началась улица, тянувшаяся напрямик до Большого Канала. А за ним лежала Пустынька, приют разного темного люда, где и обитал Ши Шелам. Жил он среди людей, подобных ему: воров, беглых каторжников, нищих, потрошителей караванов, скупщиков краденого и прочих умельцев, которые не слишком чтили закон и не испытывали особого почтения к власти предержащим. Пустынька она

и есть Пустынька! Один хитроумный Бел, покровитель воров да грабителей, властен над ней!

Ловкач устал ждать и уже подумывал, не плюнуть ли ему на Калоя и не пойти ли домой. Однако дело есть дело, и какое дело! Жаль, если сорвется...

«Нергал его заberi! Вот шакалий потрох! Обещал ведь, стигийский змей вечером, мол, потолкуем!» сокрушался про себя Ши Шелам. Он решил все-таки еще немного подождать.

Вдруг его тоскливые думы прервал легкий шорох. Ловкач повернул голову: в трех шагах от него стоял высокий парень с черными, ниспадающими на плечи волосами. В колеблющемся неярком свете фонаря Ши Шеламу он показался несколько изможденным, или, может быть, просто усталым. За спиной его висел меч, а сам незнакомец был облачен в потрепанный, выдавший виды плащ и еще какие-то лохмотья. Сандалии его ясно доказывали, что проделал он путь долгий и нелегкий.

«Копыта Нергала! Подкрался, а я и не слышал! По воздуху летает, что ли? — пронеслось в голове Ши Шелам, пока он разглядывал путника. — Экий волчонок... голодный да злой... глаза так и сверкают!»

— Послушай, приятель, — обратился к нему парень. — Говорили мне, что есть тут кабак, в котором можно выпить да повеселиться. Ну, и где он?

«Северянин, из Гипербореи либо Киммерии», продолжал размышлять Ловкач, прислушиваясь, как незнакомец выговаривает слова на заморанском. Бел знает, как попал он в город в такой час! Пришел из северной части Шадизара, это точно, но как ему удалось миновать кварталы знати, не полавшись стражникам? Удивительно!

— Вот он, твой кабак, видишь? — Ши Шелам махнул рукой туда, откуда доносились звуки веселой пирушки. — Только думаю я, вряд ли он тебе подходит. Клянусь милостью Бела! Тебя и на порог не пустят, парень!

— Не твоя забота, — усмехнулся северянин, огладив торчавшую над плечом рукоять меча. Теперь Ши Шелам ясно видел, что он еще очень молод, несмотря на внушительный рост и могучие мышцы.

— Ты, видать, недавно пришел в Шадизар, — предположил Ловкач, — и не знаешь здешних обычаев. Может, тебя куда и пустят, но только не в этом квартале, —

продолжал он, почесывая нос. Парень пришелся ему по душе, но Ши Шелам даже не мог объяснить, почему. Было в нем что-то располагающее, что-то намекавшее на судьбу необычную и высокую, будто боги отметили его своей печатью. Словом, Ши Шеламу захотелось предостеречь его от неприятностей.

— Кром! Что тут за квартал такой? — с расстановкой спросил парень. — Вино тут в золотых чашах подают, что ли?

— А ты как думал? Здесь гуляют не какие-то оборванцы, а люди почтенные и богатые, так что давай-ка я провожу тебя в другое место. Отсюда тебя вышвырнут, как щенка, да еще и ребра пересчитают — привратники уж больно свирепы!

Конан на мгновение задумался. Этот невысокий щуплый заморанец с лицом, напоминавшим смышленную хитрую мордочку хорька, был продувной бестией! Он-то (сразу видно!) был из тех самых оборванцев, которых в приличный кабак не пускали. А молодой киммериец хотел свести знакомство с людьми именно этого сорта, иначе зачем он пришел в Город Негодяев?

Не в его характере было отступать от задуманного, и уговоры тощего заморанца только подлили масла в огонь. Итак, он усмехнулся и сказал:

— Видишь ли, мне как раз приспело время поужинать, и шакалы, что стоят здесь у входа, мне не помеха. Видит Кром, давненько я не выпускал шакальих кишок! Можно и размяться перед едой.

— Ну, что же, вот и двери, — указал на вход в «Улыбку» Ловкач Ши. «Хочет свернуть себе шею, так Нергал с ним. Светлый Митра видит, я пытался его отговорить!» подумал он, а вслух сказал:

— Может, оставишь мне плащ, великий воин? Подстелю его здесь, на камнях, чтоб тебе не больно было падать, а? — Шелам не удержался от ехидной ухмылки.

— Сказано было, о том забота не твоя, тощий хорь! — В голосе Конана ехидства было не меньше, чем в улыбке Шеламы, но глаза его холодно сверкнули, еще раз заставив Ловкача вспомнить о волчонке. — А плащ и вправду постели, только свой. Сгодится трупы заворачивать!

И с этими словами он решительно направился к массивным, из толстых кедровых досок, богато изукра-

шенным резьбой дверям. Заморанец еще раз подивился, что почти не слышит его шагов.

«Такой большой и тяжелый, а ступает легко, как вендийская танцовщица!» — отметил про себя Ши Шелам. Еще облик и повадки юноши напомнили ему хищного зверя, неслышно подбирающегося к своей жертве, но вот какого зверя, Ловкач пока толком не уяснил.

Тем временем на стук молодого варвара двери растворились, и шум гулянки вырвался наружу. Конан вошел, закрыл дверь; затем прошло немного времени, и шум внутри вдруг затих. Ловкач на всякий случай отступил еще дальше от входа и спрятался за деревом, куда не достигал свет фонаря. Вскоре шум возобновился, но звуки его были уже совсем иными, поскольку к человеческим голосам прибавился какой-то звон, возня и глухие удары, будто кто-то в «Улыбке» затеял выбивать ковры.

Внезапно тяжелые дверные створки разлетелась вдребезги, и наружу выпал какой-то бесформенный предмет, показавшийся Ловкачу мешком тряпья. Когда мешок шлепнулся на мощенное камнем крыльцо, Ши Шелам с изумлением узнав в нем почтенного Калоя. Охая, купец попытался приподняться, но сделать ему этого не удалось, ибо, с таким же воем и такой же скоростью, из разбитых дверей начали вылетать его собутыльники. Казалось, дверь эта была пастью огромного чудища, и теперь оно выплевывало приятелей Калоя одного за другим.

— Бел, заступник! — в изумлении прошептал Ши Шелам. Ему впервые доводилось видеть такое потрясающее зрелище, а уж он-то повидал всякого! И теперь, пока Ловкач, затаившись в тени дерева, с восхищением любовался, как росла перед входом в «Улыбку» гора тел, в его хитроумной голове сами собой закружились всякие мысли. Если быть точным, целых три! Во-первых, он понял, что напрасно ошивался здесь целый вечер, потому что разговор с Калоем сегодня вряд ли состоится; во-вторых, он искренне сознался в ошибке — не плащ стоило подстелить на крыльце, а ковер, да побольше; и в-третьих — это самое главное! Ловкач теперь уяснил, что за зверь появился в Шадизаре.

Не волчонок — тигр!

ТРИ ПЕТУХА И МИЛОСТЬ МИТРЫ

Сыто рыгнув, не выпуская из рук литого серебряного кубка, Конан откинулся на подушки. Они оказались такими же мягкими, пушистыми, нежными, как и ковер, на котором он сейчас восседал, но барашек, только что поглощенный им, был еще нежнее. Свиная нога, свежие карпы и утки, фаршированные орехами и черносливом, тоже не оставляли желать лучшего; ну а вино, аргосский нектар десятилетней выдержки, разительно отличалось от той кислой бурды, которой киммерийца обычно потчевали в таверне Абулетеса. Нет, что ни говори, этот Хирталамос, старая лиса, принимал его с великим почетом, как самого дорогого гостя!

Конан поднес чашу к губам, вдохнул терпкий аромат напитка, пригубил... «Жаль, кубок невелик! — подумалось ему. — Такое вино лучше пить кувшинами!» — Аргосское, охлажденное в родниковой воде, было отличным — как и все остальное в богатом доме купца Хирталамоса. Как и его пуховые подушки, узорчатые ковры, крепкие сундуки из кедровых досок, прекрасные жены и сладкая еда.

Сам купец и хлебосольный хозяин, осанистый и еще крепкий мужчина под шестьдесят, расположился сейчас напротив киммерийца, тоже с кубком в руке. Правда, пил он мало, а ел и того меньше, но гостя не торопил, вел пустые речи о погоде, о трех своих женах да ценах на базаре, и терпеливо ждал, когда Конан насытится, чтобы перейти к делам. Какие дела могли быть у первейшего из шадизарских купцов к первому среди шадизарских грабителей, ведали одни боги. Конану, во всяком случае, то оставалось неизвестным.

Он допил вино, вытер влажные пальцы о шаровары синего шелка и выжидательно уставился на Хирталамоса.

— Доволен ли ты, сын мой? Снизойшла ли радость к твоей душе? — спросил купец, огладив пышную бороду, которой умелый цирюльник придавал изысканную форму трезубца.

— Доволен. И радость ко мне снизошла, — отвечивал Конан, придвигая поближе кувшин с аргосским. — Ты принимаешь меня с почетом, и я того не забуду.

Кром! Клянусь, что целых полгода мой нож не вспорет ни одного вьюка, что везут твои караваны!

«Ну, не полгода, так месяц», — подумал он про себя, глядя, как хозяин покачивает головой в белом агласном тюрбане. Среди жуликоватых шадизарских торговцев Хирталамос отличался порядочностью и щедростью — что, однако, не мешало ему слыть человеком себе на уме. Хитрый старый лис, предпочитавший действовать честно — тогда, когда это сулило выгоду. С Конаном он держался с подчеркнутой уважительностью, точно принимал в своем богатом доме не разбойника, а принца из Бритунии или Турана.

Вот и сейчас, разгладив бороду, купец почтительно произнес:

— Благодарю тебя, отважный и крепкорукый. Ты молод, и ты недавно появился в Шадизаре, но всем уже ведомо, что ты — лев среди львов, и добыча твоя — добыча льва, а не шакала. А потому всякий торговец был бы рад услышать из уст твоих столь щедрое обещание. За это полагалось бы вознести жертвы трем богам сразу: сиятельному Митре, щедрому Белу и темному Ариману. Но я, однако, не беспокоюсь за сохранность своих тюков и пригласил тебя совсем по другому делу.

— Какому же? — Конан отодвинул кубок и взялся за горлышко кувшина. После сытной еды он испытывал такую жажду, что ее нельзя было загасить парой-другой чаш.

— Видишь ли, звезда доблести, надобно мне удалиться на три дня в Арэнджун, принять там кое-какой товар... Ценный товар, очень ценный, и потому должен я позаботиться о его сохранности, взяв с собой большую часть моих приказчиков, слуг и стражей. Те бездельники, что останутся тут, стары и неповоротливы. Они, конечно, приглядят за моими богатствами днем, но вот ночью... Ночью эти потомки шакалов трусливей перепуганного зайца, и я боюсь, как бы по их нерадению недруги не причинили мне великих убытков. Вот и решил я посоветоваться с тобой, светоч отваги. Ведь верно сказано: сотня шакалов не заменит одного льва...

Конан прикончил кувшин, огляделся по сторонам и решил, что тревоги Хирталамоса отнюдь не беспочвенны.

В доме его было чем пожить! Даже выходящая во внутренний двор просторная терраса, на которой они пировали, поражала роскошью: везде — туранские ковры, серебряные да позолоченные лампы, алебастровые вазы из Коринфии и кхитайские фарфоровые безделушки. Слева, перед женскими покоями, ковры были особенно мягки и пушисты; там стояли три ложа, а под ними — сундуки, наверху с богатыми одеждами хирталамосовых жен. Длинная терраса пятью ступенями спускалась в сад, зеленый и тенистый, с бассейном, цветниками и полудюжиной фонтанов. Жилище купца охватывало двор и сад с юга, а с севера виднелось за деревьями еще какое-то строение из желтого кирпича, соединенное с домом с обеих сторон высокими, в два мужских роста стенами и огороженное решеткой. За ней бродили довольно крупные птицы с ярким оранжево-золотистым оперением; как показалось Конану — петухи. Это его слегка удивило: в садах у шадизарских вельмож обычно разгуливали фазаны и павлины. С другой стороны, почтенный Хирталамос был все же купцом, а не благородным нобилем, и, вероятно, его тщеславие не простиралось дальше петухов.

— Да, сотня шакалов не заменит одного льва, — повторил хозяин, придвигая гостю новый кувшин аргосского, — и потому, светоч силы, решил я обратиться к тебе. Нет клинка в Шадизаре быстрее твоего, и клинок тот — в крепких руках... да, в крепких и искусных... А еще говорят, что видишь ты в темноте, как пантера из вендийских лесов, и что боги даровали тебе такую мощь, какой не владел ни единый сын человеческий со времени Великого Потопа... Верно ли то? — Купец, прищурившись с хитринкой, оглядел могучую фигуру киммерийца.

— Погляди и убедись, — буркнул тот, протягивая руку к массивной серебряной чаше. Мгновение — и стенки ее смялись в огромном кулаке, словно вылепленные из сырой глины. Затем Конан посмотрел на свой меч, лежавший у правого колена, но вынимать его из ножен не стал: тут, на веранде, среди ковров и хрупких сосудов, не имелось ничего, на чем можно было бы продемонстрировать свою силу.

Он поднял взгляд на Хирталамоса и произнес:

— Клянусь Кромом! Ты, похоже, собираешься нанять меня охранником?

— Хранителем, сын мой, почетным хранителем! Что есть охранник, что есть сторож, страж? Наемный пес, и только! Пфа! — купец презрительно фыркнул. — Ты же три ночи будешь хранителем самого главного моего богатства, самого ценного имущества, самых дорогих надежд, что важнее мне остатка жизни!

«О женах он, что ли, говорит?» — подумал Конан, покосившись влево. Там, на окнах, глядевших в сад, чуть заметно колыхались полупрозрачные шторы, а за ними сверкали три пары горячих женских глаз. Из предыдущего разговора он уже знал, что жен у почтенного Хирталамоса целых три; все они были молоды и хороши собой. Белокурую Лелию купец вывез с севера, из Гандерланда, черноволосую кхитайку То-Ню приобрел в Шангаре, на невольничьем рынке; что касается рыжей Валлы, то она была местной, заморанкой. Судя по мягким коврам да сундукам с нарядами, жилось им у Хирталамоса неплохо, но молодой гость все же привлекал жадные женские взоры. И немудрено: хоть Конану еще не исполнилось двадцати, в Шадизаре допрежь не видавали мужчин такого роста и богатирской стати. Да и слава киммерийца, репутация отчаянного рубаки, человека добычливого, удачливого и щедрого, привораживала женщин; видать, Лелия, То-Ню и Валла о делах его были понаслышаны предостаточно, и теперь, схоронившись за занавесками, глаз с гостя не спускали.

Конан хмыкнул, сделал глоток из кувшина и уперся взглядом в трехзубчатую бороду Хирталамоса.

— Так что же я должен хранить? — спросил он. — Само собой, за хорошую плату, достойную моего меча! Стеречь твою лавку? Твой дом? Твои сундуки? Или твоих жен?

— О плате, мой северный тигр, ты можешь не беспокоиться: она будет щедрой, как весенний дождь, и прольется не медью, не серебром, но золотом. Хранить же ты должен не лавки и не сундуки, не дом мой и не трех вертихвосток, от коих у меня уже побаливает поясница... — тут Хирталамос с нарочитым кряхтеньем принялся растирать означенную часть тела. Закончив с этим, он уст-

ремил взор на желтокирпичное строение, маячившее за деревьями, и внушительно произнес: — Нет, сын мой, не о сундуках и женах веду я речь, а о Фиглатпаласаре Великолепном, посвященном самому солнцеликому Митре!

— Фиг... Фигля... — начал Конан, но запутался и сплюнул с досады. — Это кто ж таков? И при чем тут Митра?

Купец со вздохом поднялся и махнул рукой в глубь сада.

— Лучше узреть сокровище, чем слышать о нем, — со значительной миной произнес он. — Пошли, клинок ярости, пошли — и ты узришь! Увидишь то, что в скором времени может сделаться благословеньем божьим, коль так порешит великий Митра!

Конан молча отставил кувшин и через мгновение оказался на ногах. Любопытство его было возбуждено; ему хотелось знать, что же в этом доме, полном богатств, дорогих товаров и красивых женщин, считалось главным сокровищем. Вслед за Хирталамосом он спустился во двор, пересек посыпанную чистейшим песком площадку, миновал выложенный карпашским мрамором бассейн, фонтаны и пышные цветники, обогнул заросли вечнозеленого кустарника с торчавшими вверх серыми стволами кипарисов и оказался перед решеткой, ограждавшей довольно большой загон. Решетка эта оказалась высокая, и от верхнего ее края до самой крыши желтокирпичного здания была растянута прочная сетка. Подобно неводу, нависшему над дном морским, она прикрывала весь загон, по которому бродили птицы — так, что ни одна из них не могла вылететь наружу.

Осмотрев загон, киммериец понял, что не ошибся, разглядывая его обитателей с террасы: перед ним были петухи — большие рыже-золотистые птицы, с алыми гребнями и голенастыми лапами, украшенными острым стилетом шпор. Клювы их немногим не дотягивали до ястребиных, глаза горели боевым огнем, длинные хвосты, изогнутые, как лук кочевника, мели дворовую пыль; то и дело две, три или четыре птицы, растопырив крылья, с клекотом наскакивали друг на друга или, пригнув головы к земле, начинали яростно шипеть, взрывая землю когтистыми лапами. Судя по тому, что в загоне стояло

множество корыт с водой, зерном и мелко нарубленным свежим мясом, ссорились забияки не из-за еды; просто им хотелось подраться.

Хирталамос щелкнул засовом и отворил калитку, за которой начиналась дорожка, огражденная с обеих сторон. Хозяин и гость, провожаемые гневным шипеньем петухов, направились по ней к широким, распахнутым настежь воротам. Сквозь них можно было оглядеть внутренность желтокирпичного строения — сотню кур, расположившихся за перегородкой слева и мирно сидевших в корзинках-гнездах, и тянувшиеся справа деревянные настилы для петухов. Посередине оставалось довольно обширное пространство, разгороженное на клетки-загончики; здесь же, неподалеку от входа, стояли чугунная печь и топчан с толстыми шерстяными кошами.

Купец с гордостью обозрел птичье царство, и черты его, как показалось Конану, враз переменялись: зубы блеснули в улыбке, морщины на лбу разгладились, щеки порозовели — словно в этом месте он ощущал некое умиротворение и благостную надежду.

— Вот! — задрал бороду вверх, Хирталамос величественным жестом вскинул руки. Полы его халата распахнулись, белоснежный тюрбан съехал на затылок, глаза же, доселе выцветшие и равнодушные, вдруг вспыхнули — точь-в-точь как у бродивших в загоне петухов.

— Вот! — повторил купец, в упоении потрясая сжатыми кулаками. — Вот!

Лицо его сияло; казалось, еще немного, и он начнет творить молитву всем богам сразу. Но Хирталамос безмолвствовал, будто слова не могли выразить всю торжественность момента, всю важность происходящего. Впрочем, Конан уже и сам догадался, что именно предстоит ему охранять. Брови киммерийца поползли вверх, рот растянулся до ушей; не выдержав, он фыркнул и пробормотал:

— Клянусь печенью Крома! Никак, ты желаешь, чтобы я три ночи просидел в твоём курятнике? И готов платить за это золотом?

— Курятник? — переспросил купец. — Сия обитель священных существ, сын мой, не курятник, а воистину преддверие чертогов Митры! Все солнечные птицы тут

дороги, все хороши, но главное сокровище — Фиглатпаласар Великолепный, коего должен ты беречь и хранить три ночи пуце зеницы ока своего! — Хирталамос протянул руку, указывая на петуха, что сидел в отдельном загончике, за чугунной печкой. — Фиглатпаласара доставили мне только что из офирской столицы Ианты, и воистину он — петух среди петухов! Цена ему — тысяча золотых, и лучшего бойца еще не видел Шадизар. Разумеется, если не считать тебя, ятаган гнева, — купец почтительно склонил голову в сторону Конана.

Несколько мгновений киммериец размышлял, не является ли насмешкой это сравнение с петухом, но глаза Хирталамоса горели таким неподдельным восторгом, что об иронии и речи быть не могло. Решив, что почтенный старец слегка повредился умом, Конан сунул ладони за свой широкий пояс, расправил плечи и принялся разглядывать драгоценного офирского петуха. На вид этот Фигля Великолепный ничем не отличался от своих собратьев, бродивших по двору: так же царапал подстилку когтями, выгибал шею, тряс гребешком и глядел злобно. Однако, несмотря на эти боевые курбеты и отличную упитанность петуха, Конан никак не мог поверить, что за него отдали такие деньги. Тысяча золотых! Великий Кром! Да это же целый сундук с монетой! Цена десяти боевых жеребцов, самых породистых, самых резвых и быстрых! Похоже, достойный Хирталамос и впрямь лишился разума!

— Я вижу, ты поражен, сын мой, — произнес купец, не спуская восхищенного взора со своего сокровища. — Но вспомни, что через пять дней, считая с нынешним, начинается священный рахават. Ты недавно в Шадизаре и, я полагаю, еще не знаешь, чем знаменит сей светлый праздник?

Конан пожал могучими плечами и презрительно сплюнул — прямо на решетку, за которой в боевом раже бесновался Фиглатпаласар Великолепный.

— Чем знамениты все святые праздники? — буркнул он. — Одни, жрецы-хитрецы, бьют поклоны; другие, дурни, несут монету хитрецам... Ну, а люди вроде меня стригут и дурней, и хитрецов! Вот и все, клянусь кишками Нергала!

— Не поминай злого демона, сын мой! Не поминай, когда мы говорим о рахавате! — купец всплеснул пухлыми руками. — Пусть Нергал пребывает в царстве смерти, на Серых Равнинах, и не тревожит наши сны... Вот и все о нем! Я же поведаю о шадизарских обычаях, кои тебе, доблестный муж, пока что неизвестны. Так вот: справляют у нас два великих праздника — ракабор, благословенный хитроумным Белом, покровителем тех, кто живет торговлей и воровским ремеслом, и рахават, когда чествуют светлого Митру, Подателя Жизни, Отца Всего Сущего. В ракабор выпускают гончих псов Бела, что должны обежать вокруг городских стен, дабы стояли они неизбежно и прочно; во время же рахавата бьются у святилища Митры петухи — бойцовые птицы офирской породы, коих ты видишь перед собой. И ты, конечно, уже заметил, что оперенье у них алое и золотое, хвосты изогнуты серпом, а в глазах горит пламя — и по всем этим признакам, и по многим другим, о коих я не буду сейчас толковать, считаются эти петухи посвященными Солнцу, Светлому Оку Митры. Победитель же боев в честь рахавата превращается в драгоценный сосуд, средоточие всех божественных милостей, созданием священным и почитаемым, ибо он — избранник Подателя Жизни! Понимаешь, сын мой?

— Чего ж не понять, — ответил Конан, и раньше слышавший кое-что о веселом рахавате и петушинных боях. Он только не знал, что победитель в тех птичьих сражениях считается святым созданием и стоит тысячу золотых. Или еще больше; ведь Хирталамос уже заплатил тысячу за этого Фиглю, а тот пока что не был чемпионом.

Киммериец вновь уставился на петуха. Тот глядел в ответ с нескрываемой злобой, явно подозревая, что Конан готовится то ли выщипать ему хвост, то ли изнасиловать всех кур в курятнике; крылья птицы топорщились, клюв был грозно приоткрыт.

— Ну, — сказал Конан, налюбовавшись, — победит твой петух, и что дальше? Подаришь его жрецам? Или продашь втридорога?

Купец снова всплеснул руками.

— Что ты, мой доблестный страж! Кто же продает свое счастье? Птицу, на которой почил взгляд Солнцеликого? Нет, я не собираюсь ни дарить его, ни продавать.

Если Фиглатпаласар победит — а он победит непременно, коль не помешают гнусные происки недругов — то быть ему главным украшением пира в последний день праздника. Я съем его, сын мой, съем почтительно, но без остатка, ибо вкусивший его плоти обретает все божественные милости. Будет он крепок телом, удачлив в делах и любим женщинами! Скажи, разве это не стоит тысячу золотых?

— Стоит, — согласился Конан, подумав, что телесное укрепление Хирталамосу отнюдь не повредит. Без помощи Митры старому жеребцу нелегко управиться с тремя молодыми кобылицами! Да и с божественной поддержкой тоже...

Тут он усмехнулся про себя, подмигнул Фиглатпаласару Великолепному и сказал:

— Ну, теперь мне ясно, отчего ты так дорожишь этим офирским чучелом. И, клянусь Кромом, наверняка кто-то еще точит на него зубы! Иначе не стал бы ты меня нанимать.

— Разумеется, сын мой, разумеется! — подхватил купец. — Видишь ли, есть в Шандарате и другие отличные бойцы — к примеру, у почтенного Гиндоруса, торговца шелком, у караванщика Кадкура и у благородного Пирия Флама. Флам — да будет проклято его имя! — владелец Ниделрага Неутомимого, и этот Ниделраг, без сомнения, выиграл бы все бои, если б не мой Фиглатпаласар. Но теперь, когда мне привезли лучшего из офирских петухов, надеждам Флама конец! Да, конец! И боюсь, — добавил купец со вздохом, — что он это понимает и не собирается смириться с поражением.

— Ты хочешь сказать... — начал Конан.

— Да, да, отважнейший! Флам — честолобивый человек и, как я, немолод годами... Он пойдет на все! Он постарается уничтожить Великолепного, мою гордость, мое сокровище! Ведь Пирий Флам — землевладелец и благородный нобиль, а я — купец, всего лишь купец; и Флам полагает, что купцу не положено быть первым в глазах Митры. Ну, а коль купец пожертвовал тысячу золотых, чтоб удостоиться милостей бога, обрести удачу и женскую любовь, то такого купца следует поставить на место!

— Боишься, что он нападет на твой курятник?

— Конечно! Он не сделает этого в светлое время дня, и он не пошлет своих людей, ни рабов, ни стражников... Но уже ходят слухи, что Пирий Флам нанял шакалов Сагара, безбожников и душегубов без совести и чести... Спрашивается, зачем? — Хирталамос выдержал паузу и горестно молвил: — И в такое опасное время дела призывают меня в Аренджун! Что же делать? Кого могу я избрать хранителем божественной птицы? Только лучшего воина в Шадизаре — тебя, доблестный! Тебя, лев среди львов!

Конан, нахмурясь, кивнул. Имя Сагара Рябой Рожи было известно киммерийцу не понаслышке; случалось, тот перебегал ему дорожку, случалось и наоборот. Сагар отличался хитростью змеи и коварством гиены, а также и не жаловал чужаков, всяких пришельцев из Бритунии, Немедии, Турана или Киммерии, стекавшихся в Шадизар, воровскую столицу всех хайборийских земель; в банде у него были только местные заморанцы. Два десятка лихих головорезов, коим что человека прикончить, что священному петуху шею свернуть — все едино! Но Конан сагаровых молодцов не боялся — ни по одиночке, ни всех взятых вместе. Шакалы, они шакалы и есть! Прав Хирталамос, старая лиса!

Что ж, решил киммериец, поглядывая на своего нанимателя, совсем неглупая мысль пришла в эту голову под белым атласным тюрбаном! Спустить льва на стаю шакалов с гнусной гиеной во главе! Завтра об этом примутся толковать во всех шадизарских тавернах да кабаках, по всем базарам, лавкам и постоялым дворам, в каждом притоне воровского квартала! Всяк узнает, что благородный Пирий Флам нанял для охраны Неутомимого двадцать сагаровых ублюдков, а купец Хирталамос доверил свое сокровище всего лишь одному человеку — Конану из Киммерии!

Один против двадцати! Ха! Ради такого развлечения стоило постеречь три ночи хирталамосов курятник! Даже два курятника — с курами и с купеческими женами! Но, само собой, за хорошие деньги!

Конан еще раз подмигнул петуху, взиравшему на него с прежней яростью и подозрением, и сказал:

— Ладно! Я согласен, достопочтенный. Теперь поговорим о плате.

— Пять золотых в ночь, — быстро произнес купец.

— Хмм... Десять!

— Десять... Большие деньги, сын мой! Дорого!

— Милость Митры стоит дороже.

— Тут ты прав, — Хирталамос на мгновение призадумался, улыбаясь каким-то своим мыслям, потом решительно взмахнул рукой: — Хорошо, пусть будет десять!

— И еще по десять за каждую голову, если мне придется поработать мечом. Десять монет за одного мерзавца из шайки Сагара — вполне приемлемая цена, клянусь Кромом!

— Согласен, — сказал Хирталамос, тяжело вздохнув.

— Еще — кувшин вина в ночь. Аргосского!

— В вине недостатка не будет. Я прикажу слугам.

— Прикажи. Теперь насчет денег...

— Что — насчет денег? — встрепенулся купец.

— Половину — вперед, — уточнил Конан.

Хирталамос, сдвинув тюрбан на лоб, почесал в затылке.

— Половина — это сколько, сын мой?

Теперь задумался Конан, погрузившись в сложные расчеты.

— Ну, двоих-то я всяко уложу, — сказал он наконец. — Так что с тебя, почтенный, двадцать пять кругляшей.

Они ударили по рукам и направились к дому, сопровождаемые воинственными воплями офирских петухов. Когда Конан шагал мимо женского покоя, шелковые шторы чуть раздвинулись, и три пары прелестных очей впились в его лицо. У белокурой Лелии глаза были голубыми, как летнее небо над Гандерландом; у черноволосой То-Ню — темными, словно кхитайский агат; что касается рыжей Валлы, местной заморанки, то очи ее сияли чистым изумрудом.

Конан хмыкнул, подумав, что в сей курятник тоже стоит заглянуть. Ночи в Шадизаре были долгими, и он надеялся, что поспеет всюду.

Много ли времени нужно льву, чтоб выпустить кишки двадцати шакалам?

Тем же днем, ближе к вечеру, киммериец сидел в таверне Абулетеса за кружкой кислого вина. Разумеется, сей напиток не шел ни в какое сравнение с аргосским, но Конан не сомневался, что завтрашней ночью аргосское от него не уйдет. Как и три купеческие жены!

А пока что он неторопливо цедил кислотину, поглядывая на туго набитый кошелек, лежавший у правого локтя, и размышлял о всякой всячине. Например, о том, куда направиться после ужина: или в свою берлогу в лабиринтах Пустыньки, шадизарского воровского квартала, или в один из развеселых домов с красотками, где за ночь можно было спустить все золотые Хирталамоса, или на промысел — скажем, к тому же Гиндорусу, торговцу шелком, к караванщику Кадкуру либо к самому благородному Пирию Фламу, счастливому владельцу Ниделрага Неутомимого.

Кубок его почти опустел, когда в таверну ввалились четверо заморанских молодцов, один другого страшнее. Первому милосердный топор немедийского палача сохранил голову, лишив ее, однако, ушей; второму в Бритунии выбили глаз и располосовали ножом щеку; третьему вырвали ноздри — так в Туране каралась попытка украсть овцу. Что касается четвертого, то он пока что оставался при глазах, ушах и ноздрях, но некогда свел близкое знакомство с оспой. Этот тощий рябой заморанец и был главарем, тем самым Сагаром, вступившим на службу к конкуренту почтенного Хирталамоса. Конан, одарив его угрюмой ухмылкой, решил, что соперник появился у Абулетеса не зря; видать, уже что-то разнюхал и захотел удостовериться в своих подозрениях.

Усевшись в десяти локтях от киммерийца, Сагар грохнул кулаком по столу и гулким басом, неожиданным для такого тощего человечинки, проревел:

— Эй, Абулетес, гнилая крыса! Жратвы и вина! Только не пытайся подсунуть нам ту собачью мочу, которой провоняла половина твоих бочек!

Три заморанских головореза расхохотались, а Конан скривился. Сагара Рябую Рожу он не любил и полагал, что собачья моча вместо доброй выпивки будет тому в

самый раз. А еще лучше — ослиная! От всех ослов, что пасутся на землях Пирия Флама!

Тем временем на столе перед компанией Сагара возникли блюда с дымящейся бараниной и с жареными на вертеле курами; за ними появились кружки с вином — точно таким же, как у Конана. Безухий и Рваная Ноздря, вытащив длинные заморанские кинжалы, приступили к жаркому, Кривой жадно ухватил курицу, а Рябая Рожа потянулся к чаше, желая, видно, смочить глотку перед трапезой. Отхлебнув пару раз, он повернул голову, скользнул взглядом по тугому кошельку у локтя Конана, затем с ехидной усмешкой уставился на киммерийца, будто увидел его только сейчас. Разумеется, то было неуклюжее притворство, так как такого исполина с мечом в четыре локтя длиной не заметил бы только слепец.

— Ха, северянин! — прищурившись, пробасил Сагар. — Спускаешь золотишко старого козла Хирталамоса? А вдруг тебе не удастся его отработать? Вдруг не устережешь петушка?

— Может, не устерегу, — сказал Конан, поглаживая рукоять своего клинка. — Но Хирталамос платит не за одну лишь охрану. Мне обещано еще по десять золотых с головы, а тут я вижу целых четыре.

Сагар покосился на меч киммерийца. Этот клинок шириной в ладонь выглядел куда внушительней заморанских кинжалов, а владелец его мог снять четыре головы с той же легкостью, с какой петух склевывает червяка. Помня об этом, Рябая Рожа выдавил примирительную улыбку и пробурчал:

— Мы ж еще не в курятнике Хирталамоса, а в кабаке, северянин. Тут всякий может посидеть, поболтать и выпить в собственное удовольствие... Разве не так?

— Так, — согласился Конан, продолжая ласкать перекрестье своего клинка. — Так! Будь мы не в кабаке, а в курятнике, я бы с тобой по иному разговаривал, падаль! Выпустил бы кишки с печенью да положил в холодке, чтоб не протухли за три дня... Десять монет, знаешь ли, большие деньги!

Сагар смерил его тяжелым взглядом, затем поднялся, взял с блюда жареную курицу и повертел перед носом Конана.

— Вот что будет с твоим петушком, киммериец. Клянись задницей Иштар! Когда я берусь за дело, всегда пахнет жареным.

— Когда я берусь за дело, пахнет кровью! — Конан тоже встал и резким ударом вышиб курицу из лапы Сагара.

Заморанец отшатнулся, скрипнул зубами; рука его метнулась к кинжалу. Однако, покосившись на троицу подручных, что с показным усердием трудились над жарким, он решил, что время сводить счеты еще не пришло. Злобно пнув курицу ногой, Рябая Рожа пробасил:

— Гляди, киммериец, встретимся! Встретимся! И запомни: ты — один, а нас — двадцать! И нет у тебя помощников, кроме рыжего петуха!

— Вот мой помощник! — Конан хлопнул ладонью по мечу, стреп со стола кошелек, потом наморщил лоб, припоминая слова Хирталамоса, и, свирепо оскалившись, прорычал: — Двадцать шакалов и вонючая гиена не заменят льва! Так что береги шкуру, ублюдок!

С тем он и вышел из таверны, позванивая кошельком, где на разные голоса весело пели золотые монеты купца Хирталамоса.

* * *

На следующее утро почтенный Хирталамос отбыл с попутным караваном, в сопровождении своих приказчиков, слуг и дюжих охранников-бритунцев. Видно, товар, который он собирался привезти из Арэнджуна, был еще подороже драгоценного офирского петуха, ибо с купцом отправились не только все его стражи, но еще и три десятка туранских всадников, нанятых в конвой. Конана это удивило: казалось бы, что может сравниться ценой с милостями Митры, обещающего крепость тела, удачливость в делах и любовь женщин! Ну, решил он, у Хирталамоса свои дела и расчеты; скажем, желает он успеть и там, и тут, не упустив ни петуха, ни арэнджунские товары.

По городу тем временем уже гуляли слухи о вчерашней сделке — потому ли, что утаить в Шадизаре что-то всегда оказывалось задачей непростой, или, быть может, сам

Хирталамос эти слухи и распустил, для устрашения соперников и конкурентов. Так или иначе, но все торговцы и купцы, все солдаты местного гарнизона, все благородные нобили и прилежные ремесленники, все разносчики с базара, вся шадизарская шваль, от бандитов и убийц до последнего нищего — словом, все, абсолютно все знали, что петуха почтенного Хирталамоса охраняет Конан из Киммерии, а петуха достойного Пирия Флама стерегут сагаровы головорезы. И не только стерегут, но еще собираются свести счеты с грозным киммерийцем — не позже, как этой ночью.

Вот почему, когда Конан с вечерней зарей отправился в дом Хирталамоса, его провожали любопытные взгляды и явственно различимый шепоток. Шадизарцы гадали, судили и рядили, чем кончится грядущая ночь: победой купца Хирталамоса или торжеством благородного Пирия Флама. Дела могли повернуться и так, и этак, ибо всем и каждому было известно, что киммериец силен и свиреп, как барс, а люди Сагара многочисленны и хитры. Во всяком случае, как полагало большинство жителей славного Шадизара, дело без крови не обойдется.

Конан тоже так считал, а потому запасся кроме меча несколькими метательными ножами и остро заточенным крюком на веревке — страшным оружием в умелых руках. Когда один из оставшихся в доме прислужников Хирталамоса провел его к птичнику, киммериец первым делом подготовил к бою весь свой арсенал: разложил клинки на чугунной печке, оставив пару за поясом, крюк повесил у калитки, обнаженный меч пристроил на топчане, заваленном кошмами. Как объяснил старый слуга, петухи из Офира предпочитали тепло, и если ночь была холодной, полагалось растопить печку. У толстых шерстяных кошм назначение оказалось иным; их держали не ради тепла, а чтоб пеленать и переносить петухов. Без такой предосторожности можно было лишиться глаза — рыжие офирцы свирепостью и силой не уступали разъяренному лесному коту.

Закончив с подготовкой, Конан отодвинул топчан в темноту, поближе к клетке Фиглатпаласара, подальше от факела, чадившего при входе, и уселся. Меж ног у него стоял объемистый кувшин с аргосским; слева в корзин-

ках-гнездах дремали куры, справа, на насестах, застыли смутными тенями петухи, сзади посверкивал яростным глазом Великолепный — комок перьев с хвостом, изогнутым наподобие ятагана. Сквозь распахнутые ворота киммериец видел сад, озаренный луной, и террасу, на которой они пировали вчера с Хирталамосом; около женских покоев в высоком серебряном шандале горели три свечи. Все было тихо; ни шороха, ни скрипа песка под ногами, лишь изредка какой-нибудь петух силло вскрикивал во сне.

Конан сидел в полной неподвижности, пока серебряный диск луны не поднялся над вершиной ближайшего кипариса. Тогда, напарив у колена кувшин, он сделал пару-другую глотков, а потом пнул ногой решетку, за которой темнел силуэт Великолепного.

— Хочешь выпить, приятель?

Петух завозился и что-то негромко забормотал. Решив, что это знак согласия, киммериец плеснул ароматный напиток в ладонь и просунул ее сквозь прутья загородки. В следующий миг железный клюв впился ему в палец, и Конан с проклятием отдернул руку; в ладони его вино перемешалось с кровью.

— Поганая ты тварь! — заметил он, обтерев руки и приложившись к кувшину. — Не хочешь пить, не надо и пасть разевать! Или у вас, в Ианте, все трезвенники? Неприятное должно быть местечко, коли так.

— Кррр... — ответил петух, — кррр...

— Кррр!.. — передразнил Конан, — кррр! Что каркает, недоумок? Фигля, ворона недорезанная!

Сравнение с вороной, видимо, возмутило петуха; он снова завозился за решеткой, вытянул голову, пытаясь достать до конанова колена.

— Свернул бы я тебе шею, если б не десять золотых в ночь, — признался киммериец. — Ну, ничего, отродье Нергала: сперва ты всех заклюешь, а потом тебя клюнут... долбанут по темени, и в котел! Чтوب, значит, выварить из тебя все милости Митры...

Фиглатпаласар протестующе захрипел, взрывая землю лапами и топорща гребень.

— Не хочешь? — спросил Конан. — Понимаю, что не хочешь, клювастый огрызок! Только от судьбы не уйдешь,

и лучшее, что стоит тебе сделать — напиться в прах! Может, в Ианте ты вина и не нюхал, но тут, в Шадизаре, пьют все, даже самые распоследние ослы. А ты, рыжая немочь, все ж не осел, ты — петух! С чего бы тебе не пить, а? Давай-ка...

Он собирался снова плеснуть вина в ладонь, но замер, уловив, как металл слабо скребет по камню. Звуки доносились справа, от западной стены, что шла меж птичником и домом Хирталамоса. Похоже, на нее сейчас забрасывали железные крюки — такие же, каким вооружился Конан. Крюк с веревкой был необходимой принадлежностью воровского ремесла; с его помощью шадизарские искусники взбирались на башни и крыши домов, чтобы затем свалиться на головы ничего не подозревающих хозяев. Конан, сызмальства лазавший по скалам в родной Киммерии, с легкостью овладел всеми необходимыми трюками, однако сейчас они выручить его не могли: он находился в положении хозяина, а не вора.

Но у хозяина тоже есть кое-какие преимущества — особенно если он предупрежден и ждет нападения. Прихватив с печки пару метательных ножей, киммериец взял свой клинок, неслышной тенью проскользнул в ворота, миновал калитку в изгороди и распластался за кустом. Свет факела сюда не доставал, зато ворота и стену птичника можно было разглядеть во всех подробностях. На миг это вытянутое с запада на восток желтокирпичное строение показалось Конану огромным капканом с разинутой пастью входа; там, внутри, находилась приманка, драгоценный петух ценой в тысячу монет — тогда как сам он, со своими ножами и клинком, являлся будто бы железным кычком ловушки. Он ждал, чтобы захлопнуть ее.

Справа метнулись тени — одна, другая, третья... Восемь призраков в темных плащах пробирались через сад, ступая неслышно, двигаясь с настороженной стремительностью профессионалов; лица их скрывали капюшоны, кривые заморанские кинжалы поблескивали в руках. Конан, видевший в темноте, как кошка, заметил, что трое или четверо несут дротики. Это было самым неприятным; сам он мог увернуться от летящего копья, но от Великолепного не стоило ожидать такой же прыти.

Слева, от восточной стены, тоже донесся тихий скрежет; значит, люди Сагара пытались обложить добычу с обеих сторон. Конан решил, что медлить более нельзя. Привстав на колене, он быстро метнул оба ножа, целясь в дротиконосцев; затем бросил еще два — те, что торчали за поясом. Несмотря на темноту, каждый клинок разыскал чью-то спину или шею: четыре фигуры в просторных плащах будто сломались, сложились пополам и исчезли. Киммериец расслышал только слабые стоны да всхлипы — последнее стенание душ, отлетающих на Серые Равнины, в царство Нергала.

Выскочив из-за куста с обнаженным клинком, он обрушился на оставшуюся в живых четверку. Крепкие мышцы и длинный тяжелый меч давали ему неоспоримое преимущество, однако противники были ловки и сражались с яростью попавших в ловушку шакалов. Двое, размахивая кривыми кинжалами, сдерживали натиск киммерийца; двое других обошли его слева и справа, и, не вступая в схватку, шарили под плащами. Сообразив, что у них тоже есть метательные ножи, Конан рухнул на землю. Над ним что-то свистнуло; мгновенно вскочив, он сильным ударом рассек череп одного бандита и отпихнул ногой другого.

Ночь наполнилась звоном стали, тяжким дыханьем сражавшихся, шарканьем ног и треском сломанных ветвей. Однако киммериец и его враги молчали; не в обычае мастеров воровского ремесла испускать боевые вопли. Схватка их была не сражением воинов, а поединком бандитов, предпочитавших мрак и тишину; они сражались не ради чести и славы, а за добычу.

В доме, тем не менее, переполошились. Мелькнул свет, на террасу выскочили два престарелых прислужника Хир-таламоса с дубинками и факелами в руках; освещенные пламенем, они представляли собой отличные мишени. Конан не рассчитывал на их помощь: срубив еще одного бандита, киммериец стремительно вращал меч над головой, выбирая новую жертву.

В пылу сражения он не сразу заметил, что его оттеснили от калитки. На пять-шесть шагов, не больше, но этого хватило, чтоб две тени в широких плащах, возникшие слева, под восточной стеной, успели проскользнуть

в загон. Сообразив, что любое число поверженных бандитов не компенсирует гибели петуха, Конан впервые подал голос. Рык его разорвал ночную тьму, и враги испуганно присели; последнее, что удалось им увидеть, — искаженное яростью лицо киммерийца, львиную гриву его волос, кровавые сполохи на клинке огромного меча. Затем все кончилось: две головы глухо стукнули о землю, две души улетели в вечный сумрак Серых Равнин.

Но было еще двое! Почти у самого входа, под факелом, торчавшим над воротами!

Снова взревев, Конан метнул свой меч и в один гигантский прыжок очутился у калитки. Рука сама нащупала веревку, сверкнуло отточенное лезвие крюка, свистнула холодная сталь... Последний бандит молча рухнул у самого порога; крюк, словно огромная крабья клешня, засел у него в затылке. Его приятель, пораженный мечом в бок, еще корчился; Конан добил его одним ударом, вогнав меч поглубже.

Затем он вытер лезвие о плащ покойника и принялся собирать свои ножи и стаскивать трупы в одно место, укладывая их рядком вдоль изгороди. Десяток человек пал в битве за петуха; значит, шайка Сагара была обескровлена наполовину. Само по себе это являлось отличным результатом, но Конан не забывал и другое — то, что он заработал сегодня сотню золотых. Даже сто десять, если считать с платой за охрану... Не всякая ночь была для него такой прибыльной!

На террасе тем временем появилась тонкая женская фигурка, и, повинувшись ее жесту, престарелые слуги с дубинками исчезли. Нежный голосок коснулся слуха Конана; по акценту он понял, что говорит Лелия, белокурая гандерландка.

— Что случилось, страж? Мы слышали звон стали...

— Сталь уже отзвенела, госпожа. Можешь идти спать.

— Я боюсь... В доме лишь три женщины да два старика...

Три женщины, подумал Конан; надо утешить хотя бы одну. Вслух же он сказал:

— Клянусь Кромом, бояться нечего. Но если тебе не спится, прекрасная госпожа, мы можем посторожить вдвоем.

Раздался негромкий смех; похоже, Лелия была не так испугана, как хотела показать.

— Да, посторожим вместе... Сейчас я предупрежу, чтоб нам не мешали.

— Хорошая мысль, красотка, — пробормотал Конан. — А я тем временем проверю, что творится в курятнике.

Там было все спокойно; видать, звон стали тревожил птиц куда меньше, чем тоскующих жен старого купца. Конан оглядел кур, дремавших в своих гнездышках, и петухов, торчавших на насестах, потом сказал, обращаясь к Великолепному:

— Ну, парень, считай, тебе повезло. Спас я твою поганую шкуру!

Петух злобно поскреб лапой и прохрипел:

— Кррр... кррр-ку!

— Не дождешься от тебя благодарности, рыжий ублюдок! — Конан сплюнул с досады. — Что за злобная тварь! А купец еще толковал, что на тебя взирает око светлого Митры! Митры, ха! Нергала, так будет верней!

Фиглатпаласар презрительно безмолвствовал. Конан, пожав плечами, обвел взглядом полутемную внутренность птичника, не видя сейчас ни кур, ни петухов; перед ним маячило соблазнительное тело Лелии, а в ушах звучал ее хрустальный голосок. Посторожим вместе, сказала она... Посторожим! — решил киммериец.

Но, памятуя о коварстве и хитрости Сагара Рябой Рожи, он собирался предпринять кое-какие меры. Осторожность еще никому не вредила, и Конан, руководствуясь этим мудрым правилом, взял с топчана кошку, набросил ее на Великолепного и, не обращая внимания на его протестующий хрип, сунул петуха под мышку. Затем он протиснулся к третьему насесту, отсчитал там седьмую из птиц, ухватил ее за ноги и сдернул с деревянной балки. На освободившее место был водружен Фиглатпаласар, а почти неотличимый от него двойник посажен за загородку; дело не обошлось без гневного клекота, шипения и ударов железных клювов, но глаза Конан ухитрился сохранить. Когда схватка с пернатыми закончилась, он, поминая то Крома, то Нергала, протер кровоточащие руки вином, а затем опрокинул остаток аргосского себе в глот-

ку. Это лекарство мгновенно исцелило его, смыв не только следы крови, но уничтожив и нервное напряжение — результат двух нелегких битв.

Прихватив клинок и пару метательных ножей, Конан отправился на террасу. Лелия уже ждала его, и все три свечи у женских покоев, а также лампы в доме, были потушены; вероятно, никто не собирался им мешать. Не считая, разумеется, головорезов Сагара; но киммериец полагал, что они получили хороший урок.

Обняв мягкое податливое тело Лелии, он прикинул, что в два десятка скачков успеет очутиться у курятника; впрочем, Фиглатпаласару опасность сейчас не грозила, ибо даже сам Митра не разобрал бы в полумраке, какой петух сидит в загородке. Подумав об этом, Конан перестал беспокоиться и предался радостям плоти.

Они длились нескончаемо, почти до самого рассвета, когда ночная тьма становится особенно густой, а сон — крепким и беспробудным. Конан, однако, не спал, ибо у него имелось более интересное занятие — столь увлекательное, что все петухи подлунного мира вылетели у него из головы. В жарких объятиях гандерландки он позабыл и о коварном Сагаре, и о золотых, обещанных за каждого бандита, и о том, что ночь — а, значит, и его служение — еще не кончились.

Но внезапно над двором и садом разнесся хриплый петушиный крик, а потом, вслед первому, загомонили и остальные птицы. То не было первым предрассветным кличем, звонким, чистым и торжествующим: такими воплями встречают не золотую зарю, но тайного врага.

Лелия задрожала.

— Что? Что там?

— Шакалы, — ответил Конан, хватаясь за меч. — Но не тревожься, малышка: ваш петух будет цел.

— Пропади он пропадом, этот петух! — раздраженно пробормотала гандерладка. — Чтоб он попал в клыки Аримана!

— Ну, нет, моя красавица! Мне платят за его кишки и хвост!

С этими словами Конан шлепнул женщину по тугому бедру и ринулся через темный сад. Он успел заметить тени, мелькнувшие на стене, но перед загородкой и птич-

ником не было никого; сделав свое дело, люди Сагара удалились с благоразумной поспешностью. Петух, злополучный собрат Великолепного, был пронзен дротиком насквозь и уже перестал трепыхаться. Остальные птицы, испуская хриплые вопли, металась среди своих насестов, словно крылатые ночные вампиры у свежего трупа.

Решив, что нужно дать им время успокоиться, Конан растопил печь и принялся ощипывать петуха. После схватки с сагаровой шайкой да игр с прелестной Лелией он испытывал голод; разумеется, одной птицей, даже весьма упитанной, его не утолишь, но не пропадать же добру!

Расковыряв землю за печкой мечом, он бросил в яму рыжие перья и, не снимая тушку с дротика, пристроил ее над огнем. Петухи вроде бы утомонились; тогда, взяв кошму, Конан отсчитал седьмого на третьем насесте и призадумался. Тут была сотня птиц, и только последний дурак мог рассчитывать, что Фигля Великолепный возвратился на прежнее место, чтобы отдаться в руки своему нерадивому стражу. С другой стороны, драгоценный петух был жив и скрывался сейчас в этой рыже-золотистой стае, а значит, конанов наниматель не понес никакого ущерба. Несомненно, старый Хирталамос, разбиравшийся в петухах куда лучше Конана, сумеет отыскать свое сокровище...

С этой мыслью киммериец еще раз оглядел ряд деревянных балок. Все восседавшие на них петухи казались ему братьями-близнецами, все грозно топорщили гребни и распускали хвосты, все взирали на него с одинаковой злобой и без малейшего следа благодарности. Помянув пасть Нергала, он сгреб ближайшего за лапы и сунул в клетку; потом вплотную занялся жарким. Мясо еще не поспело, но он был голоден и не стал ждать.

Когда петушиные кости упокоились рядом с перьями, Конан забросал ямку землей и довольно хмыкнул. Теперь он относился к золотистым офирским петухам с гораздо большей симпатией: хоть их породу и считали бойцовой, на кулинарных достоинствах это не сказывалось. Мясо было ароматным и мягким, сочным и нежным, словно у цыпленка, так что Конан невольно пожалел, что не догадался сунуть в клетку сразу двух или трех петухов.

«Впрочем, это можно исправить», — подумал он, с жадностью озирая ряды замерших на насестах птиц. Но тут они встрепенулись, задрали головы кверху, встопорщили перья, раскрыли клювы, и грянул звонкий петушиный хор. Разгорался рассвет; ночь отступила, а вместе с ней — искушение, терзавшее киммерийца.

* * *

Днем он снова повстречал Сагара; на сей раз не в кабаке, а рядом с дворцом благородного Пирия Флама. В этих богатых кварталах Конан бывал не раз — к великому горю их обитателей, — но теперь ему хотелось освежить воспоминания. А заодно полюбоваться на Рябую Рожу, потерпевшего минувшей ночью столь значительный ущерб.

Они столкнулись нос к носу у ворот роскошного фламова дворца и уставились друг на друга с ехидными ухмылками. У обоих причина веселости была одной и той же: каждый числил себя в победителях.

— Говорят, — молвил Конан, лаская рукоять меча, — прошлой ночью кто-то выпустил кишки из десятка твоих мерзавцев?

— Ха! Мерзавцы и есть! Такого мусора я наберу за утро на любом из шадизарских базаров! — Сагар небрежно повел рукой. — А вот поговаривают еще, будто с петушком Хирталамоса приключилось несчастье? То ли он когти отбросил, то ли клюв проглотил... Спекся, одним словом!

— Спекся, — подтвердил Конан и погладил себя по животу. — Спекся, да не тот! Того, говорят, на другую жердочку пересадили. И пребывает он сейчас в добром здравии, точит шпоры да клюет зерно. Демон, а не петух! Такого дротиком не прошибешь!

Лицо Сагара перекошилось.

— Враки! — пробасил он. — Враки! Киммерийские сказки!

— Ты хочешь сказать, что я лгу? — Конан до половины вытащил меч. — Ну, проверить легко: сейчас ты расстанешься с печенью, а ночью я скормлю ее петуху.

Приходи, сам поглядишь! Убедишься, тот петух или не тот!

Рябая Рожа, опасливо поглядывая на конанов клинок, отступил к воротам, где стояли четыре стража в броне, с копьями и щитами. За спинами их простирались обширный двор и сад, раз в пять побольше, чем при доме Хирталамоса, а в углу, за деревьями, виднелся птичник, но не из желтого кирпича, а из тщательно отлакированных, покрытых резьбой кедровых брусьев. Не птичник, а дворец, решил Конан, прикидывая, что одна лишь дорогая древесина обошлась Фламу в целое состояние.

Сагар, с хитрым видом уставившись на него из-за спин латников, прошипел:

— Значит, ошибка с летушком вышла, так? Ну, ничего, ее мы исправим! Сегодня ночью гляди в оба, киммериец! И не рассчитывай добраться до моей печенки!

— Я передумал, — ухмыльнулся Конан. — На кой сдалась мне твоя печень? Кром ее в жертву не примет, а петух, склевавши по глупости, издохнет... Поганец ты, рябой ублюдок, и печень у тебя поганая!

С этими словами он развернулся и зашагал вдоль дворцовой стены в переулок, куда выходили хозяйственные постройки усадьбы Пирия Флама. Стена и здесь была высока, но Конан убедился, что при нужде залезет на нее вмиг; а там и до курятника нетрудно добраться.

«Красивое строение, — подумал он, — дерево да резьба... Хорошо будет гореть!»

* * *

Второй ночью он опять устроился у клетки петуха, на сей раз безымянного, но такого же заносчивого и злого, как Фиглатпаласар Великолепный. Поглядывая на него и время от времени освежаясь из кувшина аргосским, Конан размышлял о том, как подобная тварь — пусть с опереньем хоть из чистого золота! — может снискать милость Митры. И не только снискать, но и поделиться ею с каким-нибудь старым козлом вроде Хирталамуса или Пирия Флама, который тоже был в немалых годах и весьма нуждался в телесной крепости и женской любви! Не говоря уж об удаче в делах...

Однако Конану казалось, что Митра слишком щедр к владельцу петуха-победителя; Солнцеликий вполне мог бы ограничиться единственной милостью, а не рассыпать их целыми пригоршнями. Или предложить на выбор что-то одно — удачу, здоровье или любовь... А так получалось, что все эти благодеяния мог купить каждый, способный выложить тысячу золотых за редкостного петуха! Несправедливо, думал Конан, поглядывая то на птичью клетку, то на террасу, где в серебряном подсвечнике опять горели три свечи. Но Лелия, белокурая гандерландка с нежным телом и мягкими губами, не показывалась; может, устала прошлой ночью, а может, ждала какого-то знака.

Не позвенеть ли сталью о сталь? Не поугатать ли красотку? — мелькнуло у киммерийца в голове. Но тут он вспомнил о хитрой ухмылке Сагара, о его угрозах и обещании исправить ошибку с петушком. Пожалуй, решил Конан, в эту ночь Рябая Рожа мог выкинуть любой сюрприз, так что лучше не предаваться мечтам о Лелии, а готовиться к драке. Он проверил свои ножи, свой крюк с веревкой и свой клинок, мысленно прикидывая размеры вознаграждения — в том случае, если удастся уложить всю сагарову банду. Сумма получалась немалой, что привело Конана в приятное расположение духа.

Ночь, однако, тянулась с бесконечной томительностью. Он выпил все вино, потом вышел во двор поразмяться и начал шататься вдоль загородки птичника — сотня локтей на восток, затем столько же на запад. Все было тихо и спокойно; луна серебряным щитом висела над темными копьями кипарисов, петухи и куры спали, небесная сфера, знаменуя середину ночи, прошла половину оборота. Конан собирался уже возвратиться на свой пост у клетки, но тут на террасе, рядом с женскими покоями, раздался шорох; затем свечи в серебряном шандале разом погасли, словно их задудло порывом свежего ветерка.

Но воздух, теплый и тихий, был неподвижен, как вода в глубоком колодце. Конан, мучимый подозрениями, прислушался, затем обнажил клинок и, ступая с осторожностью пантеры, учуявшей добычу, стал красться к террасе. Вполне возможно, размышлял он, что сагаровы прихвостни проникли в дом, по-тихому придушили слуг, а с ними заодно и женщин; такие душегубы пойдут на все,

лишь бы добраться до петушиного хвоста! Зарежут Лелию и двух остальных красоток, подожгут хоромы Хирталамоса и, когда начнется паника, забросают курятник факелами... В конце концов, сам он не отказался бы от такого плана, если б не сумел придумать чего-то получше; значит, и Сагар мог пойти на крайние меры.

Призрачным ключком мрака Конан взметнулся по ступеням, ожидая вот-вот услышать грозное шипенье огня. Взор его пронизывал тьму, клинок лежал на плече, пальцы сжимали рукоять, могучие мышцы напряглись, готовые нанести или отразить удар. Но дом пребывал в покое; только в дальнем конце террасы смутно маячила чья-то фигурка, слишком маленькая и хрупкая, чтоб представлять опасность. Конан ринулся к ней, вздымая меч, но тут нежные ладошки коснулись его нагой груди, а над ухом прозвучал негромкий смех.

— Твоя убивать бедный девушка? — спросила кхитаянка То-Ню, лаская плечи киммерийца. — Зачем убивать? Девушка, она совсем для другого. Девушка — любить, не убивать!

Конан воткнул клинок в ближайшее ложе и поднял То-Ню на руки. Кхитаянка оказалась легче макового лепестка, но он чувствовал кожей и губами, что все положенное было при ней. И ничуть не хуже, чем у белокурой гандерландки, хоть и не такое пышное да зрелое!

Он поцеловал ее и сказал:

— Ты шустрая малышка. А где твоя подруга? Тоже шустрая, со светлыми волосами?

— Она быть вчера, — хихикнув, объяснила кхитаянка. — Вчера быть светлый волос, сегодня — темный.

— А завтра? — спросил Конан.

— Завтра — рыжий.

Конан снова поцеловал ее, размышляя о том, что жены старого Хирталамоса, видно, привыкли делить все поровну. Вот и его поделили! Но он ничего не имел против. Светлый волос, темный волос, рыжий волос... Ну и прекрасно! Разнообразие украшает жизнь!

То-Ню постаралась его в этом убедить — со всей страстью и жаром истосковавшейся по ласке женщины. Прошла середина ночи, небесная сфера повернулась еще на четверть оборота, но ничто не нарушило покоя и

тишины; лишь сладкие стоны звучали во тьме да звуки поцелуев. Не слышались воровские шаги, не гремела сталь, не свистели дротики и ножи, не трещали ветви, не царапал о стену железный крюк; петухи тоже безмолвствовали — до поры до времени.

Когда они заорали, То-Ню взвизгнула от неожиданности, а Конан вскочил, будто подброшенный пружиной. С проклятьем он промчался через сад, с мечом в одной руке и ножом в другой, преодолел калитку и ворота, прыгнул внутрь курятника и склонился над клеткой. Вся она была усеяна перьями и залита кровью, свидетельством жаркого сражения; петух был недвижим, а у головы его, уже изгрызенной острыми зубами, приник к земле гибкий зверек с коричневатой шкуркой. Глаза его сверкали, пасть была полуоткрыта и, судя по всему, он не собирался уступать добычу без боя.

Одним стремительным ударом Конан проткнул хоряка и огляделся. Куры в панике прыгали среди корзинок-гнезд, петухи вопили, хлопая крыльями — не то рвались в битву, не то призывали на помощь. Убитый хорь, очевидно, пожаловал сюда не один, а с целой компанией; и Конан, сообразив, что дело плохо, бросил меч, схватил факел и принялся осматривать птичник. Его тяжелый длинный клинок был почти бесполезен против увертливых зверьков, но метательные ножи разили без промаха; рассвет еще не наступил, а на земле уже валялось с полдесятка маленьких кровопийц. Остальные, скорей всего, сбежали, ибо птичий гвалт смолк, и петухи, один за другим, принялись опускаться на свои насесты.

Конан вытащил мертвых хищников за изгородь и швырнул их рядом с трупами людей Сагара. Пестрая пошла жизнь, промелькнуло у него в голове: вчера — шакалы, сегодня — хоряки... вчера — светлый волос, сегодня — темный... Он пнул хоряков ногой, соображая, сколько спросить с Хирталамоса за голову. С одной стороны, по своим скромным размерам хоряки на десять золотых не тянули; с другой, в птичнике эти зверюшки были куда опаснее людей.

Так и не решив этой проблемы, киммериец вернулся к клетке, очистил ее от перьев и крови, достал тело погибшего доблестной смертью бойца, а на его место

посадили нового, первого попавшегося. Быть может, этот как раз и был Фиглей Великолепным — во всяком случае, Конану он показался ничем не хуже офирского сокровища ценою в тысячу золотых.

Потом киммериец задумчиво оглядел петуха с перегрызенной глоткой. Этот вряд ли являлся Фиглатпаласаром, так как самому великому бойцу петушиного племени полагалось бы совладать с хорьком; пусть не прикончить его, но оборониться.

— Ну, а коли не оборонился, пожалуй на вертел, — пробормотал Конан, протыкая петуха обгоревшим дротиком.

Он высек огонь, растопил печь и, онципывая птицу, принялся размышлять о грядущем дне — вернее, о грядущей ночи. Хорьки, шакалы, две женщины, два петуха... Что будет на третье? Этот вопрос пока оставался туманным, если не считать намеков То-Ню относительно рыжеволосой Валлы. На сей счет Конан мог быть спокоен; но какую каверзу приготовит ему Сагар? Возможно, не стоит дразнить рябого... Пусть думает, что стая хорьков расправилась со всеми курами и петухами Хирталамоса... Пусть сейчас торжествует победу, получает с Пирия Флама обещанную мзду, а там посмотрим!.. Поглядим, что случится в рахават!

Конану однако представлялось, что выход сей не для него; он не привык к уступкам, а хитростям предпочитал добрый удар клинка. Сегодня, как и прошлой ночью, он вышел победителем; он поспел вовремя, он отразил атаку, он выиграл и не собирался скрывать своего торжества. Тем более, что нападение оказалось подлым! Да, подлым! И Сагар вместе с Пирием Фламом еще поплатятся за это!

Задумавшись о планах мести, он едва не спалил свое жаркое. Тушка подгорела с одного бока, а с другого выглядела сыроватой, но такие мелочи Конана не смущали; вцепившись крепкими зубами в птичью грудку, он вырвал кусок, быстро и жадно прожевал, откусил снова. Вскоре от петуха осталась лишь горстка костей да две голенастые, дочиста обглоданные ноги. Мясо у него было таким же сочным и нежным, как у вчерашнего.

* * *

Конан распростерся на крыше, у самого потолочного люка, упирався в его закраину подбородком. Внизу, в длинном сарае, сложенном из кедровых бревен, мирно дремали куры и петухи; меж петушиными насестами и гнездами кур стояли пара топчанов да печка, за которой, в полутьме, у задней стены, виднелось несколько клеток. Вся эта обстановка почти не отличалась от курятника достойного Хирталамоса, в котором Конан просидел две прошлые ночи. Разница была лишь в том, что на топчанах тут расположились трое — все в темных плащах, с откинутыми на спину капюшонами. Хотя сверху Конан видел лишь шеи да макушки сторожей, узнать их не составляло труда. Басистый голос выдавал Сагара, отсутствие ушей — Безухого, а черная повязка, закрывавшая выбитый глаз, — Кривого. Что касается Рваной Ноздри, то он недавно покинул Шадизар; хоть тело его пока что оставалось здесь, в ряду прочих тел у загородки хирталамосова курятника, но дух уже странствовал по Серым Равнинам.

Впрочем, Конан не вспоминал сейчас о битвах, случившихся вчера и позавчера; он весь обратился в слух, внимая словам Сагара Рябой Рожи. Его тощий соперник был гневен и распекал своих помощников.

— Мешки с дерьмом шелудивой свиньи, вот вы кто! — раздраженно бурчал он. — Провалили дело, ублюдки! Сказал же вам: остаться и проследить! А вы сбежали, как трусливые крысы!

— Кто ж мог догадаться, что так выйдет, — произнес Безухий. — Этому киммерийскому козлу дарована Белом резвость блохи! Да что там блохи — он целую стаю блох обскочит! Сам посуди: выпустили мы восьмерых хорей... Долгое ли дело им передушить с полсотни петухов? Однако ж не вышло...

— Выпустили восьмерых! Не вышло!.. — передразнил Рябая Рожа. — Если вы, недоумки, побоялись там остаться, надо было выпустить пятьдесят! По одному на каждого петуха!

— Где ж их возьмешь-то, пятьдесят? — хрипло возразил Кривой.

— Так ведь теперь взяли! — Сагар пихнул ногой объемистый мешок, валявшийся на полу у топчана. В мешке что-то зашевелилось, зафырчало.

— Ну, не полсотни же, — Кривой почесал в затылке. — Всего два десятка и еще три... Все окрестные усадьбы обегали, чтоб мне больше вина не пить!

Oго! — подумал Конан. Вчера было восемь хорьков, а сегодня, значит, будет втрое больше! Вовремя он сюда появился...

Чуть повернув голову, киммериец взглянул на небеса. Вечерняя заря отгорела, но месяц висел еще низко, только собираясь пуститься в свою дорогу среди сверкающих звезд; вся ночь была впереди — третья ночь, последняя перед праздником рахавата. Еще вчера Конан решил использовать ее с толком: не обороняться, но атаковать. Вернее, поразведать, что замышляет коварный Сагар, а затем действовать по обстоятельствам.

В сумерках он залез на высокую стену усадьбы Пирия Флама, забрался без веревки и крюка, заполз как ящерица-геккон, цепляясь пальцами за камни, используя каждую трещину и щель. Плоская кровля птичника вплотную примыкала к стене, и Конан скользнул на нее, словно призрак, невидимый среди вечерних теней. Петухи — сторожкое и чуткое племя, но киммериец их не беспокоил; под его ногами не скрипнула ни одна доска, ни единая черепица. Пригибаясь, он двинулся по крыше вдоль наружной стены, заглянул в несколько отверстий-продухов и залег у центрального, рядом с печной трубой. Отсюда он слышал и видел все — и Сагара с его подручными, кои сидели внутри, и стражников Пирия Флама, дежуривших снаружи, у дворцовых ворот.

О Фламе сейчас и шла речь внизу.

— Хозяин недоволен, — пробасил Сагар. — Плачу, говорит, деньги, отсыпаю звонкую монету, а толку с вас что с вшивых псов! Пьете, жрете — и все!

— Какой он нам хозяин, — прохрипел Кривой. — Мы — люди вольные...

— Кто платит, тот и хозяин! — оборвал сподвижника Сагар. — А Флам, протухшая задница, не скупится!

Сколько ж он им обещал? — мелькнуло у Конана в голове. Немалые деньги, судя по всему! Впрочем, сколько

не дашь за божеские милости, все мало! В который раз ему припомнились речи Хирталамоса: мол, кто пообедаст петухом-победителем, тот станет крепок телом, удачлив в делах и любим женщинами.

Рябая Рожа тем временем продолжал:

— Сегодня — последняя ночь, и, клянусь Белом, все должно пройти как по маслу! Отправимся, когда месяц будет в зените... Ты, Безухий, и ты, Кривой, поведете людей. Заберетесь на стены с двух сторон и поразвлекаетесь с киммерийцем... хорошо поразвлекаетесь, чтоб он, козел приткий, по всему саду бегал!

— А ты? — спросил Безухий. — Ты чего делать будешь?

— Я-то? Я запущу хорьков да пригляжу, чтоб ни единый петушок после них не кукарекал!

— Вот что, — сказал Безухий после недолгого раздумья, — лучше вы с Кривым развлекайте киммерийского козла, а я займусь хорьками.

Безухий потянулся к шевелящемуся мешку, но Сагар сильно стукнул его по руке.

— Слушай сюда и пасть не разевай! Забыл, кто тут главный? Для вас, крысиная моча, мое слово — слово Бела! А не хватит слова... — Рябая Рожа выдержал паузу, коснувшись ладонью клинка. — Будет, как я сказал! Вы поведете людей, я поташу хорьков! И вот что еще...

Он протянул свои длинные толстые руки и, обхватив затылки Кривого и Безухого, пригнул их поближе к себе; потом начал что-то вполголоса шептать. Что именно, Конан не разобрал, да и не очень интересовался, пребывая в полной уверенности, что ни один из трех бандитов из фламова курятника не выйдет. Момент для атаки был вполне подходящий: сейчас он видел прямо под собой три грязные шеи, три растрепанные макушки да две пары ушей.

Киммериец зацепил крюк о закраину продуха, сжал крепче веревку и стремительно скользнул вниз. Попал он как раз туда, куда нацелился: уселся на плечи Сагару, стиснув ему шею коленями. Затем опустились два огромных кулака, и Безухий с Кривым в полном молчании стали валиться на землю. Конан аккуратно придержал их — так, чтобы никого не потревожить шумом упавшего

тела. Рябая Рожа под ним сложился вдвое, но тоже не издавал ни звука — гранитные колени Конана не позволяли ему вздохнуть, не то что пискнуть.

Прошло некоторое время — вполне достаточное, чтоб осушить чашу с вином. Киммериец выпустил свою жертву, поднялся на ноги, бросил презрительный взгляд на лицо Сагара и усмехнулся.

— Был ты рябой рожей, а стал багровой, — буркнул он, осматривая внутренность птичника.

Тишина, покой, полумрак... Вроде бы молниеносная расправа с тремя бандитами никого не встревожила. Куры и петухи дремали, стража по-прежнему торчала у ворот, в дворцовых окнах не виднелось ни единой искорки света. Довольно кивнув, Конан вынул из кольца при двери факел и направился к задней стене, к клеткам.

Тут ему пришлось столкнуться с неожиданностью: избранных петухов было целых пять. Обеспокоенные светом, оно сонно вертели головами, разевали клювы, топорщили перья и алые гребни. Эти гребни и привлекли внимание Конана: у четырех петухов они были мясистыми, сочными, налитыми кровью, тогда как у пятого от роскошного гребешка остался жалкий огрызок. Этот пятый был заметно покрупнее остальных, с очень острыми шпорами и клювом, какого не постеснялся бы и коршун; голенастые ноги его показались Конану на два пальца длинней, грудь — шире, а сверкание глаз — яростней, чем у прочих.

Но главное — хвост! Хвост! С обломанными и выщипанными перьями, лишившийся былой красоты и блеска, он все-таки воинственно реял над петушиной спиной — точь-в-точь как вымпел на копье braveго аквилонского рыцаря. Любой мог догадаться, что хвост сей принадлежит не бездельнику, что способен лишь топтать кур да клевать зерно, а великому дуэлянту, одному из лучших воинов петушиного племени, растерявшему в сраженьях перья и пух, но никак не боевой пыл и силу.

Конан покачал головой. Он сам был воином и понимал, что против такого бойца Великолепный не имеет шансов. Да будь он хоть трижды лучшим в Ианте, эта свирепая тварь с кургузым гребешком превратит его в кровавую грудку перьев! Сделает из Фиглатпаласара Фиглю!

Странно, мелькнула мысль, на что же рассчитывал Хирталамос? Опытный человек, знаток боевых петухов офирской породы? Почему он выбросил на ветер столько денег? Тысячу золотых! Ради того, чтоб выставить жалкого петушка против закаленного в боях ветерана — и проиграть? Или жажда божественных милостей и ненависть к Пирию Фламу застили старому лису глаза?

В недоумении покачав головой, Конан склонился над клеткой и единым махом свернул Ниделрагу Неутомимому шею. Потом, сунув птицу за пазуху, он поднял факел и в раздумье наморщил лоб. Собственно говоря, он намеревался совершить обмен — взять одного петуха и оставить Пирию Фламу другого, красного и жгучего. Но петухи и куры — тоже творения Митры, и хоть большей частью предназначены они для котла и вертела, кухонный нож сулил им все-таки более милосердную смерть, чем огонь. Конан чувствовал, что не может принести такую страшную гибель десяткам безвинных тварей. Хватит с него и Нидерлага! За Нидерлагом тоже не было вины — кроме той, что принадлежал он Пирию Фламу.

Итак, Конан решил, что тут ему больше нечего делать и, прихватив мешок с хорьками, вознесся по веревке наверх, перелез через стену и отправился на свой пост. По пути он бросил мешок в колодезь неподалеку от дворца Пирия Флама. Очистив таким образом руки и душу, киммериец взглянул на небо, убедился, что луна стоит еще совсем низко, и без особой торопливости покинул кварталы, где селилась шадизарская знать. Вскоре он добрался до дверей Хирталамоса, кивнул старому слуге-привратнику и, минуя череду погруженных во мрак комнат, прошел на террасу, а затем — к бассейну. Туника его намочила от крови петуха, но не успел Конан раздеться и плеснуть на плечи воды, как за окнами женских покоев раздался шорох.

— Позавчера был светлый волос, вчера — темный, сегодня — рыжий, — пробормотал он и направился к террасе.

...Спустя немалое время, уже перед самой утренней зарей, Конану все же удалось добраться до курятника. Памятуя о том, что Митра тройцу любит, он оципал

Ниделрага, насадил его на обгоревший дротик, поджарил и съел. Но этот петух, не в пример двум первым, оказался столь жестким и жилистым, что каждый проглоченный кусок киммерийцу пришлось запивать добрым глотком вина.

К счастью, у него был непочатый кувшин аргосского, так что сражение с Нидерлагом Неутомимым Конан все-таки выиграл.

* * *

Хирталамос появился с рассветом.

Туранские всадники уже не сопровождали его, покинув караван за городскими воротами, и только четверо дюжих немедийцев да двое доверенных слуг прошли за купцом на террасу, спустились по ступенькам и сопровождали своего господина в сад. В руках немедийцев покачивались носилки с довольно большим ящиком полированного дерева; в нем, вероятно, и находился тот дорогой товарец, за коим Хирталамос ездил в Арэнджун. Носилки были оставлены у ближайшего фонтана, слуги и стража, повинаясь нетерпеливому жесту хозяина, удалились, а купец, вытряхивая дорожную пыль из бороды, устремился прямо в курятник.

— Ну как, сын мой? В прибылях мы или в убытках?

— И в том, и в другом, — сказал Конан. — Прибыль у нас — тринадцать покойников, а убыток — два петуха. Однако не беспокойся: твой драгоценный Фигля жив и здоров.

Хирталамос, остановившись на пороге, дважды пересчитал тела, лежавшие в ряд за изгородью.

— Тут я вижу только десятерых, о гнев Аримана!

— Трех я отправил к Нергалу из другого места. Прямо из усадьбы Флама, прошлым вечером.

— О! — глаза купца удивленно округлились. — Так ты и там побывал!

— Само собой. Один раз сагаровы ублюдки подбросили мне хорьков, а в другой раз не успели — ублюдков я задавил, а хорьков утопил. И было их, для ровного счета, тридцать. Да, тридцать, клянусь Кромом! Этих зверюг

тебе тоже придется оплатить. Они стоили мне два кувшина крови.

— По три золотых пойдет? — прищурился Хирталамос.

— По пять, — буркнул Конан. — Два кувшина крови, говорю тебе! Такие увертливые твари!

— Хорошо, пусть будет по пять, — со вздохом произнес купец и, вытащив из-за пояса кошель, принялся отсчитывать монеты, выкладывая их на печку. Сто тридцать за Сагара с помощниками, сто пятьдесят за хорьков, тридцать за ночное бдение... Конан, следивший недреман-ным оком за блестящими золотыми кругляшами, напомним:

— Двадцать пять заberi назад. Лишнего мне не надо.

Потом, пересыпав монеты в свой кошелёк, сунув его за пояс и ощущая приятную тяжесть золота, он сказал:

— Недешево тебе обошелся этот Фигля! Тысячу золотых, да еще мне больше трех сотен! Не стоит он таких денег, почтенный. Вот Нидерлаг — другое дело! По виду, тот был крепким бойцом.

— Был? — брови Хирталамоса изумленно приподнялись. — Как — был? Куда он делся?

— Сюда, — Конан похлопал себя по животу. — Что ж ты думаешь, я наведася к Фламу из-за одних хорьков да Рябой Рёжи с его ублюдками?

Все еще с удивлением тряся головой, купец проследовал к загородке и уставился на сидевшего там петуха.

— Это не твой Великолепный, — предупредил Конан. — Пришлось подменить, чтоб не пришибли ненароком. Фигля там, — он махнул в сторону восседавших на балках петухов. — Хочешь, поищем вместе.

Но Хирталамос только махнул пухлой рукой да улыбнулся.

— Нет нужды, сын мой. Идем, я покажу тебе настоящего Фиглатпаласара Великолепного, красу и гордость Ианты! Идем, муж доблести!

Киммериец, ожидавший чего-то в этом роде, последовал за хозяином к фонтану, к носилкам и ящику. Сверху ящик был прикрыт частой бамбуковой решеткой, позволявшей заглянуть внутрь; в высоту он достигал половины

человеческого роста и казался немногим меньше в ширину.

Склонившись над ним, Конан узрел крупного петуха, разительно сходного с покойным Нидерлагом. У этого, правда, гребень был целым, но перьев в хвосте осталось поменьше, на левой лапе белел давний шрам, а на боку, у крыла, имелась пролысина величиной с шадизарский медяк. Петух был явно утомлен путешествием, но глядел воинственно и грозно — хоть сейчас в бой! И Конан с невольной жалостью подумал, что в Шадизаре достойного соперника этому забияке уже не найдет.

— Вот! — сказал Хирталамос, с гордостью простирая руку к своему сокровищу. — Вот он-то и стоит тысячу золотых! Его в тайне привезли из Ианты в Арэнджун, куда я и отправился с надежной охраной, оставив в клетке подменыша... — Тут купец встрепенулся, оправил бороду и с тревогой уставился на Конана. — Надеюсь, лев среди львов, ты не в обиде? Не думаешь, что я тебя обманул?

Киммериец пожал плечами.

— Кром! Мне все равно, какого петуха стеречь! За три ночи я съел троих, получил триста монет, выпил три кувшина вина и... — он прикусил язык, чтобы не сболтнуть о купеческих женах, и закончил: — Мы в полном расчете, почтенный! Хочу лишь сказать тебе, что полакомиться этой тварью, — Конан хлопнул ладонью по бамбуковой решетке, — будет нелегко. Зубы обломаешь и челюсть свернешь! Дорогой петушок, да жилистый!

— Но все же я его съем, когда он одержит победу, — Хирталамос жадно уставился на своего петуха. — Съем, и милость Митры пребудет со мной! Светлый бог дарует мне телесную крепость, удачливость в делах и любовь женщин! Не так уж мало, а? Ради этого стоит поработать зубами над жилистым петухом... Как ты полагаешь, сын мой?

— Конечно, — с усмешкой согласился Конан, — конечно.

Он ощупал тяжелый кошелек у пояса, потом бросил взгляд в сторону женских покоев, на трепетавшую в окне занавеску, из-за которой взирали на него голубые очи Лелии, черные — То-Ню, изумрудные — рыжей Валлы. Возможно, один из съеденных киммерийцем петухов тоже

являлся дарующим счастье избранником Митры — либо петухи тут были совсем ни при чем, а правили жизнью Конана судьба, рок и случай, столь же подвластные Солнцеликому, как все птицы, рыбы и звери, как все петухи на земле. И, по всемогущему ли случаю, по велению судьбы или по милости рока, но был Конан прежде и теперь крепок телом, удачлив в делах и любим женщинами.

Достойно ли это удивления? Нет, безусловно нет! Ибо Митра — мудрый властелин; если уж он пожелает явить расположение смертному, то не заставит его давиться жилистым петухом.

МАГИЧЕСКИЙ КСИТАР

День умирал. Солнечный Глаз Митры, еще недавно паливший с немилосердной яростью, устало сник и готовился уйти на покой. Вскоре, мелькнув последним лучом над городскими стенами, он скроется совсем, и желанная прохлада опустится на город и на покрытые редкими ветвями кустарника барханы.

Базар, огромный и шумный, умирал вместе с концом дня. Конан, как обычно, пробирался сквозь толпу спящих во всех направлениях заморанцев, невысоких и смуглых, едва достававших до его плеча. Наступало его время; час, когда он обходил базар, узнавал новости, прикидывал, чем заняться нынешней ночью. Он знал тут почти всех, и они его знали; днем они могли поболтать друг с другом, обменяться новостями, даже выпить по стаканчику вина в таверне Абулетеса, но ночью каждый был сам по себе и сам за себя. Не дай бог попасться кому-нибудь на пути! Ночью шадизарская шваль превращалась в стаю кровожадных гиен, и почти каждое утро городские стражники, поминая Нергала и кряхтя, тащили за город пару свежих трупов тех, кто еще вчера веселился в кабаке и хвастал своими позавчерашними подвигами.

Конана знали, как говорится, с лучшей стороны; а те, кто в этом сомневались, время от времени прибавляли наутро работу страже. По силе и ловкости с молодым

киммерийским волком могли сравниться разве что дюжие рослые бритунцы, но их пути пока что не пересекались. А потому ни Конан, ни бритунцы еще не проверили, кто сильнее и свирепей.

Пересекая базар, Конан иногда снисходительно кивал кому-нибудь из знакомых торговцев, с которыми имел дело (обычно по сбыту краденого), иногда подходил к группе из двух-трех мелких ворюшек, чтобы узнать у них последние базарные новости: кто за каким товаром собрался в путь-дорогу, не идет ли большой караван из Кутхемеса либо Аграпура, не подвезли ли в торговые склады доброе аквалонское оружие или вендийские благовония. Как ни старались купцы держать свои дела в секрете, это удавалось редко, и, бывало, удачное дело начиналось с казалось бы невинного разговора на базаре.

Дойдя до последних торговых рядов, киммериец вышел через восточные ворота и дальше продолжал свой путь по кривым улочкам Пустыньки, той части города, где обитали местные воры, предводители мелких шаек, скупщики краденого и вообще всякие темные личности, коих в Шадицаре было не счесть и не переписать. Городские стражники ночью никогда не заходили в Пустыньку. Да что там говорить! Днем они тоже побаивались здесь появляться, а уж если заглядывали, так отрядом человек в двадцать, не менее пугливо озираясь по сторонам, быстро пересекали по самому короткому пути сплетение улиц и переулков и исчезали восвояси.

Конан направлялся напрямик к Ловкачу Ши Шеламу. На базаре Малый Говеха шепнул киммерийцу, что у Ловкача есть к нему дело на тысячу монет, и такой возможности Конан упустить не хотел. Миновав несколько кривых улиц, он свернул в узкий, грязный и смрадный проулок, в котором вряд ли могли разойтись три человека, что-то вроде неясной тропинки вдоль покосившихся глинобитных заборов. Дойдя до покрытого пылью, невысокого, но раскидистого тополя, киммериец отворил грубую деревянную калитку и очутился в небольшом пустынном дворике, в глубине которого торчало убогое на вид строение, нечто среднее между собачьей конурой и сараем. Наклонившись, Конан отодвинул висевшую в проеме занавеску и вошел внутрь.

— А, киммериец! — ощерился в улыбке Ши Шелам. — Добрался наконец! Хорошо, что пришел, а то мне уж казалось, что ты не хочешь меня видеть!

— С чего ты взял, коротышка? Мне надо было прогуляться по базару, — Конан похлопал Ловкача по плечу да так, что тот чуть задницей не коснулся земли. — Пока встречи с тобой приносят мне удачу, клянусь Кромом!

— Ну, раз так садись, поговорим! — Ши Шелам шагнул к стоявшему в уголке кривоногому табурету, на котором виднелся прикрытый тряпкой поднос и большой кувшин. Этот кувшин, как рассказывал Ловкач, ему достался в наследство от матери. Сейчас заморанец с неторопливостью перенес на стол, торчавший посреди лачуги, сперва кувшин, затем поднос, и, сдернув покрывало, поставил Конана в удивлении приподнять бровь: там, на блюде, лежал хорошо прожаренный поросенок в локоть длиной. Жаркое, правда, остыло; значит, Ловкач стянул днем, никак не позже. Однако и такое угощение было удивительно богатым для Ши Шелама.

— Что, нашел родню? Отца или брата? Они, случаем, не богатые караванщики? — ухмыльнулся Конан.

— С чего ты взял? — Ловкач, как и все заморанцы, шутки понимал плохо.

— Такая жратва откуда?

— Стянул сегодня у Восточных Врат, — честно ответил Шелам.

У Восточных Врат обитала публика пожирней, чем в Пустыньке. Там селились торговцы, придворные прихлебатели, писцы и прочая мелкая государственная сволочь; не те, конечно, люди, что в богатых кварталах, но все же с Пустынькой не сравнишь. Район Восточных Врат начинался почти сразу же за ней, как перейдешь Большой Канал, но жители Пустыньки днем остерегались попадать туда, зато стражники чувствовали себя там, как дома. Правда, у Восточных Врат обитали и бандиты, как было всем известно, но они являлись предводителями крупных и удачливых шаек, они дружили и с писцами, и с судейскими, и со сборщиками податей, и с надзирателями. Впрочем, так и полагалось, ибо всегда в городах люди селились по ремеслу: ткачи с ткачами, медники с медниками, грабители с грабителями.

— Как тебе это удалось? — спросил Конан, кивая на стол. Он представил себе, как босой и лохматый Ловкач несетя вдоль улицы с поросенком на блюде, а за ним, громящая щитами и бранясь, бежит стража.

— Повезло, — с серьезной миной ответил Ши Шелам. — Значит, проводывал я Зихара, знакомого своего, и когда шел обратно, почувствовал аромат. Жареным, понимаешь ли, запахло! Ну, глянул через забор, смотрю — на вертеле поросенок, рядом блюдо, а кухарка куда-то отлучилась. Я схватил поросенка, бросил на блюдо и спустил в Канал, а сам двинулся по переулку. Криков-то было! Даже стражник со двора выскочил, но разглядел, что я пуст, как торба нищего, дал по шее, и все. Припустил я тогда во всю прыть, а как перебрался по мосту к нам, блюдо и приплыло! Был полдень, жара, на улице никого... Ну, вот тебе и угощение! Вина, правда, пришлось купить, — с горестной гримасой закончил свой рассказ заморанец.

Но Конана больше интересовал не поросенок на деревянном блюде, а упоминание имени Зихара.

— Клянусь Кромом, — рявкнул он, — ты неспроста позвал меня к себе, коротышка! Что за дела у тебя с Зихаром, этой вонючей задницей?

Все знали, что проныра Зихар ходил в собутыльниках у сотника городской стражи; еще поговаривали, что он-де связан с Синими Тюрбанами Кривого Хиджа. И хоть это могло быть только слухами, все равно Зихар являлся человеком из другого мира, с коим Пустынька чаще враждовала, чем вступала в союз. Конана удивило, что Ши Шелам имел с ним какие-то дела.

— Сам не знаю, зачем я ему понадобился. Клянусь милостью Бела, он толком мне и не сказал ничего. Спросил, как жизнь, не обижает ли меня кто, не надо ли чем помочь... Понимаешь, Ловкач, говорит, я все могу! Помни, с кем я дружу!

— Ну, а о чем еще разговор шел? — нахмурился Конан, мучительно стараясь вспомнить, нет ли между ним и Зихаром каких-нибудь незаконченных и неясных дел. Но, как киммериец ни напрягался, перебирая в памяти последние стычки с последующими трупами, он не мог припомнить, где и когда перешел дорогу Зихару, этому

паршивому козлу. Да и вообще, откуда Зихар мог знать о его делах с Ловкачом?

Покачивая головой, Ши Шелам сказал:

— Пустая болтовня была. Ну, рассказал он про несколько случаев, как храбрая стража отбивала от наших парней караваны, какие невольницы у сотников да как они с ними развлекаются... — Тут глаза у Ши Шелама загорелись, и он уже раскрыл рот, чтобы донести до гостя все живописные подробности, но Конан невежливо перебил его:

— И все? Кром! Не может быть, чтоб этот вонючий ублюдок позвал тебя ради таких дурацких баек! Ты лучше вспомни, не говорил ли он о Кривом Хидже?

— Давай-ка сперва выпьем и закусим, — разливая вино в глиняные кружки, предложил Ши Шелам. — Конечно, говорил! Стал бы я иначе тебя искать! Говорил он непонятное, но поминал, что есть у Кривого какой-то кситар.

Кусок поросенка застрял у Конана в горле. Он едва не поперхнулся, но мощная глотка совершила нужное движение, и кусок медленно поплыл вниз по пищеводу. Рыгнув, Конан залил его глотком вина и на миг задумался. Ему доводилось слышать о кситаре, но не здесь, а давно, и где именно, он припомнить не мог. Поговаривали, что это снадобье, если им намазаться в нужных местах, то ли наделяет необыкновенной мужской силой, то ли делает человека на пару дней невидимым, то ли еще что... Правда, люди, которые сами пользовались этим зельем, киммерийцу не попадались, да и вряд ли кто в этом добровольно признается. Тут и головы можно не снести, если будешь болтать о волшебстве! Может, зелье не так уж сильно или вообще не действует, как о нем толкуют, но что все серьезные люди о нем слышали, Это уж точно!

В крайнем случае, если уж не пользоваться кситаром самому, то можно продать его в Немедию тамошним алхимикам, либо в Аквилонию. Тысячи две монет можно выручить! Запросто! Такая удача приходит не каждый день, и весьма разумно навеститься к Хиджу, одноглазому ублюдку, хоть это может стоить головы...

Конан задумчиво прожевал очередной кусок, запил вином. Вино было хорошее, даром что купленное, и поросенок был неплох, хотя и ворованный, и эти соображения, мысли о том, что лучше — краденое или покупное, мешали варвару сосредоточиться.

Он отрезал кинжалом еще кусок и посмотрел на Ловкача. Вот хитрая морда! Следит, приглядывается!

Ши Шелам подмигнул киммерийцу.

— Понимаешь, бычий загривок, Зихар неспроста меня позвал. Я ему нужен! И ты нужен, скорей, не ему, а этой одноглазой жабе. Уж очень хочет Кривой Хидж, чтоб ты на него поработал! Он ведь помнит, как ты разделался с парой его лучших свистунов! Потому я в разговоре тебя упомянул как бы между прочим; да сказал, что, может, завтра с тобой встречусь на базаре. Случайно, разумеется.

— А сам подослал Говеху, чтобы он тихонько шепнул мне на ухо? Так, мошенник?

— Ну да, — ответил Ловкач, дочиста обгладывая последнюю косточку. — По крайней мере, у тебя будет время подумать или же смыться куда-нибудь. Поверь мне, нахнет жареным, и если Зихар с Хиджем взялись за тебя, то дело плохо. Не совладать тебе с ними, киммериец! Это сила! Опять же кситар... Неспроста это!

— Кситар, говоришь? — Конан заложил за голову могучие руки и потянулся. — Выходит, эта крыса наложила лапы на кситар?

— Выходит, так, приятель, — подтвердил Ловкач Ши Шелам, покачивая черноволосой взлохмаченной головой. По внешности он являлся типичным заморанцем, невысоким, щупловатым, смуглым, с близко посаженными темными глазками и острой мордочкой хорька. И нрав у него был как у хорька. Ши Шелам умел разнюхать, где что плохо лежит, не забывая при том об осторожности. В последний месяц Ловкач Ши сделался для Конана незаменимым помощником. Отличный наводчик, умышленный, к тому же, выгодно сбыть награбленное!

Конан опять потянулся, да так, что хрустнули суставы.

— Клянусь задницей Крома, — буркнул он, — тот караван! Караван из Замбулы! С ним-то и притащили зелье!

— Вероятно. Или привез доверенный посланец из Хорезма либо Султанапура... Один Бел ведает!

Замбулийский караван пришел позавчера, и с ним, как всегда бывало, для шадизарской воровской «Пустыньки» наступили горячие деньки. Лазутчики полусотни шаек и вольные бандиты вроде Конана разведывали, чем забиты тюки у замбулийцев, кому они сбудут товар и куда тот товар потом денется — то ли осядет на складах, то ли будет выставлен на продажу в лавках Шадизара, то ли, покачиваясь на спинах мулов и ослов, отправится через Карпашские горы в Коринфию и Офир. Надежные сведения — первое дело в воровском ремесле, и тут глаза и уши Ши Шелама были незаменимы.

Конан взболтнул кувшин, убедился, что тот еще полон на треть, и, взяв со стола стилет с узким, как змеинный хвост, лезвием, принялся ковырять в зубах. От жареного поросенка на щербатом деревянном блюде остались уже одни косточки, а мясо, по большей части, переместилось в бездонный желудок киммерийца. Локач Ши обглодал лишь заднюю ногу. Это было вполне справедливо, если учесть, что весил он ровно вдвое меньше Конана.

— Ну, Нергал с ним, с этим караваном, и с посыльными заодно, — пробормотал киммериец. — Главное, не откуда привезли, а что привезли! Верно, тощий обглодыш?

— Верно, — согласился Ши Шелам, протянул тонкую руку и похлопал молодого варвара по могучему плечу. Верно, бычий загривок! Главное, что привезли и кому сбыли! Я так думаю, что без Кривого Хиджа дело не обошлось.

— Кривая крысомордая падаль! — рявкнул Конан, отложив стилет.

Хиджа он не любил. Под Хиджем ходили Синие Тюрбаны, одна из самых многочисленных шадизарских банд, и еще два десятка шаек помельче сбывали добычу только ему. В заморанских краях Кривой Хидж являлся видной фигурой и входил в десятку богатейших купцов; не важно, что торговал он, по большей части, краденым. В Шадизаре и Аренджуне это большого значения не имело. Конан же своей добычи крысомордому никогда не сбывал, а потому оставался для него бельмом на единственном оке, ибо, несмотря на свои восемнадцать лет, юный киммериец был удачлив и дерзок. Кривой Хидж уже несколько раз

пытался подгрести его под свою руку, да никак не выходило — Конан выскальзывал, словно смазанный маслом черенок ножа, оставляя на память Хиджу свежие трупы.

Он потянулся к кувшину, отхлебнул глоток и спросил:

— Значит, думаешь, без Хиджа не обошлось? Он прибрал товар? А почему? Почему он?

— Во-первых, — Ловкач принялся загибать пальцы, — слухи. Кто-то распускает слухи, а имеющий уши да услышит! Во-вторых, лавка Кривого... новая дверь, новые замки, новые решетки на окнах и прутья толщиной в три пальца!

— В три твоих пальца, — уточнил Конан, не отрываясь от кувшина. — Моих будет один.

— Все равно, решетка-то новая! К чему бы Хиджу ее ставить? Ну и, в-третьих, бритунцы! Дюжина бритунских наемников, да таких, что каждый теленка сожрет в одиночку! Ростом с мой шкаф!

— Да-а... — протянул Конан, — бритунцы — это серьезное дело... Целая дюжина, говоришь, и все как твой шкаф?

Не дожидаясь ответа, он уставился на шкаф Ловкача, самый солидный предмет обстановки в грязноватом и убогом логовище Ши Шелама, затерянном среди кривых переулков и тупиков воровской «Пустыньки». Шкаф, в котором Ловкач хранил добычу, и в самом деле казался солидным сооружением — семь локтей в высоту и пять в ширину. Кроме него в камерке Ши Шелама помещались только колченогий стол, два табурета да застланное всяким тряпьем узкое ложе.

— Значит, дюжина... Клянусь Кромом, они еще пожелают, что со мной связались! — сверкнул глазами варвар. Он снова попытался припомнить все, что знал о кситаре, но решение «пойти и взять!» уже зрело в нем. — Я покажу этим потомкам верблюжьего дерьма, чего стоят бритунцы против киммерийца! Хиджу надо, чтоб я работал на него? Поработаю! Поработаю на его кривой вонючей роже!

— Не спеши, приятель, остановись! Не сносить тебе головы, если ты пойдешь к нему. Не сносить, хотя шея бычья... Подумай!

— Что тут думать? Что я — вендийский мудрец? — Конан шархнул кулаком по колченогому столу, блюдо с

костьми подскочило и, ударившись о край, улетело в угол каморки. Эта вонючая крысомордая падаля должна узнать, что получит не все желаемое! Он вряд ли ждет меня сегодня, так сегодня я и приду!

— Ты прав, конечно, стоило бы проучить его разок, но вспомни про решетки и бритунцев! Да и заборы у него высокие, ох, какие высокие! И еще, — Ловкач понизил голос, — слышал я, будто двор у Хиджа охраняют какие-то жуткие звери... Но, если ты чего решил, так дело твое, приятель. Иди, но помни: я тебя предупреждал! Можешь не сносить головы! — Ши Шелам сморщился с озабоченным видом.

— Не переживай, коротышка, у меня есть план. Помоги только кое в чем... Нет ли у тебя прочной веревки да гири? Не хочу больше появляться в городе, — промолвил Конан, успокаиваясь. Он уже ощущал, как перед опасным делом напрягаются мускулы, как все тело становится упругим, гибким и подвижным, готовым и к бою, и к бегству.

Ловкач исчез на некоторое время и вернулся с мотком отличной веревки, сплетенной из кофской конопли, и с медным толстым кольцом величиной с ладонь.

— Это подойдет?

— Пожалуй, — пробормотал Конан, пробуя веревку на разрыв. Под его могучими пальцами она подалась немного, но выдержала. — Подойдет! — подтвердил он, обмотал веревку вокруг пояса и привязал кольцо к одному из ее концов.

— Ну, да пошлет тебе Бел второго поросенка, шелудивый заморыш, — попрощался он с Ши Шеламом и, склонив голову в дверном проеме, исчез в чернильной тьме. По ночам Пустынька, само собой, освещена не была: откуда взяться здесь многочисленным слугам, что поставлены следить за светильниками и факелами в богатых кварталах? Да и вряд ли обитателей Пустыньки осчастливило бы изобилие света по ночам.

* * *

Конан осторожно продвигался по темным улочкам и, заслышав шаги навстречу, тотчас же либо прятался за стволом тополя или смоковницы, либо принимал к забо-

рам и сливался с густой темнотой от лишних свидетелей, знавших о том, что он направляется к Восточным Вратам, которых киммерийцу плодить не хотелось. Обычно попадавшиеся навстречу скользили молча, если это не был кто-то из подвыпивших весельчаков, напевавших свои пьяные песни, но вдруг впереди Конан расслышал чужую, речь. Не совсем, однако, чужую он ведь понимал немного по-бритунски, как, впрочем, и на других языках. Несмотря на свою молодость, он уже довольно поскитался по свету, да и народ успел повидать всякий.

Мягкими шагами, как огромная кошка, варвар метнулся к глинобитному забору и, подтянувшись на руках, бесшумно перебросил тело через край. Двое гигантов с короткими зингарскими мечами прошли под ним, почти коснувшись ног перьями, украшавшими их немедийские шлемы. Он не разобрал все, о чем шел разговор, но понял, что они торопятся к Ловкачу и что им дали приказ вытряхнуть из Ши Шелама дупу, но дознаться, где найти его, Конана.

— Ну держись, бритунская падаль! — прошипел варвар, приподнявшись на одно колено. Раскрученная мощной рукой веревка взвилась, тяжелое кольцо описало замечательный в лучах восходящей луны полукруг; с легким свистом шнур охватил шею правого бритунца и натянулся. Конан резко дернул, раздался хрип, и еще одна душа опустилась в объятия Нергала. Второй гигант даже и не сообразил, что произошло, а времени на размышления ему не осталось: клинок Конана нашел щель в пластинах его лат, и бритунец присоединился к своему товарищу. Конан осмотрел их мечи, выбрал тот, который показался ему лучшим, а трусы оттащил в сторону и, сорвав пару веток с ближайшего тополя, прикрыл их так, чтобы блеск лат в лунном свете не сразу привлек внимание посторонних глаз.

Луна вообще была нехвата в эту ночь, но летом почти всегда ночи в Шадизаре ясные, и с этим пришлось смириться. Конан продолжал свой путь в лунном свете, по-прежнему вслушиваясь в шаги прохожих и стараясь никому не попадаться на глаза. Вообще-то большинство обитателей Пустыньки либо отправились уже на свою работу в базарные лавки, либо выжидали подходящую

добычу где-нибудь вдали от города, а те, что сидели по своим дворам да лачугам, опасности не представляли.

Еще пара-другая кривых и пыльных улочек, и Конан вышел к Большому Каналу. Дальше надо было двигаться еще осторожней, и Конан пожалел, что не взял доспехи одного из бритунских наемников — в них он мог свободно пройти по улицам у Восточных Врат, не вызывая особых подозрений. Но что сделано, то сделано! Он не собирался переходить Канал по мосту, а, отойдя подальше, перебрался в мелком месте вброд и пошел вдоль забора, направляясь к дому Кривого Хиджа. Ему приходилось, хоть и не очень часто, бывать здесь, он знал, где собиралась стража и примерно помнил, когда воины обходили улицы, да и звон доспехов мог предупредить об их приближении. С этой стороны опасность ему не грозила, но она могла прийти с каждого двора. Каждый из местных богатеев держал свою охрану, и хотя люди эти не представляли опасности сами по себе, так как Конан легко мог отправить на тот свет трех-четырех сразу, но шум схватки поднял бы остальных. Это вряд ли могло поспособствовать успеху задуманного им дела.

Поэтому Конан старался идти как можно бесшумнее, и, если позволял путь, шагал то маленькими улочками, то между дворов, а иногда и через дворы особо беспечных хозяев. Бывало, охрана так увлекалась игрой в кости либо выпивкой, что целая ватага таких молодцов, как он, могла пройти у них за спиной незамеченными. Еще не все спали, и у многих шадизарских богатеев во внутренних двориках, при свете факелов или медных светильников, под звуки свирелей и мерные удары барабанов нагие смуглые танцовщицы услаждали взор хозяев и гостей. Жирные, украшенные кольцами руки лениво тянулись к подносам со сладостями и фруктами, а сальные взгляды с вожделением скользили по молодым гибким телам, в сладкой истоме извивавшимся под заунывные звуки флейты. Конан против воли задерживался у таких мест, но, стряхивая наваждение, заставлял себя вновь бесшумно скользить вдоль глинобитных или каменных изгородей, скрываясь в тени больших деревьев и обходя подальше улочки, где ему слышались мерные шаги стражников и звон их доспехов.

Вот показался храм с колоннами из белого камня; Конан знал, что дом Кривого Хиджа находится в двух шагах отсюда, на улице, вдоль которой росли огромные старые смоковницы с ветвями толщиной в три его руки. «Густая листва этих деревьев послужит хорошим прикрытием», — мелькнуло к нему в голове. В том и состоял его план! Кривой Хидж ждет, что он зайвится к нему в ворота, а он прилетит по воздуху! А там... Там один Бел, покровитель воров, ведает, что будет дальше!

Каждым мускулом, каждой частицей кожи киммериец ощущал малейшее движение ночного воздуха. Знакомое возбуждение, предчувствие боя овладело им; как зверь, собранный и упругий, он плавной поступью ног, обутых в кожаные сандалии, не перешел, а как бы переплыл площадь перед храмом и, обогнув угол здания, приготовился к прыжку. Ряд могучих деревьев своими кронами накрывал половину ближних дворов и как бы широкой стеной продолжался до самого конца улицы. Дом Хиджа был третьим от храма, и варвар видел отражавшиеся в густой листве отблески огня. Судя по всему, охранники уже запалили факелы.

Киммериец плавно раскрутил веревку с кольцом, которая уже сослужила ему хорошую службу, и забросил ее на ближайшую древесную ветвь. Проверив прочность зацепки, он подтянулся и двумя мощными движениями взлетел под защиту пышной и ветвистой кроны старого дерева. Вполне вовремя, потому что через несколько мгновений на улицу с ближайшего двора вышла группа вооруженных людей и, мрачно о чем-то переругиваясь, бреча оружием, прошла через площадь. Воины скрылись за тем поворотом, откуда недавно появился Конан.

Варвар подождал несколько мгновений, затем поднялся на пару веток повыше и постарался с этой высоты определить, что происходит в первом из дворов Кривого Хиджа. Хотя листва и мешала подробно рассмотреть все, своим зорким взглядом Конан разглядел, что в освещенном факелами круге сидят четыре человека. Больше никакого движения там не было. Стараясь не производить ни малейшего шума, киммериец медленно перебирался с дерева на дерево, приближаясь все ближе и ближе к тому месту, где четверо охранников одноглазого резались в

кости. Они, видать, были опытными людьми: играли тихо, без воплей, какие обычно сопутствует такой игре. Даже переругивались они шепотом, а если кто забывался и чуть повышал голос, то старший молча поднимал руку, и увесистый тумак напоминал стражу о необходимости сидеть тихо. Все это очень походило на засаду, однако азарт игры все же притупил бдительность воинов; они не замечали киммерийца, который находился теперь чуть ли не над их головами.

Конан осторожно открутил висевший прямо перед ним еще не созревший зеленовато-фиолетовый плод смоквы и, резко размахнувшись, бросил его в дальний угол двора. От неожиданности охранники подскочили, и старший скрипучим голосом приказал:

— Махад! Ну-ка проверь, в чем там дело!

Тот, кого называли Махадом, нехотя поднялся и шагнул из светлого круга, который отбрасывали языки пламени. Конан взял в правую руку кольцо, и как только различил чуть освещенную лунной голову наемника на фоне стены, резко бросил тяжелое медное кольцо. И глаз, и рука его не подвели: раздался глухой стук, и Махад, как подрубленный, рухнул на землю.

— Что ты там возишься, сын крысы? — заорал старший, но тут же, вспомнив, что надо говорить тихо, зашипел на ближайшего к нему низкорослого и кривоногого наемника с большим, не по росту, мечом: — Чего сидишь, шакал? Иди посмотри, что там!

Кривоногий, повинувшись приказу, проворно встал и двинулся в темный угол, где исчез Махад. Конан тихо, как летучая мышь, прыгнул с дерева и очутился лицом к лицу с оцепеневшими от неожиданности охранниками. Два молниеносных удара мечом — и две снесенные головы покатались по пыльному двору. Киммериец стремительным прыжком метнулся за ствол ближайшего дерева. Когда кривоногий, наконец, сделал два последних шага, едва не наступив на покойного Махада, Конан оказался за его спиной. Теперь лишь хруст сломанных шейных позвонков нарушил тишину. После этого снова все замерло, только чуть потрескивали догорающие факелы.

Еще пару секунд Конан размышлял, где же могут быть остальные охранники этой одноглазой падали. Его интересовали, конечно, недавно нанятые бритунцы, потому как заморанцев, мелких телом и не слишком искусных в бою, на него можно было напускать десятками. Он огляделся и увидел в глубине двора калитку, выходящую, видимо, во внутренний дворик. Калитка выглядела, конечно, не так, как у Ловкача; ту соорудили из пары гнилых досок, подобранных на базаре, а здесь была кованая железная дверь и забор высотой в два человеческих роста. Конечно, для Конана это не являлось непреодолимым препятствием, но важно было соблюдать тишину. Он не хотел очутиться лицом к лицу с пятью-шестью бритунцами прежде, чем наступит решительный момент. Он их не боялся, отнюдь не боялся, но сейчас его задачей было сделать дело, добыть кситар и унести свою голову в целости. А еще уж очень хотелось ему разделаться с Хиджем, паршивым кривым ублюдком, пожалуй, еще больше, чем раздобыть кситар.

Киммериец огляделся. Ветви деревьев здесь были слишком высоко, чтобы попытаться повторить фокус, сделанный им раньше. Нет, он не мог перебраться по ветвям в следующий двор: ветви не доставали до внутренней изгороди, а лишь слегка касались ее, и тонкие их концы не выдержали бы веса человеческого тела. Конан уже приготовился к тому, что придется с грохотом выбивать эту проклятую дверь или долго возиться с засовом, но тут во внутреннем дворе послышались шаги, заскрипело железо, дверь отворилась и сквозь приоткрытую щель высунулась голова бритунца.

— Эй, фонючка! Хосяин зофет!

Так как старший охраны, видно, по прозвищу Вонючка, не спешил откликаться, бритунец открыл дверь полностью и ступил во двор. Конан молниеносно возник перед ним, взмахнул мечом, но опытный воин каким-то стремительным звериным движением уклонился от удара, и его меч уже был готов отбить атаку. Варвар обманным выпадом вынудил бритунца податься влево и нанес короткий разящий укол. Однако лезвие меча лишь скользнуло по налокотнику, не причинив бритунцу никакого вреда.

Видно, противник на сей раз попался непростой, под стать Конану! Он был даже покрупнее киммерийца, не выше, а именно крупней; этакий здоровенный муж в расцвете лет, когда сил в избытке, а быстрота движений еще не утрачена. Недаром бритунцев везде нанимали для опасных и ответственных дел, где вряд ли могли справиться другие воины! Схватка предстояла опасная, но это только подстегивало варвара. Тем более, что бритунец имел преимущество: он был в латах и сапогах, а Конан только в сандалиях, просторных шароварах да безрукавке.

Сообразив это, бритунец сделал молниеносный выпад, и только блестящая реакция и быстрота варвара спасли его от лезвия меча, мелькнувшего у левой щеки. В свою очередь Конан сделал движение вперед, бритунец отбил удар, мечи звякнули, и варвар даже в пылу борьбы понял, что его присутствие тут, пожалуй, уже не является неожиданностью. Злость придала ему дополнительные силы; он резким замахом рубанул воздух, враг отскочил назад и, коснувшись открытой двери, на мгновение потерял ориентировку. На очень короткий миг, которого и мухе не хватило бы взмахнуть крыльями, но Конан шанса не упустил. Лезвие меча метнулось к шее бритунца, и резким ударом варвар снес ему голову. Потом, прислушавшись и не заметив ничего подозрительного, он прошел во внутренний дворик, прикрыв за собой тяжелую дверь.

Этот двор был обширнее предыдущего и вымощен камнем. Вдоль противоположной от входа стены стояли тяжелые деревянные кресла, покрытые коврами, а в левом от входа углу были врыты деревянные столбы с поперечной перекладиной на высоте человеческого роста. Разумеется, роста заморанца, Конану это сооружение приходилось на уровне плеча. Двор был не квадратный, а имел несколько выступов каменной стены; за ней уже была видна крыша довольно высокого строения. Два дорогих медных светильника горели ровно и освещали почти что все пространство двора.

За стеной слышался какой-то шум, женский плач, глупая ругань. Конан отступил чуть в сторону и спрятался за выступом стены. Дверь справа от него распахнулась, и двое заморанцев, одетых в зеленые блузы и такие же шаровары, выволокли во двор черноволосую молодую

женщину, которая плакала и пыталась вырваться из цепких рук слуг Кривого Хиджа.

— Сейчас мы тебя успокоим, милашка, — злобно пообещал один из облаченных в зеленое, продолжая выкручивать женщине руки.

Вся группа направилась к врытым в землю столбам с перекладиной, и слуги, натренированным движением развернув девушку лицом к углу, где прятался Конан, приподняли ее и продели запястья в кольца, которых Конан вначале не заметил. Кольца щелкнули; руки девушки уже не могли вырваться оттуда. Довольные своей работой, оба зеленых отступили на шаг, разглядывая женщину. Они стояли спиной к киммерийцу и не видели его, как и девушка, продолжавшая биться в ужасе, прикованная к перекладине. Конан находился в десяти шагах от нее.

Один из палачей достал длинную треххвостую плетль на короткой ручке.

«Пора вмешаться», — промелькнуло у Конана в голове. В два гигантских прыжка он преодолел расстояние до одного из слуг и сильным движением свернул ему шею. Второй, на мгновение оцепенев, закричал что ему, конечно, не помогло: Конан вырвал у зеленого кнут и страшным ударом в челюсть отбросил его на землю. Затем он разрезал ремни на ногах девушки. С кольцами пришлось повозиться дольше, но его сильные пальцы сумели разогнуть их. Теперь женщина была свободна, но киммериец едва успел подхватить ее на руки и опустить на землю — несчастная лишилась чувств. Конан замер, разглядывая ее, ощущая, как это прекрасное тело помимо воли вызывает волну желания. Стиснув челюсти, он осторожно хлопнул девушку по щеке. Она очнулась, открыла глаза.

— Не бойся, красотка, — шепнул киммериец. — Не бойся! Сейчас я уведу тебя отсюда.

Лицо девушки исказилось от страха.

— Вот радость так радость, потомок суки и осла! Не ждал я тебя так скоро! — раздался жирный густой голос. Так вещала бы навозная куча, если бы могла говорить, промелькнуло в голове Конана. В следующей миг все покрылось мраком.

Очнувшись через некоторое время, он понял, что руки его привязаны к двум столбикам, похожим на те, что он видел во дворе, но гораздо короче, примерно до колена. Конан опирался на локти, так предплечья были прикручены ремнями к этим столбам. В голове у него еще стоял гул от удара дубиной. Кривой Хидж располагался в трех шагах на покрытом дорогим ковром возвышении, за ним высились трое здоровенных бритунцев, злобно поглядывавших на распростертого перед ними варвара.

— Дай-ка ему еще воды, чтоб очухался, — приказал Хидж охраннику. Тот, ухватив кувшин с водой, плеснул в лицо Конану. Это помогло: в голове прояснилось, гул постепенно стих.

Помещение, в котором его привязали, гляделось просторным, с высоким потолком; стены были завешаны дорогими коврами, пять светильников освещали расписные своды, в нишах вдоль стен поблескивали дорогие вазы и кувшины. Такой роскоши Конану, пожалуй, еще не доводилось видеть! Перед Хиджем, на подставке из белого камня, сиял богато инкрустированный ларец. Такие сундучки искусной шангарской работы Конану попадались, но этот был особенно красив, с тонкой резьбой, богато изукрашенный самоцветами.

— Что, падашь, не ожидал? — захохотал одноглазый. — Ну, теперь от меня не уйдешь! Ты убил семерых моих людей, — продолжал он, — но я, пожалуй, мог бы даровать тебе прощение... Да, мог бы, если ты согласишься работать на меня. Соображай быстрее, ибо, клянусь хитроумием Бела, время твое истекает! Если не согласен, я тебя повешу на перекладине вместе с той шлюхой и полюбуюсь, кто из вас раньше сдохнет под плетью. Ставлю двух баранов против шелудивой кошки, что ты не сможешь продержаться дольше ее! — И, довольный своей шуткой, Хидж снова захохотал. Смеялся он долго, пока из его единственного глаза не покатались слезы. Бритунцы басовито подхихикивали, хотя смысл сказанного вряд ли был им понятен.

— Видишь ли, киммерийский козел, — произнес Кривой Хидж — отсмеявшись, я могу сделать с тобой все, что захочу... Ну, например, брошу на съедение своим

псам... Джор, покажи-ка ему собачку, — приказал он одному из бритунцев. Тот послушно кивнул и вышел, а когда вернулся, на его мускулистой руке была намотана цепь, на которой бился в наморднике зверь, похожий то ли на пятиногого волка, то ли на барса. Конан инстинктивно дернул головой.

— Что, не нравится? — снова захохотал Хидж. — Таких у меня пять штук — один купец привез из Шандарата. Сожрут в один момент, только косточки захрустят! Кое-кого они уже попробовали на вкус, вон там остатки догнивают в яме! — Довольный собой, Хидж опять залился хриплым смехом. — Ну, ладно! Убери его, Джор. Воняет, и нашему гостю, наверно, неприятно.

Бритунец убрался вместе со зверем и немного погодя вернулся, опять встав рядом с хозяином. Видать, Хидж все-таки опасался Конана, хоть и привязанного, и чувствовал себя спокойнее, когда рядом были дюжие бритунцы. Размерами они и в самом деле не уступали шкафу в камерке Ши Шелама.

— Не хочешь ли узнать, что здесь находится, отродье киммерийской шлюхи? — спросил одноглазый, любовно поглаживая ларец. Когда толстые руки Хиджа поворачивали его, камни переливались и сияли в лучах светильников фантастическими цветами, порождая в воздухе крохотную радугу. Хидж открыл ларец. Внутри он был обит черным бархатом, на фоне которого сосуд с кситаром как бы светился неземным голубоватым светом. Конан, не смотря на неудобную позу, так и впился глазами в сокровище.

Вот он какой, кситар! Неужели волшебное снадобье действительно существует, и это не сказки базарных мудрецов и заезжих караванщиков? И подобная драгоценность досталась крысомордому ублюдку! Поистине все боги, и Митра, и Бел, и Кром, сошли с ума, если допустив такое!

— Да, ты не ошибся, недоумок, это кситар, — словно угадав его мысли, произнес одноглазый скупщик краденного. Его привезли из Замбулы с пришедшим позавчера караваном... Привезли мне!

Хидж находился на вершине блаженства, чувствовал себя едва ли не всемогущим. Даже сильные мира сего, владыка и знать Шадизара, не имели того, чем обладал он!

Конан, уже совершенно очнувшийся, мучительно искал выход. Что же делать? Как вырваться из плена? Незаметно для бритунцев он напряг мускулы, прикидывая, какова крепость этих столбиков. Качнув рукой пару раз, киммериец почувствовал, что они слегка поддаются.

«Сделано для заморанцев, клянусь Кромом! — с презрением подумал он. — Теперь усыпить бы бдительность этих бритунских ослов...»

Конан потряс головой, всем своим видом показывая, что еще не пришел в себя. Кривой Хидж сразу это заметил.

— Что, падаль, не очухался? Хорошо же Рут дал тебе по башке! — Он повернулся к своим охранникам и приказал: — Джор, принеси-ка холодного вина. Что-то в горле пересохло.

Наемник вышел.

— А ты, рыжий, — обратился Хидж к третьему верзиле, — сходи на кухню и поторопи повара! Висеть ему на столбах, коль утка еще не готова!

Когда дверь за вторым стражником закрылась, Хидж довольно усмехнулся. Видно, представлял он сейчас, что, обладая кситаром, да еще прибрав в подручные такого ловкого и крепкого парня, как этот северный варвар, наложит он свои жирные лапы на весь город.

Последний охранник, ничего не понимая, тупо смотрел на хозяина. Это его и сгубило: пленника не стоило упускать из виду даже в такой ситуации. Молниеносно вырвав оба кола, Конан, не давая стражу опомниться, ткнул его в шею. Тот на мгновение остолбенел. Варвар, сбив его на пол бревном, ударил снова; раздался жуткий хруст позвонков, бритунец дернулся и замер.

Смех застрял в глотке Хиджа; он даже не успел шевельнуться, как резким безжалостным пинком киммериец вышиб из него дух. Хрипя и булькая, скупщик краденного, только что находившийся на вершине блаженства, осел

на пол. «Навозная куча с крысиной мордой», — подумал Конан, сплюнув с отвращением.

Теперь надо было освободиться от пут. Он попробовал зубами перегрызть кожаные ремни, но они оказались слишком крепкими. Тогда он вспомнил о мече убитого бритунца, и дело пошло. Жаль, что ладони тоже были привязаны, иначе он справился бы в одно мгновение! Конан неуклюже водил левой рукой по мечу, прижимая его правой; за дверью уже слышались шаги посланного за вином.

В тот момент, когда дверь начала отворяться, он уже освободил одну руку, но клинок выхватить не успел.

Бритунец, увидев, что произошло, не медлил: выхватил свой меч и бросился на пленника. К счастью, то был не самый опытный из охранников покойного Хиджа, иначе Конану пришлось бы туго. Он левой рукой перехватил запястье нападавшего, тот попытался поднять меч, но мощный удар заостренного кола завершил дело: бритунец бездыханным рухнул на подставку из белого камня. Падая, он увлек за собой ларец, сосуд с кситаром выпал и разбился.

Непрозрачная белесоватая жидкость лужицей растеклась по полу; потом над ней стал подниматься зеленый туман, окутавший лежавших рядом Хиджа и его охранника. Внезапно они стали исчезать прямо на глазах изумленного варвара. Бритунец исчез совсем, поскольку тело его полностью окуталось зеленой мглой; что касается Хиджа, находившегося в полусидячем положении, тот будто бы растворялся постепенно, начиная с ног. Увидев, что туман уже подбирается к его шее, Конан вырвал меч из ножен мертвого бритунца, и, не отдавая себе отчета, снес голову одноглазому. Затем он отбросил свой трофей подальше и наконец-то освободил правую руку от проклятого кола, перерубив мечом ремни.

Тем временем туман почти окутал киммерийца; он с удивлением наблюдал, как исчезают его ступни, колени, живот, грудь. Похоже, мелькнуло в голове, этот кситар и разговоры о его чудесной силе вовсе не выдумка!

Он опустился так, чтобы туман окутал его полностью. Комната вдруг озарилась зеленоватым фосфорическим светом, и когда Конан выпрямился, сияние не исчезло,

но будто бы затопило все вокруг. «Меня не видно!» — с ликованием понял варвар. Тут как раз раздался шаг рыжего бритунца, посланного поторопить повара.

Войдя, несчастный обнаружил в одном углу труп своего товарища, в другом хозяйскую голову. Больше здесь не было ничего, если не считать зеленоватого полупрозрачного тумана, который медленно растекался по комнате, словно дым над остывающим кострищем. Бедняга едва не спятил от такого зрелища; как все бритунские наемники, он был туповат и не сразу сообразил, какому божеству тут следует молиться. Блеснувший из тумана короткий меч покончил с его колебаниями.

Затем Конан принялся обходить остальные комнаты, пока не разыскал большой кованый сундук с огромным, размером с баранью голову замком. Отсутствие ключа его не смутило; он просто взял стоявшую в углу секиру одного из охранников, сунул под петли и нажал. Крышка сундука подалась, но топориче сломалось быстрее. Тогда киммериец нашел второй топор и с его помощью довершил задуманное: петли треснули, и сундук открылся.

Наверняка тут было не все, что успел наgrabить одноглазый, но любопытных вещей хватало: монет, камней, украшений, костяных вееров и гребней редкостной китайской работы, колец и ожерелий. Конан содрал с ложа шелковое покрывало, набросал, не глядя, самоцветов и золота из сундука и поспешил вон. Пора было убираться; он не знал, как долго действует кситар, и поэтому решил быстрее покинуть дом у Восточных Врат. Тут ему вспомнилась девушка, из-за которой он чуть не лишился жизни, но ее не было нигде.

— Наверно, удрала, — пробормотал Конан и пожал плечами. — Что ж, одной меньше или больше... Какая разница!

Он возвратился в первую комнату и — не пропадать же добру! — поднял с пола ларец. Потом, взглянув на голову Хиджа, ухватил ее за волосы, сунул внутрь, захлопнул крышку и вышел во двор. Луна сияла зеленоватым светом; все вокруг тоже казалось зеленоватым и мерцающим. Конан понял, что волшебный элексир еще действует. Он был невидим человеческому взгляду, но

первая же встреченная собака, учуяв киммерийца, жалобно заскулила и поджала хвост.

Барвар довольно усмехнулся. Он даже позволил себе, минуя стражей у ворот, отвесить одному из них такую оплеуху, что, падая, тот увлек за собой еще двух сотоварищей. Конан, удаляясь во тьму, долго слышал брань и треск ударов, которыми бритунцы награждали друг друга. Когда он оставил позади мост через Большой Канал, зеленоватое свечение стало ослабевать, а когда подошел к хибаре Ши Шелама, все снова приняло обычный цвет. Действие кситара закончилось.

— Скажу Ловкачу, что никакого кситара не было, — пробормотал Конан. — Что лишнее болтать? Короче язык, — крепче шея!

Обдумывая эту мудрость, он и переступил порог жилища Ловкача. Сидевший в углу Ши Шелам вскочил, уставился на приятеля, будто не веря собственным глазам. Перед ним, однако, стояло не привидение, а сам Конан, живой и невредимый, да еще с большим узлом за плечами.

— Вино осталось? — спросил киммериец, не особенно рассчитывая на положительный ответ.

— Зачем пить остатки? Взял еще, — сообщил Ловкач, не спуская взгляда с узла. — Надо же отметить твоё возвращение!

— Неплохо бы, — согласился Конан. — Хоть кситара я не нашел, но кое-чем другим у Хиджа разжился. Погляди, коротышка!

Он развязал свой узел, и содержимое его заиграло таким блеском, что Ловкач Ши на время потерял дар речи.

— Ну, тощий обглодыш, видишь, как ценят меня у Восточных Врат! Сколько даров приготовили! Все, что хочешь, кроме проклятого кситара!

— Ну и ладно, — сказал Ловкач, отдышавшись.

— Ладно! Не было никакого кситара, и не надо! На наш век хватит золота и камешков... А главное, что ты голову унес, приятель!

Конан усмехнулся и вытащил из сверкающей груды объемистый ларец.

— Унес, да не только свою, — буркнул он, отбрасывая крышку.

Там, на обивке из черного окровавленного бархата, лежала голова Кривого Хиджа и шурилась в потолок единственным темным глазом.

ПАНТЕРА С ИЗУМРУДНЫМИ ГЛАЗАМИ

Жигу... ты здесь? Жигу...

В ночной тишине собственный шепот казался испуганному человеку криком. Он присел на корточки, вытирая рукавом взмокнувший лоб, облизнул пересохшие губы, прислушался. Ни шороха, ни шелеста листьев, ни стрекотанья цикад... Словно вымерло все в предместьях Шадизара. Душная, теплая, но беспросветно черная ночь окутала землю, опустилась на городские стены, на сам город... И на небе ни луны, ни звезд...

— Жигу... — теперь уже не прошептал, а скорее, прохрипел человек, чувствуя, как в животе его что-то начинает бурлить и постанывать. Непослушными пальцами он расстегнул пояс, содрал штаны и, нащупав небольшое углубление в мягкой прохладной земле, уселся над ним, выпучив глаза.

О, Митра... Ну куда же подевался Жигу... Может, он просто решил подшутить над трусливым напарником и спрятался где-то здесь, в кустах?

— Жигу...

«Зачем, зачем надо было идти наемником? Мало было дел в Султанапуре? Нет, потянуло сюда, в Шадизар... А все жена! Деньги, деньги, деньги... Монеты! Сам я их чеканю, что ли?» — Он жалобно сморщился, вспоминая большое и жаркое тело жены, свой уютный одноэтажный домик, маленькую сапожную мастерскую, где совсем еще недавно просиживал от зари до темноты, встречая заказчиков, которых у него всегда было вдоволь. Правда, платили они мало, да и откуда деньги у ремесленников и крестьян...

Он снова прислушался. Тишина... О, Митра! Этот дурной, отчаянный Жигу, где он сейчас? Шел рядом, смеялся над его страхами, фонарь, глупец, погасил... Мол, грязная уродина заметит свет и скроется. Да пусть бы она к Нергалу и скрылась! Кому она нужна! Зато теперь ни фонаря, ни Жигу... Что же делать? Вернуться в город, в

Шадизар? Нельзя... Десятник попался — зверь, повесит без разговоров! Чтоб его... самого сюда...

Человек встал, с трудом поместил колыхающийся живот обратно в штаны и отошел подальше от этого места: запах стоял одуряющий. Хоть и свой, а все равно противно. Он зачем-то закрыл глаза и, нащупывая дорогу руками, двинулся вперед, осторожно ставя ноги и прислушиваясь. Его громоздкая фигура то и дело натывалась на ветки деревьев, кусты, камни, и всякий раз он вздрагивал, отчаянно пугаясь и потев. Через два десятка шагов он был уже весь мокрый, словно только что вылез из здешнего вонючего озера. «Жигу... Жигу...» — беззвучно шептал он и плакал, но вокруг стояла все та же плотная тишина, все та же беспросветная темнота, и больше ничего.

Вдруг вдалеке что-то мелькнуло, и человек едва сдержал радостный вздох. Жигу? Он сделал несколько торопливых шагов навстречу и остановился. Два огромных изумрудных кошачьих глаза с явственно различимой насмешкой плотоядно уставились на него из тьмы. Он пошатнулся, колени его ослабли и подкосились, а в животе снова застонало, засосало, забулькало... Глаза словно нехотя приблизились, на миг замерли прямо перед ним, а потом взметнулись вверх, и на человека обрушилось тяжелое, теплое, черное, как ночь, облако; он всхлипнул, ощущая последний свой вздох, и замер. Жизнь его оборвалась.

* * *

Наутро десятник городской стражи с двумя дозорными обходил предместья Шадизара. Сначала воины нашли труп Жигу — молодого, худощавого, черноволосого парня. Душа его уже отлетела на Серые Равнины, а шея его была перекушена острыми клыками, да так, что голова болталась на одной лишь жилке. Спустя недолгое время десятник наткнулся и на другой труп.

— А вот и Ахир... — растерянно пробормотал он, опасливо отходя подальше. Хмурясь, десятник велел унести погибших. Ему вовсе не было жаль ни молодого Жигу, ни пожилого, жирного и трусливого султанапурца. Гораздо больше десятника волновала собственная судьба. Светлей-

ший нобиль Эдарт, под рукой коего ходила вся городская стража, только вчера вызвал его вместе с остальными старшими и приказал увеличить число ночных дозоров за стенами Шадизара. Не раз он повторил, что весьма обеспокоен пропажей людей, что крестьяне снимаются с мест уже не просто семьями, а целыми деревнями, что в самом городе с наступлением темноты жители запираются в домах и боятся высунуть нос на улицу, что...

Нет, всего десятник не запомнил. Он заскучал уже в середине длинной взволнованной речи светлейшего; сдерживая зевки, украдкой рассматривал великолепный зал, считал бронзовые светильники с нефритовыми подвесками, любовался прекрасными клинками, развешанными на коврах, и с ревностью наблюдал за двумя охранниками светлейшего. Вот у кого не жизнь, а сладкий сон! Ешь, пей, гуляй и смотри на благородного нобилья с любовью — вся работа! И живут они наверняка здесь же, во дворце... Эх!.. Десятник обиженно выпятил губу и отвернулся, сцепив руки за спиной. В этот-то момент светлейший и сказал: «...и потому, клянусь богами, вам придется слать больше людей за городские стены. О тех же, кто погиб и кто еще погибнет, будут молиться жрецы в храмах Митры, Бела и луноликой Истар. И это все о них!»

Затем светлейший Эдарт смахнул слезу сожаления, хотя десятник, стоявший к нему довольно близко, мог бы поклясться, что глаза его были совершенно сухие; и поднял руку, отпуская своих верных слуг.

В казарму десятник шел, посвистывая. Он был очень доволен тем, что увидел светлейшего Эдарта, а светлейший увидел его, что впереди еще целый свободный день и можно наведаться в таверну Абулетеса, что из его людей ни один не пропал в ночном дозоре, короче говоря, старому волку, поседевшему в хищной стае шадизарских стражников, жизнь казалась прекрасной. Вчера! Сегодня все изменилось, и изменилось по его же собственной вине. Он и не подумал увеличить дозор, как желал того светлейший Эдарт. Напротив, вместо четырех человек послал всего двух, один из которых труслив, словно коза на сносях. «Был труслив», — поправил сам себя десятник и невольно поежился. Воистину, страшная смерть! Какое-то чудовище разодрало двух здоровых мужчин, будто тря-

пичных кукол! Ладно бы тела были сожраны, так нет! Тварь просто убила и скрылась опять... И где ее теперь найти?

Многое бы отдал сейчас десятник, чтоб чудище это оказалось здесь, перед его глазами. Он бы не растерялся! Его верный меч разрубил бы гадину на сотню кусков!

Десятник поднял левую трехпалую руку... Даже с таким обрубок он был отличным бойцом, что не раз уже доказывал в схватках с шадизарским разбойным сбродом. Неужели он не совладал бы с какой-то клыкастой тварью? Совладал бы, справился! Вот только врожденная осторожность подвела его, ведь слышал, что в окрестностях Шадизара пропадают люди! Эх, да что теперь говорить...

...Трупы унесли, а старый воин все еще сидел на земле, покусывая травинку, и думал о том, как соизволит наказать его светлейший Эдарт. Велит закопать живьем? Или повесить? Или отрубить голову? Все равно... Он давно уже не боялся смерти. Но той твари, из-за которой он должен до срока уйти на Серые Равнины, тоже не жить! Десятник оскалил в злобной усмешке желтые неровные зубы, сжал кулаки и с видимым безразличием поднялся. Меч при нем, веревка тоже, что еще надо храброму воину? Он оглянулся на Шадизар, освещенный ярким солнцем, и решительно запагал в другую сторону. Светлейший накажет его, но раньше он найдет мерзкую тварь и вырвет ей глаза. А там будь что будет!

* * *

Длинная череда Карпашских гор, неприветливых и хмурых, с запада отрезала Замору от Коринфии. Голые острые вершины и крутые скалы, почти сплошь отвесные, служили отличным препятствием для врага. Редкие и совсем небольшие селенья карпашских горцев дикого, невероятно злобного народца лежали посреди гор, где волей providения располагались чудные оазисы с узкими ледяными речушками, буйной растительностью и мягкой жирной землей. Тем не менее горцы жили бедно и скудно: клочки земли не могли прокормить всех. Время от времени они спускались вниз, к равнинам предгорий, и совершали набеги на ближние деревеньки, безжалостно

вырезая жителей. Но иногда те объединялись, и тогда уже горцам приходилось туго — заморанские крестьяне резали их не менее безжалостно.

Кроме горцев, в скалах обитали змеи и орлы. Этим здесь жилось привольно; люди их не трогали, а пищи было вдоволь: мыши, глупые толстые куропатки, насекомые, — так что змей и орлов наконец расплодилось тут без числа. И они, подобно карпашским горцам, разбойничали на равнине: нападали на мелкий скот, наведывались в птичники, а порой и просто вредили, то ли из-за дурного характера, то ли со скуки.

Так и жили Карпашские горы своей собственной жизнью, совершенно отличной от прочего света; и казалось, будто не Митра-Творец создал их, а чародейство злобного Нергала. Быть может, лишь землетрясение или вселенский потоп, вроде того, в котором погибла некогда Атлантида, смогли бы нарушить привычную тишину гор...

У подножия одной из них Конан спешился и повел своего низкорослого, но крепкого и широкогрудого конька в знакомую расщелину. Там он привязал лошадь, подтащил поближе огромную охапку сухой травы и отправился по тропинке вверх.

Сначала идти было нетрудно — тропка вилась по горе, незаметно поднимаясь все выше и выше. Но потом она исчезала среди скал, то обрывалась, то появлялась вновь, резко взмывая к вершине так, что путнику приходилось карабкаться по острым камням, проклиная все на свете и беспрестанно поминая Сета и Нергала, прародителей всякого зла. Он и карабкался, упорно и быстро, как подобает киммерийцу, с детства привычному к горам. Правда, поясницу у него ломило: вчера, улепetyвая от шадизарских стражников, решивших проверить, чем занимается Ши Шелам, его приятель и скупщик краденого, Конан весь вечер и всю ночь просидел по горло в грязном вонючем озере близ города. Теперь ему казалось, будто тысячи пауков выют паутину из его жил, а в спину, повыше копчика, вдобавок воткнули раскаленное копье.

Раздраженный болью, киммериец любое препятствие воспринимал как вызов. Временами он еле сдерживался, чтобы не пнуть камень, попавшийся на пути, однако, жалея сапоги, просто плевал на него. Грива черных спу-

танных волос то и дело лезла ему в глаза; он откидывал густые пряди, шипел сквозь зубы ругательства и упорно лез наверх.

Наконец тропка выровнялась. Теперь она, почти не извиваясь, бежала вдоль череды отвесных скал, исчезая за поворотом и вновь появляясь под ногами молодого киммерийца, когда он одолевал очередное препятствие.

За плечами Конана висел большой мешок, и был он пуст, как торба последнего шадизарского нищего. Он болтался за его спиной, и всякий раз, когда киммериец вспоминал о нем, настроение его слегка повышалось. Скоро мешок сей наполнится чудесными самоцветами и золотом, которые с превеликим наслаждением Ловкач Ши Шелам, скупщик краденого, сбудет какому-нибудь заезжему купцу... Пусть по самой грабительской цене, пусть! Но и этих денег хватит, чтобы власть поесть и попить... хватит на две, а то и три луны... Впрочем, Конан полагал, что скорей прокутит все до последней монеты в кабаке Абулетеса за пять или шесть дней. Зато повеселится! И девушки — а они в Шадизаре ох как хороши! — будут любить его каждую ночь. Правда, девушки дорого берут... Но он никогда не жалел денег на свои прихоти.

По молодости лет Конан не замечал, что женщины и без денег готовы подарить ему свою любовь. Его могучие плечи, огромный рост и синие, в пушистых ресницах глаза неизменно привлекали к нему внимание юных, да и не слишком юных дев. А его щедрость, само собой, покоряла их окончательно. Так что в любви он не знал отказа; правда, любовь за плату временами его утомляла.

Но сейчас уютный кабачок Абулетеса, стоялы, уставленные кислым, но крепким шадизарским вином, заморанские красотки с влекущими томными взорами так ясно всплыли перед глазами молодого киммерийца, что он замер на миг и невольно облизнулся. Но в этот момент валун величиной с голову буйвола с грохотом рухнул рядом с ним, едва не задев плеча. Конан вздрогнул, посмотрел отстраненно на камень-убийцу, и скорым шагом двинулся дальше.

Там, в глубине Карпашских гор, он открыл недавно источник великих богатств. Древний полуразвалившийся храм Митры, почти не охраняемый, привлек его внима-

ние по случаю. Как-то, возвращаясь из неудачного набега на караван коринфийских торговцев, он остановился на ночлег между двух приметных утесов, у старой смоковницы, а утром обнаружил, что спал лишь в шести локтях от глубокой норы или, быть может, шахты, пробитой в скале. Осторожный варвар не сразу полез туда; сначала швырнул камень, потом, встав на колени, пошуровал мечом, и лишь после этого, нащупывая ногами зарубки в каменных стенах, спустился вниз.

Оказалось, подземный ход вел в древнее святилище Митры. А там, внутри, в храмовой сокровищнице, чего только не было! Целый склад богатых даров — и драгоценные камни, и груды золота, и дорогие сосуды, и великолепное оружие... Конан набил мешок до отказа, тем же путем выбрался назад и спустя несколько дней уже пропивал добычу с верным Ши Шеламом в кабаке жирного Абулетеса. С тех пор он и повадился сюда, каждый раз возвращаясь в Шадизар богатым человеком и вновь покидая его бедняком.

Тропинка исчезла, и на сей раз совсем, но Конана это не обеспокоило. Он был уже почти у цели. Скалы раздвинулись, словно приглашая путника наведаться в свое каменное царство, и он не заставил себя упрашивать. Вскочив на широкий выступ, киммериец сделал несколько осторожных шагов, оглядел приметные утесы и старую смоковницу, затем, с облегчением вздохнув, улыбнулся и спрыгнул. Подземный ход был перед ним.

Озираясь по сторонам, Конан подтянул короткие штаны, поправил меч, хлопнул ладонью по мешку и исчез в черной дыре.

* * *

Коридор, поначалу узкий, с каждым шагом становился все шире и выше. Скоро киммериец мог идти, выпрямившись во весь свой огромный рост, и то до потолка оставалось не меньше двух локтей. Света, конечно, здесь не было, но Конан и так знал дорогу. Он уверенно шагал вперед, поворачивая там, где требовалось повернуть, пока не оказался в большом прямоугольном зале.

Как всегда, при виде древних сундуков, забитых до отказа всякими драгоценными безделушками и потому открытых, губы юного варвара расплылись в довольной ухмылке. Он исполнил свой обычный ритуал: осмотрел каждый сундучок, не прикасаясь ни к чему, затем запустил руку в один из ларцов и, наслаждаясь, ощущал диадемы, цепи, браслеты, тяжелые золотые фигурки... От камней исходил тусклый свет, особенно от этих, желтых, называемых зрачками тигра... Но искрящиеся золотые украшения тоже выглядели соблазнительными.

К примеру, вот это!

Конан поднял руку и поднес к глазам небольшой диск из драгоценного металла на золотой ажурной цепочке. На диске он разглядел изображение солнца, отчеканенное с одной стороны; другая была покрыта какими-то древними и непонятными письменами. Амулет Митры, не иначе! Возможно, могущественный талисман... Но ценность его для Конана определялась в первую очередь весом; а потому, пожав плечами, он упрятал находку в мешок и, не медля больше, запустил обе руки в ларец. Но не успел он сжать пальцы в горсть, как из глубины подземелья послышались встревоженные людские голоса. И вопили люди то, чего и следовало ожидать:

- Он здесь!
- Держите!
- Разбойник!
- Святотатец!
- Вор! Вор!

Конан выругался, отпрянул к стене, надеясь, что в полумраке его не заметят, но тут в зал ввалилась целая толпа храмовых жрецов. Они освещали дорогу факелами, а в руках каждый держал грозно сверкающий меч либо топор. Обычно жрецы Митры не проливали крови, но обычно их и не грабили. Теперь же случай был особый, и Конан решил не полагаться на милосердие святых отцов.

Помянув недобрым словом Крома, молодой варвар перепрыгнул через ближайший сундук и ринулся бежать, уже не скрываясь. Жрецы взвыли: вор и не подумал повиниться! Они даже не сумели как следует разглядеть

его, так стремительно скрылся он в глубине подземного хода. Толкаясь и крича, они кинулись в погоню.

Огромными прыжками Конан неся по темному коридору, проклиная собственную неосторожность. Он мог бы догадаться, что рано или поздно жрецы заметят, как пустеют их сундуки! Теперь наверняка путь в сокровищницу будет закрыт... А жаль! Отличная была кормушка...

Киммериец выскочил из дыры, одним махом запрыгнул на камень, а с него на уступ скалы; затем, очутившись на знакомой тропинке, побежал по ней. Он не боялся, что его догонят. Жрецы были крепкими мужчинами, но вряд ли они могли состязаться с ним в горах; да и справиться с ними поодиночке или подвое-трое для могучего воина не составляло труда. Однако в глубине души у Конана еще мерцала надежда сюда вернуться, а потому, как он полагал, совсем не обязательно, чтоб его знали в лицо.

Спустя некоторое время он остановился. Преследователей не было ни видно, ни слышно. Скорее всего, они бросили погоню, сообразив, что тягаться в резвости с вором им не под силу. Конан, не страшась прослыть богохульником, сплюнул в сторону храма и не спеша, в развалочку, двинулся в обратный путь. После стремительного бегства он разогрелся, и в поясице перестало ломить.

Оранжевое солнце уже опускалось к горизонту; небо чуть потемнело и, кажется, обещало дождь; усилившийся восточный ветер трепал волосы варвара и редкие чахлые кустики на камнях. Вытащив из сумки на поясе кусок хлеба, Конан остервенело впился в него зубами. Да, сегодня ему вряд ли придется попировать! Старый жадный шакал Абулетес не любит отпускать в долг! Хотя успел же он прихватить из сокровищницы золотой амулет... На одну ночь гулянья всяко достанет... Или на полночи...

Утешая себя подобным образом, киммериец спустился с горы и разыскал в расщелине своего конька. Тот приветствовал хозяина добродушным фырканьем; Конан ласково потрепал его по холке огромной тяжелой рукой. Закинув пустую сумку за спину, он вскочил на коня и направил его к дороге, ведущей в город.

Небо темнело, звезды теснили солнце, глаз Митры, за линию гор, вечер постепенно переливался в ночь. Теплый легкий воздух стал душным, что в окрестностях Шадизара означало скорое наступление темноты. Всадник прищипорил конька — ему хотелось поспеть в город до того, как начнут закрывать ворота. Скучно и нудно проводить ночь под открытым небом, одному... Эта мысль, только возникнув, уже не отпускала молодого варвара. Как раз сегодня он мечтал о Зарре, юной красотке, временами навещающей кабачок Абулетеса. Девушка уже не раз давала Конану понять, что была бы совсем не против познакомиться с ним поближе; глаза же ее обещали знакомство самое близкое... Киммериец ухмыльнулся, представив себе Зарру, ее тонкий стан, густые темные волосы, черные жгучие глаза... Скорее! Скорее в Шадизар!

Наконец его конь очутился на дороге, ведущей в город. Не сразу Конан заметил, что тракт этот совершенно пуст, хотя сейчас, перед закрытием городских ворот, по нему должны были бы сновать люди, конные и пешие, как то наблюдалось всегда. Но обычной вечерней суеты он не приметил, да и вообще ни единого человека тут не было.

Удивительно! Впрочем, меньше людей — меньше взглядов, меньше толков... Он пожал плечами и вновь вернулся к мечтам о красотке Зарре.

Тем временем уже стемнело, полог безлунной ночи распростерся над землей, и Конан понял, что в город ему все-таки не успеть. Это не слишком беспокоило варвара: в конце концов можно оставить коня у стены, а самому забраться наверх. Лазил он, как кошка, и одолеть неприступную с виду городскую стену ему ничего не стоило. Поэтому Конан лишь снова передернул плечами, выразив таким образом легкую досаду, и спокойно продолжал ехать дальше.

Однако конек его вдруг захрипел, остановился и попытался. Конан дернул повод, но жеребец, словно догадавшись, что нужно седоку, в ответ лишь уперся копытами в землю и запрядал ушами. Киммериец выругался, помянув и Нергала, и Сета, и Бела, покровителя воров, который уж никак не имел отношения к этой ситуации; затем он спешил, вынул меч и, выставив его перед собой, осторожно двинулся по дороге. К темноте глаза его

давно привыкли, так что лежавшую посередь пути огромную черную массу, сливающуюся с ночной темнотой, он увидел почти сразу же.

Конан остановился, не зная еще, какую она представляет опасность, но догадываясь, что опасность все-таки есть; присмотревшись, он заметил торчавшую из-под странного препятствия человеческую ногу, обутую в лопнувший сапог, скрюченную трехпалую руку, потом краешек меча... Сообразив, что такие мечи обычно носили шадизарские стражники, Конан замер. Верхняя губа его дрогнула — он не испытывал большой любви к стражникам, но эта неведомая тварь не должна была убивать человека! Потому что сейчас погибший был для Конана именно человеком, а затем уж стражником или Нергал знает кем. Он поднял меч, и вдруг темная масса зашевелилась, дернулась, и на киммерийца уставились два огромных изумрудных кошачьих глаза.

Лениво потягиваясь, сверкая клыками и топорща когтистые лапы, перед ним встала пантера, гибкая, невероятных размеров, черная, словно сама ночная тьма. Она показала Конану больше вендийских тигров и львов из Черных Земель, что содержались в шадизарском зверинце; такого чудовища он еще не встречал!

Пантера раскрыла жаркую пасть; в намерениях ее не приходилось сомневаться, и киммериец, вскинув огромный меч, бросился к зверю. Но хищница лишь повела плечом, и острый клинок, нацеленный верной рукой, прошел сквозь ее плоть, будто была она сотворена из тумана и мглы, а не из мяса и костей. Конан отшатнулся. Зверь зевнул, как бы выразив нападающему свое презрение, затем неторопливо направился к нему.

Во мраке глаза пантеры с вытянутыми вертикальными зрачками сверкали яростно и грозно, обещая нелегкую битву. Конан снова отпрыгнул, отшвырнул бесполезный меч, готовясь уже схватиться с оборотнем голыми руками, но тут что-то помешало ему. Мешок... Инстинктивно киммериец сорвал его с плеча, и в этот момент пантера ринулась на него. Он размахнулся и хлестнул чудовище мешком по морде. Еще раз, и еще! Взыв, зверь остановился, фыркнул, присел на задние лапы.

Странно! Конану показалось, что пантера стала как будто меньше... Она мотала головой и разевала пасть, словно ей не хватало воздуха. Не теряя времени, он размахнулся снова. Удар пришелся хищнице по голове, и на этот раз Конан был уже твердо уверен, что она уменьшилась в величине. Теперь это была самая обычная пантера, раза в два поменьше бендийского тигра. Киммериец хмыкнул, удивленный, и начал лупить зверя мешком, с удовольствием наблюдая, как с каждым ударом тот становится все ниже, все меньше, все ничтожней...

— Мм-рау! — подал наконец голос оборотень, похожий сейчас больше на обыкновенную черную кошку. Конан опустил мешок, подошел к странной твари — она сжалась при его приближении — и железными пальцами ухватил ее за хвост.

— Ну, отродье Нергала, — проворчал он, — и на что ты годишься? Жрать шадизарских стражников? Так я не из их своры!

— Мм-рау... мр-рр... — жалобно раздалось в ответ.

Конан ухмыльнулся, сунул добычу в мешок, завязал его, поднял меч и возвратился к своему коньку.

— Что, приятель, слурел со страха? Правду говорят, страшнее кошки зверя нет... Отвезу Шиламу в подарок! Пусть давит крыс в его хибаре, а при случае и стражников! — Он потрянул перед мордой коня мешком, огляделся и в задумчивости добавил: — Ночь пришла, ворота уже заперты, а у меня пропала охота лазать по стенам, даже чтоб поглядеть на Зарру. Нергал с ней, с Заррой! Давай-ка устроимся где-нибудь тут... подождем рассвета...

Конан свел коня с дороги, расседлал, растелил на земле попону и улегся на ней.

Спать... Ему очень хотелось спать.

* * *

Перед рассветом он открыл глаза. Свежий утренний ветерок уже гулял в предместьях Шадизара, ночь растворялась в сиянии зари, и небо, светлея, будто бы поднималось вверх и ожидало, когда солнце, светлый глаз Митры, поднимется из-за степного окоема.

Киммериец с наслаждением вдохнул чистый воздух, вскочил на ноги и зачерпнул с трав пригоршню росы. Но только он поднес ее к лицу, намереваясь то ли напиться, то ли умыться, как взгляд его упал на мешок. Он как-то странно увеличился, раздулся, и Конан замер в недоумении. Может, все вчерашнее приснилось ему? Может, он все-таки прихватил кое-что из сундуков в храмовом подземелье?

Мягко ступая, он подошел к мешку, пнул его легонько, в надежде услышать сладостный звон золота, но вместо этого из мешка донеслось нежное урчание, и мешок зашевелился, как живой. Конан разочарованно хмыкнул, встал на колени и развязал веревку.

Он не подал вида, хотя весьма удивился, наблюдая, как из мешка высунулись сначала белые гибкие ручки, потом показалась грива черных шелковистых волос... Через несколько мгновений перед молодым киммерийцем предстала красивая, невысокая и хрупкая на вид девушка. Она была нагой и казалась совсем не страшной; на губах ее играла робкая улыбка. От внимательного и жадного взгляда Конана не ускользнуло ничего: ни ее тонкий, но сильный стан, ни маленькие упругие груди с розовыми сосками, ни затаенный блеск изумрудных кошачьих глаз.

— Клянусь Кромом, — пробурчал он. — Клянусь Кромом, ты и есть та самая зверюга!

— Была, — поправила девушка. — Теперь уже нет. Теперь я Эмея! А ты кто?

— Конан. Из Киммерии.

— Не слышала о такой земле, — девушка покачала головкой, разглядывая огромную фигуру варвара. — Мир велик! И в нем встречаются всякие люди... Одни меня сгубили, а ты меня спас.

— Спас тебя? — ухмыльнулся Конан. — Скорее, я спас кого-то от тебя, красотка. Прошлым вечером ты, сколько я помню, в помощи не нуждалась.

— Нуждалась. Боги видят, как нуждалась!

— Ну, коли теперь не нуждаешься, то отдай-ка мне вот это, — киммериец протянул руку и коснулся краденного амулета, висевшего на нежной шее девушки. Золотой диск тускло посверкивал как раз между ее грудей.

Эмея отшатнулась. Улыбка ее на миг исчезла, она прижала ладонь к талисману и умоляюще посмотрела на варвара.

— Прощу тебя, Конан из Киммерии, не отбирай у меня это! Не отбирай! Я все тебе объясню!

— Объясни, — согласился Конан, усаживаясь на землю. Если нет ни мяса, ни вина, так можно послушать какую-нибудь байку. В благодарность за спасение!

Изумрудные глаза Эмеи блеснули.

— Я могу отблагодарить тебя не только байками... — вдруг шепнула она.

— И что ты можешь мне дать? — насмешливо поинтересовался Конан.

Эмея зарделась и опустила взгляд.

— Хмм... — пробурчал Конан после некоторого раздумья и принялся стаскивать куртку. — Ты красивее Зарры! — сообщил он. — И ты, клянусь Кромом, знаешь, как надо благодарить мужчину!

...Спустя некоторое время киммериец выпустил девушку из крепких объятий. Щеки его разгорелись, синие глаза пылали, а про боль в пояснице он уже и не вспоминал.

— Да, ты умеешь благодарить мужчин, — довольно буркнул он. Правда, Нергал меня побери, не могу взять в толк, чем я тебе удружил, красотка.

— Чем? — Эмея удивилась. — Ты сделал меня человеком!

— Ты что же, не человек? — Конан быстро сел, и рука его непроизвольно потянулась к мечу.

— Разумеется, человек. Но... — Девушка запнулась и с сомнением посмотрела на огромного киммерийца.

— Выкладывай! Ты обещала мне все рассказать.

Он устроился поудобней, приготовившись слушать, и Эмея, поколебавшись уже только для приличия, начала.

— Ты знаешь, кто такие дайши, Конан-киммериец?

— Нет...

— Мы живем здесь, в горах, но очень высоко. Вряд ли кто-нибудь из людей может забраться на наши вершины...

— Я смогу, — уверенно заявил Конан. — Нет гор выше и круче, чем в Киммерии.

— Если ты будешь меня перебивать, я не скажу ни слова.

— Клянусь Кромом, в последний раз, — пряча усмешку, проворчал варвар. Он был молод и любопытен, а после мгновений любви что может быть лучше хорошей истории? Даже мясо и вино ее не заменят.

— Ну, хорошо! Слушай же, Конан-киммериец... — Эмея облизала пухлую нижнюю губку. — Дайши, мое племя — чародейки... ведьмы, как нас называют завистники и глупцы... Мы можем превращаться в зверей и птиц, можем вызывать дождь и бурю, наводить порчу и лечить... Не веришь? Хочешь, я вызову бурю?

Конан отрицательно помотал головой; буря была ему решительно ни к чему.

— Мы многое можем! — продолжала девушка. — Но мы никому не причиняем вреда, коль нас не трогают. Но люди равнин, увь, алчны... Колдунья-дайши стоит огромных денег! Ты даже не представляешь, каких... Много лет назад слизняки с равнин стали за нами охотиться. Боятся, но охотятся! Поймать дайшу очень непросто и опасно, зато если удастся это сделать...

Она помолчала, потом, увидев, что Конан слушает внимательно и без усмешки, решила продолжать.

— Видишь ли, мой храбрый воин, есть одно старинное заклятье, и против него мы бессильны. Но для начала надо все-таки поймать! — Эмея вскинула на киммерийца свои изумрудные глаза и со смущенным вздохом призналась: — Меня поймали. Проклятые слизняки из Шадизара! Посадили в клетку и повезли... Целый день телега с клеткой тряслась по дороге... Есть мне не давали, и пить тоже. Солнце жгло меня, ветер засыпал пылью лицо... И только когда наступили сумерки, я почувствовала, что начинаю приходить в себя. Раньше я будто бы пребывала в снах... в жутких снах... в голове туман, глаза словно затянуты пленкой из бычьего пузыря... Но с наступлением темноты мне стало легче. И тогда я вспомнила одно заклятье. Страшное заклятье... Могущественное! Но... но... я никак не могла вспомнить, как его потом снять! И передо мной встал выбор: или превратиться в зверя и выйти на волю, или остаться человеком-рабом... потехой для какого-нибудь слизняка... И я выбрала первое! Я

превратилась в зверя, в жуткого зверя! Неуязвимого! Плоть его туман, клыки смерть, когти, гибель... Я разломала решетку, перегрызла глотки охотникам и убежала.

— А потом принялась бродить в здешних краях и грызть шадизарских стражников? Или не только их? — мрачно поинтересовался Конан.

Эмея пожала плечами.

— А что я могла сделать? Я ведь была зверем! Зверем, который желал отомстить обидчикам! Всем, сколько есть их в этом смрадном Шадизаре!

— Хорошо, что я не шадизарец, — Конан качнул головой. — Ну, и что теперь? Что ты будешь делать теперь?

— Теперь? Уйду к своим, конечно! Но... но... — она запнулась, — только с этим амулетом я сохраню человеческое обличье... — Ее изумрудные глаза сделались умоляющими. — Ты не отдашь мне его, Конан-киммериец?

— Хитры женщины, — подумал Конан; иногда они благодарят за услугу, коей им еще не оказали. Но воспоминанья о ласках Эмеи были для него дороже золотой побрякушки, пусть и волшебной. А потому он махнул рукой:

— Бери! Тебе эта штука нужнее.

— Благодарю тебя, мой храбрый воин, — с видимым облегчением произнесла Эмея и вдруг хихикнула. — Ты не испугаешься, если я тебя еще кое о чем попрошу?

— Проси, — сказал киммериец, удивляясь собственной щедрости. Впрочем, кроме коня, меча да пустого мешка у него больше ничего не было.

— В горы я хочу уйти пантерой, так безопаснее, — сказала девушка. — Не сомневайся, больше я никому не причиню зла, я пойду там, где не может пройти человек.

— Я могу, — упрямо сказал Конан, и девушка засмеялась.

— Да, ты можешь, мой воин, ибо нет гор выше и круче, чем в Киммерии! Но и в наших горах тебе бояться нечего... А сейчас возьми талисман, и когда я обернусь пантерой, вложи мне его в пасть. Я вернусь к своим, а там снова надену его и стану человеком.

— А эти... эти твои дайши... они не смогут тебя...

— Нет, — быстро сказала Эмея, сразу догадавшись, о чем ведет речь ее спаситель. — У каждой дайши свое

заклятье, Конан. Я свое забыла, а потому мне придется до самого конца носить твой амулет и... и до самой смерти помнить о тебе...

— Кром! Ты не первая из женщин, обещавших мне это!

Усмехнувшись в ответ на его похвальбу, девушка подошла ближе и легонько коснулась пальцами мощного плеча Конана. На миг его глаза утонули в изумрудном омуте; потом Эмея медленно принялась снимать амулет.

Он смотрел на нее с жалостью, смешанной с невольным отвращением. Сначала все тело девушки покрылось черной густой короткой шерстью; потом светло-розовые ногти на руках и босых ногах вытянулись и изогнулись, тело конвульсивно дернулось несколько раз и...

Конан отвернул лицо и прикрыл глаза. Нет, ему не было страшно! Но видеть, как превращается в жуткого зверя девушка, которую он любил этим утром, ему не хотелось.

— Хр-р-р... — тихое басовитое урчание раздалось за его спиной. Киммериец повернулся. Перед ним, поднимая пыль плавными взмахами хвоста, стояла огромная черная пантера. Она разевала алую жаркую пасть, полную белоснежных острых зубов, и грозно смотрела на варвара, как бы говоря ему: «Ну, что же ты застыл, Конан из Киммерии? Давай амулет! Давай скорее, или я не выдержу и разорву тебя в клочья!»

Он протянул руку, в котором был зажат золотой диск, и сунул его в пасть зверя. Острые зубы пантеры осторожно сомкнулись, сжимая талисман и мягко проскальзывая по руке киммерийца; затем черное гибкое тело выгнулось, пантера вильнула хвостом и стрелой понеслась прочь. Несколько мгновений спустя она скрылась из глаз в зарослях колючего кустарника. Конан остался один.

* * *

— Кром, зачем меня снова понесло сюда? — вопрошал киммериец, сидя в расщелине скалы. — Не проще было взять караван или тряхнуть подходящую лавку в Шадизаре?

заре? Нет, полез на прежнее место! Сказано же, не топчись там, где след твой уже унюхан псами!

В ярости Конан треснул кулаком о камень и зашипел — боль была сильной, однако отрезвила его. Кром! Облизывавая кровь с руки, он припомнил и повторил все известные ему проклятья, оскорбил Нергала, Сета, луноликую Иштар и даже Бела, покровителя воров, за то, что тот не справился со своим долгом. Наконец, немного успокоившись, киммериец стал размышлять над тем, как выбраться из капкана.

Прошло уже две луны с тех пор, как Конан последний раз наведывался в горный храм Митры. За это время он неплохо подзаработал, сбывая награбленное через Ловкача Ши одному толстосуму, платившему поболее других. Но как-то в случайной уличной драке его благодетеля, смиреннейшую овечку, приняли за бандита Айрама и прирезали без всякой жалости. А ведь тот всего лишь проходил мимо! Правда, он и в самом деле похож на Айрама, подумал тогда Конан, со вздохом принимая очередной удар судьбы — толстосум перед гибелью не успел заплатить им с Шиладом за поставленный товар.

И после того он решил «видю, Бел отвернулся от него в тот несчастливый день!» снова запустить руки в сундук Митры. Конечно, он понимал, что в святилище наверняка ждет засада; слишком многое было им взято, и жрецы вряд ли позволят поживиться еще раз. Но Конан был уверен в собственных силах, а сокровища Митры никак не давали ему покоя; и потому, распростившись с верным Ши Шеламом, он вновь оседлал своего конька и отправился по знакомой дороге прямо в Карпашские горы.

Солнце в тот день посылало на землю мягкие нежные лучи, а легкий ветерок ласково ерошил гриву спутанных конановых волос. Все начиналось так хорошо! А теперь он сидит в узкой расщелине у гремящего водопада и не знает, как отсюда выбраться. То-есть знать-то он, конечно, знает, но... но выбраться не может. Целая толпа диких горцев, нанятых хитрыми жрецами и вооруженных до зубов, перекрывала ему дорогу вниз, к равнине.

На самом деле Конану повезло, если можно назвать везением просиживание штанов на скалах. Горцы — народ дикий, невыдержанный; к счастью, они не смогли до-

ждаться, пока вор взлезет в нору, и с воем ринулись на него, когда он только опустил туда ногу. А как было бы легко словить святотатца в подземелье! Зайти с двух сторон и надавить массой... или зарубить... или заколоть...

Но Митра милостив, даже к грабителям, и сей исход Конана миновал. Ему даже не хотелось думать о таком! Как и о бегстве, когда пришлось улепетывать со всех ног и без добычи... Но что было делать, когда пятьдесят разъяренных горцев бросились к нему с обнаженными клинками? Бежать, разумеется, и как можно быстрее! Настоящий воин (Конан был в этом убежден) должен знать, когда сражаться, а когда бежать. И бегать ему полагается хорошо; не просто хорошо, но и своевременно, ибо лишь так иногда удастся спасти свою жизнь. А жизнь на дороге не валяется, ее не купишь ни за какие деньги, а потому лучше беречь ее, беречь любыми способами, если, конечно, она хоть немного дорога.

Поэтому Конан помчался что было сил, не приняв боя. Знакомой тропкой он успел пробежать совсем чуть-чуть, и дорогу ему снова преградили горцы. Видно, проклятые жрецы наняли их целую сотню! Впрочем, Конану некогда было их пересчитывать; он выхватил меч, снес голову ближайшему преследователю и кинулся в другую сторону.

Через некоторое время он заметил, что дикари отстали и, кажется, не собираются его догонять. Тогда он отправился дальше, неизвестными тропами, с тревогой прозревая худшее — тупик. Так оно и вышло; его загнали в тупик, откуда не было иного выхода, кроме как обратного пути. А там горцы его и поджидали, в этом Конан не сомневался. Однако на всякий случай решил проверить.

Он осторожно повернул назад, скользя меж скал, как змея, и вскоре наткнулся на преследователей. Их стало еще больше, и, сообразив, что пленник никуда не денется, они решили поджидать его у выхода из ущелья. Конан выругался и побрел обратно.

Теперь он сидел в расщелине и размышлял, как ему спасти свою жизнь. Все же то было самым дорогим из имевшегося у него и сдаваться на милость победителя (а

милосердием горцы не уступали Нергалу) он не собирался. У него был лук, но лишь с двумя стрелами, и к тому же стрелком Конан был неважным. И все же с близкого расстояния обе его стрелы попадут в цель! Но всего две! А горцев, по крайней мере, три-четыре десятка... Что делать с остальными? Рубить? Меч, конечно, отличное оружие, а в умелых руках тем более, но... Опять «но»! За спиной у Конана в этом бою будет глубокая пропасть, а у горцев твердая земля...

Обдумав все, он понял, что выбраться отсюда живым у него нет никакой возможности. Ведь не может же он, в самом деле, взлететь! При этой мысли Конан сморщился. Неплохо было бы воспарить прямо к светлому оку Митры, да грехи не пускают! Ну что ж, придется драться... Десятерых — а повезет, так больше! — он отправит на Серые Равнины. А потом погибнет сам, как и полагается воину, сыну Крома.

Решив не затягивать дело, он осторожно двинулся вперед. Очутиться перед врагами неожиданно — уже удача, можно выиграть время и уложить двоих-троих... Пригнувшись, он скользнул по узкому уступу, медленно и плавно спустился вниз, нырнул между камней и замер.

Пещера? Несомненно, перед ним была пещера! Конан сунул голову в черный провал, но сразу с разочарованием отпрянул. Не пещера, а одна видимость! Здесь бы поместилась разве что его нога... Вздохнув, он двинулся дальше. Он крался по камням так мягко и бесшумно, как леопард, выслеживающий глупую антилопу; водопад гремел за его спиной, змеи скользили по камням, а в поднебесье парили орлы. Вот уже показались черноволосые головы горцев; их горящие глаза настороженно общаривали скалы.

Конан тихо выругался и поднял лук.

— Воин... киммериец... — негромкий зов за спиной заставил его вздрогнуть. Он обернулся. Возле пещеры, на фоне темного провала, возникла тонкая невесомая девичья фигурка — нагая, смуглая, в ореоле темных волос, с золотым диском, сиявшим и светившимся меж острых грудей. Она стояла там и улыбалась; но не смущенно, как

в первую их встречу, а с каким-то радостным и победным торжеством.

— Эмея! — Он совсем забыл о ней, забыл о встрече близ шадизарского тракта, забыл о странном племени дайши, забыл даже о ее поцелуях... И не мудрено! Прошло целых две луны, большой срок, а с тех пор красавица Зарра не раз побывала в его объятьях. Хорошая девушка, хоть и не чародейка... жаль, что больше им не свидеться...

Конан попробовал, легко ли выходит меч из ножен, и буркнул:

— Кром! Ты-то как тут оказалась, зеленоглазая?

Эмея тряхнула головой.

— Ты спас меня, киммериец, теперь мой черед. Теперь я помогу тебе.

— Поможешь? Как?

Она загадочно улыбнулась и промолчала. Конан, взглянув из-за обломка скалы, еще раз пересчитал врагов. Сорок ублюдков, никак не меньше... Чем ему поможет нагая девушка? Будь она хоть трижды колдуньей!

Он покосился на ее безмятежное лицо.

— Откуда ты узнала, что я здесь?

— Это мои горы, Конан. Не забудь, я дайша. Мы многое умеем! И ничего не забываем — ни зла, ни добра.

— Вот и прошу тебя добром: уйди, откуда пришла! — сказал Конан. — Мне и себя-то не оборонить, красавица! А тебя и давно!

— Здесь, — она плавно повела рукой, обозначив обрывистые стены ущелья, гремящий водопад и темные утесы, — здесь, Конан из Киммерии, мне не нужна защита. Здесь я сама могу защитить. Тебя!

— От них? — Конан кивнул в сторону торчавших над камнями черноволосых голов. — Их сорок! Сорок ублюдков с топорами и клинками! А ты безоружна!

— Разве? — она снова усмехнулась. — Ну, если не хочешь, чтоб я тебя защищала, давай сражаться вместе. Твой меч, мой клыки...

— Клыки? — Он уставился на нее во все глаза, потом хлопнул себя по лбу. Клыки, конечно! А еще когти и плоть, подобная туману... На миг он увидел перед собой

не тонкую хрупкую девушку, а чудище с алой разверстой пастью и зрачками цвета изумруда.

— Какой же ты недогадливый, Конан из Киммерии... — Эмея покачала головой и засмеялась. — Сейчас мы отправимся к тем камням, где тебя поджидают слизняки, а потом ты уйдешь к себе на равнину. Уйдешь, и никто не посмеет прикоснуться к тебе. Некому будет прикасаться! — Она положила ладошку с тонкими пальцами на золотой солнечный диск. У тебя есть мешок? Ну, так возьми мой амулет и спрячь туда. Спрячь как следует. Но ненадолго!

Конан протянул руку.

Через мгновение над расселиной и бурыми утесами, заглушая грохот водопада, раздался протяжный и грозный рык пантеры.

НАЛОЖНИЦЫ БРО ИУТИНА

Во имя Митры, великого, животворящего, справедливого!

К югу от великих заморанских городов Шади-зара и Арэнджуна, к северу от туранской провинции Замбулы, к востоку от богатого Кофа и древнего Шема лежит маленькая страна под названием Хауран. В державе сей, кроме столицы, называемой тоже Хауран, нет других городов; и правит ею королева Тарамис, добродетельная и прекрасная, милосердная и справедливая, почитающая светлого Митру, Подателя Жизни. Впрочем, несмотря на все достоинства владычицы Тарамис, ее несомненную красоту и благочестие, речь в этой истории пойдет не о ней.

Местности в Хауране и окрест него все больше равнинные и сухие, до ближайших гор Карпашских на западе и хребта Ильбарс на юго-востоке скакать не один день. По правде говоря, незавидное местечко этот Хауран; большая, западная часть его поглощена пустыней и, если не считать верховьев полноводной реки, текущей в море Вилайет, плодородных земель здесь немного. В этих землях и расположен град прекрасной Тарамис, ее столица; там живут мирные ее подданные, там снимают по три

урожая в год; к закату же от сей зеленой речной долины простираются солончаки да пески, в коих между Шемом и Тураном кочуют разбойники-зуагиры.

Но, как и эти бандиты, пустыня не ведает границ. Начинается она у Замбулы, и тут вид ее угрюм и страшен: раскаленные на солнце камни, жаркие барханы, засыпанные мелким колючим щебнем пространства, где не водятся даже ящерицы и змеи. Затем пустыня переползает в Хауран и восточную часть Шема, родину безбожных грабителей зуагиров, обретая здесь не столь дикий облик, как на юге. В шемитских и хауранских пределах чуть прохладнее и влажнее, барханы тут обрастают сухим колючим кустарником, а кое-где, в низинах, желтеют кустики травы. Наконец, перешагнув рубежи Кофа и Заморы, пустыня превращается в засухливую степь, вполне подходящую для быстрого сайгаков, коз, шакалов и диких ослов. Надо отметить, что ослы, уродившиеся в этих суровых местах, отличаются особым упорством и боевым нравом, но, кроме того, они на удивление выносливы и сильны. Вот почему люди, не менее упорные, чем ослы, издревле отлавливали их, приручали, холили и берегли, дабы продать в нужное время с выгодой в Шади-зар либо Арэнджун, в Хоршемиш, столицу Кофа, в Замбулу, Самарру и в другие туранские города. Постепенно диких ослов становилось все меньше, а прирученных и покорных человеку все больше, пока наконец степь меж Хаураном и Заморой не превратилась в одно огромное пастбище. И поделили его пастухи различных кочевых племен, воинственные и задиристые молодцы, коих даже зуагирам не давалось одолеть; тут, как говорится, нашла коса на камень, а сабля на топор.

Пастухи-номады, повелители ослов, обитали вокруг некой неопределенной точки, где сходились границы четырех держав — Заморы и Турана, Хаурана и Кофа. Никто не мог в точности сказать, где именно проходят рубежи, отделявшие одну страну от другой, и в силу этого кочевники, пользуясь столь удобной и выгодной ситуацией, не желали подчиняться и не подчинялись никому. Вдобавок, по крови не были они ни хауранцами, ни туранцами, а к населявшим Коф и Замору народам тоже не имели никакого отношения. Поговаривали, что высо-

кие крепкие молодцы клана Хирш пришли в незапамятные времена из восточной Стигии; люди племени Катта, пониже ростом, смуглые и с плосковатыми носами, заявились из Вендии; сероглазые Гизы считали себя потомками древнего народа, изгнанного хайборийцами не то из Бритунии, не то из Немедии; что же касается рыжих Секайдов, кровожадных Харра, заносчивых Дро-Па и всех прочих, то заявились они вообще неведомо откуда. Слава Митре, мир велик!

Итак, все племена ослиных пастухов были разными, и люди их сильно отличались видом, одеждой и обычаями. Если не считать языка (довольно примитивной помеси туранского с хауранским) роднили их лишь два обстоятельства: все они пасли да разводили ослов, и все они были отъявленными головорезами.

Меж собой номады жили немирно, ибо каждое племя было другим если не врагом и супротивником, то конкурентом. Спорили они из-за пастбищ и земель, спорили, чьи ослы лучше, а боевые доблести выше, спорили, кто удачливей в грабежах и кого больше опасаются купцы, спорили, чьи вожди и предводители мудрее, а воины отважнее. При всем том почитали они одни и те же святых духов предков и общих богов, коим молятся во всем западном мире — Светозарного Митру, Подателя Жизни, луноликую Истар, Ормазда, Аримана и других грозных владык вселенной. Нергала же и Сета кочевники не любили, и имена сих темных божеств использовались ими исключительно для проклятий и ругани.

Породистые ослы, разводимые номадами, приносили им изрядный доход, однако и простые пастухи, и племенные вожди, называемые на туранский манер ханами, отнюдь не желали довольствоваться мирным скотоводческим промыслом. Ослы, как говорится, ослами, но были же еще и верблюды, шагавшие по пустыне и степи в длинных цепочках караванов из Замбулы в Аренджун, из Акита в Хоршемиш, из Самарры в Шадизар. И, по милости Митры, везли те голенастые горбатые твари великое множество превосходных вещей, при мысли о коих у кочевников вскипала кровь, начинали чесаться ножи и рыдать стрелы в колчанах. Были в верблюжьих тюках ковры и шелк, шерсть и бархат, расписная посуда

и кувшины с вином, золотые монеты, драгоценные камни, ароматные благовония, отличное оружие, сладкие финики и сушеные фрукты. И были еще женщины, прекрасные невольницы, коих везли для утех сильных мира сего. Великий соблазн!

Так что нередко ослиные пастухи забывали на время о своих питомцах и пересаживались на лошадей, дабы взыскать положенную дань с купеческих караванов. Получив свое, они снова возвращались к стадам в родную степь, ибо лишь два занятия были милы их сердцу: грабеж да торговля ослами.

Но Конан, молодой киммериец, скитавшийся по заморанским городам и весям в поисках приключений и добычи, подобной раздвоенностью не страдал. Ослы его не интересовали, разве что ослиные спины, отлично подходившие для тюков с награбленным. Но верблюжьим горбы созданы Митрой в той же целью, и потому Конан не делал различия между верблюдами и ослами. Другое дело, кони! Конь был животным благородным; конь нес всадника в битву и спасал от погони, а значит, являлся не просто четвероногой тварью с копытами и крепкой спиной. Конь был другом, если не всякий конь, так тот, которого Конан украл под Акитом. Серый в белых яблоках Змей был боевым жеребцом лучшей туранской породы, и киммериец холил его и берег пуще глаза своего; случилось, резвые ноги Змея спасали не только глаза, но и голову хозяина.

Однако сейчас, в просторном шелковом шатре Сибарры Клама, хана гизов, Конан чувствовал себя в безопасности. В относительной безопасности, разумеется; Сибарра Клам не принадлежал к числу его душевных друзей, а являлся скорее временным соратником и компаньоном. Два дня назад они вместе распотрошили караван замбулийских купцов, самонадеянно направлявшихся в Аренджун по землям гизов, и теперь праздновали победу. Добыча, правда, была невелика: сотня кувшинов с хмельным хоарезмским вином да сотня тюков с овечьей шерстью. Шерсть Сибарра собирался сбыть в том же Аренджуне, а вино уничтожить не сходя с места, разумеется, с помощью Конана.

Итак, они сидели на пушистом ковре, перед блюдом с искусно зажаренным диким козленком, ели и пили хмельное из больших чаш, а прислуживала им темноглазая гибкая Сиявуш, юная жена Сибарры Клама. Шатер, под кровом коего пировали компаньоны, служил некогда наместнику Акита; ковер соткали в Аграпуре, блюдо белого фарфора, украшенное синими цветами, сделали в далеком Кхитае, серебряные чаши в Шеме, а бархатный халат, парадное облачение Сибарры в Иранистане. Вино, как упоминалось выше, было хоарезмским, а разливавшая его Сиявуш досталась хану гизов в качестве награды, когда он с сотней своих лихих молодцов атаковал и разграбил караван из Шангары. Словом, все в шатре Сибарры Клама было результатом разбоя и грабежа, абсолютно все, если не считать стопки высушенных ослиных шкур, красовавшихся на самом почетном месте. То были останки многих поколений ослов, лучших производителей из бесчисленных стад, гордости и святыни гизов. Считалось, что, милостью Митры, в этих хрупких старых кожах с облезлым волосом пребывают предки Сибарры Клама, не сами предки, разумеется, но их бесплотные души. Совсем неплохое место для них, размышлял Конан, сидевший справа от ослиных шкур; даже уютное, если вспомнить, что все прочие покойники отправляются прямо к проклятому Нергалу, на Серые Равнины, в мрачное царство владыки мертвых.

Сибарра сделал повелительный знак, и темноглазая Сиявуш склонилась с кувшином над чашей Конана. Стан юной шангарки был тонким и гибким, а груди полными и налитыми; Конан не мог отвести от них жадного взгляда. Сиявуш, будто ненароком, подтолкнула его; бедро женщины на миг прижалось к плечу киммерийца, и он ощутил внезапный всплеск желания. Впрочем, тут не стоило кивать на случай да внезапность, ибо с Сиявуш они перемигивались давно, с первых дней, как Конан обосновался в шатрах гизов. Но чем дальше, тем больше ситуация казалась Конану безвыходной: ему нравилась Сиявуш, а Сибарра, его компаньон, равным образом восхищался серым широкогрудым Змеем. Намеки хана на возможный обмен делались все прозрачнее, но Конан не поддавался. Кто же меняет друга на женщину? Кром! Это

было бы в высшей степени неразумно. И если б даже такая сделка состоялась, на чьей спине увез бы он свое приобретение? На ослиной? Ха! Над ним смеялись бы весь Арэнджун и половина Шадизара! Лучшая половина, обретающаяся в воровских кварталах Пустыньки!

Заметив жадные взгляды, которые Конан бросал на чернооую Сиявуш, хан гизов, подняв на трех пальцах чашу с рубиновым напитком, провозгласил:

— Хорошая женщина, хорошее вино, клянусь шкурой священного осла! И сходны они в одном: под конец и от того, и от другого клонит в сон. — Отхлебнув пьянящей ароматной жидкости, Сибарра подумал и добавил: — Вино, однако, лучше. Молчит, веселит и не столь утомляет.

— Еще не родилась женщина, сумевшая бы меня утомить, — заметил Конан. Он опрокинул содержимое чашки в рот, потянулся так, что хрустнули суставы, и подмигнул красотке Сиявуш. Шангарка зарделась.

— Я знаю, ты утомим и неистов, как дикий жеребец, год не видевший кобылы, — усмехнулся хан, разглаживая длинные усы, что свисали на ладонь ниже подбородка. — И я знаю, что ты великий воин, — добавил он, покосившись на огромный меч, лежавший у колена киммерийца. — Однако, приятель, мир велик, и в нем встречаются всякие женщины. Есть такие, которых не объездить самому умелому всаднику.

— Хотелось бы взглянуть, — буркнул Конан, не отводя глаз от стройных бедер Сиявуш. Под тонкой шелковой тканью они вырисовывались весьма отчетливо, напоминая очертаниями изящную офирскую вазу.

— Можно и взглянуть, коль хватит храбрости, но вот пощупать... — хан прикрыл глаза, сделав тонко рассчитанную паузу.

— Кром! Никто не упрекал меня в отсутствии храбрости! О чем ты, приятель?

— О новой наложнице Бро Иутина, владыки черных хиршей, да лягнет его Нергал пониже пупка, повыше колена! Рассказывают, огонь, а не женщина! — Сибарра в восхищении причмокнул и принялся наматывать на палец левый ус, заплетенный в тугую косичку. Палец хана украшал огромный перстень с вендийским алмазом, сле-

пивший Конану глаза; он недовольно поморщился и отвел взгляд.

— Так вот, об этой девушке... — снова начал Сибарра Клам. — То ли она из Стигии, то ли из Аргоса, то ли из Зингары... а может, из Шема или Коринфа... Словом, из далеких мест! Говорят, Бро, сын шакала, отдал за нее тридцать лучших ослов... Отдал, а теперь страдает! Терпит муки, как песчаный удав, не способный проглотить упитанную козу! — Сибарра внезапно захохотал, откинулся на подушки и принялся шлепать себя ладонями по коленям. Отсмеявшись, он пояснил: — Этой стигийке или аргоске восемнадцать, а Бро, старому пню, под шестьдесят! Верблюжья потроха! Способна ли такая кляча сладить с красоткой в расцвете лет? Говорят, он ходит враскорячку и вот-вот протянет ноги!

— Кто говорит? — спросил Конан, разглядывая приятеля. Сказать по правде, Сибарра Клам, хан гизов, был ненамного моложе Бро Иутина, хана черных хиршей, но никто бы не взялся утверждать, что он вот-вот протянет ноги. Разве лишь для того, чтоб прекрасная Сиявуш стащила с них сапоги да почесала своему повелителю пятки.

— Слухи в степи бегут быстро, — с неопределенной улыбкой произнес Сибарра. — Молвишь слово утром, а к вечеру все шакалы на пять дневных переходов окрест провозят его с холмов.

Конан сдвинул брови над омутами синих глаз.

— Разговорчивые у вас шакалы, как я погляжу! Отшибить бы им хвосты, приятель, да и языки заодно!

— Э! — Сибарра пренебрежительно махнул рукой. — Длинный язык, что плетъ: вьется, да не ломается! Опять же не про языки речь... — он глотнул вина и прижмурил веки от наслаждения. — А речь у нас про эту зингарку или шемитку... Вот женщина! Красива, как лунолика Истар, и крепка, словно чистопородная ослица-трехлетка! Не в пример некоторым... — Тут хан бросил пренебрежительный взгляд на прелестную Сиявуш и добавил: — Старый Бро, облезлая крыса, уже который еле ползает. Ночью так наездится, что днем на коня залезть не может... А ей все мало!

— Поглядел бы я на эту стигийку или коринфянку, — задумчиво сказал Конан. — И не только бы поглядел.

Черноокая Сиявуш с неудовольствием поджала губки, но Сибарра грозно глянул на нее и хмыкнул: в чаше гостя перекатывались последние капли. Когда было вновь налито и вновь выпито, хан промолвил:

— Поглядеть, и то тяжело, а о чем другом и не мечтай! Прячет Бро ее, прячет! Хорошо прячет и стережет, клянусь всеми милостями Митры! Да и то сказать, — губы Сибарры завистливо скривились, — старый Бро хоть и козел, однако из самых могущественных в наших краях! И другим козлам с ним не сладить. Сам посуди: у меня две сотни всадников, катта могут выставить сотню, секайды и харра и дро-па наскребут по полторы, а у Бро полтысячи конных наберется! И все на черных жеребцах да в черных бурнусах... И стрелки отменные! С пятидесяти шагов в кольцо попадают!

Конан презрительно повел могучими плечами. По молодости лет (ему пока что не исполнилось двадцати) лук и стрелы он презирал, полагаясь в бою либо на длинный аквилонский меч, либо на тяжелую асгардскую секиру. Впрочем, при его силе и росте клинок да боевой топор выглядели самым подходящим оружием.

— Может, Бро и прячет девушку, да я, клянусь Кромом, до нее добрался бы! А добравшись, уговорил! — сказал киммериец, стараясь не глядеть на соблазнительный стан прелестницы Сиявуш. — Если б захотел, и добрался бы, и договорился! — повторил он, глядя изукрашенную самоцветами рукоять меча.

— Не сочти за обиду, отважный лев, но слово что ветер; подул да исчез. — Сибарра с усмешкой уставился на киммерийца. — Не всякий храбрец в степи рискнет подпалить задницу старому Бро Иутину и его хиршам! Я ж говорил, войны они знатные! С полусотни шагов в кольцо попадают!

— Хоть с сотни, — буркнул Конан. — Конь мой быстрее стрелы, и пока хирш натягивает лук, я успею трижды ударить мечом. Захочу, и женщина Бро будет моей!

— Конь у тебя хорош и меч быстр, но до нее тебе не добраться. Клянусь, не добраться! — властитель гизов возложил длань на грудь священных ослиных шкур. —

Молодость опрометчива, но человек зрелый, — он ударил себя в грудь, — знает, где ему прищемят нос. И не сует его в капкан, пытаясь понюхать сладкую приманку.

— Вот и береги свой нос, а о моем не заботься! — Разгоряченный вином, киммериец опустил кулак на старые кожи, выбив из них облако едкой пыли. — Сказал, пересплю с этой женщиной, значит, пересплю!

Тут он бросил взгляд на Сиявуш столь красноречивый, что Сибарра поспешил уточнить:

— С которой?

— С наложницей старого Бро, само собой, — сказал Конан, успокаиваясь.

— Кости Нергала! Это невозможно, приятель! Не подумай, что отговариваю тебя, но мне вовсе не хочется потерять такого удалца! Ведь ты один стоишь десятка моих воинов...

— Двух десятков, — возразил Конан.

— Двух, — согласился хан с хитрым блеском в глазах. — Пусть двух, киммериец, но у Бро Иутина пятьсот всадников! Подумай об этом!

— Уже подумал, — с пьяным упорством произнес Конан. — Подумал и решил, что пятьсот всадников не будут стеречь одну девушку. Что они, кастраты из туранских гаремов? Будут они торчать в дозоре все ночи, как же! У них в шатрах свои женщины. Ну, поставит Бро троих стражей или четверых... или десяток... А десяток мне не помеха! Главное — с самой девушкой договориться, так? — и он подмигнул Сиявуш.

— Ну, гляди... Я тебя предостерег! Эти черные бурнусы демоны, а не люди! Готов поспорить...

— Мало я демонов повидал, что ли? — ухмыльнулся киммериец. Внезапно он выпрямил спину, отставил чашу и запустил пятерню в густые темные волосы, будто пораженный какой-то новой мыслью. — Готов поспорить, говоришь? — Его пронзительные синие глаза уставились на хана гизов. — Ну, так поспорим!

— Я тебя на спор не вызывал, — произнес Сибарра, опасливо пряча взгляд. — Но коль настаиваешь...

Конан вновь хлопнул кулаком по шкурам. Решив, что это является знаком согласия, хан сказал:

— Во всяком споре есть две вещи: та, о которой спорят, и та, которую можно выиграть или проиграть. О чем мы спорим, ясно. А вот какой будет заклад?

— Моя доля добычи, что взяли у замбулийских купцов, — предложил Конан, но хан лишь скривился.

— Какая там добыча? Вино мы выпьем вместе, а от шерсти доход невелик. Вот если ты поставишь коня...

— Моего коня? Кром, ты хочешь слишком многого!

— А почему? Ты ведь сказал, что пятьсот всадников не помеха, главное договориться с девушкой. Ну, а с ней ты договоришься. Какая женщина не захочет сменять старого облезлого козла на молодого льва!

Тут Сиявуш хихикнула, и хан, дернув левый ус, окатил ее ледяным взглядом. Конан тоже посмотрел на черно-окую шангарку, призадумался, насупился, но потом согласен кивнул.

— Ладно, пусть будет конь! Все равно ты его не получишь. Ну, а твой заклад?

— Я ставлю осла. Любого из десятка лучших. Из тех, что могут покрыть двадцать ослиц за день. Сам выберешь!

— Осла? — скривившись, протянул киммериец. — Ты что, смеешься надо мной, приятель? Осла против боевого туранского жеребца! Чего захотел! Чтоб Нергал тобой подавился!

— Любой из моих ослов — великое сокровище, — терпеливо пояснил Сибарра. — Ослы наши известны и в Заморе, и в Туране, и в Хауране. Те, что я держу на племя, стоят подороже твоего жеребца. К тому же в них живут духи предков!

— На кой мне сдались твои предки? Лучше скажи, сколько потянет осел в звонкой монете?

— Племенной — а их узнают по темному ремню вдоль хребта и большим зубам — стоит не меньше двух сотен золотых.

— Туранских монет? — уточнил Конан. — Золотые иной чеканки весили вдвое-втрое меньше.

— Туранских, каких же еще!

Киммериец исподлобья осмотрел Сибарру Клама. Он был не так пьян и не столь прост, как можно было бы подумать, взглянув на его лицо с варварскими резкими чертами, на мощные плечи и грудь, на которой улеглась

бы черная пантера. Варвар, да; разбойник, воин, лихой рубака, но себе на уме. Жизнь приучила его к недоверчивости; и, ожидая от нее скорее худшего, чем лучшего, Конан был подозрителен и осторожен. Несмотря на туман опьянения, он сохранил здравый смысл, который сейчас подсказывал, что разговор о наложнице Бро Иутина, хиршского хана, затеян Сибаррой не без умысла. Умысел этот киммериец видел ясно, как свою ладонь: так или, иначе компаньон подбирался к его жеребцу. К серому Змею в белых яблоках!

Однако сказанного слова не понимаешь и не вернешь. С другой стороны, чудо-осел ценой в двести золотых тоже был бы неплохим приобретением; вся доля Конана от налета на замбулийский караван не составляла и четверти этой суммы. Имелось еще и третье соображение, связанное с чаровницей Сиявуш, прекрасной шангаркой. Конан намеревался слегка подразнить ее; он пробыл у Сибарры без малого месяц и полагал, что за это время юная супруга хана могла бы найти случай, чтоб встретиться наедине. А раз не нашла, значит, не сумела решиться, и надо ее подтолкнуть. Великий Митра! Ревность порою творит чудеса и с мужчинами, и с женщинами!

Прокрутив в голове все эти соображения, он положил руку на свой меч и сказал:

— Принято! Клянусь, что ты получишь Змея, колья наложница Бро, хиршского козла, мне не уступит. Но если я с ней слажу, то выберу лучшего из твоих ослов, с самым широким ремнем вдоль хребта и с самыми здоровенными зубами. И сделаю с ним все, что захочу: продам, сдеру шкуру на барабан или засуну Нергалу в задницу.

— Принято! — подтвердил Сибарра Клам и торжественным жестом коснулся стопки ветхих ослиных кож. — Я тоже клянусь духами предков, что так и будет. Сладишь дело с этой стигийкой или шемиткой — и лучший осел твой! И пусть поразят меня Сет и Митра, все черные и светлые боги, если я отступлю от сказанного!

— Смотри, приятель! — пообещал Конан, оглаживая рукоять меча. — Обманешь — усы под коленями завяжу!

Хан ничего не ответил, лишь сверкнул глазами, то ли с насмешкой, то ли с возмущением.

Где-то неподалеку от шатра заржал Змей, и по губам Сибарры скользнула улыбка собственника. Затем он кивнул прекрасной Сиявуш, и та поспешила наполнить опустевшие чаши.

* * *

Следующим утром, едва над степью занялась заря, Конан выехал на восток. Там, среди холмов, у самой туранской границы, кочевал старый Бро Иутин с детьми своими, черными хиршами. Земли его и пастбища считались из лучших; трава там была сочнее, у подножий курганов часто попадались ручьи и небольшие озерца, кое-где рос кустарник, годившийся для костров, и повсюду в изобилии паслись дикие козы. Ни один из кочевых кланов не мог отнять эти угодья у хана Бро, так как владел он ими по праву сильного, что в любой момент подтвердили бы пятьсот всадников на вороных конях, с тугими луками и колчанами, полными стрел.

Но Конан, подбираясь к землям хиршей, думал не столько об этих воителях и предстоящем деле, сколько о стенах Шадизара и башнях Аренджуна. Уже целую луну он провел в дикой степи, прибившись к людям Сибарры Клама, и начинал тосковать по шуму и блеску больших городов. Он очутился здесь не по своей воле, но, скорее, по необходимости и принуждению. За пару лет, проведенных в заморанских пределах, слава его выросла многократно; не было разбойника, грабителя и вора, который мог бы соперничать с молодым киммерийцем в открытом ли бою, в тайном ли хищении, в налетах на караваны, на дома и усадьбы богатых купцов и знатных нобилей. Числились за Конаном и другие дела, куда опасней грабежа или разбоя: доводилось ему меряться силой с темными магами и могущественными жрецами, способными взглядом обратить человека в прах. Но меч киммерийца был быстрее колдовских взглядов и заклятий, так что прахом он не стал к великому сожалению заморанского властелина, пытавшегося навести порядок в своих владениях.

Впрочем, сей владыка делал, что мог, и в последние месяцы, после нескольких дерзких налетов, Конана вы-

слеживали по всей Заморе, от Карпашских гор до границ с Тураном. Поразмыслив, киммериец счел за благо удалиться, по крайней мере, на время, пока не утихнут страсти и пока пыл ищеек, стражей и солдат не подернется пеплом привычной лени. Ему, однако, не хотелось перебираться в Коринфию, Офир или Коф, а потому он решил поискать убежища в тех местах, где люди не подчинялись никому, кроме своих ханов и зову собственной выгоды. Так он и очутился на засушливой равнине к югу от Арэнджуна, среди разбойных степных племен и ослиных стад. И то, и другое, и третье ему уже порядком надоело.

Он подумывал о том, чтобы отправиться в Туран. Там, у реки Ильбарс и на побережье моря Вилайет, стояли великие города Акит, Самарра, Аграпур, Шангара, Хоарезм; там, по слухам, правил щедрый король, нуждавшийся в мечях и воинском искусстве наемников; там рекой лилось вино, звенело золото, плясали на площадях полунагие танцовщицы, караваны верблюдов, раскачивая драгоценный груз, входили в городские ворота, тянулись к огромным шумным базарам; там, в морских просторах, плыли пузатые торговые барки, пиратские галеры под черными парусами и юркие суденышки контрабандистов. Все это и многое другое соблазняло Конана; вдобавок он чувствовал, что взрослеет, вырастая из прежней шкуры грабителя и вора подобно дитю, которому сделались тесны прежние одежды. В Туране от мог бы заняться воинским ремеслом и — кто знает! — стать гвардейцем туранского владыки или даже капитаном наемников. Великий Митра и грозный Кром! Война могла принести не меньше денег, чем грабеж торговых караванов; война могла осчастливить удачей и почестями, настоящими почестями, а не сомнительной славой лучшего из шадизарских воров.

Единственным, что удерживало Конана в кочевых шатрах Сибарры, была темноокая Сиявуш. Пожалуй, он не стал бы утверждать, что пленился ею с первой встречи раз и навсегда, до самых Серых Равнин; дело скорей заключалось в принципе, в упрямом желании добиться своего. Но, быть может, размышлял Конан, наложница старого Бро, эта шемитка или зингарка, окажется еще лучше Сиявуш? И, овладев ею, он забудет о гибком стане

и полных грудях шангарки? А, забыв, уедет все-таки в Туран? В конце концов, велика ли разница, переспать ли с женщиной хана гизов или хана хиршей?

Так он раздумывал, строя планы на будущее и нимало не сомневаясь, что под покровом темноты проберется в шатер наложницы Бро Иутина, охраняй ее хоть тысяча всадников. Конь его, широкогрудый серый Змей, тем временем одолевал за три вдоха расстояние броска копья, неумоимо перебирая крепкими ногами, и мало-помалу вид степи начал меняться. Травы сделались зеленой, холмы выше, в воздухе ощущался запах воды, а свежий ветерок доносил козлиное блеянье. Оглядевшись, Конан понял, что находится уже на территории хиршей, а значит, не следует пренебрегать осторожностью. Солнце, глаз светлого Митры, давно прошло зенит, но сумерки еще не наступили; лучше всего пересидеть остаток светлого времени под каким-нибудь курганом, пряча коня в зарослях кустарника. Избрав такое решение, Конан высмотрел подходящий холмик и направился к нему, прикидывая, как бы незаметнее проскользнуть мимо стад, пастухов и лучников Бро. Ослов у хиршей много, думал он, и если вдруг появится еще один, киммерийский, то наверняка пройдет незамеченным. Если оставить Змея в надежном месте, подкраться к длинномуху, залезть в середину табуна и, прикрываясь за их спинами, попробовать...

Протяжно свистнула стрела, вонзившись у самых конских копыт. Змей захрапел, а Конан поднял голову, мгновенно уяснив, что все его планы и расчеты нарушены: с вершины холма, к которому он направлялся, спускалась цепочка всадников на вороных лошадях и в черных бурнусах. Было их не меньше трех десятков, и каждый держал в руках лук.

Тут Конану припомнились слова Сибарры Клама, что хирши-де попадают на скаку с пятидесяти шагов в кольцо. Правда, до их отряда оставалось две сотни шагов, но сам Конан вовсе не был каким-то колечком! Исполин на рослом жеребце, без шлема и кольчуги... Бей, куда хочешь — в голову, в грудь, в живот! Или в коня!

Пронзительно свистнув, киммериец дернул повод и помчался к ближнему кургану, обещавшему ненадежное укрытие. Он не боялся; он был готов драться с этими

хиршами лицом к лицу, меч к мечу, но понимал, что вряд ли дело дойдет до мечей, прежде его изрешетят стрелами.

Змей делал гигантские прыжки, спасительный курган приближался, за спиной, отставая, вопили хирши, а стрелы их сыпались градом. Впрочем, ни одна не задела киммерица, и он решил, что слухи о меткости черных лучников сильно преувеличены. Или этот поток стрел являлся всего лишь предупреждением?

Все разъяснилось, когда он начал огигать курган и когда навстречу Змею вылетели еще три десятка всадников, растянувшихся цепью, словно в облаве на хищного зверя. Разом десяток стрел ударил в землю по обе стороны от Конана, а одна чиркнула по крупу серого жеребца. Такого Конан снести не мог; он остановил коня и, положив руку на меч, свирело уставился на окруживших его хиршей. Он понимал, что грозить им не стоит, как и ввязываться в драку; похоже, его хотели не убить, а пленить.

— Что вам надо, смердящие потомки ослов? — рявкнул киммериец. Вопрос, пожалуй, был наивным; ведь это он вторгся на земли хиршей, а не наоборот. И он был в полной их власти! Как известно, незваный гость хуже пикта, и на этом основании бдительные хозяева могли изрешетить стрелами и самого Конана, и его превосходного жеребца.

Но они вроде бы не собирались стрелять; сидели на конях да скалили зубы. Все жеребцы были в одну масть, а вот всадники различались: одни смуглые и с черными волосами, другие с каштановыми, а иные совсем белокожие да светловолосые. Видно, текла в них кровь многих невольниц со всех сторон света, взятых отцами и дедами в набегах да грабежах. Их предводитель, хмурый воин в черном бурнусе, расшитом алыми ромбами, мерял киммерийца пристальными взглядами да чесал в бороде. Потом, насмотревшись, произнес:

— Если ты Конан, северянин и наемник Сибарры, длинноусого козла, поедешь с нами. Если нет, можешь конать могилу своей железкой. Земля мягкая, меч у тебя большой, а мы не торопимся, так что рой яму поглубже. Убережешь свои кости от шакалов.

— В той яме я буду в большой компании, и рыть ее придется тем из вас, кто уцелеет, — сказал Конан, вытаскивая меч до половины.

Но всадник в расшитом бурнусе остановил его повелительным жестом.

— Убери клинок! Я вижу, ты тот, кого мы ищем. Хан Иутин, почтенный отец и владыка наш, послал за тобой, киммериец, наказав привезти тебя целым и невредимым. Ну, будешь драться или поедешь добром?

Конан, пробурчав проклятье, с лязгом задвинул в ножны меч. Засада была приготовлена по всем правилам, и сопротивление не имело смысла, во всяком случае, сейчас, когда его окружали шестьдесят конных лучников. Целое войско! И откуда они взялись? Неужели Сибарра продал его Иутину? Но зачем? Хорошо изучив длинноусого хана, Конан знал, что тот и шага не шагнет, не озаботившись выгодой. А какой ему прок, если хирши перережут компаньону глотку и заберут коня?

Размышляя на эту тему, он ехал вслед за десятком всадников самого разнообразного обличья, но сходных в том, что все они были рослыми и крепкими и глядели орлами. Еще двадцать молодцов окружали его, не снимая стрел с тетив, а остальные веером двигались в арьергарде, приглядывая за прытким Змеем и его хозяином. Так, в полном молчании, они миновали несколько пастбищ, где щипали траву необозримые стада ослов и не столь многочисленные табуны вороных кобылиц. Затем отряд поднялся на гребень холма, за которым, в неглубокой, но просторной ложине лежал лагерь хиршей. Любой, бросивший взгляд на этот стан, мог догадаться, что племя это не из бедных и порядок в нем ценится весьма высоко.

Лагерь был чист и разбит с основательностью и умением. Точно посреди его высился ханский шатер, высокий, черный и квадратный, с пышными серебряными кистями по углам. С одной стороны от жилища владыки располагались палатки в черно-красную полоску для родичей, жен и ближних ханских слуг; с другой стояли шатры поскромнее, для простых пастухов тоже полосатые, черно-белые. Было их много, сотни три или три с половиной, и весь лагерь еще окружало двойное кольцо черных шатров, поменьше ханского, но тоже весьма вместитель-

ных. В них, очевидно, жили воины, ибо рядом с каждым находилась коновязь с двумя-тремя вороными жеребцами.

Сопровождаемый своим почетным эскортом, Конан спустился с холма и под свист и улюлюканье мальчишек, столь же разномастных, как взрослые, въехал в палаточный городок. Глаза его косили то вправо, то влево, но случай для бегства пока не подворачивался. Сидя с Си-баррой за жареным козленком и вином, он мог похвастать, что серый Змей обгоняет стрелу, но сейчас, под прицелом лучников в черных бурнусах, понимал, что то было лишь пустое бахвальство. Великий Митра! Сколь часто карает он человека за длинный язык!

Впрочем, Конан не побоялся бы вытащить меч и схватиться со всеми пятью сотнями хиршей (или сколько их там было), но первой жертвой в этом бою стал бы его драгоценный жеребец. Враги, несомненно, так издырявили бы Змея стрелами, что шкура его не годилась бы даже на барабан.

Кроме того, Конана мучило любопытство. Зачем хан хиршей пожелал встретиться с ним? Чтобы переманить к себе на службу? Или предать мучительной казни? Но за какую вину? Вряд ли он знал о намерениях незваного гостя, высказанных лишь вчера вечером, в целом дне пути от его стана.

Тем временем конвой, миновав проезд между черно-белыми и черно-красными шатрами, доставил пленника прямо к ханскому жилищу. Его передняя стена из плотной черной ткани была раздвинута, и на пороге, попирая сапогами алый туранский ковер, стоял Бро Иутин, повелитель хиршей. Выглядел он величественно и грозно: осанистый старик в пунцовом кхитайском халате, расшитом серебряными драконами, при сабле и кинжале, с бронзовым гонгом, висевшим на цепочке у пояса. Было ему немало лет, но в черной бороде просвечивали лишь редкие седые пряди, а плечи казались все еще широкими и прямыми. На смуглой его физиономии морщины удалось бы перечесть по пальцам одной руки; длинный крючковатый нос, наследие стигийских предков, еще не опустился к верхней губе, а торчал гордо, по-орлиному. Нет, Бро Иутин никак не походил на человека, изнемогшего от ночных утех!

Повинуясь жесту предводителя в расшитом бурнусе, Конан покинул седло и огляделся. Половина воинов тоже спешила, окружая его плотным кольцом; остальные, не слезая с коней, принялись разгонять толпу любопытных. Очистив территорию, они выстроились цепочкой перед черно-белыми шатрами, не подпуская простонародье к хану. Из черно-красных палаток никто не показывался, и Конан с тоской представил, что в одной из них нежится сейчас на коврах и подушках та самая то ли аргосска, то ли коринфийка, из-за которой он рискнул головой. Воистину Митра создал женщин на погибель мужчинам!

Подумав об этом, он сплюнул от бессильной злобы и повернулся к хану. Бро Иутин вроде бы не выглядел гневным; правда, глаза его сверкали, но не бешенством, а скорее насмешкой. Так, во всяком случае, показалось киммерийцу, хотя сам он ничего смешного в окрестностях не наблюдал. Но тут все зависело от точки зрения, а у них с Бро Иутином она являлась существенно разной.

Хан хиршей оглядел Конана от пыльных сапог до черной гривы, падавшей на широкие плечи. Казалось, он размышляет, что делать с пленником то ли пригласить к столу, то ли снести голову саблей, то ли, не марая собственных рук, махнуть лучникам. Наконец он пришел к какому-то решению и, внезапно подмигнув киммерийцу, выдохнул:

— Хо! Да возрадуются Митра и луноликай Истар, да сгинут Нергал и Сет, черные боги! Говорят, северянин, ты поклялся провести ночь в шатре моей любимой жены?

— Кто говорит? — полюбопытствовал Конан.

— Слухи в степи бегут быстро, сын мой, — усмехнулся Бро Иутин. — Молвишь слово вечером, а утром все шакалы на пять дневных переходов окрест провоют его с холмов.

— Неправду воют твои шакалы, — произнес киммериец, мысленно пообещав Кромю печень предателя-компаньона. — Неправду, — повторил он, кладя руку на изукрашенный камнями эфес. — Речь шла не о жене, а о наложнице!

— Но любимой? — подчеркнул хан, впиваясь в Конана взглядом. — Самой любимой?

Киммериец, не опуская глаз, возразил:

— Не самой любимой, а самой дорогой. Той, что обошлась тебе в тридцать ослов. Не то стигийке, не то зингарке, а может и шемитке.

— Не то стигийка, не то зингарка, не то шемитка... — задумчиво повторил хан, покачивая головой. А почему бы не все разом, сын мой? — Он снова подмигнул Конану и принялся оглаживать бороду, то пропускавая темные пряди меж пальцев, то подравнивая их так, чтобы не было заметно седины. Внезапно Бро Иутин вздохнул, и глаза его подернулись мглой воспоминаний.

— Молодость, молодость!.. — произнес он. — Были времена, и я тоже мечтал обнять всех красивых девушек на свете... Хо! Похвальное желание, сын мой! Весьма похвальное! Но время то миновало, и теперь женщины волнуют меня куда меньше, чем караван с богатым товаром или добрый приплод от моих ослиц. Но тебя, северянин, я потешить могу! Тебя и себя, ибо приплод от такого жеребца должен быть добрым.

Тут хан, не мешкая, повернулся к черно-красным шатрам, вытащил кинжал и ударил рукоятью в висевший у пояса бронзовый диск. Долгая протяжная нота поплыла над лагерем и окружавшими его холмами; по этому сигналу полосатые ткани враз приподнялись, раздвинулись, взметнулись вверх и в стороны, пропустив без малого сотню женщин. Они отличались возрастом и обличьем; были среди них старухи на седьмом десятке, были пожилые, лет сорока, были женщины в расцвете сил и красоты, были девушки, сочные, как яблоки Турана, и совсем юные, встретившие пятнадцатую весну. Бро снова ударил в гонг, и жены его, наложницы и рабыни выстроились длинной чередой; слева встали морщинистые и седые, посередине цветущие, подобно алым шадизарским розам, а справа тонкоствольные яблоньки, коим еще цвести, расти и наливаться жизненными соками. Конан глядел на это зрелище во все глаза.

Хан, ухватив его за плечо цепкими пальцами, подтолкнул к шеренге, к самому ее центру.

— Те, — он небрежно махнул влево, — пустые бурдюки, облезшие ослицы! А те, — он мотнул бородой вправо, — пока что годятся лишь собирать навоз да чесать мужчине пятки. Зато эти, — Бро Иутин с гордостью

оглядел середину строя, — скучать не заставят! Хо, хо! Ловки, умелы и плодovitы, как весенняя степь! У каждой свой нор и своя прихоть, но чрева одинаковы: пальцем коснись, и проклянется зерно. — Повернувшись к Конану, хан ухмыльнулся. — Вот ты и коснись, только не пальцем!

— Всех? — Глаза киммерийца метнулись налево, потом направо. Женщин, достойных упоминания, было не меньше тридцати, и он ощутил вполне понятную неуверенность в собственных силах.

— Ну, всех, не всех, — протянул хан, — но хотя бы половины... Или, для ровного счета, двадцати. А дети мои последят, посчитают... Так, Санриз? — грозно сдвинув брови, он поглядел на воина в расшитом бурнuse. — Справишься, северянин, отпущу с миром; не справишься, завернут тебя в свежие шкуры, содранные с самых поганных ослов, перевяжут туго ремнями и оставят подсыхать на солнышке. За все хорошее, знаешь ли, надо платить, северянин!

Он расхохотался и хлопнул Конана по спине.

— Знаю! — Киммериец оглядел строй женщин, прикидывая, что здесь наберется два десятка красавиц ничем не хуже, а пожалуй и лучше, чем черноокая Сиявуш. Хан хиршей и в самом деле был силен и богат, куда богаче хана гизов, если мог пересадить к своему шатру такие цветы! И, судя по облику, их черным, каштановым, рыжим и светлым кудрям, белой, золотистой или смуглой коже, глазам, подобным агату, изумруд или бирюзе, красавиц этих собрали из самых далеких мест, со всей Хайбории, из холодных северных стран и из тех краев, южных и восточных, что лежат за великой рекой Стикс и морем Вилайет.

Подумав об этом, Конан повернулся к владыке хиршей, чьи пальцы играли рукоятью кинжала, и сказал:

— Видит Кром, даже в Шадизаре и Арэнджуне не встречал я разом столько годных под седло кобылиц чистой породы! Но где среди них та коринфянка либо аргосска, о которой толковал мне Сибарра? Та, за которую ты отдал тридцать ослов?

Бро Иутин презрительно пожал плечами.

— Этот Сибарра, крысиный ус, еще больший глупец, чем я полагал! Безухий осел! Всех меряет по себе! Богатства и сил хватает у него на жену, на пару морщинистых наложниц да трех черных рабынь из Куша, к коим можно приблизиться, лишь отворотив лицо! Таков он, и такими почитает остальных! Но я, сын мой, силен и богат, и я, — хан гордо выпятил грудь, — платил за многих женщин цену тридцати ослов, покупая их в Стигии либо в Офире, в Шеме либо в Коринфии, или отнимая у караванчиков, проходивших по моим землям. Ты думаешь, я помню, кто тут откуда и сколько стоит? Да и к чему тебе это знать, северянин? Для тебя важнее другое!

— Другое? Что? — спросил Конан, перемигиваясь с сероглазой светловолосой красоткой и одновременно делая знаки еще одной, с черными кудрями до пояса.

Бро Иутин с широкой улыбкой снова похлопал гостя по спине, вероятно, так же, как он хлопал и ощупывал своих племенных ослов.

— Самое важное для тебя, сын мой, встретить утро в моем шатре за чашей вина, а не на холмах, закатанным в сырые шкуры. Страшная смерть, клянусь милостью Митры! Солнце палит, шкуры сохнут, везде чешется, а не почесаться! Представляешь, вдохнуть, не почесавшись! Что может быть хуже!

И хан хиршей захохотал, забрав бороду в кулак.

* * *

Смерть в сырых ослиных шкурах Конана миновала. Утром он даже смог самостоятельно добрести до ханского шатра, отказавшись от помощи стражей. Их вчерашняя настороженность и враждебность сменилась восхищением; видно, хирши ценили мужскую силу и, после ночных подвигов гостя, были готовы доставить его к хану на руках. Но Конан отказался. Хоть колени у него подрагивали, в поясице ломило, а перед глазами расплывались радужные круги, он проследовал в черный шатер своим ходом, опустился на мягкую подушку и даже нашел в себе силы остаться в сидячем положении. Смуглые коринфянки и стигийки, белокурые немедийки и гандерландки, темноглазые туранки и офирки все еще окружали

его незримым кольцом; ему казалось, что в ближайшие полгода он не сможет приблизиться ни к одной женщине на сотню шагов.

— Ну, Санриз? — спросил Бро Иутин, обратив взгляд на стража в расшитом бурнусе.

— Двадцать три, отец мой и повелитель, — осклабился тот. — Клянусь серебряными грудями Истар! Никогда бы не поверил, если б не считал сам!

Хан воздел руки к восходящему солнцу.

— Хо! Хвала Митре! Воистину, дети мои, он прислал нам доблестного мужа! Он направил сюда его шаги! Он, а не этот паршивец Сибарра Клам, полный хитрости и вероломства! — Затем Бро Иутин обернулся к Конану и сказал: — Доволен, северянин? Насытилось ли сердце твое? Ублажилась ли душа? Не хочешь ли чего-нибудь еще?

— Вина, — прохрипел Конан, — вина!

Хан щелкнул пальцами, и вино тут же появилось в призрачном количестве. А с ним лепешки и мед, острый козий сыр и жаркое с приправой из дикого чеснока.

Пил Конан долго, а ел еще дольше. Солнце, светлый глаз Митры, успело уже на добрый локоть подняться над восточными холмами, когда он отодвинул опустевшие подносы и опрокинул чашу доньшком вверх. Голова у него перестала кружиться, руки и ноги обрели былую мощь, и теперь он, пожалуй, вынес бы присутствие двух-трех женщин в том случае, если каждой из них стукнуло по семьдесят или не исполнилось пятнадцати. Киммериец потянулся, вытер жирные пальцы о штаны и перевел взор на хана хиршей. Тот глядел на него будто отец на любимого сына.

— Кром! Нелегкая выдалась ночка!

— Нелегкая, сын мой, — согласился Бро Иутин. — Зато рассвет ты встретил за чашей вина, а не в ослиных шкурах. И ночью вкусил столько радостей, сколько не снилось самому владыке Турана, не говоря уж о жалких ублюдках и скопцах, что правят Заморой, Коринфией и Офиром.

— Щедрость твоя велика, — отвечал Конан, — но до сих пор я не ведаю ее причины. Сибарра, приятель мой, говорил, что женщин твоих охраняют пятьсот вои-

нов. И я вижу, он махнул рукой в сторону шумного стана, гудевшего, как пчелиный улей, — что их в самом деле пятьсот, никак не меньше. И все шустрые парни!

— Хо! Потому и шустрые, что треть либо четверть — мои сыновья да внуки, и в каждом намешано много всяких кровей. Теперь добавится и твоя... Я же сказал, что приплод от этакого жеребца будет добрым! Стоит ли жалеть для него десяток-другой кобылок?

— Но Сибарра толковал...

Прервав Конана, хан хиршей язвительно ухмыльнулся.

— И о Сибарре было мной сказано, что он безухий осел, глупец, что меряет всех по себе да ищет выгоду там, где можно найти лишь засохший навоз! Думал он посмеяться надо мной, но я посмеюсь над ним! — Тут Бро Иутин хитро прищурился и сказал: — От шакалов, что воют на холмах, прослышал я о каком-то споре? И о закладах? Один заклад серый туранский жеребец, обгоняющий стрелу, а другой — осел превосходной породы, с темным ремнем вдоль хребта?

— Тут твои шакалы не ошиблись, — сказал Конан, размышляя, к чему клонит повелитель хиршей. — Осла я теперь могу выбрать любого, самого длинноухого и зубастого. Сибарра говорил, чем больше зубы, тем выше цена.

— Хо! Велик Митра и видит все хитрости людские! Не слушай Сибарру, сын мой, слушай меня! Дам тебе один совет, как родич родичу... ибо в эту ночь мы породнились с тобой целых двадцать три раза. Станешь выбирать, не гляди на ослов гладких и зубастых, а ищи хромоногого, не из самых молодых, с потертым крупом и белой отметиной на лбу. Приведешь его ко мне, получишь столько серебра, сколько весит этот хромоногий. Клянусь Митрой! И взвешивать будешь сам, а я за спиной торчать не стану!

Конан наострил уши, прикидывая, что тут наберется побольше, чем на двести туранских золотых, про которые толковал Сибарра. Получалось, осел ослу рознь, и есть такие, что идут на вес серебра! Он хмыкнул, протер кулаками слипавшиеся после бессонной ночи глаза и спросил:

— Не дорого встанет тебе хромоногий? Он все ж таки осел, а не кхитайский дракон с золотыми чешуями и клыками из рубинов!

— Какой мне прок от дракона? — поморщился Бро Иутин. — Он моих ослиц не покроет! Хо! А если покроет, так принесут они ушастых ящериц, коих продашь в базарный день за медяк, и тем будешь доволен. А потомству хромоногого цены нет! Он меж ослов как ты меж людей... Лучший! И неистов, словно сам Нергал!

Последний довод убедил Конана. Вероятно, хан хиршей, с присущей зрелому возрасту мудростью, заботился и о людях своих, и об ослах, не упуская случая подбавить тем и другим свежей крови. И, как рачительный хозяин, Бро Иутин, залучив к себе одного жеребца, хотел приобрести и другого. Вполне понятное желание!

Киммериец поднялся, потом присел пару раз, разминая ноги, и взглянул на небосвод. Солнце уже стояло высоко.

— Пусть приведут моего коня! Поеду к Сибарре... потолкую с ним насчет ослов и наложниц... Из Стигии, Офира и прочих мест.

— Не торопись! — хан похлопал по ковру, приглашая Конана снова присесть. — Не торопись, сын мой, ибо дела наши еще не закончены, а всякое незаконченное дело противно Митре.

— У тебя есть еще наложницы? — спросил Конан, потирая поясницу.

— Не о женщинах речь, северянин, а о свидетельствах! Представь, явишься ты к Сибарре, длинноусому поганцу, и скажешь, что переспал со всеми коринфянками, стигийками и шемитками из моих шатров. Так он тебе и поверит, хо! Скажет, что ночевал ты в степи, под курганом, а зингарки да офирки тебе только снились!

— За доказательствами дело не станет, — Конан огладил рукоять своего длинного меча и усмехнулся.

— Не обнажай клинка там, где нужны лишь перо, печать и пергамент, — произнес Бро Иутин, вновь доказав свою мудрость. Затем он кликнул Санриза и велел привести писца-заморанца, взятого в плен в позапрошлом году. Когда сей ученый муж был доставлен вместе с пером и пергаментом, хан придвинул Конану непечатый бурдюк вина и принялся диктовать. Не успело солнце подняться

еще на ладонь, как бурдюк опустел, а пергамент заполнился словами, которые Бро Иутин, владыка хиршей, желал передать Сибарре Кламу, повелителю гизов. Были они не такими сладкими, как выпитое Конаном вино, однако и не кислыми, словно уксус; скорее, жгучими, как яд пустынной змеи.

Излив эту отраву на пергамент, Бро Иутин припечатал сказанное своим перстнем, вручил гостю свиток и, еще раз напомнив о хромоногом осле с белой отметиной, отпустил восвояси.

* * *

Бессонная ночь и тяжкие труды утомили Конана; он уснул в седле. Большой беды в том не было, так как серый Змей, туранский жеребец, хорошо знал дорогу в стан гизов, а до границ владений Иутина за гостем присматривали всадники в черных бурнусах. Но Конан их не замечал. Голова его опустилась на грудь, веки сомкнулись, уздечка выпала из рук; он спал и видел сны, и с каждым скачком Змея, с каждым истекшим мгновением они становились все приятней и приятней.

Но вначале привиделся ему кошмар — полукруг черно-красных полосатых шатров, которые он обходил один за другим, но не в человеческом обличье, а в образе хромоного осли с потертым крупом. И в каждом шатре ожидала его внимания не женщина, не красавица с томными очами, а ослица-трехлетка, бесстыдно раскинувшаяся на коврах копытами вверх, в позе, совсем не свойственной ослиам. Он шел от шатра к шатру, выполняя свой долг, а за ним, на собственном его жеребце, сером Змее, ехало двухголовое чудище, демон с лицами Бро Иутина и Сибарры Клама, погонявший его плетью. При этом одна голова вела счет да толковала про ослів цену в двести золотых, другая же грозила спустить с него шкуру, а после этого, снова завернув в нее, бросить на погребель в безводной степи.

Но постепенно сон изменялся; ослицы все больше походили на женщин, а сам Конан получил возможность выпрямиться, встать на ноги и продолжить свои занятия с большим удобством и достоинством. Чудище, маячив-

шее за его спиной, исчезло; смолкли свист плети и голоса, то считавшие шатры, то грозившие ему страшными карами, то бубнившие про бесценных ослов, коих положено продавать на вес серебра. Вдруг Конан заметил, что человеческий облик вернулся к нему, но это было еще не самым приятным, оставалось обойти всего лишь два шатра, стоявших в отдалении и как бы отделенных от всех прочих.

Он приблизился к этим палаткам и обнаружил, что в одной его ждет прелестная черноглазая Сиявуш, а в другой серебряная статуя хромоного осли. Того самого, с потертым крупом, в чьем обличье он осчастливил стольких ослиц! Конан задержался перед двумя шатрами будто бы в нерешительности, и тут сверху прогрохотал раскатистый глас, подобный рыку разгневанного Крома: «Выбирай!» И снова: «Выбирай! Выбирай!»

Он выбрал. И сон после этого стал еще приятней.

Змей, почуявший близость жилья, заржал, и Конан очнулся.

Солнце неторопливо склонялось к пыльным сухим травам, но было еще светло и до заката оставалось немалое время. Серый жеребец трусил вперед мерной иноходью, голова у Конана была ясной, и недавние сны, врезавшиеся в память, способствовали размышлениям и думам о грядущем. Чем Конан и занялся, то оглядывая пустынный унылый пейзаж, то поглядывая на маячивший уже неподалеку стан гизов.

Он не успел добраться до крайних шатров, как твердо уверился в двух вещах: во-первых, эта степь, ослы и их хозяева, к какому б роду-племени они не относились, надоели ему больше прокисшего вина и прогорклого пива. А во-вторых, он пришел к мнению, что лучше провести ночь с одной красавицей, чем с парой десятков, ибо любой плод надо распробовать как следует, а не куснуть наскоро и второпях. И тут мыслями его вновь завладела Сиявуш, черноокая шангарка, жена Сибарры Клама.

Хан гизов поджидал его на окраине лагеря, меж двух загонов, разграниченных просторными сараями; в одном перебирали копытами лошади, в другом мирно жевали сено полтора десятка ослов. Ослы все были как на под-

бор — крепкие, молодые, зубастые, с широкими черными полосами вдоль хребтин. Был Сибарра не в одиночестве; его сопровождали пять воинов с мечами да копыями и прелестная Сиявуш с подносом. На подносе Конан узрел кувшин с вином и пару чаш.

Он слез с коня и, сухо кивнув Сибарре, опрокинул кубок в пересохшую глотку.

— Ну? — сказал хан, тоже осушив чашу и расправляя усы. — Был ль скорым твой путь и приятной ночь, отважный лев?

— Всякий путь скор, когда имеешь такого коня, — ответствовал Конан, потрепав серого Змея по крупу. — Ночь же выдалась приятной, хоть и нелегкой.

— Что так? — спросил Сибарра, бросая на конанова жеребца жадные взгляды.

— Все дело в шакалах, — пояснил Конан. — Воют они с холмов то там, то тут, и воют вранье. Скажем, провыли они, что есть у Бро Иутина наложница, не то коринфянка, не то шемитка, ценой в тридцать ослов... А наложниц таких у старика видимо-невидимо! Как тут разберешь, про которую выли тебе шакалы?

— И ты... — начал Сибарра Клам, высоко поднимая брови.

Но Конан прервал его, сказав:

— И я познакомился со всеми. И с коринфянками, и с шемитками, и с аргосскими, и со стигийками и даже с девушками из страны Куш. Ну, потрудился же я, приятель! Зато ты не скажешь теперь, что я проиграл!

Он упер руки в бока, гордо выпятил грудь и бросил взгляд на прелестную Сиявуш. Она потупила глазки.

— Хмм... — с сомнением протянул хан гизов, омрачившись ликом. — И коринфянки, и шемитки, и аргосски, да еще наложницы из Куша... Это сколько ж будет? По одной красотке из каждой страны? Или...

— Или, — сказал Конан. — Двадцать три, если хочешь знать точный счет. Клянусь печению Крома!

Воины за спиной хана заржали, и был их смех недоверчивым и обидным. Даже ослы в загоне перестали жевать сено и с насмешкой уставились на киммерийца, или с завистью, если поглядеть с другой стороны. Конан,

однако, выглядел невозмутимым, только раз подмигнул Си явуш.

— Шакалы воют, ветер носит, — ухмыльнулся Сибарра Клам. — Ты, значит, гулял по шатрам стигиек да шемиток, а что же хирши?.. И что Бро Иутин, старая задница?..

— Бро Иутин, старая задница, шлет тебе послание, — в свою очередь ухмыльнулся Конан и вытащил из-за пазухи свиток. — Читать?

Хан оглядел печати, узнал их и кивнул. Конан откашлялся. В чтении он был не великий мастак, но один из шадизарских чародеев помог ему в свое время овладеть сим искусством, так что разобрать буквы и сложить из них слова киммерийцу все-таки удавалось. Он еще раз откашлялся, развернул пергамент и начал:

«От непобедимого и славного Бро Иутина, отца и владыки черных хиршей, длинноусому шакалу из рода гизов, моче бесноватого козла, коей побрезговал бы сам Нергал.

Привета тебе не посылаю, смрадный навоз, ибо дошло до меня, что ты, безухий осел, движимый завистью и собственным своим скудоумием, побился о заклад с неким припелем из северных земель...»

Воины за ханской спиной опять заржали, черноокая Сиявуш прыснула и уронила поднос, а Сибарра Клам побагровел и вцепился левой рукой в усы. Правой же он шустро выдернул свиток из пальцев Конана.

— Дай сюда! Такое я сам смогу прочитать!

Он долго водил носом над ровными строчками, изображенными искусным заморанским писцом, и то краснел, то бледнел, то кусал ус, то в гневе выплевывал его, то скреб живот под халатом, видать, от послания Бро Иутина там здорово чесалось. Наконец хан гизов швырнул свиток на землю, плюнул на него, растер сапогом и, не глядя на Конана, буркнул:

— Твоя взяла, приятель! Выбирай! — Он снова плюнул, на сей раз в сторону загона с ослами.

Конан оглядел их. Товар, слов нет, был хорош, зубаст и крепок, но хромоногоса осли с белой отметиной и потертым крупом киммериец в загоне не обнаружил. О чем тут же и сказал, грозно уставившись на Сибарру

Клама и напомнив о своем обещании завязать под коленями ханские усы.

Владыка гизов переменялся лицом. Теперь он не краснел и не бледнел, а выглядел так, будто не Конан-киммериец, компаньон по славным грабёжам, пожаловал к нему, а слуга грозного Нергала; и явился тот слуга не за хромоногим ослом, а за самой ханской душой. Вороватый взгляд Сибарры метнулся в сторону сарая, и Конан понял, что драгоценный осел спрятан там.

— Зачем тебе старая тварь с разбитыми копытами, сломанной ногой и облезлой шкурой? — сказал хан гизов. — Бери любого из молодых или двести монет золотом!

Конан покачал головой.

— Бро Иутин обещал мне за хромонокого вдвое больше серебра, чем он весит. Или втрое! Ему плевать, что копыта разбиты да шкура облезла... И ноги ему не важны, важно то, что меж ними болтается, приятель. В таких делах Бро Иутин понимает! Недаром у него жен и наложниц целый косяк, да и ослиц полно, лишь в ослах недостача! Но это, клянусь Кромом, дело поправимое!

Сибарра Клам сорвал с пальца огромный перстень с сияющим блестящим камнем, несокрушимым, как клыки Нергала. Сокровище это везли из Вендии заморанскому владыке, но попало оно не по назначению. Впрочем, на все воля Митры!

— Вот, бери! — Скривив рот, хан протянул Конану драгоценность. — Бери, и забудь о хромоногом!

Киммериец с презрением покосился на кольцо.

— Ха, побрякушка! Захочу, Бро Иутин даст мне десяток таких! Да еще прибавит что-нибудь... шемитку там или стигийку... Ему твой осел дороже денег и невольниц!

— Еще бы! — Сибарра злобно оскалился и пнул ногой свиток, валявшийся на земле. — Но перстень такой один в мире, клянусь духами предков! Бери его, не пожалеешь! А в придачу бери осла из молодых, ибо шемиток и стигиек у меня нет!

— Сказать по правде, — заметил Конан, — стигийки и шемитки нравятся мне меньше шангарок. Он поглядел на Сиявуш и со вздохом добавил: — Но вот шангарок у

Бро Иутина нет. Редкий, видать, товар! И стоит подороже тридцати ослов! Хотя бы и с потертыми крупами.

Сибарра Клам поглядел на кольцо, на прелестную Сиявуш, потом на сарай в конце загона и обреченно кивнул. Может, он и нарушил бы слово, хоть клялся духами предков и именем светлого Митры, но уж больно длинным был у киммерийца меч... Да и не только меч, судя по тому, что содержалось в свитке Бро Иутина.

И Сибарра Клам снова кивнул, на сей раз с облегчением.

* * *

Спустя некоторое время Конан ехал на своем сером в яблоках скакуне по безлюдной степи, направляясь к юго-востоку, к горам Ильбарс, к побережью моря Вилайет, к Шангаре, Аграпуру, Хоарезму и другим великим городам славного Турана. Солнце уже садилось, но киммериец рассчитывал проделать немалый путь до темноты, ибо Змей, отличавшийся завидной резвостью, мог скакать хоть всю ночь напролет. Однако ночью Конан странствовать не собирался; насчет сегодняшней ночи у него имелись совсем другие планы.

Итак, солнце, светлый глаз Митры, шло на покой, утомленное созерцанием людских грехов, а на степные курганы вылезли шакалы, пронырливые бестии. Вылезли и завывали по своему обычаю, передавая все, что удалось им подсмотреть утром, и днем, и сейчас, когда вечерняя заря расплескалась ярким багрянцем по синеющим небесам. Выли они о том, что мчится в широкой степи всадник на сером коне, и конь у него хорош, а сам всадник тоже неплох, с мечом длиной в четыре локтя и ростом в целых шесть. Еще выли они про девушку, что сидела позади всадника: мол, и на нее стоит поглядеть, ибо луноликая Истар одарила ее щедрыми дарами, кои радуют взор мужчин и достаются не всякой женщине. И еще выли шакалы про сверкающий радугой перстень на девичьей руке, про ослов и кочевников, про купцов и верблюдов, про караваны, что бредут степными дорогами, и про грабителей, что поджидают их, прячась за холмами. А напоследок провыли они, что воровское племя вскоре

пополнится, к несчастью мирных путников да богатых караванщиков; и возрастут среди хиршей, пришельцев из далекой Стигии, широкоплечие молодцы с синими глазами и разбойничьей киммерийской кровью в жилах. Покоя же от них и спасения не будет никому.

Впрочем, и на то воля Митры!

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Мак-Грегор ГОРОД ПЛЕНЕННЫХ ДУШ

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	103
Глава 9	108

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

<i>Р. Говард. Дочь исполина льдов</i>	117
<i>Р. Говард. Королева Черного Побережья</i>	128
<i>Р. Говард, Л. Спрэг де Камп, Л. Картер.</i>	
Страж проклятого монолита	155
<i>М. Мэнсон. Синие маки</i>	168
<i>Р. Говард. Черная тень</i>	186
<i>Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. Волчий рубез</i>	217

Р. Говард, Л. Спрэг де Камп СОКРОВИЩА ТРАНИКОСА

Глава 1. Охота	265
Глава 2. Корабль	275
Глава 3. Золото Траникоса	290
Глава 4. Черный человек	293
Глава 5. Шторм	307
Глава 6. Карта	314
Глава 7. Пещера и демон	327
Глава 8. Снова корабль	335

ШАДИЗАРСКИЕ НОЧИ

Предисловие издателя	345
<i>К. Уэйнрайт. Тигр у врат Шадизара</i>	346
<i>М. Мэнсон. Три петуха и милость Митры</i>	363
<i>К. Уэйнрайт. Магический Кситар</i>	399
<i>Д. Мак-Грегор. Пантера с изумрудными глазами</i>	421
<i>М. Мэнсон. Наложницы Бро Иутина</i>	442

Ричард Говард,
Л. Спрег де Камп,
Л. Картер,
Дункан Мак-Грегор,
Майкл Мэнсон,
Крис Уэйрайт

САГА О КОНАНЕ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

КОНАН и ГОРОД ПЛЕНЕННЫХ ДУШ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Андрей Арискин*
Технический редактор *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Натарева*

Издательство «Гроль»,
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Для писем:
192281, г. Санкт-Петербург, а/я 84.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.
Сдано в набор 29.06.96. Подписано в печать 3.07.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Тираж 36 000 экз. Заказ № 1895.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

1. КОНАН И ЧЕТЫРЕ-СТИХИИ
2. КОНАН И БОГИ ТЬМЫ
3. КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА
4. КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ
5. КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР
6. КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ
7. КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА
8. КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ
9. КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
10. КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ
11. КОНАН И ДАР МИТРЫ
12. КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ
13. КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ
14. КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО*
15. КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ
- 16. КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ**
- 17. КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА**
18. КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА
19. КОНАН И ГОРОД ПЛЕНЕННЫХ ДУШ
- 20. КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ**

*Данная нумерация томов отличается от опубликованной ранее (см. «Конан и Ночные Клинки»), поскольку объем романов, входящих в тетралогия «Скрижаль Изгоев» не позволил объединить их в два тома, как планировалось прежде.

КЛАЙВ ЛЕННАРД

КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ

Это - сага о двух героях: Конане, владыке Аквилонском, и молодом пикте, одаренном необычными талантами и странной судьбой, человеке, за коего спорят древние боги. Во время обряда инициации, совершаемого друидами, юный пикт подвергается страшной опасности; обряд прерван, но юноша так и не узнал своего полного имени, а значит, не превратился в мужчину. Он бежит на восток, в одну из аквилонских провинций, где могущественный король Конан воздвигает новый город и цитадель, способную сдерживать напор воинственных северных варваров. Там юноша встречается с посланцем, прибывшим с таинственных островов Западного океана, прародины пикского племени. Древние пикты, пережившие на своих островах Великую Катастрофу, что погубила некогда Атлантиду, сражаются с давними своими врагами - *фоморами*, племенем колдунов; и только сила Лишенного Имени может спасти его сородичей. Но для этого сила юноши должна пробудиться и окрепнуть - в чем должен помочь ему отважный аквилонский король.

Конан и юный пикт отправляются в далекое плавание на запад, в колдовскую страну фоморов, к их железному замку и Источнику Судеб, что струится внутри несокрушимых крепостных стен...

На русском языке публикуется впервые.

ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР
МИР РЕКИ

ЧУВСТВЕ В АБЫССЕ
В СЕРДЦЕ НЕУТОЧНО

БОГЫ МИРА РЕКИ
РЕКА ВЕЧНОСТИ

2 НОВЫХ
ТОМА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ ТОМАХ

„ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ„

УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ,
РЕЛИГИЙ И ОБЫЧАЕВ
МИРА КОНАНА-ВАРВАРА!

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ВСЕХ БОГОВ И ГЕРОЕВ

„САГИ О КОНАНЕ„

ПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ КИММЕРИЙЦА,
ПОДРОБНЫЕ КАРТЫ
ХАЙБОРИЙСКОГО МИРА
И МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА
РОБЕРТА ГОВАРДА

ВОЙДИ В МИР КОНАНА!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

объявляет конкурс
на лучший роман
в жанре

«ФЭНТЕЗИ»

И

«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»

С победителями будет заключен долгосрочный
контракт и выплачена премия:

ПЕРВОЕ МЕСТО —	2000 \$
ВТОРОЕ МЕСТО —	1000 \$
ТРЕТЬЕ МЕСТО —	500 \$

Минимальный объем рукописей 18 а.л.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Пришлите работы по адресу:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
или электронной почте:

sevzap @ infopro. spb. su

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

**Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии**

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте :

sevzap @ infopro. spb. su

KOTOR™

